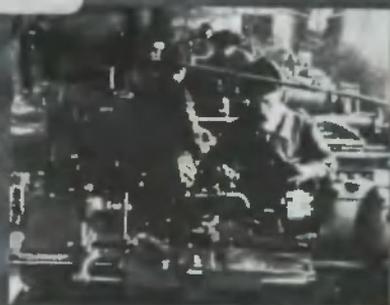

документальный фильм
ДОНАЛД ДАГЛАНД

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

СОВЕТСКИЕ РАБОЧИЕ И ПОЗДНИЙ СТАЛИНИЗМ

БЯРИСЬ ЗА ЧЕСТЬ
ФАБРИЧНОЙ МАРКИ!

РАБОЧИЙ КЛАСС
И ВОССТАНОВЛЕНИЕ
СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЫ
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

DONALD FITZGER

UNIVERSITY OF EAST LONDON

**SOVIET WORKERS
AND LATE STALINISM**

**LABOUR AND THE RESTORATION
OF THE STALINISM
SYSTEM AFTER WORLD WAR II**

**CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS
2009**

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ДОНАЛЬД ФИЛЬЦЕР

СОВЕТСКИЕ РАБОЧИЕ И ПОЗДНИЙ СТАЛИНИЗМ

РАБОЧИЙ КЛАСС
И ВОССТАНОВЛЕНИЕ
СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЫ
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Москва
2011

УДК 94(47+57)+(331)

ББК 63.3(2)6-28

Ф51

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jorg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Helene Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Фильцер Д.

Ф51 Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 359 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1593-6

Книга Д. Фильцера представляет собой первое исследование трудовых отношений в критический для Советского Союза период послевоенного восстановления и в последние годы правления Сталина. На основе ранее не доступных архивных источников автор описывает трагические лишения, с которыми столкнулись советские рабочие и члены их семей сразу после окончания войны, состояние жилищно-коммунального хозяйства и здравоохранения в те годы, особые проблемы, возникавшие у молодых работников, условия труда в промышленности и чудовищное давление, оказывавшееся правящим режимом не только на население, но также и на преданность и сплоченность ключевых институтов внутри самой сталинской политической системы. Прежде всего — на профсоюзы и руководителей предприятий. Захватывающе и умно написанная, книга представляет несомненный интерес для ученых, занимающихся историей Советского Союза и социализма в целом.

УДК 94(47+57)+(331)

ББК 63.3(2)6-28

ISBN 978-5-8243-1593-6

© Cambridge University Press, 2009

© Раскин А. Л., перевод на русский язык, 2011

© Российская политическая энциклопедия, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Идея написания любого произведения имеет собственную историю. В частности, настоящая книга обязана своим появлением одному фундаментальному заблуждению ее автора. Когда я начинал преподавать советскую историю, то в течение нескольких лет почему-то был уверен, что участие СССР во Второй мировой войне следует изучать преимущественно с военной точки зрения, а политический и социальный аспекты истории этого периода не представляют особого интереса. Поэтому, читая студентам курс Советской истории, я старался закончить этот раздел как можно быстрее. Безусловно, из общепринятых учебников истории мне было известно, что война повлекла за собой некоторые перемены в государственной политике, например, молчаливое одобрение властями частной торговли в сельском хозяйстве или восстановление дружественных отношений с Русской православной церковью. Тем не менее я старался, чтобы крупницы столь необычной информации не подрывали моих базовых представлений, хотя в глубине души сознавал, что в подобной интерпретации [этого периода советской истории] было нечто ошибочное. Когда я прочитал автобиографическую книгу К. С. Кароля (K. S. Karol) Solik, мне запомнились поразительные описания того, как солдаты, потерявшие свои части (которые, возможно, были разбиты и рассеяны в боях), довольно свободно бродили по стране в поисках нового подразделения, к которому можно было присоединиться. Фильмы о войне, снятые во времена правления Хрущева и Брежнева, рисовали похожие картины: в них государство, причем сталинское полицейское государство, поразительно слабо контролировало население страны в годы страшной национальной катастрофы. Наконец, пелена окончательно спала с моих глаз после прочтения книги Джона Барбера и Марка Харрисона (Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front*). Она посвящена социальной истории СССР во время войны. Авторы

указывают: правящий режим наряду с усилением централизации при принятии решений в некоторых ключевых областях — речь идет в основном о военном и экономическом планировании и укреплении трудовой дисциплины на предприятиях — одновременно проводил радикальную децентрализацию, что наиболее отчетливо сказалось в предоставлении значительной независимости местным партийным и государственным органам, которые нуждались в подобной свободе действий и большей гибкости для успешного ведения войны.

Вместе с тем процесс интеллектуального преобразования системы породил новую дилемму. На протяжении 1930-х гг. сталинский режим и верхушка советской элиты были вовлечены в кровавое противостояние как с большей частью общества в целом, так и с внутренними кадрами с целью установить стабильную и воспроизводящуюся общественно-экономическую систему, из которой они могли извлекать привилегии. Для увековечивания этой системы и усиления своего доминирующего положения пришлось создать мощное полицейское государство. Под влиянием нацистского вторжения режим был вынужден ослабить многие рычаги, с помощью которых ранее контролировал страну. Но поскольку послабление было делом случая, после окончания войны вновь неизбежно встал вопрос, как загнать джинна обратно в бутылку, или, иными словами, как восстановить систему силового давления, с такими усилиями воздвигавшуюся до 1941 г. Мне показалось, что меня посетила грандиозная идея, но вскоре обнаружилось, что она принадлежит вовсе не мне. Когда я обсуждал ее с бывшим коллегой Робертом Сервисом, он указал мне на интервью советского историка Геннадия Бордюгова, который во времена перестройки уже выдвинул подобную идею, а также напомнил о серии статей еще одного российского историка — Елены Зубковой. Ее работы стали для меня настоящим откровением, поскольку пока я только подступался к этой теме, она уже выявила сходную проблематику и занялась поиском ответов на возникшие вопросы. Именно ее статьи и монография «Общество и перестройка» стали основой изучения трудовых отношений в [советской] промышленности в послевоенный период, ставших предметом настоящей книги. Примененные мною подходы во многом вытекают из тех, что Е. Зубкова использовала в своих ранних работах, и развивают их.

Успешным завершением своего исследования и написанием этой, смею надеяться, удачной монографии я обязан многим частным лицам и целым институтам. Если начать с коллективов, то прежде всего я должен выразить свою признательность сотрудникам многих российских архивов, список которых приведен в библиографии. Архи-

вы в России испытывают невероятные финансовые трудности, но повсюду, где мне довелось работать, я сталкивался с высоким профессионализмом и теплым человеческим отношением, получал невероятное количество бесценных советов, дававшихся, как правило, в юмористической форме.

Сердечную благодарность выражаю департаменту социологии и антропологии Университета Восточного Лондона. Исследовательский комитет департамента финансировал все мои поездки в архивы и участие в ряде международных конференций, на которых я мог представить в виде докладов предварительные варианты большинства глав этой книги. Хочу отметить, что наш исследовательский комитет может служить образцом того, как управлять исследовательским бюджетом. За очень небольшие деньги перегруженные работой сотрудники департамента имеют возможность проводить собственные исследования и публиковать их результаты. Когда я утверждаю, что другие британские университеты могут с успехом применить нашу систему, то выступаю не только от своего имени, но и от лица всех сотрудников моего департамента. Я также благодарен коллегам, которые никогда не выражали недовольствия, если я немедленно покидал их после окончания сессии, чтобы избежать скучных послезаочных совещаний по окончании учебного года. (Впрочем, я всегда успевал выставить студентам все положенные отметки). Когда мои исследования были близки к завершению, департамент любезно предоставил мне творческий отпуск на 2000–2001 учебный год. Это наряду с полученным от Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук грантом позволило мне завершить работу и написать данную книгу.

Еще одну, третью по счету, коллективную благодарность адресую Совету по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук и Британской Академии за их финансовую поддержку. Как я уже упоминал, Совет оплатил первую половину моего творческого отпуска, во время которого я выполнил финальный этап исследования, за которым последовала рукопись. Британская Академия выделила грант для участия в международных конференциях, который дал мне возможность провести презентацию проекта заключительной части книги на конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям, состоявшейся в ноябре 2000 г.

Наконец, отдельную благодарность я выражаю гражданам бывшего СССР, проживающим в Балтиморе и Самаре, не отказавшим мне в интервью и рассказавшим о своей жизни в Советском Союзе после войны. Немногочисленность цитат из их историй и ссылок на беседы

с ними, содержащихся в книге, может создать ложное впечатление, будто их мнение было для меня второстепенным. Но это не более чем заблуждение. Их рассказы сыграли заметную роль в формировании моего понимания того периода советской истории. По крайней мере они указали на подводные камни, скрывающиеся в документально подтвержденных историях. Тончайшие нюансы, всплывавшие в ходе бесед с этими людьми, сыграли решающую роль в понимании более широкого контекста обсуждаемого предмета и заставляли меня переосмыслить ошибочные или излишне предвзятые интерпретации.

Что касается множества людей, помогавших мне в создании книги, то невозможно выделить среди них кого-либо, чей вклад можно назвать более значительным, чем труды остальных. Все они, каждый по-своему, важны для меня, и я решил просто привести список моих помощников, расположенный в алфавитном порядке (согласно английскому алфавиту. — *Прим. ред.*).

Крис Бартон вычитал раздел третьей главы, посвященный общественному здравоохранению, и предложил немало поправок и комментариев. Но важнее всего то, что он указал на дополнительные архивные источники, без привлечения которых мне не удалось бы создать добротный материал, достойный включения в окончательный текст монографии.

Тим Батлер помимо той роли, которую играл, будучи председателем исследовательского комитета нашего департамента, все эти годы оказывал мне огромную моральную поддержку. Особенно это было важно в самый сложный момент моей жизни в начале 1990-х гг., когда казалось, что я больше не сумею провести ни одного серьезного исследования. Во многом благодаря Тиму я начал данный проект.

С Бобом Дэвисом я встречался всего несколько раз за ланчем, когда работал в московских архивах. Мы обсуждали мою работу, и он, как всегда, помог мне глубже вникнуть в суть изучаемых материалов.

Сара Дэвис пригласила меня выступить с докладом на состоявшейся в 1999 г. конференции Британской ассоциации славистов и исследователей стран Восточной Европы (British Association of Slavonic and East European Studies). Этот доклад стал черновым вариантом четвертой главы данной книги. Наши беседы с Сарой о ее собственных исследованиях эпохи послевоенного сталинизма сыграли немалую роль в том, что я стал глубже понимать этот период советской истории.

Шейла Фицпатрик участвовала в обсуждении моего доклада и задала немало вопросов, ответы на которые необходимо было найти до

того, как представить текст к публикации. Как оказалось впоследствии, именно в поиске ответов на заданные ею вопросы я обнаружил материалы, послужившие основой пятой главы книги.

С Джулианой Фёрст мы обсудили ее диссертацию «Комсомол после войны», и это помогло мне шире взглянуть на собранные мною материалы о положении молодых рабочих. Она также любезно согласилась прервать собственные исследования, чтобы найти, прочитать и скопировать для меня ключевые документы в архиве ВЛКСМ, когда я не смог приехать в Москву, чтобы сделать это лично.

Ина Гиллер, бывшая сотрудница Еврейского общественного центра в Балтиморе, подготовила для меня обширную программу интервью [с эмигрантами из СССР], которую я осуществил в январе 1997 г.

Елена Гордеева расшифровала все магнитофонные записи взятых мною интервью и дала немало ценных советов о том, как правильно интерпретировать рассказы моих собеседников.

Йорам Горлицкий в 1999 г. пригласил меня выступить с докладом на конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям, и этот доклад стал основой для окончательного варианта заключительного раздела книги.

Барбара Харрисон, глава департамента социологии и антропологии Университета Восточного Лондона, оказала мне немалую моральную поддержку и административное содействие в процессе проведения исследования. Она же предоставила мне уже упоминавшийся творческий отпуск в 2000–2001 учебном году.

Марк Харрисон любезно прочитал черновой вариант книги и сделал немало ценных, серьезных замечаний и комментариев к тексту. Он также дал совет, как правильно расценивать экономические данные.

Жюли Хесслер потратила немало часов на чтение глав, посвященных уровню жизни [в СССР], подсказала необходимые исправления и дополнительные источники данных. Она также вела всю корреспонденцию и участвовала в дебатах, сыгравших значительную роль в разъяснении моих идей и более четком представлении материалов.

Сильвия Хадсон оформляла документы, связанные с поездками в Россию, и держала меня (порой даже против моей воли) в курсе мировых событий во время моего пребывания в Москве. Вместе с Дайаной Болл, Сьюзан Фицджералд и Айрис Стивенс они подтвердили то, что я считаю общим законом для Британской высшей школы: душой любого успешного образовательного учреждения являются его административные работники.

Наташа Курашова в течение нескольких лет обсуждала со мной каждый отдельно взятый аспект моего исследования и правильные интерпретации собранных материалов, не говоря уже о ее помощи в решении бесчисленных сложных лингвистических проблем, поддержке и поощрении моих изысканий.

Вера Курашова помогла мне отыскать крайне необходимые библиографические ссылки, которые я не мог найти в Соединенном Королевстве.

Хироаки Куромия прочитал рукопись и сделал множество серьезных и важных замечаний. Его неутомимая поддержка данного проекта вызывает самые теплые чувства.

Кевин Мерфи после ознакомления с рукописью также предложил несколько очень существенных исправлений и указал те архивные документы, которые были необходимы для их внесения. Кроме того, он поделился со мной информацией о своих открытиях, сделанных в местных архивах и относящихся к данному периоду [русской истории].

Стефан Плаггенборг предложил написать главу, посвященную советской экономике и общественной жизни в послевоенный период, для издаваемого под его редакцией тома справочника *Handbuch der Geschichte Rußlands*. Эта работа позволила мне систематизировать свои представления и выработать окончательный план данной книги.

Павел Романов организовал программу интервьюирования жителей Самары летом 1998 г.

Боб Сервис уже не в первый раз на протяжении моей научной карьеры помог мне четко сформулировать задачи исследования на начальном этапе работы и указал ключевые источники, опираясь на которые я мог приступить к делу.

Питер Соломон помог представить результаты моих исследований на конференции Проекта исследований и архивных изысканий, посвященных сталинской эпохе, проводимого университетом г. Торонто. Он также пригласил меня участвовать летом 2000 г. в организованной им секции VI Всемирного конгресса, посвященного исследованиям стран Центральной и Восточной Европы, проходившего в г. Тампере (Финляндия). Мой тогдашний доклад оказался почти готовым вариантом пятой главы книги, которая стала значительно лучше благодаря его замечаниям. Питер посоветовал мне источники, полезные для проведения изысканий, связанных с деятельностью прокуратуры, и предоставил фотокопии материалов, обнаруженных им в архивах прокуратуры СССР и Министерства юстиции.

Изабель Тайредо помогла попасть в архив ВЛКСМ и потратила немало времени, обсуждая со мной, что там можно найти полезного.

Стив Уиткрофт подсказал, как правильно интерпретировать данные о семейном бюджете и к каким архивным документам следует обратиться, чтобы завершить данный раздел моей рукописи.

Елена Зубкова оказала неоценимую помощь на ранних этапах работы. Она указала, какие источники информации мне потребуются, помогла точнее сформулировать задачи исследования, сообщила о важных вторичных источниках, имеющихся в России, и рассказала немало полезного о тех или иных моих архивных находках.

Наконец, некоторые материалы, включенные в главы 2 и 3, впервые появились в статье «Уровень жизни рабочих советской промышленности в первые годы после окончания войны (1945–1948 гг.)», опубликованной в журнале *Europe-Asia Studies* (vol. 51. 1999. № 6. P. 1013–1038), и использованы с разрешения редакции.

Если кто-то из моих добровольных помощников не обнаружит себя в приведенном выше списке, я буду этим искренне огорчен. Коллеги продемонстрировали невероятное великодушие, читая и комментируя мои доклады на конференциях и черновые варианты глав книги, участвуя в длительной и отнимающей много времени переписке, соглашаясь на встречи, во время которых я имел возможность обращаться к ним за советом и помощью, делясь со мной информацией о том, какими документами следует воспользоваться и в какие архивы за ними обратиться, уступая мне копии документов, которые они отыскивали самостоятельно. Проявленный ими дух сотрудничества может служить образцом для любых академических исследований. Я надеюсь, что смогу хотя бы в малой степени отблагодарить их за поддержку. Вместе с тем, невзирая на большой вклад, который они внесли в нашу совместную работу, никто из них не несет ответственность и не должен испытывать стыд за ошибки и недостатки, наверняка присутствующие в книге. Все эти ошибки — только мои.

Термины и аббревиатуры

В ссылках использованы стандартные для российских архивов обозначения. Каждая ссылка содержит пять элементов.

1. Аббревиатура наименования архива. Полная расшифровка этих аббревиатур содержится в библиографическом указателе в конце книги.

2. Ф. — фонд. В общем случае обозначение фонда соответствует определенному учреждению или его основному подразделению, на-

пример прокуратуре СССР, промышленному министерству или отраслевому профсоюзу.

3. Оп. — опись. Опись обычно соответствует определенному подразделу фонда. Иногда она соответствует определенному подразделению внутри организации, но зачастую описи подразделяют фонды в хронологической последовательности.

4. Д. — дело или файл. Это номер папки, содержащей данный документ.

5. Л. — лист. В российских архивах принято нумеровать листы, содержащиеся в папке, а не страницы, поскольку в папках могут находиться разные документы, причем некоторые из них имеют собственную нумерацию страниц, установленную в момент их составления.

Таким образом, типовая ссылка может иметь следующий вид:

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 476. Л. 259–260.

Это означает, что рассматриваемый документ находится в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде 8131 (Прокуратура СССР), опись 29, дело 476, листы 259–260.

ВВЕДЕНИЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

В начале мая 1990 г., как раз накануне 9 мая — традиционного празднования Дня победы, когда торжественно отмечалась 45-я годовщина окончания Второй мировой войны в Европе, газета «Комсомольская правда» под заголовком «Украденная победа» напечатала пространное интервью с советским историком Геннадием Бордюговым¹. В нем Бордюгов выдвинул идею, согласно которой в отличие от общепринятых представлений о нерушимом единстве советских правительства и народа в момент противостояния нацистской агрессии на самом деле между ними имелись серьезные противоречия. Основываясь на недавно открытых документах, подтверждающих наличие существенного народного недовольства во время и сразу после окончания войны, он доказывал, что народ и сталинский режим преследовали во время войны разные цели. Люди стремились освободить свою страну и верили, что, добившись этой цели, смогут построить по крайней мере более демократическое, если не абсолютно свободное, общество. С одной стороны, эти ожидания явились всеобщей реакцией на очевидную некомпетентность правительства страны, проявившуюся в начальный период войны, а также были обусловлены неприкрытой коррумпированностью местных властей в течение всей военной кампании. С другой стороны, они вытекали из разнообразных проявлений смягчения внутренней политики режима, на которое Сталин пошел ради укрепления национального единства. И люди верили, что такая тенденция сохранится и продолжится после окончания войны. Между тем Сталин и его сподвижники преследовали совсем иные цели. Главное для них заключалось в сохранении созданной системы власти. Если внимательнее рассмотреть все послабления, введенные Сталиным во время войны: ослабление государственного контроля за колхозами, сближение с Русской православной церковью, зачатки интеллектуальной свободы, разрешен-

¹Беседа Г. Бордюгова с Александром Афанасьевым (Комсомольская правда. 1990. 5 мая).

ной интеллигенции, замену революционной риторики обращением к чувству национальной гордости и неприкрытого национализма, — то становится очевидным — все это не было направлено на реформирование системы, а представляло собой лишь тактический маневр ради победы в войне. По мнению Бордюгова, после победы на повестке дня у народа и правящего режима стояли совершенно разные задачи, причем сталинские интересы преобладали.

Подобная интерпретация противоречит привычным представлениям, разделяемым как в бывшем СССР, так и на Западе, будто победа, одержанная Советским Союзом, принесла Сталину и его режиму массовую и безусловную народную поддержку. Эта точка зрения существует параллельно с иным, на первый взгляд полностью ей противоречащим, мнением, согласно которому послевоенный период явился высшей точкой развития сталинской репрессивной системы, которую в среде западных историков принято обозначать термином «развитый сталинизм». До недавнего времени большинство исследований, посвященных этому периоду, было сосредоточено вокруг проблем высокой политики и новых волн репрессий, которым Сталин и его приближенные подвергли различные группы населения и даже отдельных членов правящей элиты. Нам известно, например, что национальные меньшинства являлись объектом постоянных преследований во время и после окончания войны. Они составили значительную долю тех, кто был отправлен во внутреннюю ссылку в качестве так называемых спецпереселенцев. Мы знаем также, что многие советские солдаты, попавшие в плен во время войны, и гражданские лица, угнанные нацистами в Германию в качестве рабов, были после репатриации отправлены в исправительно-трудовые лагеря². В 1948 г. Андрей Жданов, член правящей верхушки, отвечавший за идеологию, дал старт злобной травле любых проявлений независимого мышления в среде интеллигенции, которая до сих пор носит ставшее нарицательным название «ждановщины». Его нападки на все, исходящее с Запада, и на всех, кто проявлял симпатию к западным идеям и культурным тенденциям, были тесно связаны с откровенно антисемитской кампанией под лозунгом «борьбы с космополитизмом», начавшейся с преследования и уничтожения лидеров Советского еврейского антифашистского комитета. Если же иначе мыслящие не являлись евреями или их не удалось обвинить в преклонении перед Западом, им всегда можно было приклеить ярлык «титовистов», играя тем самым на уязвленном самолюбии Сталина. Он тяжело переживал заявление руководителя Югославской компартии

² Davies R. Soviet History in the Yeltsin Era. Basingstoke, 1997. P. 167.

И. Б. Тито о своей независимости от Москвы. После смерти Жданова в конце 1948 г. поднялась волна интриг внутри руководства страны. Георгий Маленков, всегда слывший соперником Жданова, ради укрепления своего влияния внутри Секретариата партии и в Совете Министров начал преследовать и уничтожать бывших союзников Жданова, обвинив некоторых из них именно в симпатиях к Тито. И даже после того как, казалось бы, кровопускание [во властной верхушке] подходило к концу, за несколько месяцев до смерти Сталина, возникло небезызвестное «дело врачей», когда группу кремлевских докторов преимущественно еврейской национальности арестовали и обвинили в подготовке к убийству вождя и других руководителей страны. Все это вместе взятое добавляет новые мрачные штрихи к общей картине того поистине жестокого времени³.

Возникает законный вопрос: если имело место полное взаимопонимание между населением и режимом, то зачем власти потребовалось развязывать столь интенсивный террор? Ответ, предложенный Бордюговым, разрешает данное противоречие единственно возможным образом, заставляя усомниться в справедливости предположения о полном взаимопонимании между народом и властью. На самом деле это взаимопонимание либо отсутствовало вовсе, либо было настолько слабым, что не гарантировало сохранение за Сталиным и его окружением политического приоритета. В соответствии с подобной интерпретацией руководство страны нуждалось в возобновлении террора, чтобы восстановить политическое доминирование и власть над обществом. Фактически Бордюгов не был первым, кто выдвигал подобное предположение. Еще в 1970-е Вера Данхэм (не историк, а литературовед по профессии) провела глубокие и смелые исследования общественных отношений в позднесталинский период, основываясь на свидетельствах, содержащихся в советской художественной литературе⁴. Впоследствии эта книга стала классикой социально-ли-

³О политике и политиках того времени см. работы: Carrère d'Encausse H. *Stalin: Order Through Terror*. London, 1981; Conquest R. *Power and Policy in the USSR: The Struggle for Stalin's Succession, 1945–1960*. New York, 1967; Dunmore T. *The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–1953*. London, 1980; Gorlizki Y. *Party Revivalism and the Death of Stalin* // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 1 (Spring). P. 1–22 и *Stalin's Cabinet: The Politburo and Decision Making in the Post-War Years* // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 2. P. 291–313; Hahn W.G.; Костирченко Г. В.; McCagg W.O.; Rapoport Y.

⁴Dunham V. *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976.

тературоведческого анализа, но поначалу, вероятно, привлекла к себе внимание историков в основном разделом «Введение», в котором автор сформулировала базовое понимание сути конфликта между народом и властью, возникшего сразу после окончания Второй мировой войны. По ее мнению, причины конфронтации совсем не сложно проследить, и они не кроются в реакциях сталинского режима. Она доказывает, что война развязала руки «радикальным элементам» в обществе, чьи устремления и поведение породили растущий страх раскола внутри режима, ответившего на них ростом населения Гулага. Главный аргумент Данхэм заключался в том, что одной силы было недостаточно для восстановления непререкаемого авторитета режима. Он нуждался в создании социальной базы в виде так называемого нового среднего класса, подобно тому, как это было сделано во времена индустриализации 1930-х гг., когда сотни тысяч молодых рабочих и крестьян выдвигались в ряды руководителей предприятий и технической интеллигенции. В послевоенный период режиму надлежало решить такую же задачу с помощью «большой сделки» (термин Данхэм), заключающейся в создании для представителей этого общественного слоя посреди всеобщей нищеты условий жизни, сопоставимых с западными стандартами в обмен на их лояльность⁵.

Учитывая, что В. Данхэм выстроила свою аргументацию, не имея доступа к каким-либо историческим документам, исключительно на основе личных наблюдений и тщательного анализа советской художественной литературы, следует признать исключительную точность выводов, к которым она пришла. Возможно, она переоценила уровень общественного недовольства, общности требований и устремлений различных слоев населения и даже масштабы репрессий, но, на мой взгляд, Вера абсолютно права в общей характеристике периода⁶.

⁵Dunham V. In *Stalin's Time...* P. 12–13.

⁶Тезис, сформулированный Данхэм, недавно подхватил и обосновал с совершенно иной точки зрения Эрик Даскин (J. E. Duskin) в книге *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953* (Basingstoke, 2001). Даскин утверждает, что руководство страны сознательно культивировало выделение технической интеллигенции в привилегированную социальную группу, отказавшись от того, что он называет «волюнтаризмом» и «классовым подходом» в продвижении людей, господствовавших в предвоенные годы, в пользу повышенного внимания к их профессионализму и уровню научно-технической подготовки. Таким образом, интеллигенция ощутила усиление своего влияния в обществе не только в виде роста уровня потребления, но также в признании ее профессионального статуса и повышении роли в управлении предприятиями. Эта книга заслуживает внимания еще и по другой

Позднее российский историк Елена Зубкова воспользовалась ограниченным доступом в архивы, приоткрывшимся в годы перестройки, чтобы с историографической строгостью и детализацией подтвердить и обосновать выдвинутую Бордюговым идею «украденной победы». Вскоре после появления его интервью Зубкова начала печатать серию сенсационных статей на ту же тему — сначала в журнале «Большевик», который после распада СССР стал выходить под названием «Свободная мысль»⁷. Следуя курсом, намеченным Бордюговым, она поставила вопрос о том, почему имевшееся напряжение в обществе и неудовлетворенность людей, отмеченные Данхэм, не повлекли за собой согласованного стремления к реформам. Ответ может показаться очевидным, если принять во внимание всю мощь сталинского репрессивного аппарата, но на самом деле одним этим все причины последующих событий не исчерпываются. По мнению Зубковой, главными потенциальными застрельщиками перемен были возвращавшиеся домой фронтовики, то есть люди, прошедшие фронт. Чувство солидарности, которое они испытывали в окопах, укрепившаяся в них привычка к принятию самостоятельных решений и к относительной свободе в частных разговорах, разрушение типичных иллюзий, испытанное ими, когда они шли маршем через Центральную Европу, ощущение уверенности в себе, свойственное победителям, — все это затрудняло реинтеграцию фронтовиков в советское общество. Более того, они продолжали общаться друг с другом в коммунальных квартирах, общежитиях и грязных пивных-забегаловках, получивших в народе ироничное прозвище «Голубой Дунай» (автор, по-видимому,

причине: опубликованная в 1999 г., она опирается на результаты исследований, выполненных автором в тот период, когда доступ к архивам был сильно ограничен. Даскин работал в некоторых архивах, но большую часть своих аргументов он почерпнул из ранее опубликованных источников. В те времена, когда использование архивных материалов чересчур фетишизировалось, приятно было осознать, что все-таки возможно проникнуть в суть социальных процессов, происходивших в СССР, внимательно читая и складывая в общую картину крупницы информации, просочившиеся в печать вопреки цензуре. Возможно, интенсивное использование архивных материалов позволило бы Даскину написать более объемную и интересную книгу, но вряд ли это привело бы его к иным аналитическим результатам. Его выводы могут оказаться не совсем верными, а я не считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе, но, безусловно, причина ошибки не в выборе источников, на которые он опирался.

⁷Список работ Е. Зубковой по данной теме приведен в библиографическом указателе.

позаимствовал это название забегаловок из известного стихотворения Я. Смелякова «Голубой Дунай». — *Прим. пер.*). В то же время механизмы, с помощью которых сталинский режим контролировал общество, за время войны стали менее надежными. В ходе выборов в Верховный Совет СССР в 1946 г. советские люди открыто выражали свое инакомыслие, утверждая, что эти выборы — пустая трата времени и денег, поскольку коммунистическая партия все равно повсюду протащит своих кандидатов. Зубкова цитирует подобные высказывания, звучавшие на предвыборных митингах, проходивших на предприятиях. Целая армия пропагандистов и политических агитаторов также не была полностью готова разъяснять позицию руководства страны, поскольку их собственная политическая грамотность находилась на рудиментарном уровне, и они плохо представляли себе, какой именно курс будет избран⁸.

По мнению Е. Зубковой, перемены не произошли вовсе не потому, что режим немедленно обрушил волну арестов и репрессий на широкие массы. Полностью противореча аргументам Данхэм, которая особенно подчеркивала привилегии, предоставленные среднему классу, Зубкова делает акцент на невероятной усталости и нищете народа. Главная надежда рядового человека заключалась в том, что все трудности и лишения военного времени наконец-то остались позади, что теперь его оставят в покое и дадут возможность обустроить свою судьбу. Неурожай 1946 г. похоронил эти мечты и привел к дальнейшему падению уровня жизни. Следствием этого стала глубокая депрессия

⁸См.: Зубкова Е. *Общественная атмосфера после войны (1945–1946)* // Свободная мысль. 1992. № 6 (Апрель). С. 4–14 и *Общественная атмосфера после войны (1948–1950)* // Свободная мысль. № 9 (Июнь). С. 83; Амир Вейнер в своем недавнем исследовании *Making Sense of War* из аналогичных наблюдений за фронтовиками делает совершенно иные выводы. Его книга посвящена анализу послевоенной реконструкции советских политических институтов на примере Винницкой обл. (Украина), и Вейнер доказывает, что жизненный опыт, почерпнутый солдатами, возвратившимися с фронта, и членами их семей еще крепче привязал их к советской системе. Этот факт во многом объясняет слабость проявления украинского национализма в этой конкретной области. По иронии судьбы идее национализма были больше привержены партизаны, вызывавшие недоверие своей независимостью и тем, что во время войны были объектами антисоветской пропаганды. Впрочем, эти выводы не обязательно справедливы для других территорий этой части Украины. См., в частности, часть I книги Вейнера, послесловие к ней и с. 305, 312, 326–328. Аргументация автора очень изящна, но встает вопрос, насколько она применима к иным регионам СССР.

населения, давшая режиму лишнюю передышку. И только позднее, в основном начиная с 1948 г., режим обрел достаточно уверенности, чтобы начать процесс закручивания гаек и прибегнуть к неприкрытым репрессиям, о которых кратко упомянуто выше⁹. По мнению Зубковой, смысл этих репрессий состоял в следующем: в условиях отмеченной ею усталости населения и свертывания его политической энергии единственной социальной группой, от которой могло исходить требование реформ, оставалась интеллигенция, и именно поэтому ее представители стали основными жертвами новых репрессий. Вместе с тем интеллигенцию нельзя считать единственной или даже главной их мишенью. Но, усилив нападки на нее и заново подтверждая статус партийных руководителей как единственных вершителей судеб, определяющих, о чем следует думать, режим демонстрировал не только интеллектуалам, но обществу в целом тщетность любого инакомыслия или сопротивления. «Можно подумать, что всеми без исключения правил один только страх. Страх, безусловно, имел место, но, по моему мнению, еще более сильным или, в любом случае, более весомым было осознание того факта, что любая борьба безнадежна», — пишет Е. Зубкова¹⁰. Она полагает: именно это неуклонно вело «развитой сталинизм» к гибели. Режим мог одержать политическую победу, но фундаментальный социально-экономический кризис, с которым столкнулась страна, и не думал никуда исчезать. Более того, он продолжал зреть. Политическая энергия населения, которая могла послужить основой для его разрешения, была размыта и находилась в состоянии апатии. Поэтому единственная возможность для перемен оставалась внутри самого руководства страны, но при жизни Сталина реформы были немыслимы¹¹.

Прошло более двадцати лет с момента выхода в свет книги В. Данхэм *In Stalin's Time* и более десяти лет — со времени публикации первой статьи Е. Зубковой в журнале «Большевик». С тех пор значительно вырос интерес молодых западных и российских историков к периоду послевоенного восстановления СССР, но до сих пор их исследования остаются на уровне диссертаций и только начинают публиковаться. Однако уже стало известно, что, как и в 1930-е гг., общество не оставалось пассивным, а институты, посредством которых руководство страны надеялось проводить свою политику, вовсе

⁹ Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1945–1946). С. 4–14.

¹⁰ Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1948–1950). С. 86.

¹¹ Там же. С. 88.

не были монолитными. Большая часть данной книги посвящена подтверждению справедливости обоих утверждений.

Двигаясь разными путями, Данхэм и Зубкова доказали, что после окончания войны сталинский режим столкнулся с политическим кризисом. Последний никогда не достигал того уровня, который бы угрожал утратой власти, но, пока кризис существовал, элита не могла эффективно контролировать общество. Таким образом, режим столкнулся с необходимостью не просто восстановить контроль над обществом, но провести это восстановление посредством политических институтов и иерархии власти, с помощью которых он правил до начала войны. В данной книге показано, что параллельно с политическим кризисом режим столкнулся с развалом в экономике и его усилия по разрешению этой двойной задачи неизбежно были связаны между собой.

Процесс индустриализации страны в 1930-е гг. можно рассматривать как период «примитивного накопления» по сталинскому образцу. Принудительно снижая уровень потребления, отрывая миллионы крестьян от земли и перемещая их в промышленность или превращая в рабов Гулага, разрушая рабочий класс как независимую социально-политическую общность, нарождавшаяся советская элита сумела заложить экономический фундамент специфической советской системы производства, с помощью которой она могла сохранять контроль над прибавочным продуктом и извлекать привилегии. К концу 1930-х гг. система достигла состояния относительной стабильности и, возможно, способности к самовоспроизводству. Она не сталкивалась с каким-либо организованным сопротивлением со стороны рабочих или крестьян, которых сумела эффективным образом атомизировать. После чисток руководящих кадров режиму также удалось восстановить целостность и стабильность управления промышленностью. Правда при этом экономика столкнулась с серьезными проблемами структурного характера. Сельскохозяйственное производство после катастрофы, связанной с коллективизацией, оставалось на крайне низком уровне. Производство на промышленных предприятиях было плохо организовано и страдало от хронического дефицита материалов, частых поломок оборудования, низкого качества сырья и конечного продукта. Внедрение инноваций и модернизация, если они вообще имели место, носили хаотический, случайный характер. Хотя никто этого не признавал, но в сталинской системе изначально присутствовали структурные пороки, породившие долговременную тенденцию к замедлению темпов роста экономики и утрате динамики, но привилегии элиты и ее социальная поддержка со стороны уп-

равленческой и технической интеллигенции внутри самой системы казались незыблемыми.

Вторая мировая война обратила всю систему в хаос. Экономические приоритеты и производственные планы следовало радикальным образом пересмотреть и переориентировать на военные нужды. Страна потеряла значительную часть своих основных промышленных и сельскохозяйственных регионов. Там, где это было возможно, заводы демонтировались и перевозились за тысячи километров на Восток, на Урал и за Уральский хребет, и в спешке собирались заново. Происходила гигантская миграция населения как плановая, так и совершенно спонтанная. Каналы политического и экономического управления существенно нарушились, и усиление централизации в принятии ключевых решений на самом верху сосуществовало с относительной свободой и самостоятельностью местных органов государственного управления и хозяйственных руководителей. Без подобной децентрализации было бы невозможно обеспечить ведение войны. Таким образом, война принесла с собой не только гигантские разрушения, контуры которых я очерчу в начале главы 1, но также дестабилизировала всю систему, посредством которой правящая элита доводила свои решения до нижних эшелонов власти и добивалась их исполнения.

Все это означает, что после окончания войны режим столкнулся как с кризисом веры населения в его непогрешимость и соответствия народным ожиданиям, так и с гигантскими нарушениями физических и институциональных пропорций в стране. Требовалось не только восстановить истощенную войной экономику, но также реконструировать институциональные основы системы, с помощью которой режим правил. Эта проблема была скорее не административной или организационной, а имела политический характер. Для восстановления всей полноты политической власти элите требовалось быстро восстановить производственную систему, на которой эта власть основывалась. В этом смысле послевоенный период можно рассматривать как повторение процесса примитивного накопления, происходившего в течение первых пятилеток в 1928–1937-х гг. Уровень жизни населения был снова принудительно снижен, под предлогом экономической необходимости миллионы крестьян силой или хитростью согнали с земли и отправили на промышленные предприятия или на строительство, а сектор рабского труда заключенных постоянно расширялся. Все это делалось ради концентрации капитала и рабочей силы в нескольких ключевых секторах экономики — в горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности и в строительстве.

Добиться задуманного предстояло в условиях чудовищной миграции населения, политическая покорность и лояльность которого не были полностью гарантированы. Все это добавляло элемент срочности в решение поставленных задач. С точки зрения режима для этого требовалось установить почти беспрецедентный уровень контроля над рабочей силой. Чтобы лучше понять эту точку зрения, следует признать наличие принципиальных изменений в положении советских рабочих после войны по сравнению с довоенным периодом. Одно из наиболее существенных различий между процессами накопления, происходившими в 1930-х гг. и после войны, заключается в стирании границы между рабским и свободным трудом. С целью избежать чрезмерного упрощения структуры и состава рабочей силы, вплоть до 1940 г. режим четко различал эти две категории трудящихся. Только перед самой войной смена места работы без согласия администрации стала считаться уголовным преступлением, а также была введена обязательная трудовая повинность для сельской молодежи¹². Уже тогда «свободные» работники прекрасно осознавали отсутствие любых политических свобод и понимали: даже простое обсуждение возможности забастовок или участие в иных формах борьбы за свои права грозит им казнь либо переходом в сектор рабского труда в качестве заключенных. Но до тех пор пока они избегали действий, которые могли показаться режиму опасными, или не становились жертвами случайных доносов во время террора 1937–1938 гг., власти их не трогали. Граждане имели возможность свободно переходить с одного места работы на другое столько раз, сколько хотели, могли нарушать трудовую дисциплину и порядок, рискуя получить взыскание, принимали активное участие в организации своего труда и в управлении производством. Основные санкции, применявшиеся режимом для принуждения работников к исполнению его требований, были экономические и заключались, в частности, в ежегодном увеличении норм выработки и снижении расценок, посредством которых элита стремилась повысить интенсивность труда и эксплуатации рабочих.

Во время войны различия между свободным и рабским трудом стали довольно расплывчатыми, поскольку работники едва ли не всех второстепенных отраслей были объявлены мобилизованными на трудовой фронт и власть получила законное право направлять их туда, куда ей заблагорассудится. После окончания войны эти законы не только были оставлены в силе, но даже частично ужесточены. Когда население во время первой пятилетки (1928–1932) столкнулось с

¹² Более полное описание соответствующих законов приведено в главе 5.

катастрофическим падением жизненного уровня, оно ответили на это забастовками и массовыми протестами, люди бросали свои рабочие места и уходили в поисках предприятий, где условия труда были не столь неприемлемыми. Одновременно происходило резкое снижение уровня дисциплины и порядка на производстве, выразившееся в прогулах и неподчинении распоряжениям начальства. В послевоенный период подобные действия не допускались. Вопрос о забастовках или массовых протестах теперь не возникал — мощь власти даже в неопределенной послевоенной ситуации была слишком велика. Прогулы или самовольная смена места работы стали не просто уголовно наказуемыми преступлениями. Промышленные рабочие получали за это от пяти до восьми лет исправительно-трудовых лагерей, а работники железнодорожного или водного транспорта — от трех до десяти лет. Такими мерами правящей верхушке, казалось, намного проще контролировать рабочую силу и извлекать большую прибавочную стоимость. В этом, как мы увидим, состояла основная политическая цель режима. На практике такая политика проводилась в жизнь не столь откровенно. Она провоцировала огромное социальное напряжение. Возможно, наиболее очевидным примером служат побеги с предприятий рабочих и учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО в знак протеста против драконовских мер наказания. Иные проявления социальной напряженности были менее откровенными, но имели далеко идущие последствия. В частности, можно указать на сложности, которые испытывал режим при социализации миллионов молодых людей, призываемых из деревень для работы на заводах, шахтах и строительных площадках.

В конце концов элита, безусловно, преуспела в водворении на прежнее место сталинского «способа производства», но эта победа обошлась ей дорогой ценой. В не меньшей степени, чем в 1930-е гг., сталинская система оказалась поражена поликратическими тенденциями. Это проявлялось не только в недрах самого высшего руководства и в его взаимоотношениях с местным начальством, но также в отношениях с обществом в целом, что имело более принципиальное значение. Системе, стремившейся к тотальному контролю над своими субъектами, странным образом не удавалось достичь поставленных целей. Возможно, политическая оппозиция в обществе и в среде промышленных рабочих практически отсутствовала. Но репрессии и материальные притеснения, с помощью которых элита стремилась деморализовать страну и таким образом добиться покорности граждан, провоцировали миллионы людей на спонтанные действия, подрывавшие процесс восстановления экономики, которые режим был

не способен обуздать или проконтролировать. В более отдаленной перспективе, поскольку структурные экономические проблемы Советского Союза в отличие от частных кризисных явлений напрямую вытекали из сталинской политической системы, ее торжество обусловило постоянную уязвимость советской экономики, не способной противостоять долговременным тенденциям к спаду. Этой проблемы я еще коснусь в разделе «Заключение».

Структура данной книги выглядит следующим образом. В главе 1 анализируются источники, из которых советский режим черпал большую часть трудовых ресурсов для работы в промышленности, строительстве и на транспорте. В частности, рассматривается роль рабского труда заключенных исправительно-трудовых лагерей МВД и гигантской армии закабаленных людей (*indentured labour* — термин автора. В книге встречается и другой вариант перевода этого термина — «кабальный труд». — *Прим. ред.*), то есть тех, кто, формально оставаясь на свободе, принудительно превращался в трудящихся, привязанных к своим рабочим местам под угрозой уголовного преследования в случае ухода. К двум основным способами пополнения категории таких закабаленных людей следует отнести систему организованного набора (оргнабора) и сеть профессионально-технических училищ и школ, работавшую под эгидой Министерства трудовых ресурсов СССР.

В главах 2 и 3 анализируется жизненный уровень рабочих. В главе 2 рассмотрен продовольственный кризис 1946–1947 гг. Начавшись с неурожая 1946 г., он привел к голоду в сельских районах Украины и Молдавии. Постепенно голод распространился практически на всю территорию СССР, парализовав несельскохозяйственные секторы экономики. Кризис приобрел еще более тяжелую форму исключительно благодаря действиям режима, который, вероятно, обладал необходимыми запасами продовольствия, чтобы ликвидировать голод на селе и недоедание людей в городах, но отказался распечатать резервы, а вместо этого сократил потребление, урезав или полностью прекратив выдачу продуктов по карточкам. Глава 3 посвящена второму этапу послевоенного периода начиная с отмены карточной системы в 1948 г. и вплоть до смерти Сталина. В ней показано, что уровень жизни в тот период значительно повысился, но тем не менее потребление продуктов питания и промышленных товаров оставалось на крайне низкой отметке. В этой главе рассмотрены также другие показатели благосостояния населения: обеспеченность жильем и состояние здравоохранения, а также показано, что темпы улучшения в этих сферах значительно отставали от увеличения объемов снабже-

ния продуктами питания. Этот факт позволил мне назвать данный период «временем затухающего восстановления».

Глава 4 анализирует особенности положения, в котором находились молодые рабочие. В этот период они являлись одним из двух главных ресурсов пополнения трудовых ресурсов и подвергались наиболее интенсивному угнетению. Более того, их уровень жизни улучшался намного медленнее, чем у более взрослых работников. Текучесть кадров внутри этой группы была чрезвычайно высокой и оставалась на прежнем уровне тогда, когда несанкционированная смена рабочих мест среди взрослого населения почти сошла на нет. Нищета, отвратительные жилищные условия, притеснения со стороны руководства предприятий серьезно препятствовала попыткам социализации молодых кадров, предпринимаемым режимом, который стремился воспитать из них образцовых «сталинских граждан».

В главе 5 анализируется один из наименее известных и наиболее интригующих аспектов послевоенного периода — массовое неповиновение законам военного времени, запрещавшим самостоятельную смену места работы. Шахтеры, добывавшие уголь, и строительные рабочие, а также порой и металлурги сбегали с работы и возвращались в свои деревни, откуда они были рекрутированы или принудительно выселены. Точно так же поступали учащиеся школ ФЗО и ремесленных училищ. Как мы увидим, лишь немногие из них были арестованы и предстали перед судом. Возникали серьезные конфликты между руководителями предприятий и комендантами училищ с одной стороны и сельскими властями с другой. Последние, включая местную милицию, прокуроров, председателей колхозов и директоров совхозов, предпочитали прятать беглецов и скрывать их от арестов. Вся эта история интересна сама по себе, но также проливает свет на институциональные конфликты, имевшие место в сталинском государстве.

Глава 6 дает представление о советских промышленных предприятиях. Она начинается с обзора условий труда, после чего предлагается анализ основных особенностей организации производства и свойств только советской промышленности структурных проблем, ограничивавших его эффективность. В завершении предлагается обзор системы неформальных отношений и сделок между рабочими и низшим управленческим звеном (начальниками цехов и участков и мастерами), возникавших на уровне цеха и нацеленных на поддержание баланса между интенсивностью и оплатой труда. Эта система достигла высокого уровня сложности еще до войны, когда острая нехватка [квалифицированной] рабочей силы заставляла руководителей производства гарантировать работникам различные послабления. В конце концов, можно сделать осторожный вывод, что в период

позднего сталинизма система неформальных сделок стала заметно, хотя и постепенно, размываться. При этом у трудящихся оставалось все меньше способов защиты от централизованного повышения норм выработки и снижения расценок за выполненные задания. Этот вывод, безусловно, следует считать осторожным, потому что сведения, имеющиеся в архивах, довольно противоречивы.

В заключительной части книги рассмотрены некоторые приложения к содержащимся в ней материалам для углубленного понимания эпохи позднего сталинизма. Показано, что в течение первой половины этого периода социальная напряженность, обусловленная продовольственным кризисом и попытками режима силовыми методами подавить общественную реакцию на него, стала причиной серьезных внутренних разногласий в сталинских властных структурах. Наиболее очевидным примером может служить весьма неоднозначное отношение прокуратуры к применению более жесткого закона о борьбе с хищениями, принятого в июне 1947 г., и к случаям самовольной смены места работы. Аналогичные примеры неразберихи и неполной лояльности обнаруживаются и в деятельности других институтов, в частности профсоюзных организаций низшего звена. Однако начиная примерно с 1950 г. сталинская система сумела консолидироваться и демонстрировала значительно выросшее институциональное единство. С ростом уровня жизни, сопровождаемым политическим откатом в сторону ужесточения репрессий и повышения уверенности режима в собственных силах, общество становилось все послушнее, но лишалось последних иллюзий. Хотя сталинское руководство сумело защитить свою политическую позицию, процессы, с помощью которых ему удалось достичь цели, законсервировали сложные социальные проблемы, перешедшие по наследству к руководителям, сменившим Сталина у власти.

Перед тем как перейти к изложению основных материалов книги, я должен прокомментировать некоторые важные пробелы в истории, которую я пытаюсь передать. Каждому читателю сразу станет ясно, что некоторым группам рабочих я уделяю более пристальное внимание, чем всем остальным. В основном упор делается на примеры из жизни молодых рабочих и тружеников тех отраслей, где общественное брожение выражалось наиболее активно, — угольной промышленности, строительства, черной металлургии и частично железнодорожного транспорта. Вместе с тем известно, что в численном отношении эти группы не составляли большинство, даже учитывая их доминирующую роль в секторах экономики, наиболее значимых для восстановления страны. Материалы, касающиеся работников других отраслей, особенно машиностроительных, менее заметны в книге,

хотя они присутствуют прежде всего в главах, посвященных жилью и условиям труда на предприятиях. Возможно, мой рассказ кажется несбалансированным, но это произошло непреднамеренно и обусловлено отсутствием соответствующей информации в документах, которые удалось обнаружить. Также немало белых пятен в наших знаниях о положении работающих женщин. Источники, по крайней мере те, что проанализированы в данном исследовании, предлагают относительно мало сведений об уникальных проблемах женщин, трудившихся на советских предприятиях в рассматриваемый период, несмотря на то что они составляли примерно половину трудовых коллективов. Сведения, посвященные периоду, наступившему после смерти Сталина (о нем имеется значительный объем доступной информации), указывают на весьма специфическую роль женщин в политической экономике советской промышленности. Будем надеяться, что будущие исследователи сумеют собрать материалы, необходимые для соизмеримого [с проведенным нами] анализа положения женщин-работниц в послевоенный период.

Еще один аспект, недостаточно освещенный в нашем исследовании, — это антисемитизм. Известно: данное явление отчетливо проявилось в последние годы жизни Сталина, что имело серьезные последствия для промышленности. Это подтвердили опрошенные мной евреи, которым пришлось работать на различных советских предприятиях в первые послевоенные годы. Они сталкивались с проявлениями антисемитизма прежде всего в виде препятствий к получению высшего образования, продвижению по службе, переходу на более престижную работу. Тем не менее в тех документах, которые я изучил (включая отчеты заводских профсоюзных комитетов и медицинских служб, где можно было бы обнаружить соответствующие доказательства), мне ни разу не встретилось ни прямого, ни косвенного проявления антисемитизма (расизма) в отношении руководителей или врачей еврейской национальности. Это относится и к периоду разгара кампании по борьбе с безродными космополитами, и к временам пресловутого «дела врачей». Мой коллега Кевин Мёрфи, изучавший отчеты заводских профкомов в архивах г. Куйбышева (ныне Самары), подтвердил, что ему также не удалось найти в них ни одного документального подтверждения проявлений антисемитизма. Я не в состоянии объяснить подобное несоответствие между феноменом, который, как всем известно, существовал, и его отражением в документах. Возможно, будущие исследователи сумеют пролить свет и на этот предмет. Но сказанное выше объясняет, почему еврейская тема редко появляется на страницах данной книги. Безусловно, это не связано с тем, что я о ней просто забыл.

1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ. СВОБОДНЫЙ, РАБСКИЙ И КАБАЛЬНЫЙ ТРУД

Хорошо известны масштабы разрушений, принесенных Советскому Союзу Второй мировой войной. Потери промышленных предприятий и оборудования, зерна и домашнего скота, жилых зданий и населения были поистине огромными. В соответствии с самыми последними подсчетами Марка Харрисона, военные потери составили в СССР примерно 25 % производственных активов и 14 % предвоенной численности населения. В абсолютных цифрах это означает преждевременную гибель от 23,8 до 26,6 млн человек плюс эмиграцию около 2,7 млн человек с территорий, захваченных СССР в 1940 г.¹ В этой связи многие историки полагают, что справедливее относить Советский Союз к числу проигравших, а не победивших во Второй мировой войне. Очевидно, что процесс реабилитации после таких потерь проходил чрезвычайно болезненно. Необходимо было восстановить или создать заново разрушенные войной заводы и фабрики, оборудование, жилье, поголовье скота, семенной фонд, подготовить поля под посев. Предприятия перепрофилировались с выпуска военной продукции на гражданскую. Перемещенное население, за исключением людей, находившихся в ссылке или в лагерях, требовалось вернуть на прежние места проживания. Возвращавшихся с фронта ветеранов нужно было реинтегрировать в общество и, что еще важнее с экономической точки зрения, вернуть на производство. И для всего этого необходимо было трудоспособное население, численность которого, безусловно, резко сократилась. Положение усугублялось в связи с плохим питанием, ухудшением здоровья людей, невозможностью получать помощь Запада (включая жизненно важные продукты и лекарства, которые СССР получал во время войны) из-за ухудшения международной обстановки.

Демографический шок, испытанный страной в военный период, не мог не оказать серьезного влияния на масштабы, темпы и методы послевоенного восстановления. Массовая мобилизация людей на

¹Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge, 1996. P. 160–162.

фронт, нацистская оккупация значительной части наиболее развитых сельскохозяйственных и промышленных регионов страны, десятки миллионов людей трудоспособного возраста, погибших или ставших инвалидами, — все это вместе взятое создало небывалую нагрузку на государственные трудовые ресурсы. В ходе военных действий требовалось радикальное перераспределение рабочей силы в соответствии с необходимостью оборонных мероприятий. Поскольку производство вооружений приобрело приоритетное значение по сравнению с продовольствием, уменьшение численности промышленных рабочих удалось компенсировать за счет сельского населения. Но даже с учетом этого количество рабочих на промышленных предприятиях (не считая тех, кто трудился в небольших производственных кооперативах) за период с 1940 по 1942 г. сократилось почти на треть, после чего начало постепенно увеличиваться и достигло в 1945 г. 86 % от предвоенного уровня². Это означает потерю примерно 1 млн тружеников ключевых отраслей промышленности, а если учесть рабочих промкооперативов (которых официальная советская статистика начала учитывать начиная с середины 1960-х гг.), то убыль трудовых промышленных ресурсов окажется еще выше — около 1,9 млн человек (см. табл. 1). Таким образом, послевоенное восстановление промышленности затруднялось не только нехваткой материалов, заводских площадей и оборудования, но и дефицитом рабочей силы.

Таблица 1.1.

Численность работников, занятых в промышленности и строительстве в период с 1940 по 1953 гг.

Год	Промышленные рабочие	Ученики по промышленным специальностям	Строительные рабочие
1940	9 971 000	383 000	1 335 000
1945	8 054 000	462 000	1 312 000
1950	12 226 000	361 000	2 297 000
1951	12 998 000	382 000	2 365 000
1952	13 511 000	380 000	2 463 000
1953	14 283 000	387 000	2 521 000

² *Источник:* Труд в СССР. М., 1968. С. 81, 121. Данные по строительным рабочим также включают учеников.

² Там же. С. 256.

Откуда сталинский режим мог взять людей, чтобы восполнить эти потери? В определенной степени, и это действительно практиковалось, нехватку рабочих рук можно было ликвидировать, направляя в промышленность, на транспорт и стройки демобилизованных солдат. Но их было явно недостаточно, чтобы полностью покрыть кадровый голод, особенно если учесть, что ветераны получили первоочередное право на получение высшего образования. Государство было вынуждено обратиться к другим источникам восполнения трудовых ресурсов — преимущественно сельским. Но это оказалось непростой задачей. С экономической точки зрения село было истощено за годы войны до последней степени. Трудно представить, каким образом оно могло отдать людей для работы в промышленности, оставив при этом в колхозах достаточно рабочей силы, чтобы прокормить страну. С политической точки зрения режим столкнулся со следующей проблемой: в тех отраслях, которые особенно нуждались в свежих кадрах (угледобыча и строительство, а в первые послевоенные годы — и черная металлургия), условия труда и жизни были настолько тяжелыми, что сложно было убедить сельских жителей направляться туда на работу добровольно. Выяснилось, что в вопросе привлечения трудовых ресурсов в промышленность существует явление, которое можно обозначить термином «бифуркация». В отрасли, которые по советским стандартам считались относительно чистыми (к ним, в первую очередь, относилось машиностроение), чьи предприятия располагались в крупных промышленных центрах и могли предложить вновь нанятым сносные условия снабжения, проживания и профессиональное обучение, естественно, было проще привлекать людей. То же самое можно сказать о предприятиях, расположенных в сельской местности и производивших строительные материалы или потребительские товары. Причем люди отдавали им предпочтение вовсе не потому, что условия труда там были особенно хороши, но они, несомненно, выигрывали по сравнению с колхозами. Вместе с тем набор кадров в угольные шахты, на стройки и на предприятия черной металлургии должен был опираться преимущественно на принуждение, которое носило двоякий характер. Во-первых, в этих отраслях интенсивно использовался труд заключенных. Для этого предприятия заключали соответствующие договоры с Министерством внутренних дел (МВД). Во-вторых, на предприятиях этих отраслей трудилась целая армия полусвободных или, как говорилось выше, закабаленных людей, набранная из различных источников. Среди них были люди, принудительно мобилизованные во время войны на работу в промышленности или на железнодорожном транспорте, которым не

позволили после победы вернуться к привычным занятиям; советские граждане, репатриированные из стран Восточной и Центральной Европы (где они оказались в качестве военнопленных или угнанных на работу); заключенные, досрочно выпущенные из исправительно-трудовых лагерей МВД с условием, что остаток срока они отработают на тех стройках или в тех шахтах, куда их направят; некоторые представители «неблагонадежных» слоев населения, депортированных в годы войны из прифронтовых районов, а после войны — с освобожденных территорий; молодежь, призванная в ремесленные училища и школы ФЗО, подчиненные Министерству трудовых ресурсов СССР; рабочие, считавшиеся свободно нанятыми через систему *оргнабора* (которых заставляли заключать трудовые договоры, существенно ограничивавшие свободу их передвижения). Таким образом, послевоенное восстановление оказалось в полной зависимости от призванной принудительно, обиженной властями рабочей силы, озлобленность которой усугублялась чудовищными условиями труда и быта, которые подробно описаны в последующих главах книги.

Большей частью новые рабочие кадры приходили в промышленность из сельской местности. В основном они были наняты, мобилизованы, призваны через систему трудовых резервов или по оргнабору. Остальных вытолкнула из деревни политика государства. Одна из первостепенных политических задач режима заключалась в восстановлении ослабевшего за годы войны государственного контроля над колхозами и в ужесточении их подчиненности государству. Уровень жизни на селе упал ниже черты выживания, особенно во время продовольственного кризиса 1946 г., на который государство отреагировало своеобразно, увеличив изъятие зерна и по сути оставляя колхозы без семенного фонда. Следствием этого стал массовый голод — проблема, к которой мы возвратимся в главе 3.

Важно отметить, что миллионы сельских жителей почувствовали: у них нет иного выхода, кроме как собрать свои пожитки и поискать счастья в городах или во вновь строящихся рабочих поселках. Это имело громадное политическое значение, поскольку означало следующее: люди приходили в промышленность с уже сложившимся негативным (а зачастую враждебным) отношением к режиму и новому месту работы³.

³О положении в советском сельском хозяйстве того периода см.: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; Medvedev Zh. A. Soviet Agriculture. New York, 1987; Nove A. Soviet Peasantry in World War II // The Impact of World War II on the Soviet Union /

Промышленный рабочий класс: изменение социального состава и кризис, связанный с дефицитом рабочей силы

Выше уже отмечалось быстрое падение количества трудовых ресурсов, продолжавшееся вплоть до 1942 г., и постепенное его восстановление к 1945 г. Далее последовал колоссальный рост численности рабочего класса. К моменту смерти Сталина в 1953 г. она на 75 % превышала объемы 1945 г. Сводные данные по численности рабочих содержатся в приведенной выше табл. 1.1⁴.

Намного сложнее оценить увеличение численности работников по отдельным отраслям, поскольку мы располагаем данными только за 1940 и 1950 гг., которые представлены в табл. 1.2. Не имея сведений за 1945 г., невозможно полностью оценить, быстро или медленно развивались различные секторы экономики в послевоенный период. Вместе с тем цифры, содержащиеся в этой таблице, дают приблизительное представление о том, как протекал этот процесс и развитию каких отраслей отдавался приоритет. Мы видим, что самый большой рост численности работников наблюдался в угольной промышленности, строительстве, черной металлургии и в производстве строительных материалов. Этим отраслям после войны придавалось наибольшее значение, именно в них в основном использовался рабский труд заключенных и закабаленных людей. Данные, приведенные в табл. 1.1 и 1.2, не охватывают население трудовых лагерей МВД и военнопленных, но включают в себя заключенных, закрепленных за отраслевыми министерствами. Положение этих людей будет более подробно описано ниже.

ed S. J. Linz. Totowa, 1985; Попов В. Ф. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): Сб. документов. М., 1993; Fitzpatrick S. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945–1953 // The Impact of World War II on the Soviet Union. P. 129–156.

⁴Табл. 1.1 и 1.2 взяты из статистических сборников «Труд в СССР» (1968 и 1988 гг. издания). В них используется терминология в области занятости, принятая после 1960 г., согласно которой учитывается численность ремесленников, кустарей и работников так называемых промышленных кооперативов. В 1945 г. в этих секторах работало около 1,3 млн человек. Количество ремесленников, кустарей и работников промкооперации росло очень медленно и составило 1,4 млн в 1946 г. и 1,5 млн в 1950 г. (Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 647). Поэтому данные о численности рабочих, относящиеся к 1940 г., превышают приводимые Харрисоном (С. 256, 258), который использовал терминологию, существовавшую до 1960 г. К сожалению, сведения о численности рабочих по отраслям промышленности, содержащиеся в табл. 1.2, почерпнуты из более поздних справочников, оперирующих новой терминологией.

Здесь необходимо особо отметить железнодорожную отрасль, являвшуюся, несомненно, крупнейшим работодателем в стране, по крайней мере в производственном секторе экономики.

Таблица 1.2

Численность работников в основных секторах экономики в 1940 и 1950 гг.

	1940 г.	1950 г.
<i>Промышленность в целом</i>	9 971 000	12 226 000
Энергетика	108 000	131 000
Угольная промышленность	436 000	733 000
Черная металлургия	405 000	605 000
Химическая промышленность	297 000	332 000
Машиностроение и металлообработка	2 575 000	3 332 000
Лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность	1 594 000	1 828 000
Производство строительных материалов	295 000	557 000
Легкая промышленность	2 334 000	2 164 000
Пищевая промышленность	1 161 000	1 268 000
<i>Строительство*</i>	1 335 000	2 297 000

* Данные по строительству включают число учеников, но не содержат сведений о количестве молодых подсобных рабочих.

Источник: Труд в СССР. М., 1968. С. 84–85, 121.

Министерство путей сообщения (МПС) во время войны было милитаризовано и сохраняло статус военного учреждения до середины 1948 г. Его работники оставались гражданскими лицами, но подчинялись военной дисциплине, а сам министр и начальники региональных железных дорог имели воинские звания. МПС являлось самостоятельной империей. Оно имело собственный комплекс строительных организаций, свои машиностроительные, локомотивные и вагоноремонтные заводы, располагало собственной сетью школ и больниц, не подчинявшихся министерствам народного образования и здравоохранения. О размерах этой отрасли можно судить хотя бы по тому, что в 1945 г. в МПС трудилось более 3 млн рабочих и служащих, причем различия между этими двумя категориями были условными. Каждый шестой, то есть 476 тыс. человек, кормил или обслуживал остальных сотрудников министерства, занимаясь торговлей и снабжением, выращивал сельскохозяйственную продукцию для нужд министерства, работал в медицинских учреждениях, школах профессионального обучения или средних школах для детей железнодорожников. К 1950 г. численность сотрудников системы МПС выросла до

3,6 млн человек⁵. В 1953 г. в школах, принадлежащих МПС, обучалось около 1,3 млн детей, из которых только 762 тыс. являлись детьми железнодорожников, а остальные 500 тыс. проживали в сельской местности, где железнодорожные школы были единственно доступными образовательными учреждениями⁶. Приведенные цифры рисуют лишь часть общей картины. Огромная территория Советского Союза, вдоль и поперек покрытая сетью железных дорог, определяла тот факт, что значительная часть рабочих и служащих МПС проживала не в крупных городах, а в небольших изолированных поселках. Во многом образ жизни в них был сельским, и это сказалось во времена дефицита продуктов питания в 1946–1948 гг. Другая ключевая особенность железных дорог — их стратегическое значение. Вероятно, пассажирские перевозки были одной из наименее значимых их функций. Сельское хозяйство, промышленность, строительство, армия, система Гулага МВД — все они зависели от МПС, осуществлявшего их снабжение и вывоз готовой продукции. Любые аварии или задержки на железнодорожном транспорте наносили ощутимые удары по экономике, и всех, признанных виновными в подобных инцидентах, ждало суровое наказание. В то же время стратегическая значимость железных дорог объясняет как агрессивность, с которой многие их работники реагировали на трудности со снабжением, так и явное нежелание режима применять силу против протестующих⁷.

Возвращаясь к общей характеристике рабочей силы, следует отметить: война изменила демографическую ситуацию в стране, и отзвуки этих перемен сыграли значительную роль в послевоенный период. В отличие от ситуации в западных странах — участниках войны, высокая смертность среди советских мужчин работоспособного возраста привела к тому, что женщинам и подросткам, пришедшим работать в промышленность после 1941 г., не пришлось освобождать рабочие места для возвращавшихся домой фронтовиков. Напротив, в течение всего послевоенного периода именно женщины и подростки состав-

⁵ Данные за 1945 г. взяты из следующих источников: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 283; Труд на железнодорожном транспорте в 1945 году: материалы по статистике железнодорожного транспорта. М., 1947. Вып. 211. С. 8–9. Данные за 1950 г. взяты из: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2923. Л. 18–19. Справочник за 1945 г. представляет собой единственный доступный источник, содержащий полный набор статистических данных по МПС за послевоенные годы. Все остальные справочники, изданные МПС и ЦСУ, содержат только сводные сведения о численности рабочих и служащих.

⁶ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 11195. Л. 18.

⁷ Эти вопросы подробнее будут затронуты в главах 2 и 3 (см. с. 88–90 и 119–123).

ляли значительную долю промышленных рабочих. Процентная доля женщин в численном составе трудящихся приведена в табл. 1.3. Их количество в общем объеме промышленных рабочих росло довольно умеренно, что удивительно, учитывая постоянный дефицит мужчин трудоспособного возраста. Но важно отметить резкий рост числа женщин, занятых в таких важных отраслях промышленности, как машиностроение и производство строительных материалов. Есть несколько обстоятельств, позволяющих объяснить эту тенденцию. Во-первых, уже в годы сталинской индустриализации наблюдался массовый приток женщин в промышленность и другие области деятельности, в которых до этого россиянки не работали и которые до сих пор остаются практически закрытыми для представительниц женского пола в капиталистических странах. В результате женщины уже тогда составили значительную долю промышленных и строительных рабочих⁸. Во-вторых, в военные годы они освоили ряд специальностей, требующих высокой квалификации, например наладку оборудования, хотя ранее их участие в такой деятельности практически исключалось даже в таких отраслях, как текстильная промышленность, где женщины всегда составляли подавляющее большинство.

Таблица 1.3

Доля женщин (в %) в общем числе работников промышленности в 1940 и 1950 гг.

	1940 г.	1950 г.
<i>Промышленность в целом</i>	43	46
Машиностроение и металлообрабатывающая промышленность	32	40
Целлюлозно-бумажная промышленность	49	50
Цементная промышленность	29	37
Производство одежды	83	86
Текстильная промышленность	69	73
Кожевенная промышленность	83	86
Обувная промышленность	56	63
Пищевая промышленность	49	61
<i>В том числе:</i>		
– хлебопекарная;	58	61
– кондитерская	67	67

Источник: Труд в СССР. М., 1988. С. 106. В 1950 г. женщины составляли примерно одну треть от общего числа строительных рабочих (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3006. Л. 14–15).

⁸Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. London, 1986. P. 64. См. также: Плић М. Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From «Protection» to «Equality». Basingstoke, 1999. P. 185.

После окончания войны женщины не покинули свои рабочие места, но по мере развития промышленности и обучения молодых кадров новые рабочие места, требующие высокой квалификации, как правило, стали отдавать исключительно мужчинам, что вело к постепенному сокращению доли женщин, выполняющих высококвалифицированную работу. Эту тенденцию легко проследить по документам, относящимся ко времени правления Хрущева. Однако нет оснований предполагать, что она не появилась ранее, в период позднего сталинизма⁹. А если это правда, то именно такая ситуация частично нейтрализовала рост занятости женщин в других отраслях. В контексте сказанного следует отметить резкое сокращение после окончания войны доли женщин в общем объеме работников железнодорожного транспорта¹⁰. Наконец, стремительное уменьшение числа мужчин-колхозников, связанное отчасти с тем, что многие демобилизованные солдаты отказывались возвращаться на село, также существенно ограничивало количество женщин, которых можно было бы привлекать в промышленность.

В отличие от ситуации с женской занятостью приток в промышленность и на стройки молодежи и людей, впервые поступающих на работу, полностью отражает демографический удар, нанесенный войной. Это становится ясным, если обратиться к табл. 1.4, в которой представлены данные двух типов. В столбце 2 указана доля рабочих в разных отраслях промышленности, которым во время переписи, проходившей в марте 1947 г., было менее 20 лет. В столбцах 3 и 4 приведены данные по этим же отраслям, указывающие долю работников, поступивших на предприятия за год или за два до переписи, то есть примерно сразу после окончания войны в Европе. Данные таблицы допускают проведение углубленного анализа. Они указывают на то, что далеко не все впервые поступившие на работу в промышленность относятся к категории «молодежь». Рабочий класс пополнился миллионами бывших крестьян всех возрастов, пришедших в промышленность и строительство после демобилизации из армии через систему оргнабора или нанятых непосредственно самими предприятиями. Поэтому заслуживает внимания тот факт, что во многих отраслях

⁹ Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization*. Cambridge, 1992. P. 182–188.

¹⁰ Соответствующие данные имеются только для Центральной железной дороги за период 1946–1948 гг. Вместе с тем эта дорога была крупнейшей среди советских региональных железнодорожных сетей, где за указанный период доля женщин в общем числе работающих упала с 42,1 % в 1944 г. до 31,5 % в 1948 г. (РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7878. Л. 51).

доля новых, неопытных, то есть имеющих рабочий стаж менее года, работников была выше, а в некоторых случаях — намного выше общей доли молодых рабочих. В любом случае доля этих работников составляла не менее 20 %. Практически во всех отраслях промышленности, представленных в табл. 1.4, от 40 до 50 % работников пришло на предприятия в течение двух лет после окончания войны.

Таблица 1.4

Доля молодых рабочих и людей, впервые поступивших на службу, (в %) от общей численности трудящихся в некоторых отраслях промышленности (март 1947 г.)

Отрасль	Доля рабочих моложе 20 лет	Доля рабочих со стажем менее года	Доля рабочих со стажем 1–2 года
Станкостроение	24,1	21,8	18,6
Тяжелое машиностроение	22,2	22,0	19,6
Электротехническая промышленность	24,0	23,0	18,0
Угольная промышленность — западные районы	16,3	25,6	22,8
Угольная промышленность — восточные районы	16,1	26,8	24,3
Черная металлургия	18,6	22,6	21,0
Производство строительных материалов — предприятия союзного подчинения	20,1	33,1	17,3
Производство строительных материалов — предприятия республиканского подчинения	13,2	38,1	19,4
Текстильная промышленность	19,8	26,8	15,1

Примечание. Данные по угольной промышленности включают сведения о шахтах, шахтостроительных предприятиях и производстве шахтного оборудования.

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2285. Л. 3–3 об., 17–17 об., 45–45 об., 61–61 об., 85–85 об., 104–104 об.; Д. 2286. Л. 1–1 об., 3–5. 7–10, 39–39 об., 57–57 об., 126–126 об.

Приведенные статистические данные скрывают под собой наличие сложных, а порой драматических общественно-политических процессов. По крайней мере до конца 1940-х гг. практически все отрасли промышленности испытывали острый дефицит рабочей силы. Он был достаточно серьезным, чтобы создавать узкие места на производстве и срывать выполнение производственных планов даже в тех отраслях, где, подобно машиностроению, условия труда счита-

лись приемлемыми¹¹. Особенно сложно рекрутировалась свободная рабочая сила для реализации новых строительных проектов, что, в общем-то, неудивительно, учитывая суровые условия труда и низкую заработную плату, преобладавших в этом секторе экономики. Службы занятости Министерства промышленности строительных материалов, например, докладывали, что им практически невозможно набрать кадры на строительство новых предприятий среди солдат, готовящихся к демобилизации¹². Даже черная металлургия, где к 1951 г. начались сокращения, испытывала дефицит рабочих строительных специальностей¹³.

Предпринималось немало официальных попыток с целью решить проблему дефицита рабочей силы посредством пропаганды и различных позитивных инициатив. Например, газета «Труд» в течение 1946 г. вела интенсивную кампанию, обвиняя руководителей шахт и металлургических предприятий в раздувании штата административного персонала, содержании лишних руководителей низшего звена, вместо того чтобы использовать всех этих людей на производстве¹⁴. Публикации в «Труде» являлись частью более глобальной кампании по превращению конторских служащих в производственных рабочих. Однако похоже, что лишь некоторые машиностроительные заводы пытались реализовать эту идею на практике¹⁵. МПС предпринимало более серьезные попытки, направленные на решение проблемы набора рабочей силы. Министерство предложило целый ряд финансовых мер для привлечения демобилизованных солдат и свободных рабочих для работы на Крайнем Севере (инициатива провалилась из-за отказа Госплана выделить МПС запрошенные средства). Оно также совместно с профсоюзом железнодорожников активно привлекало жен железнодорожных рабочих к очистке путей от снега, для работы на предприятиях общественного питания и уборщицами в общежити-

¹¹ См.: Уралмаш. 1947. 1 марта.

¹² РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 189. Л. 197. Отмеченная тенденция была характерна для этой отрасли. Данные, приведенные в отчете за второй квартал 1947 г., свидетельствуют о том, что, хотя штаты предприятий министерства были почти полностью укомплектованы, в большинстве его главков число имеющих строительных рабочих составляло от одной трети до половины от требовавшегося объема (Там же. Оп. 21. Д. 275. Л. 147).

¹³ РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 754. Л. 84, 128, 162–163.

¹⁴ Труд. 1946. 10 и 14 апр.; 13 июля; 23 и 30 нояб.; 14 дек.

¹⁵ Труд. 1947. 30 нояб.; 1946. 3 и 19 дек.; 1947. 28 янв. За Советскую малолитражку. 1946. 29 окт.; Сталинец (Ростсельмаш). 1946. 21 дек.

ях, помощницами в яслях, детских садах и больницах¹⁶. Конечно, наиболее очевидным и многообещающим источником новых трудовых ресурсов были демобилизованные солдаты. Местным Советам было поручено внедрить целый ряд мер, облегчающих интеграцию военнослужащих в состав рабочей силы. Среди них — помощь в поиске жилья или в восстановлении их довоенных домов, преимущество при поступлении в вузы, ускоренное профессиональное обучение тех, кто до призыва на военную службу не успел приобрести специальность. Тот факт, что многие солдаты были членами партии, без сомнения, придавал этим мерам особую неотложность. Исторический факт, что в Москве (хотя этот город в силу своего привилегированного статуса не вполне типичен) за период с июля 1945 г. по август 1946 г. было трудоустроено более четверти миллиона, то есть около 91 % возвратившихся в город военнослужащих¹⁷.

Но эти усилия представляются совершенно недостаточными, если сопоставить их с масштабом проблемы. Необходимо подчеркнуть, что даже наиболее пострадавшие от войны отрасли в 1951 и 1952 гг. сообщали о наличии у них избытка рабочей силы. Угольные шахты, расположенные в том числе в регионах, где, как считалось, практически невозможно набрать и удержать рабочих, в период с 1945 по 1949 г. отказывались принимать выпускников профтехучилищ Министерства трудовых резервов из-за отсутствия свободных рабочих мест¹⁸. Таким образом, послевоенный дефицит трудовых ресурсов представлял собой временный, конъюнктурный кризис в отличие от структурных проблем, всегда присутствовавших на советских предприятиях. Тот факт, что кризис был со временем преодолен, не должен уводить нас в сторону от главного: в своем лихорадочном стремлении к накоплению режим сумел найти необходимые источники рабочей силы только за счет массового использования

¹⁶РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6585. Л. 231–232, 247–254; Д. 6588. Л. 80, 86, 87; Д. 7878. Л. 49, 51, 52; Д. 7882. Л. 66, 67; Д. 8317. Л. 1.

¹⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 12–15, 73. О том, что Москва представляет собой в этом смысле исключение, можно предположить исходя из партийных постановлений, касающихся Ставрополя и Пензы. В них местные власти критикуются за медленную реинтеграцию в мирную жизнь солдат, возвращающихся с фронта (Там же. Оп. 9507. Д. 232. Л. 79–80; Д. 235. Л. 3–5).

¹⁸РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 279. Л. 179, 181 (черная металлургия); Ф. 6248. Оп. 21. Д. 499. Л. 145–146 (производство строительных материалов); ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 538. Л. 11, 12, 39, 44 (угольная промышленность).

рабского труда заключенных, а также полусвободных (semi-free labour — термин автора) рабочих (набранных по оргнабору) и эксплуатации учащихся профтехучилищ. Переходим к анализу положения этих групп трудящихся.

Заделывание брешей: заключенные и закабаленные люди

Экономика МВД

Успехи сталинской индустриализации 1930-х гг. сильно зависели от использования рабского труда заключенных, и эта тенденция продолжилась после войны. МВД управляло гигантской армией рабочих. Помимо исправительно-трудовых лагерей МВД направляло заключенных в различные промышленные министерства, заключая с ними контракты и получая за это соответствующую оплату. МВД также отвечало за немецких и японских военнопленных, подавляющее большинство которых трудилось в качестве рабочих под эгидой различных министерств и ведомств. Наконец, МВД распоряжалось огромной массой трудовых ресурсов из числа ссыльных. После войны в эту категорию входили преимущественно представители национальных меньшинств и бывшие заключенные лагерей, которым не разрешили вернуться к гражданской жизни. В совокупности перечисленные группы составляли значительную долю общей численности рабочей силы, занятой в промышленности и строительстве.

В конце 1947 г. в лагерях содержалось примерно 2,2 млн заключенных. Из них чуть меньше 1,7 млн было задействовано в различных экономических проектах МВД, наиболее важными среди которых считались: производство сельскохозяйственных продуктов и товаров широкого потребления (717 тыс.), заготовка и переработка древесины (273 тыс.), так называемые специальные строительные проекты и строительство на Крайнем Севере (246 тыс.), строительство железных дорог (216 тыс.), горнодобывающая и металлургическая промышленность (179 тыс.). Помимо работы на собственных предприятиях МВД сдавало в аренду различным промышленным министерствам более 500 тыс. заключенных. Вторую категорию подневольной рабочей силы составляли немецкие и японские военнопленные (которых в 1947 г. насчитывалось до 1 млн человек), работавшие на различных стройках (205 тыс.), в угольных шахтах (161 тыс.), на электростанциях (32 тыс.), в черной и цветной металлургии (30 тыс.)¹⁹. Наконец, еще

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 396 (исправительно-трудовые лагеря); Л. 73–74 (военнопленные).

миллион рабочих приходился на долю ссыльных, которых к концу 1948 г. насчитывалось около 1,8 млн человек (в том числе более миллиона поволжских немцев). Половина из них была занята в сельском хозяйстве, 72 тыс. — добывали уголь, 58 тыс. трудились в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, 33 тыс. — в металлургии²⁰. Таким образом, если просуммировать количество людей указанных категорий, трудившихся не в сельском хозяйстве, то получим цифру, близкую к 3 млн. Столько рабочих было занято в промышленности и строительстве. Учитывая, что в 1947 г. в этих отраслях, вероятно, трудилось порядка 12 млн «свободных» работников (цифра экстраполирована из данных, приведенных в табл. 1.1), можно утверждать: экономика МВД охватывала примерно 20 % общей численности промышленной рабочей силы. Это количество почти не снижалась со временем, даже с учетом того, что СССР постепенно репатриировал пленных в Германию и Японию. Просто военнопленные заменялись узниками лагерей, особенно в таких ключевых отраслях, как добыча угля и металлургия²¹.

Помимо собственно заключенных МВД и Министерство обороны СССР организовали поставку в промышленность еще двух категорий закабаленных людей. Первую из них составляли советские граждане, репатриированные после войны из Центральной и Восточной Европы. Большинство из них составляли солдаты Советской Армии, захваченные в плен и содержавшиеся в лагерях для военнопленных, или советские граждане, насильно угнанные на работы в третий рейх. По оценкам Советского правительства, более 6,8 млн граждан СССР находились во время войны в плену или на подневольных работах в Германии, причем около миллиона из них там же скончались. Ос-

²⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 8.

²¹ Так, число военнопленных, занятых в угледобыче, сократилось с 161 тыс. в конце 1947 г. до 120 тыс. к концу 1948 г. Одновременно число заключенных, временно переданных в распоряжение Министерства угольной промышленности, за этот период выросло с 24 до 64 тыс. человек (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 73–74, 397; Д. 234. Л. 76, 153). Количество заключенных, занятых в угольной промышленности, продолжало расти, достигнув в 1949 г. 71 тыс., что составило около 10 % всей рабочей силы в отрасли. Еще одной отраслью, зависевшей от труда заключенных, была нефтедобывающая промышленность. Здесь их количество к 1949 г. достигло 56 тыс. при численности свободных работников в 124,5 тыс. человек (Там же. Д. 269. Т. 1. Л. 63 (заключенные); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 321. Д. 416. Л. 40 (работники нефтяной промышленности)).

тальные 5,8 млн были репатриированы в Советский Союз²². До того как западные историки получили доступ в архивы, они с большой долей уверенности предполагали, что большинство репатриантов отправлялись в лагеря НКВД–МВД. Более поздние свидетельства однако указывают на то, что доля репрессированных среди репатриантов оказалась значительно меньше. Р. У. Дэвис приводит данные за 1946 г., согласно которым только около 6 % репатриантов пополнил так называемый специальный контингент НКВД, а еще 14 % были направлены в «рабочие батальоны», сформированные Наркоматом (позднее Министерством) обороны²³. В марте 1946 г. существовало 774 таких батальонов, насчитывающих 607 095 бывших военнопленных и репатриированных гражданских лиц²⁴. Если основываться на цифрах, приведенных Дэвисом, то в специальный контингент попало около 260 тыс. репатриантов. Даже с учетом приведенных данных обе категории репатриантов составили весомую прибавку к общей численности промышленных и строительных рабочих²⁵, но условия их труда и жизни были поистине трагическими. В начале 1946 г. Прокуратура СССР внесла протест по поводу ужасающей обстановки, в которой существовали репатрианты в угледобывающем тресте Тульской области. Однако, как видно из последующих глав, переполненные общежития, недостаточное питание, отсутствие мыла и белья — это была стандартная ситуация и для обычных рабочих. Примерно в то же время прокуратура провела расследование в отношении группы репатриантов в Свердловской области, объявивших забастовку в знак протеста против жестокого обращения²⁶.

²²РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 686. Л. 1.

²³Davies R. W. *Soviet History in the Yeltsin Era*. Basingstoke, 1997. P. 167–168.

²⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 545. Л. 14.

²⁵Необходимо отметить, что оба эти «учреждения» существовали еще в годы войны. Например, угольные шахты Кузбасса (Западная Сибирь) до 60 % своих работников набирали именно из этих источников. См.: ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 4. Д. 109. Л. 8.

²⁶ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3159. Л. 1–1 об., 3, 8–11. Эти вопросы поднимала не только прокуратура. Так, в апреле 1946 г. Голиков, уполномоченный Комитета Совета Министров СССР по делам репатриантов, протестовал против низкой зарплаты и ненадлежащего обращения с репатриантами в ряде промышленных министерств. Среди последних только Министерство черной металлургии, похоже, серьезно отнеслось к высказанным претензиям и даже постаралось кое-что сделать, чтобы исправить положение. См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 121. Д. 545. Л. 19–21, 23–25, 28.

Другую категорию подневольных работников, находившихся под эгидой МВД, составляли заключенные, досрочно освобожденные из лагерей с целью их отправки на определенные предприятия или стройки, где они должны были отработать оставшуюся часть срока. Идею досрочного освобождения и направления на поднадзорную работу в угольную промышленность предложил в конце 1946 г. тогдашний Министр внутренних дел С. Н. Круглов. Согласно предложенной им схеме 120 тыс. заключенных следовало направить в угольные шахты и еще 55 тыс. — на строительство новых шахт и в нефтедобывающую промышленность, однако нам не известно, сколько заключенных в действительности было вовлечено в воплощение этой идеи. Досрочно освобожденный обязывался отработать на назначенном предприятии не менее пяти лет. Если же он совершал побег или иное правонарушение, его возвращали в лагерь и к остававшемуся ему сроку добавляли новый — за совершенное преступление. Первая партия заключенных отправилась на работу по этой схеме в январе 1947 г.²⁷ Позднее схема использовалась на важнейших строительных проектах, осуществлявшихся на Дальнем Востоке и на Нижней Волге, где являлась основой поставки рабочей силы вплоть до конца жизни Сталина. По мере ее развития совершенствовались также правила, регулирующие, кто из заключенных имел право участвовать в этой схеме и на какое сокращение срока они могли рассчитывать. Из числа претендентов на досрочное освобождение по этой схеме исключались политические заключенные и уголовники, осужденные за бандитизм, вооруженный разбой и другие тяжкие преступления. Последние категории имели право на уменьшение части срока за каждый месяц, в течение которого они перевыполняли план²⁸. Использование труда досрочно освобожденных не обходилось без сложностей. Именно этот контингент составлял значительную часть рабочих на Урале, нелегально оставивших свои предприятия во время голода 1947 г. В докладах прокуратуры за 1950 г. сообщается о сбежавших с работы на золотых приисках и даже о сидячей забастовке в пересыльном лагере Дальстроя, где заключенные протестовали против условий их перевозки к месту работы²⁹.

²⁷ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 368–371; Ф. 8131. Оп. 29. Д. 476. Л. 309–311.

²⁸ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 26. Д. 597. Л. 54–56, 58–59, 66–71, 73; Оп. 29. Д. 476. Л. 13–16, 48, 199–200, 231–236, 309–311; Д. 480. Л. 197–200, 203–206.

²⁹ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 476. Л. 259–260; Д. 480. Л. 149–150, 223–226. Данные о побегах рабочих на Урале см. в главе 5 (с. 230–231).

Значимость экономической империи МВД в общем процессе накопления хорошо известна. По данным Г. М. Ивановой, в 1949 г. Гулаг производил примерно 10 % валового внутреннего продукта СССР. Он практически монопольно владел добычей и извлечением стратегических металлов и минералов, таких как платина, слюда и алмазы (100 % добычи); золото (90 %); цинк (70 %). Система МВД выдавала 40 % советской меди и 33 % никеля, заготавливала 13 % производимой в стране древесины и добывала на своих шахтах 4 % угля³⁰. В 1950 г. строительные организации МВД возвели более 10 % жилых зданий в Москве³¹. Но экономическое значение МВД было намного более значительным, чем кажется из приведенных выше цифр, поскольку другие министерства напрямую зависели от труда заключенных, с помощью которых покрывали дефицит рабочей силы. В течение 1946–1947 гг. Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности (Минтяжстрой) включало в планы кадрового обеспечения своих строек создание новых исправительно-трудовых лагерей или расширение сферы действия уже существующих лагерей на строящиеся объекты черной металлургии. Министерство промышленности строительных материалов, которое также испытывало трудности с набором свободных работников в свои строительные организации, подавало в МВД заявки на создание спецлагерей. Но такая политика обходилась недешево. Труд заключенных славился низкой эффективностью как по причине отсутствия у них мотивации, так и из-за нелепого отсутствия механизации большинства видов работ, выполняемых лагерниками. По оценкам Министерства промышленности строительных материалов, производительность труда заключенного составляет от одной пятой до одной шестой производительности свободного рабочего. Одновременно железнодорожники жаловались на крайнюю ненадежность лагерного контингента, в связи с чем прорабам приходилось снимать обычных рабочих с ближайших строительных участков, чтобы доделывать то, что недовыполнили заключенные³². Многие министерства предъявляли аналогичные претензии в отношении эффективности труда спецконтингента и рабочих баталь-

³⁰ Ivanova G. M. *Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System*. Armonk, 2000. P. 116. Аналогичные данные за предыдущие годы и по другим видам продукции см.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 81–82; Д. 234. Л. 17; Д. 269. Т. 2. Л. 1–2.

³¹ Ivanova G. M. *Labor Camp Socialism*. P. 110.

³² РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 115. Л. 131, 134, 137, 140, 143, 146, 149, 151, 153, 154 (Минтяжстрой); Ф. 8248. Оп. 21. Д. 184. Л. 91, 97, 106, 267; Д. 275.

онов. По ходу дальнейшего изложения нам еще представится случай убедиться, что ненадежность заключенных заставила Министерство черной металлургии проводить сознательную политику их замены свободными рабочими³³.

С макроэкономической точки зрения экономическая политика МВД представляла собой скорее дырявое решето, нежели серьезный источник доходов. Помимо низкой мотивации заключенных к производительному труду экономика Гулага была невероятно затратной, поскольку на предприятия МВД редко распространялись бюджетные ограничения³⁴. Иванова, например, отмечает, что производственные расходы на стройматериалы, изготавливаемые заключенными, в два-три раза превышали соответствующие затраты на гражданских предприятиях, несмотря на то что рабочая сила для Гулага была практически бесплатной³⁵. Если признать глобальный характер отмеченной тенденции, то можно утверждать: было бы намного дешевле освободить заключенных и нанять их на местные предприятия в качестве свободных рабочих. Следует также учитывать гигантские объемы ресурсов, высасываемых из экономики на содержание лагерей, в виде продуктов для заключенных, сырья и полуфабрикатов, автомобилей, оборудования, горюче-смазочных и строительных материалов, не говоря уже о гигантских размерах лагерного административного аппарата и охраны. (Последняя по норме должна была составлять 9 % от числа заключенных, но фактически ее численность не дотягивала до нормативной в связи с трудностями по подбору кадров³⁶.) Таким образом, значительная часть продукции гражданских предприятий, уходящей на снабжение Гулага, растрачивалась впустую. Если бы вместо снабжения «предприятий» МВД средства инвестировались в гражданскую экономику, то эффект от этих вложений был бы в несколько раз выше. Более того, во многих областях это дополнительное бремя усугубляло дефицит трудовых ресурсов в негулаговских секторах экономики. Недобор гражданских кадров можно было воз-

Л. 105 (промышленность стройматериалов); Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7199. Л. 393, 394 (железные дороги).

³³ В апреле 1946 г. спецконтингент и члены рабочих батальонов составляли до 18 % рабочей силы в черной металлургии. К сентябрю 1947 г. их доля сократилась до 11 % (РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 50. 52).

³⁴ Ivanova G. M. *Labor Camp Socialism*. P. 104, 198.

³⁵ Там же. P. 118.

³⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 392; Ivanova G. M. *Labor Camp Socialism*. P. 107.

местить только путем привлечения все тех же заключенных, производительность труда которых, как уже отмечалось, составляла лишь малую долю производительности свободных рабочих. Тем самым нисходящая спираль падения собственной эффективности закручивалась еще сильнее. С учетом сказанного, Гулаг и часть гражданской экономики, работавшей на его содержание, подрывали сам процесс накопления ресурсов, тормозили темпы восстановления и отрицательно сказывались на уровне народного потребления.

Но все это лишь одна сторона медали. Экономика МВД имела иные причины, обуславливавшие ее существование. МВД представляло собой могущественное ведомство, оправдывавшее собственное разбухание путем постоянного расширения объема экономических задач, за решение которых оно отвечало. Империя МВД служила также средством политического устрашения. Самим фактом своего существования она запугивала население и приводила его в состояние политической покорности. Более того, ментальность сталинского режима была такова, что он не доверял способности собственного народа добровольно решать те задачи, которые политики считали важными для страны и для собственного выживания. Это заставляло прибегать к беспрецедентному контролю поведения людей. На деле это означало, что многие самые обычные человеческие поступки считались правонарушениями, режим объявлял злоумышленниками значительную часть населения, а преступников надо было заставлять работать. С точки зрения режима интересы политического доминирования преобладали над задачами накопления. Только после смерти Сталина новые советские руководители сумели осознать ущербность подобной философии. Вместе с тем сейчас важнее отметить тот факт, что экономика МВД не исчерпывалась одними лагерями, но оказывала существенное влияние на широкие массы формально свободных работников.

Это заставляет нас обратиться к еще одному аспекту деятельности МВД в области трудовых отношений, заслуживающему особого внимания. Применение репрессий после войны имело принципиальное отличие от террора 1930-х гг. Несмотря на то что в последнем присутствовал значительный элемент случайности, он тем не менее был в основном обращен против бывших оппозиционеров, работников партийного и бюрократического аппарата и представителей неблагонадежных социальных групп (в первую очередь против так называемых кулаков). Многие из них были казнены, другие значительно пополнили население Гулага. Репрессии в послевоенный период были, так сказать, более «демократичными» по своей направ-

ленности. В подавляющем большинстве их жертвами оказались рабочие и крестьяне, которых отправляли в лагеря преимущественно по уголовным статьям.

За семь послевоенных лет (с 1946 по 1952 г.) по политическим обвинениям было арестовано менее 495 тыс. человек, из которых 461 тыс., или 93 %, отправились в лагеря. В то же время примерно 4,8 млн человек оказались в тюрьмах и лагерях по уголовным статьям³⁷. Эти цифры относятся только к осужденным гражданскими судами. К ним следует добавить примерно 200 тыс. человек, направленных в исправительно-трудовые лагеря по приговорам военных трибуналов в 1946–1948 гг. на основании законов о лицах, самовольно оставивших работу на военных предприятиях или на транспорте³⁸. Проанализировав эти цифры, мы обнаружим, что в последние годы жизни Сталина приток в лагеря осужденных по уголовным статьям в десять раз превышал число политических заключенных, арестованных за тот же период. Более того, начиная с 1947 г. резко увеличились сроки заключения. До принятия в июне 1947 г. новых законов о хищениях назначение относительно коротких сроков за эти правонарушения считалось нормой. В 1937 г., в самый разгар террора, примерно четверть уголовных (в отличие от политических) преступлений каралась сроком менее года, а самые длительные наказания не превышали 10 лет. В 1946 г. общая картина выглядела еще более впечатляющей: 38 % осужденных по уголовным статьям получили сроки менее одного года, а число приговоренных на 10 и более лет было столь малым, что его можно считать статистически незначимым. С принятием законов 1947 г. картина резко изменилась, причем примерно половина всех осужденных попадала в лагеря на шесть лет и более, не говоря уже о том, что с отменой смертной казни максимальный срок заключения увеличился до 25 лет³⁹.

³⁷ Данные об осужденных по политическим статьям см. в: Попов В. П. Государственный террор в Советской России 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28, а аналогичные сведения об осужденных по уголовным статьям см. в: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 68. Д. 14. Л. 17, 29.

³⁸ Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 45. В сведения об осужденных по уголовным статьям не включены 1,4 млн человек, преимущественно рабочих, получивших в 1946–1952 гг. короткие, от двух до четырех месяцев, сроки тюремного заключения за самовольный уход с невоенных предприятий.

³⁹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 68. Д. 14. Л. 17. Смертная казнь была отменена в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая

Два указа о хищениях государственной и личной собственности, принятых в июне 1947 г., стали частью экономических и политических мер, при помощи которых режим стремился ограничить народное потребление после неурожая 1946 г. и следовавшего за ним голода⁴⁰. Хищение государственной собственности, сколь бы незначительным оно ни было, каралось теперь заключением в лагерь как минимум на семь лет, а максимальный срок по этой статье составлял 25 лет. Наказание за мелкие хищения с промышленных предприятий увеличилось и составило от одного года до семи лет тюрьмы. Суммарное количество заключенных, осужденных после опубликования этих двух указов, составило примерно половину от всех отправленных в лагеря, то есть около 2 млн человек⁴¹. Жертвами указов были преимущественно рабочие и крестьяне. Хотя на первый взгляд может показаться, что новые законы были направлены против крестьянства, на самом деле это не совсем так. Если рассматривать последствия принятия только первого указа, то в 1947 г., когда свирепствовал настоящий голод, осужденных колхозников оказалось действительно больше, чем рабочих. В дальнейшем доля последних стала возрастать, хотя после отмены в 1948 г. карточной системы (что способствовало широкому распространению взяточничества и растрат) арестованных

1947 г. «Об отмене смертной казни», опубликованным в газете «Труд» 27 мая 1947 г.

⁴⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» // Правда. 1947. 5 июня. Детальное описание наказаний, предусмотренных новыми законами, и послаблений, предшествовавших их принятию, см. в: Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 409–413.

⁴¹ В период между 1946 и 1952 гг. около 1,7 млн человек были осуждены за хищения государственной собственности, причем 1,4 млн из них — после 1946 г. Еще 785 тыс. осудили за кражи личного имущества граждан (650 тыс. — после 1946 г.) (Solomon. P. 435). П. Соломон отмечает, что свыше половины арестованных и осужденных по указам от июня 1947 г. приходится на первые 18 месяцев после вступления их в силу. На самом деле реальное число осужденных превышало 2 млн. Во-первых, сведения, содержащиеся в архивах Министерства юстиции, не совсем полны и имеют данные только о 90–95 % случаев. Во-вторых, эти данные учитывают только осужденных гражданскими судами и поэтому не охватывают случаев хищений на железной дороге, рассматривавшихся военными трибуналами до марта 1948 г. (когда железнодорожный транспорт был демилитаризован). См.: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 68. Д. 14. Л. 30–31.

служащих оказалось больше, чем рабочих. Что касается осужденных за хищения личного имущества, то рабочие составляли около 45 % от их общего числа, и это понятно, если учесть распространенность подобных преступлений именно в городах⁴².

Все это отражало и более общую тенденцию. При подсчете всех преступлений того периода выясняется: рабочими и членами их семей совершалось от 32 до 40 % правонарушений, в то время как колхозниками — примерно 25 %⁴³. В определенной мере рост преступности явился следствием общего падения нравов за время войны, а также результатом отчаяния людей, доведенных до полной нищеты и элементарно борющихся за выживание. Но прослеживались и реалии сталинской системы того времени. Посредством криминализации ряда аспектов повседневной жизни режим эффективно превращал в уголовных преступников значительную часть своего народа. Здесь также стирались различия между рабским трудом заключенных Гулага и подневольным положением миллионов «свободных» работников.

Оргнабор

Какое бы стратегическое и конъюнктурное значение ни имел труд заключенных и полусвободных работников, все же эти две группы уступают по значению и численности людям, закабаленным посредством оргнабора, а также молодым людям до 20 лет, мобилизованным в учреждения профессионально-технической подготовки, подведомственные Министерству трудовых резервов. С количественной точки зрения эти два источника пополнения рабочей силы давали экономике втрое больше, нежели все формы тюремно-лагерного и полусвободного труда вместе взятые. Но их значимость для режима этим не исчерпывалась, поскольку власти полагали, что работники, пришедшие в промышленность и на стройплощадки через системы оргнабора или трудовых резервов, составят костяк рабочей элиты, у которой не будет проблем низких мотивации и производительности труда, свойственных заключенным.

Организованный набор, проходивший под руководством Министерства трудовых резервов, рекрутировал персонал как на крупные, постоянно действующие предприятия: металлургические заводы,

⁴² Там же. Л. 14.

⁴³ Попов В. П. Государственный террор в Советской России 1923–1953 гг. С. 25.

угольные шахты и строительные организации, — так и на сезонные работы вроде добычи торфа и стройматериалов.

В таблице 1.5 представлены обобщенные данные, характеризующие ежегодные планы оргнабора и количество работников, реально набранных в рамках этой системы⁴⁴. Изучая эту таблицу, можно обнаружить ряд устойчивых и важных тенденций. Во-первых, большое число людей, набранных в течение 1946 г., объясняется массовым притоком демобилизованных солдат, которых требовалось привлечь в экономику. Курьезно, что в этом году имелся значительный недобор жителей сельской местности (772 779 человек при плане 1 425 000). Одновременно удалось на 70 % перевыполнить план оргнабора городских жителей и демобилизованных солдат (1 393 300 человек при плане 829 300)⁴⁵. В значительной мере этот факт отражает нежелание демобилизованных крестьян возвращаться в родные деревни и их стремление воспользоваться своим статусом ветеранов войны для получения работы в промышленности. Он также помогает понять причины неспособности системы набрать в течение 1946 г. необходимое количество строительных рабочих. Дело в том, что ветераны, имевшие преимущества при устройстве на работу в промышленности и при поступлении в вузы, могли избежать отправки на стройки, отличавшиеся низкими зарплатами и тяжелыми условиями труда. Планы оргнабора систематически, за исключением 1949 г., не выполнялись. Если взять весь рассматриваемый период в целом, то ожида-

⁴⁴Насколько нам известно, эти цифры не включают в себя десятки тысяч северокорейских рабочих, набранных для работы на советском Дальнем Востоке. Безусловно, их положение было значительно хуже того, с которым сталкивались советские новобранцы. Корейцев перевозили в переполненных, грязных трюмах. Когда они прибывали на место, их селили в ужасных условиях, плохо кормили и платили нищенскую заработную плату. Фактически они испытывали те же лишения, что и молодые советские рабочие, о которых говорится в главах 2 и 4. У корейских рабочих не было постельного и нижнего белья, для погашения долгов перед нанявшими их предприятиями из их скудных заработков вычитались немалые суммы. Короче говоря, их судьба была типичной для трудовых мигрантов, эксплуатируемых сверх меры по всему миру. Положение северокорейских рабочих детально описано в документах Министерства здравоохранения РСФСР, перед которым стояла задача не допустить распространения на советской территории инфекционных заболеваний из Северной Кореи, где свирепствовали тиф, оспа и холера. История с корейскими рабочими требует более детального исследования. См.: ГА РФ-РСФСР. Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 231 (особенно Л. 4–5, 63–64, 11–163).

⁴⁵ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 828. Л. 1.

лось, что через систему оргнабора получится привлечь 6,5 млн рабочих, но фактически удалось направить на предприятия всего 5,8 млн человек. Невыполнение планов было особенно существенным в годовые 1947–1948 гг. Так, в 1947 г. было привлечено только 63 % от ожидавшегося количества людей, а в 1948 г. — 87 %. Неспособность убедить свободных работников подписать трудовые договоры, особенно для работы в металлургической, угольной, лесной и деревообрабатывающей промышленности, во многом объясняет, почему режим столь сильно зависел от использования труда заключенных и других закабаленных групп населения. Он был не в состоянии ликвидировать дефицит рабочей силы методами убеждения и добровольного найма.

Формально люди, подписавшие трудовой договор с агентом оргнабора, оставались свободными работниками, и отнесение их к категории закабаленных может показаться тенденциозным. Вместе с тем свобода их передвижения жестко ограничивалась. На практике они были вынуждены подписывать трудовое соглашение на фиксированный срок, обычно на пять лет. Если человек покидал место работы прежде оговоренного срока, то подвергался преследованиям как дезертир трудового фронта наряду со всеми остальными работниками, причем в некоторых случаях это происходило даже в том случае, если беглец и не подписывал официального письменного договора. Более того, хотя с правовой точки зрения люди входили в договорные отношения добровольно, во многих случаях они становились жертвами обмана со стороны агентов по найму или руководства предприятий, которые, по всей видимости, имели возможность продлевать сроки действия договоров без формального согласия работников⁴⁶. В подобных злоупотреблениях не было ничего нового. Они являлись обычными для 1930-х гг., когда режим также стремился посредством оргнабора восполнить дефицит рабочей силы⁴⁷.

⁴⁶ Группа строителей, набранных в Башкирии, в качестве причины, заставившей их нелегально покинуть место работы за несколько недель до официального истечения срока трудового договора, назвали именно опасения стать жертвами подобной практики. См.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 158. Мы еще будем говорить об этом случае в главе 5 (с. 230–231).

⁴⁷ Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 60–61.

Число работников, завербованных через систему оргнабора в 1946–1952 гг.
по СССР в целом и по важнейшим отраслям

Министерство	1946		1947		1948		1949		1950		1951		1952*	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
СССР в целом	2235152	2166075	921725	577202	689022	596863	599950	616153	673145	647686	691850	669220	687054	542337
черной металлургии**	130400	120598	37700	13228							14570	13139	12175	10741
цветной металлургии**	63500	62823	25000	18631	69500	52201	57800	55164	59380	44581	27960	28768	22960	14958
угольной промышленности	300780	366138	195900	123768	81000	49862	175950	161507	96460	101167	90200	91934	77625	67188
нефтяной промышленности	27000	30526	14400	8467	17200	12675	46950	58075	63145	62337	58800	59316	36340	32105
электростанций	67780	47495	28595	13928	37000	31 67	48850	39592	70113	65903	47935	48337	50355	50929
лесной и деревообработки вающей промышленности	156040	155267	146450	122074	107575	89247	84150	82830	80210	82886	140125	134737	198 70	129086

Министерство	1946		1947		1948		1949		1950		1951		1952*	
	План	Факт												
Строительства – промышленного и военного***	517705	222499	226475	129677	314700	257406	136400	154099	164210	168810	191710	186237	166795	141823
текстильной промышленности****	193950	259730	40000	33430	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
путей сообщения****	146500	52271	25000	24443	-	-	-	-	19000	7214	400	101	-	-

Примечания:

* Данные за 1952 г. по состоянию на 15 ноября 1952 г.

** В период 1948–1950 гг. министерства черной и цветной металлургии были объединены в Министерство металлургической промышленности.

*** В 1946–1948 гг. в составе министерства находились Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности, Министерство строительства предприятий топливной промышленности и строительства предприятий нефтяной промышленности, Главное управление строительства машиностроительных предприятий, Управление военного и военно-морского строительства. В 1949–1952 гг. в составе министерства находились только Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности и Главное управление строительства машиностроительных предприятий.

**** Пустые клетки таблицы означают, что соответствующие данные отсутствуют или что число завербованных рабочих было незначительным.

Источник: ГА РФ. Ф. 950. Оп. 2; 1946 г. – Д. 828. Л. 7–8; 1947 г. – Д. 835. Л. 4; 1948–1950 гг. – Д. 842. Л. 3, 25, 195; 1951 г. – Д. 835. Л. 2–3; 1952 г. – Д. 863. Л. 1–2.

На вербовщиков оказывалось интенсивное давление, чтобы заставить их выполнить и перевыполнить план. Вследствие этого они обещали вербуемым все что угодно: хорошие условия проживания, большие заработки и интересную профессию, которой их научат, а также прекрасные рабочие места, на которых им предстоит работать. Когда же предприятия не могли или не желали выполнить подобные посулы, особенно в тяжелые первые послевоенные годы, это вызывало справедливое возмущение завербованных. Неудивительно, что многие убегали, хотя это угрожало им уголовным преследованием⁴⁸. Конечно, рабочие были не единственными объектами обмана со стороны вербовщиков. Жертвами последних зачастую становились сами предприятия. Точно так же, как советские заводы и фабрики ради выполнения плана нередко поставляли некачественную или бракованную продукцию, вербовщики оргнабора направляли на предприятия людей, явно не способных выполнять ту работу, на которую их наняли. Краткие итоги подобной практики в конце 1947 г. подвел в своем докладе прокурор Ростовской области, который сообщал: «Мы отметили случаи, когда в погоне за количественными показателями вербовка рабочих производилась без какого-либо учета специфики работы в условиях угольной промышленности. Вербовались больные, инвалиды и многосемейные. Имеются примеры, когда организованный набор рабочей силы заменялся вербовкой на железнодорожных станциях, базарах и в тому подобных местах людей без постоянного места жительства или несерьезно относящихся к вопросу подписания трудовых договоров. Прибыв на место и столкнувшись лицом к лицу с тяжелым трудом в угольных шахтах, с неожиданными для них условиями проживания и режимом жизни, эти люди через две-три недели бросают работу и дезертируют»⁴⁹.

⁴⁸ См. доклад прокурора Челябинской обл. от 2 августа 1947 г. // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 243–245.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3750. Л. 52. Несомненно, этот пример не исключение. В конце 1949 г. произошла стычка между прокурором Сахалинской обл. и представителями Министерства трудовых резервов, связанная с поведением вербовщиков, которые по всему Союзу набирали и отправляли на Сахалин чернорабочих в порты. Многие из них были абсолютно не способны к тяжелому физическому труду, и их немедленно по прибытии отправляли домой. Среди них, в частности, попадались женщины на поздних сроках беременности и люди с черепно-мозговыми травмами. В свою очередь министерство сваливало вину на врачей, безответственно относившихся к медицинскому осмотру завербованных. Годом позже прокурор продолжал

Небрежное отношение вербовщиков к людям порой приобретало откровенно криминальные формы, иногда имевшие трагические последствия. Подобный случай произошел, например, в начале 1947 г., когда 300 рабочих, завербовавшихся на угольные шахты в Кемеровской области, были вынуждены две с половиной недели добираться туда по железной дороге практически без пищи и одежды. Вербовщики, набравшие их и организовавшие поездку, сбежали, прихватив с собой все продукты и деньги, которые они должны были выдать рабочим на дорогу. К счастью, никто из людей в пути не умер, но тридцать человек было арестовано за кражи продуктов, а еще несколько попали в больницы, включая мать с ребенком, которым пришлось ампутировать отмороженные в пути ноги. Справедливости ради отметим, что вербовщики были пойманы и получили длительные сроки заключения⁵⁰. Данный случай можно считать вопиющим, но факты подобной сомнительной вербовки встречались на протяжении всего десятилетия. Однако постепенно рабочие научились протестовать и отказывались выходить на новом предприятии на работу до тех пор, пока для них не будут созданы оговоренные в контракте условия⁵¹.

Одним из наиболее интересных явлений, сопутствовавших оргнабору, были приписки. В докладе Министерства государственного контроля, выпущенном в начале 1950 г., утверждается, что вербовщики и руководители предприятий договаривались и завышали в отчетах число завербованных работников, поскольку они получали оплату за каждого человека, подписавшего трудовой договор и приступившего к работе⁵². В сообщении руководства Управления оргнабора Министерства трудовых резервов говорится, что фальсификации результатов носили систематический характер, и вина за них возлагается непосредственно на министра В. Пронина, который устанавливал ежедневные задания по увеличению количества завербованных, заставлявшие местных руководителей подгонять реальные данные под

настаивать на том, что отмеченные злоупотребления все еще продолжались (Там же. Оп. 28. Д. 286. Л. 2–7, 9–10, 13, 15–16, 19).

⁵⁰ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3028. Л. 3–3 об., 4–41 (страницы данного дела пронумерованы неправильно, на самом деле доклад кончается на листе 47). Решения судов по некоторым из дел, связанных с арестами этих рабочих за кражи, были опротестованы прокуратурой, но нам не известно, чем все это закончилось.

⁵¹Там же. Оп. 37. Д. 286. Л. 13, 15; Оп. 29. Д. 218. Л. 4–5, 7–11.

⁵²ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 852. Л. 2–6.

те контрольные цифры, которых требовал министр⁵³. Как указано в заключительной части главы, были и другие способы искажения отчетности по оргнабору, благодаря которым статистические данные могут быть неточны и вводить в заблуждение. Это следует учитывать, оценивая вклад оргнабора в обновление трудовых ресурсов.

Учебные заведения Министерства трудовых резервов

Несомненно, вторую по численности (после завербованных через систему оргнабора) группу временно закабаленных рабочих представляли учащиеся профессионально-технических училищ Министерства трудовых резервов. В октябре 1940 г. сталинский режим фактически ввел систему трудовой повинности для молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет. Первоначально планировалось ежегодно набирать от 800 тыс. до 1 млн юношей либо в двухгодичные ремесленные училища, либо в шестимесячные школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Ремесленные училища и их аналог — железнодорожные училища должны были готовить квалифицированных рабочих металлообрабатывающей, металлургической, химической, горнорудной и нефтяной промышленности, связистов и работников железнодорожного, морского и речного транспорта. В школах ФЗО предполагалось обучать рабочих массовых специальностей для работы в угольных шахтах и на рудниках, в черной металлургии, нефтяной промышленности и в строительстве. Учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО должны были находиться под опекой государства. Они не получали заработной платы за свой труд, но находились на полном государственном обеспечении. После завершения курса обучения вновь созданное Главное управление трудовых резервов (после войны — Министерство трудовых резервов) распределяло выпускников по госпредприятиям, где те обязывались отработать не менее четырех лет. Первоначальная идея заключалась в привлечении основной массы учащихся из сельской местности. Каждый колхоз был обязан направить в эту систему двух юношей на каждую сотню колхозников обоего пола в возрасте от 14 до 17 лет. В предвоенных условиях это означало, что ежегодно деревня должна была лишаться 4 % мужского населения трудоспособного возраста⁵⁴.

⁵³РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 644. Л. 75.

⁵⁴Указ Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» опубликован в газете «Правда» и других СМИ от 3 октября 1940 г.

Во время войны произошло дальнейшее ограничение предоставленных законом свобод учащимся системы трудовых резервов. Уклонение от зачисления в ремесленные училища и школы ФЗО было приравнено к уклонению от призыва на военную службу. Побег из учебного заведения до окончания срока обучения карался годом тюрьмы, а те, кто уходили с предприятия до окончания срока обязательной отработки, становились объектами тех же драконовских мер, что и другие рабочие, то есть получали от трех до десяти лет лагерей (до 1948 г., когда законы военного времени были отменены) или после этого 2–4 месяца принудительных работ⁵⁵.

В таблице 1.6 указано число учащихся, прошедших через учебные заведения Министерства трудовых резервов за период с 1940 по 1952 г. (последний полный год жизни Сталина). Эти данные взяты из официальных отчетов Министерства трудовых резервов и не могут считаться абсолютно верными. Школьная статистика о количестве обучающихся отличалась неточностью, отчетность велась небрежно, многие директора училищ сознательно фальсифицировали численность учеников, чтобы скрыть текучку⁵⁶. Необходимо также уточнить: приведенные в таблице сведения относятся к принятым в ремесленные училища и школы ФЗО. Это число было намного выше количества молодых людей, реально окончивших обучение и пришедших работать в те отрасли, к которым эти учебные заведения были прикреплены.

Таблица разукрупнена с тем, чтобы показать роль системы трудовых резервов в обеспечении трудовой повинности во время войны и в послевоенный период. Эта система была введена примерно за семь месяцев до нападения фашистов на Советский Союз 22 июня 1941 г. После вступления СССР во Вторую мировую войну обязательная трудовая повинность стала нормой для всех граждан. По мере того как все больше мужчин призывалось на фронт, их рабочие места занимали женщины и молодые люди обоего пола, которые по возрасту еще не подлежали военному призыву. Система трудовых резервов играла главную роль в этом процессе. Принимая во внимание потерю огромных территорий в первые годы войны, масштабную и зачастую неконтролируемую миграцию населения, гигантские людские потери, можно считать огромным достижением системы трудовых резервов тот факт, что к 1943 г. она сумела выйти на близкие к плановым

⁵⁵ Более подробное описание этих законов см. в главе 5 (с. 213–221).

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 644. Л. 18; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4160. Л. 46–47. Более детально эта тема обсуждается в главе 4 (с. 171–173).

цифры ежегодного набора учащихся. После окончания войны система трудовых резервов приняла на себя основную ответственность за набор, обучение и направление молодых рабочих в приоритетные отрасли угольной промышленности, черной металлургии и строительства, где тяжелые условия труда затрудняли привлечение свободных работников.

Таблица 1.6

Численность учащихся системы трудовых резервов, дифференцированных по типам учебных заведений и по происхождению, в 1940–1952 гг.

Год	Общее число поступивших	В том числе из сельской местности	Число поступивших в школы ФЗО	В том числе из сельской местности	Число поступивших в ремесленные и железнодорожные училища	В том числе из сельской местности
1940	602 014	288 305	257 005	206 337	345 009	819 68
1941	688 034	403 840	380 614	334 717	307 420	69 123
1942	814 609	559 806	588 095	445 886	226 514	113 920
1943	711 718	492 744	481 429	374 730	230 289	118 014
1944	440 125	319 292	313 968	252 305	126 157	66 987
1945	446 644	323 622	277 114	240 806	169 530	82 816
Всего за 1940–1945 гг.	370 3144	2 387 609	2 298 225	1 854 781	1 404 919	532 828
1946	638 708	462 889	384 685	332 173	254 023	130 716
1947	1 084 684	829 216	834 408	707 398	250 276	121 818
1948	849 339	675 214	608 938	533 074	240 401	142 140
1949	610 098	487 189	441 116	388 568	168 982	98 621
1950	385 321	299 750	236 701	206 902	148 620	92 848
1951	341 109	254 750	197 437	168 066	143 672	86 684
1952	330 289	206 289	184 705	144 029	145 584	6 2260
Всего за 1946–1952 гг.	4 239 548	3 215 297	288 7990	2 480 210	1 351 558	735 087

Источник: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2; 1940–1947 гг. — Д. 418. Л. 1; 1948 г. — Д. 420. Л. 1; 1949 г. — Д. 422. Л. 2; 1950 г. — Д. 423. Л. 3; 1951 г. — Д. 424. Л. 4; 1952 г. — Д. 425. Л. 8.

Из 1 084 000 учащихся, принятых в училища в течение 1947 г., примерно 55 % пришлось на учебные заведения, приписанные к пяти отраслям: к угольной промышленности (18,5 %), строительству (12,5 %), железнодорожному транспорту (11,3 %), черной металлургии

(7,7 %) и текстильной промышленности (5,1 %) ⁵⁷. В 1948 г. угольная промышленность приняла 54,5 % всех выпускников школ ФЗО, а на долю четырех министерств — главных потребителей кадров системы трудовых резервов (угольной промышленности, металлургии, промышленного строительства и военного строительства) — пришлось в общей сложности 75 % выпускников. В 1949 г., когда школы ФЗО стали доминирующим типом учебных заведений трудовых резервов, примерно две трети их выпускников были направлены в три отрасли: угольную промышленность (40 %), промышленное строительство (13,4 %) и металлургию (10,5 %) ⁵⁸.

Еще одна особенность приведенных в таблице данных заключается в следующем: они дают представление о том, каким образом режим использовал систему трудовых резервов для перераспределения кадров из сельского хозяйства в промышленность и строительство. В целом за период с 1946 по 1952 г. 76 % поступивших в училища были выходцами из сельской местности. Эта тенденция проявится еще отчетливее, если рассматривать школы ФЗО отдельно от ремесленных и железнодорожных училищ. За указанный период 86 % поступивших в школы ФЗО были крестьянскими детьми, в то время как среди принятых в ремесленные училища их было всего 54 %.

Кроме того, подавляющее число поступивших (добровольно или принудительно) в училища и школы системы трудовых резервов, были мужского пола. Во время войны девушки составляли 37 % учащихся, но после ее окончания их число стало быстро сокращаться. С середины 1945 г. и до конца 1952 г. количество учащихся женского пола не превышало 19 % от общей цифры. Этот факт также отражает наибольшую концентрацию учебных заведений трудовых резервов, в первую очередь школ ФЗО, в отраслях, где из-за тяжелых условий труда, а частично вследствие сложившейся в них гендерной дискриминации всегда работало мало женщин ⁵⁹.

Наконец, таблица 1.6 доказывает, что в Министерстве трудовых резервов фактически действовали две параллельные системы, существенно отличавшиеся друг от друга по функциям, условиям обучения и отношением к ним со стороны учащихся. Двухгодичные ремесленные училища, готовившие квалифицированные кадры для относительно «чистых» отраслей промышленности, предоставляли своим учащимся хорошие бытовые условия и более качественное образова-

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 9–11.

⁵⁸ Там же. Д. 420. Д. 9 (1958 г.); Д. 422. Л. 32–33 (1949 г.).

⁵⁹ Там же. Д. 425. Л. 2–3.

ние. Соответственно, побеги из них были редким явлением. В отличие от них школы ФЗО являлись средством подготовки сотен тысяч молодых людей по таким специальностям и для тех отраслей, куда режим не умел привлечь свободных работников, а использование рабочего труда оказывалось недостаточно адекватным и эффективным для покрытия дефицита рабочей силы. Условия жизни и работы в таких школах были ужасающими, и, соответственно, большое количество учащихся сбежало из них, особенно в угольных районах Донбасса, Урала, Западной Сибири и Казахстана. Нет ничего удивительного, что ремесленные училища успешно набирали добровольцев, в то время как школам ФЗО приходилось полагаться преимущественно на насильственные меры для пополнения своего контингента. В 1947 г., в год пика набора в школы ФЗО, 73 % учащихся «загнали» в них путем насильственной мобилизации, а в ремесленные училища принудительно было набрано только 20 % воспитанников. В 1952 г., когда масштабы системы значительно сократились, а условия существования учащихся заметно улучшились и, соответственно, понизилось сопротивление молодежи, школы ФЗО также стали менее зависеть от мер принуждения: с их помощью набрали всего около 56 % учащихся. Но эта цифру следует обязательно сопоставить с данными по ремесленным училищам, куда в этом году 98 % учащихся поступили добровольно⁶⁰. К 1952 г. потребности экономики в полуквалифицированной рабочей силе значительно сократились. Это, в свою очередь, повлекло за собой не только сокращение численности воспитанников школ ФЗО (она составила одну треть от значений 1947 г.), но также привело к резкому изменению соотношения между количеством учащихся этих школ и ремесленных училищ. Последние теперь составляли 44 % от всех обучавшихся в системе трудовых резервов (против 23 % в 1947 г.).

Зависимость системы от принудительного набора имела целый ряд последствий, наиболее важным из которых явилась высокая текучесть кадров среди молодых рабочих, наблюдавшаяся в течение большей части послевоенного периода. Здесь уместно отметить, что, убедившись в неспособности системы трудовых резервов обеспечить угольную, металлургическую промышленность и строительство необходимым количеством постоянных трудовых ресурсов, режим еще шире раскинул сети принудительной мобилизации в эти отрасли. Законы от июня и сентября 1947 г. распространили обязательный призыв в учебные заведения системы трудовых резервов на 17–

⁶⁰ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 3 (1947); Д. 425. Л. 8 (1952).

18-летних юношей и девушек, а также на молодых мужчин в возрасте от 19 до 23 лет, не призывавшихся на службу в Советскую Армию. Последних специально готовили для подземных работ по добыче угля и руды, а также для строительства новых шахт. После завершения обучения они были обязаны отработать в шахтах три года, уклонение от мобилизации на обучение или досрочное самовольное оставление места распределения каралось столь же сурово, что и уклонение от призыва на военную службу⁶¹. Нам не известно точное число молодых мужчин, мобилизованных по такому военизированному призыву (проводился в течение более чем двух лет, пока действовали соответствующие законы, которые отменили в 1950 г.). Однако мы знаем, что в период между серединой 1947 г. и концом 1949 г. в школы ФЗО набрали 606 тыс. молодых людей указанных возрастных групп, причем большинство, если не все, из них были направлены в эти школы насильно⁶². Эта цифра не включает тех, кого наняли в шахты или на шахтное строительство, минуя обучение в школах ФЗО.

Заключение. Роль кабального труда в реконструкции промышленности

Некоторые детали систем трудовых резервов и оргнабора мы обсудим в той части книги, которая посвящена проблемам текучести кадров, трудовой дисциплины и положению молодых работников.

⁶¹ Призыв был узаконен серией законодательных актов, начиная с принятия 19 июня 1947 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР, который предписывал направлять молодых людей в возрасте 19 лет непосредственно в угле- и рудодобывающие шахты. Распространение призыва на мужчин старших возрастных групп, не призванных на военную службу, было установлено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. Нам не удалось обнаружить тексты этих указов, но они были детально описаны в докладах прокуратуры, хранящихся в: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4160. Л. 16; Оп. 29. Д. 519. Л. 70–71). Текст аналогичного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 октября 1948 г. о призыве находится в: ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 110. Л. 1–8. Более подробно вопрос о том, как эти законы повлияли на ужесточение законодательства против нелегальной смены мест работы, рассмотрен в главе 5, с. 259–260.

⁶² Данные о наборе в школы ФЗО по годам выглядят следующим образом: 1947 г. — 219 156 человек, включая 141 520 лиц старше 20 лет; 1948 г. — 249 586 человек (113 147 — старше 20 лет); 1949 г. — 137 268 человек (27 129 — старше 20 лет). См.: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 23 (1947 г.); Д. 422. Л. 10 (1949 г.).

В контексте данной главы важно оценить масштабы зависимости экономики от обеих этих систем. За период 1946–1952 гг. в учебные заведения системы трудовых резервов было набрано около 4 240 000 учащихся. По данным Министерства трудовых резервов, за 1946–1951 гг. (мы не располагаем соответствующими сведениями за 1952 г.) его учебные заведения покинули 351 339 человек, или около 9 % от общего числа учащихся, набранных за этот период⁶³. Известно, что по причинам, которые более детально будут обсуждаться в главах 4 и 5, эти данные занижены, но оценить размеры погрешности невозможно. Принимая в качестве основы для обсуждения, что за период с 1946 по 1952 г. систему покинули до 12 % набранных учащихся, она тем не менее сумела поставить для народного хозяйства 3 370 000 молодых кадров, подавляющее большинство которых пришло работать в промышленность и на строительство. За тот же период система набора сумела завербовать около 5 815 000 человек, хотя эта цифра представляется завышенной. Это связано не только с распространенной среди руководителей системы тенденцией преувеличивать эффективность своей работы, но и с тем, что некоторые работники продлевали трудовые договора по истечении срока их действия, однако при этом их засчитывали в отчетах как вновь набранных. С учетом всех указанных неточностей можно утверждать, что только из этих двух источников промышленность и строительство получили около 8–9 млн новых кадров, что сопоставимо с приростом численности трудовых ресурсов в этих отраслях немногим меньше 7 млн человек (см. табл. 1.1).

Если учесть размеры экономики МВД, то мы увидим, что даже при грубой приблизительности наших оценок ясно: послевоенное восстановление и реконструкция в основном опирались на применение абсолютно несвободной рабочей силы либо на труд мобилизованных полусвободных людей, испытывавших те или иные формы принуждения. Это имело неисчислимы отрицательные последствия для отношения работников к труду и эффективности этого труда. В экономике МВД эти последствия проявлялись с особой очевидностью. Но это в равной мере распространялось и на молодежь, принудительно загнанную или мобилизованную в учебные заведения трудовых резервов, и на большинство рабочих, завербованных через систему набора. В сущности, каждый год происходило одно и то же: сотни тысяч молодых людей, преимущественно из числа крестьянской моло-

⁶³ Там же. Д. 446. Л. 1–2 (1946–1948 гг.); Д. 501. Л. 20. (1949 г.); Д. 520. Л. 3 (1950–1951 гг.).

дежи, насильно направлялись в регионы, отрасли промышленности и на предприятия, где вовсе не желали жить и работать. В результате наблюдалось массовое бегство учащихся из учебных заведений, а рабочих — с предприятий, на которые их направляли после окончания курса или после подписания трудовых договоров. Казалось бы, люди, завербованные через систему оргнабора, должны были трудиться с большим желанием, но на деле это оказывалось далеко не так по причинам, рассмотренным выше. Они составляли значительную долю тех, кто самовольно покидал место работы. Большинство несбежавших завербованных было привязано к рабочим местам на весь срок действия договора, который в некоторых отраслях, например на рыболовном флоте, составлял не менее пяти лет. Но независимо от условий договора люди, покинувшие работу до его истечения, становились жертвами уголовного преследования на общих основаниях с другими рабочими.

Последнее замечание имеет принципиальное значение. Нам следует постоянно иметь в виду, что даже те рабочие, которые завербовались или поступили работать на предприятие по собственной воле, трудились в условиях, которые следует считать полусвободными. Все они попадали под действие законов о самовольной смене места работы, которые, как уже отмечалось, предусматривали более или менее суровые наказания для тех, кто уволился без согласия и разрешения администрации. Воздействие этих законов на моральное состояние и поведение рабочих было чрезвычайно глубоким, особенно в период 1946–1948 гг., когда условия жизни и труда оставались крайне суровыми.

Необходимо подчеркнуть: применение рабского и кабального труда не применялось повсеместно. Во многих отраслях, включая жизненно важный машиностроительный сектор, таких работников было относительно мало, в них наблюдался более низкий уровень текучести кадров. Проблема режима, однако, заключалась в следующем: проводя политику стремительного развития, он поставил восстановление страны в зависимость всего от нескольких ключевых секторов — добычи угля, металлургии и строительства. Причем как раз они особенно зависели от использования рабской и полусвободной рабочей силы. В этом смысле весь процесс реконструкции оказывался заложником поведения людей, у которых опыт принуждения к труду и выживания отнюдь не способствовал их превращению в энтузиастов претворения в жизнь сталинского проекта.

2. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС 1946–1947 гг.

В этой и следующей главах будут детально рассмотрены условия жизни советских людей в период с 1946 до начала 1950-х гг. Начнем с краткого анализа некоторых проблем, связанных с интерпретацией данных, относящихся к послевоенному восстановлению СССР, затем перейдем к обсуждению продовольственного кризиса 1946–1947 гг. и к описанию того, как режим реагировал на него, а также проанализируем его последствия для той части населения, которая не была занята в сельском хозяйстве. В главе 3 мы затронем тему умеренного улучшения обстановки в стране после отмены карточной системы и проведения денежной реформы. Также мы рассмотрим ситуацию с жильем и состояние здравоохранения, которые наряду с обеспеченностью продуктами питания наиболее сильно влияют на качество жизни людей.

Послевоенное восстановление и народное потребление. Проблемы анализа

Когда Советский Союз вступил в войну с нацистской Германией, он был еще чрезвычайно бедной страной. Производство промышленной продукции за годы сталинской индустриализации резко выросло, но этот рост практически не повысил уровень жизни населения. Напротив, последний существенно упал в течение 1930-х гг. как в городе, так и в деревне. Поэтому несложно представить, насколько катастрофически ухудшилось положение после окончания войны в 1945 г. Марк Харрисон недавно выдвинул аргумент, что имевшиеся в стране во время войны ресурсы были настолько ограничены, что она не могла прокормить гражданское население. Без существенной помощи, подобной той, что получал Советский Союз по программе ленд-лиза, массовая гибель людей от голода была бы неизбежной, причем не только в Ленинграде, три года находившемся в блокаде, но и в отдаленных районах страны, не затронутых боевыми действиями¹. Жизнь тех, кто выжил, была невероятно тяжелой. Горожане

¹ Harrison M. *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945*. Cambridge, 1996. P. 141, 159–161.

ели преимущественно хлеб, картошку и каши. Некоторым удавалось покупать более питательные продукты — молоко, масло и мясо — на колхозных рынках, но для большинства семей эти товары были непомерно дороги. После войны многие рабочие обнаружили, что их заработки существенно снизились, поскольку продолжительность рабочего дня сократилась. Они также потеряли оплату натурой — водкой, табаком или хлебом, которые во время войны можно было продать за деньги или обменять².

Учитывая подобное наследие войны, даже если бы в стране настал период устойчивого восстановления и постоянного роста производства сельскохозяйственной продукции и товаров легкой промышленности, условия жизни населения оставались бы трудными еще много лет. Но, как указано во введении, с точки зрения правящего режима стабильный рост с соблюдением баланса между развитием тяжелой индустрии и отраслей легкой и пищевой промышленности был невозможен. Правительство СССР выбрало в качестве главного приоритета восстановление тяжелой промышленности отчасти потому, что испытывало страх перед окружающими страну государствами по мере развития политики холодной войны. Но главная причина в том, что именно в этом секторе экономики коренилось доминирующее положение советской политической элиты по отношению к обществу. Следствием этого, как и в 1930-е гг. стало продолжение курса на ограничение народного потребления. Некоторый, весьма умеренный его рост по крайней мере для городского населения все же планировался, но соответствующим отраслям доставались жалкие крохи, падавшие из рога изобилия инвестиций в тяжелую индустрию.

Общая картина развития страны между 1945 и 1953 гг. точно вписывается в указанную схему. Если взглянуть на графики увеличения объемов производства в промышленности и сельском хозяйстве, то Советский Союз в целом завершил восстановление экономики за три-четыре года после окончания Второй мировой войны. Большинство отраслей тяжелой промышленности уже в 1948 г. вышли на уровень 1940 г. Основная часть легкой, пищевой промышленности и даже сельского хозяйства достигли уровня 1940 г. только в 1949 или 1950 г.³ Различные оценки реальной заработной платы, характери-

² Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 39.

³ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. London, 1980. P. 578–593, 603–608, 614–633; Medvedev Zh. A. *Soviet Agriculture*. New York, 1987. P. 159.

зующие покупательную способность населения, приводят к аналогичным заключениям. Так, например, Жанет Чэпмен подсчитала, что реальные доходы населения в 1948 г. составляли примерно 80 % от довоенного уровня, но уже к 1952 г. превысили его на 25 %. Вместе с тем она предупреждает, что 1940 г. считался трудным и уровень жизни населения оставался на 25–40 % ниже, чем 1928 г.⁴ Можно также воспользоваться данными из работы Евгения Залеского в части оценок индекса стоимости жизни в Москве и изменений в размерах денежных доходов населения. Это поможет вычислить индекс реальных доходов и прийти к выводу о том, что восстановление предвоенного уровня потребления произошло еще раньше, в 1949 г.⁵ Безусловно, имеется немало числовых и методологических неопределенностей во всех указанных и иных попытках оценить покупательную способность населения. Но, рассматривая их результаты совместно с данными о физических объемах производства, можно предположить: к 1950 г. уровень жизни граждан, не занятых в сельском хозяйстве, возвратился к более или менее приемлемому, но весьма аскетическому.

Если же рассмотреть схему потребления детально, то вырисовывается более сложная картина. Одна из проблем изучения реальных доходов населения и его покупательной способности заключается в том, что эти показатели не характеризуют фактическое потребление, поскольку оно ограничивается не только количеством денег у граждан и ценами на товары, но и физическими объемами предложения этих товаров. Обзоры потребления продуктов рабочими, проведенные ЦСУ, указывает на то, что рацион питания их семей в 1946–1947 гг. в основном состоял из крахмалосодержащих продуктов (хлеба и картофеля)⁶. В нем оказалось очень мало источников протеинов и почти отсутствовали фрукты и овощи. Главным овощным продуктом была капуста. Что касается непищевых товаров, то приобретение мыла, обуви, галош и готовой одежды в эти годы было крайне незначительным. В год на члена семьи приходилось половина пары кожаной обуви, треть пары галош, 1,5 кг хозяйственного и треть куска туалетного мыла. Если семья нуждалась в верхней одежде, то

⁴Chapman J. Real Wages in Soviet Russia Since 1928. Cambridge, 1963. P. 144–145.

⁵Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth. P. 458–459, 535, 668–669.

⁶РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2129. Л. 79–79 об. См. табл. 2.3, в которой сравнивается потребление до и после поднятия цен и введение ограничений на выдачу продуктов по карточкам в сентябре 1947 г.

единственным способом ее приобретения была покупка отреза ткани примерно 3,5 м в год на человека. Из такого количества материала можно сшить один мужской или женский костюм. Фактически в 1946 г. советская швейная промышленность произвела примерно четверть готового платья и менее одной пары носков на душу населения⁷. Как будет ясно из следующей главы, даже к концу сталинской эпохи производство и потребление белья, чулочно-носочных изделий, обуви и верхней одежды оставались крайне низкими. Доступность продуктов хотя и превысила довоенный уровень и уровень голодного 1947 г., но рацион оставалось весьма скудным. Общество даже отдаленно не приблизилось к комфортному жизненному стандарту.

В рамках отмеченных тенденций 1946–1947 гг. обладают собственными уникальными особенностями, которые нельзя назвать иначе как кризисом потребления. При этом статистические данные о реальных доходах населения, указывающие на рост его покупательной способности в указанные годы, являются совершенно неопределенными. Частично это обусловлено тотальным дефицитом товаров, частично тем способом, которым карточное распределение и система ценообразования доводили эти товары до различных слоев населения. До отмены карточек в декабре 1947 г., о чем пойдет речь в следующей главе, советские покупатели имели дело (по крайней мере в пределах легальной экономики) с тремя видами цен на товары. Существовали относительно низкие цены на товары, распределяемые по карточкам (по которым они продавались в государственных магазинах). Но в основном эти товары распределялись через отделы рабочего снабжения по месту работы. Были так называемые коммерческие цены, по которым товары реализовывались через сеть государственной торговли, и более или менее свободные цены на продукцию, продаваемую частниками на колхозных рынках. Свободные цены почти во всех случаях поднимались или опускались в ответ на изменения коммерческих цен, с которыми они напрямую конкурировали. Логика подсказывает, что только состоятельные граждане могли позволить себе делать покупки на рынке, но оказывается, что практически все рабочие семьи, независимо от уровня их доходов, имели обыкновение тратить денег больше, чем приносили в дом в виде зарплаты. По данным ЦСУ, в конце 1946 г. каждая рабочая семья имела средний душевой доход равный примерно 325 руб. в месяц, расходуя при этом в среднем по

⁷ Подсчитано на основе данных по объемам производства и оценок численности населения, приведенных в: Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. P. 614–633.

420 руб. на человека, то есть на треть больше, чем зарабатывала. Эта разница объясняется наличием в семьях иных источников дохода: пенсий, заемных средств из государственных и частных источников. Но большая часть дополнительных доходов поступала от продаж частным лицам, то есть существовала некая форма частной торговли, хотя фигурировали в ней лишь продукты, выращенные в личном подсобном хозяйстве, или собственное имущество граждан⁸. Хотя к точности этих данных следует относиться с осторожностью, поскольку люди, вероятнее всего, занижали объемы частных продаж, чтобы не платить налоги⁹, общая картина понятна. Руководствуясь теми же соображениями, государство могло позволить себе продавать через свои торговые точки продукты питания и потребительские товары в количествах, не достаточных для простого выживания населения.

В сентябре 1946 г. государство подняло цены на продукты, продаваемые по карточкам, чтобы заранее ограничить их потребление после неурожая, случившегося той же осенью. Как сказано ниже, государство попыталось сбить волну народного недовольства путем одновременного снижения коммерческих цен на многие товары. Это, в свою очередь, вызвало обвал цен на колхозных рынках и в целом позволило возместить подъем пен на рационированные товары, продемонстрировав снижение общего индекса потребительских цен и соответствующий рост размеров реальной заработной платы. Но в значительной степени эти положительные тенденции были не более чем статистические фокусы. Общее падение цен на продукты питания не сделало последние доступнее для населения. С одной стороны, доходы разных категорий трудящихся сильно отличались друг от друга. Для низкооплачиваемого контингента и рабочих со средним уровнем доходов снижение коммерческих цен и цен на колхозных рынках не имело большого значения, поскольку они все равно не могли покупать там продукты. С другой стороны, повышение цен на продукты, продаваемые по карточкам, и другие государственные меры по ограничению потребления лишали эти категории трудящихся возможности приобретать их: во-первых, потому что эти продукты исчезли с полок магазинов, а во-вторых, многие работники и их семьи просто лишились продуктовых карточек. Наконец, в-третьих, часть граждан теперь покупали меньше продуктов вследствие новых,

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2129. Л. 80, 89, 100.

⁹ О роли частной торговли в послевоенный период и проблемах ее налогообложения см.: Hessler J. A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 3.

более высоких цен. Для категорий трудящихся с более высоким уровнем доходов ситуация была не столь острой. Но так или иначе, их покупательная способность также пострадала в зависимости от того, какую долю необходимых продуктов они обычно приобретали в частном секторе. Для большинства рабочих она была довольно значительной и даже в конце жизни Сталина находилась на уровне 29 %¹⁰. Независимо от того, упали или поднялись реальные доходы населения после сентября 1946 г., эти изменения были связаны в основном с тем, насколько покупки на колхозных рынках могли компенсировать рост цен на продукты, приобретаемые в государственных магазинах. Хотя у части рабочих к концу месяца оставалось на руках достаточно средств, чтобы приобретать немного дефицитных продуктов на рынке, остальные зарабатывали так мало, что не могли позволить себе сохранить даже тот скудный рацион, который теоретически полагался им по карточкам.

Все сказанное выше тем не менее не дает полной картины. Как мы увидим далее в этой главе, реальной проблемой 1947 г. стал абсолютный дефицит продовольствия, от которого работники всех отраслей во всех регионах страны страдали независимо от размеров их заработка, причем настолько, что не просто недоедали, а буквально умирали от голода.

Повышение цен на продукты, продаваемые по карточкам, и сокращение норм их отпуска в сентябре 1946 г.

Катастрофическое падение уровня жизни, которое наблюдалось в Советском Союзе в конце 1946 г., следует проанализировать с позиции общих проблем восстановления народного хозяйства. В большинстве местностей ситуация сложилась поистине ужасающая. Такой вывод следует, например, из закрытого партийного доклада о положении в г. Саратове в начале 1946 г. Такая информация важна еще и потому, что Саратов не был оккупирован немцами и там не происходило никаких боевых действий. То есть речь идет не о Сталинграде или Киеве, а о городе, находящемся в самом сердце страны.

Население Саратова испытывало хроническую нехватку продовольствия. Местная торговая сеть имела запасы основных продуктов — крупы, мяса, соли, — но не пускала их в продажу. Людям не удавалось отоварить продуктовые карточки, они не имели возможности

¹⁰ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 841. Л. 173, 176, 180. Данные из докладов ВЦСПС о семейных бюджетах в 1950 г.

купить на них даже хлеб и картошку. Остродефицитными были молоко и молочные продукты. Ясли и больницы получали молоко всего два или три раза в месяц, его не хватало даже для беременных женщин и кормящих матерей. Столь же тяжелым оказалось положение с непродовольственными товарами. Не хватало дров, служивших основным видом топлива для обогрева жилья, городских больниц и детских домов. Не работали четыре из двенадцати городских бань, и это создавало серьезную угрозу здоровью населения. Источниками питьевой воды служили в основном уличные колонки, причем четверть из них не работала, и горожане были вынуждены ходить за водой на соседние улицы. Более того, питьевая вода подавалась неочищенной. Подача электроэнергии также была нерегулярной. Городские электрические сети не справлялись с нагрузкой по одновременному снабжению жилых домов и промышленных предприятий. Фактически многие заводы использовали низковольтные сети, предназначенные для снабжения электричеством жилого сектора, поскольку не располагали собственными трансформаторными подстанциями. Немало рабочих ежедневно проходило десятки километров, добираясь до работы и обратно, поскольку общественный транспорт отсутствовал. Новые протомвары практически невозможно было достать, а ремонт старой одежды и обуви в мастерских занимал от одного до восьми месяцев¹¹.

Ситуация в Саратове не была исключительной. Жители других районов страны (например, Томской области и Татарии) также страдали от недоедания и голодали, причем это отмечалось еще до неурожая 1946 г.¹² Даже там, где продуктов вроде бы хватало, их поставки оставались скудными, а качество — низким. Пища, которую готовили для рабочих, восстанавливавших Сталинградский тракторный завод, была настолько плохой, что люди отказывались ее есть¹³. Во многих столовых подавали протухшую еду, причем как до, так и после неурожая. Хотя руководители предприятий перекладывали часть вины за это на недобросовестность поваров, можно предположить, что те просто вынуждены были готовить из тухлого мяса и гнилых овощей из-за отсутствия свежих продуктов¹⁴. Как мы увидим в следующей

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 556. Л. 35–49.

¹² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 145. Л. 211–211а; Д. 146. Л. 28–29.

¹³ Сталинградский тракторострой. 1946. 29 июня.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 2 (Угольный трест № 7 объединения «Щекиноуголь», Тульская обл.); Голос дзержинца. 1946. 4 дек. Ужесточение норм санитарного контроля могло иметь серьезные последствия. Например,

главе, проблема жилья появилась не только в пострадавших от войны городах, она носила повсеместный характер. Жилищные условия, не отличавшиеся особым комфортом и до войны, ухудшились в военный период, поскольку у жилого сектора отбирались ресурсы, необходимые для технического обслуживания и ремонта старых и строительства новых зданий, а с эвакуацией и притоком в города беженцев нагрузка на и без того сократившийся жилищный фонд возросла.

Если жизнь в городах была столь нелегкой, то в сельской местности рабочие и даже руководящий состав существовали в не поддающейся описанию нищете. Вскоре после сентябрьского (1948 г.) повышения цен и урезания норм отпуска продуктов по карточкам профсоюз рабочих восточных и дальневосточных железных дорог провел проверку условий жизни людей на малых станциях и полустанках. Отчеты об этой проверке якобы вошли в доклад ВЦСПС о внедрении новой государственной политики, но описанные в них нищета и безысходность явились лишь косвенными результатами прошедших изменений. Скорее всего, профсоюзные инспекторы преследовали совсем иные цели, а именно — предупредить высшее руководство о крайней нищете членов своего профсоюза. В отчете приводится следующий пример: начальник одного из полустанков Томской железной дороги (специалист со средним техническим образованием и восемнадцатилетним стажем работы) дошел до такой степени нищеты, что его старший ребенок не мог посещать занятия в школе из-за отсутствия одежды и обуви. Семья также была вынуждена отдать одного из младших сыновей в детский дом, поскольку не могла его прокормить. По меньшей мере два поселка на той же дороге не имели надежных источников водоснабжения. Жители одного из них ходили за водой на ближайшую реку, за два с половиной километра, а обитатели второго полностью зависели от того, пожелают или нет машинисты проходящих поездов поделиться с ними водой из паровозных котлов¹⁵.

Все планы режима по ускоренной реконструкции промышленности и восстановлению уровня жизни населения были разрушены неурожаем 1946 г. и последовавшим затем голодом. В 1946 г. урожай зерна упал до 39,6 млн тонн. Для сравнения укажем, что в 1940 г. было собрано 95,5 млн тонн, а в 1945 г. — 47,3 млн. В 1947 г. ожидался

столовая, в которой питались рабочие и учащиеся школы ФЗО в Московском районе Кунцево, была однажды вынуждена выбросить 280 порций завтраков, после того как в еде обнаружили дохлую мышь (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3529. Л. 75, 77).

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 247. Л. 9, 10 об.

подъем сбора зерна до 65,9 млн тонн. Неурожай привел к катастрофическому падению в 1947 г. объемов зерна, выдаваемого колхозникам на трудодни, а также хлеба и муки, продаваемых городскому населению по карточкам. В 1940 г. в стране имелось 28,8 млн тонн муки. В военные годы ее количество резко сократилось, достигнув своего минимума, 13 млн тонн, в 1943 г. После этого цифры медленно поползли вверх и достигли 14,6 млн тонн в 1945 г. и 16,4 млн тонн в 1946 г. Но в 1947 г. объемы вновь упали до 14 млн тонн. При этом теперь требовалось покрывать значительно возросшие по сравнению с 1940 г. потребности в муке в связи с увеличением городского населения¹⁶. В результате страну охватил голод, начавшийся зимой 1946–1947 гг. Его отдаленные последствия ощущались и в 1948 г. По самым последним оценкам Майкла Эллмана, от 1 до 1,5 млн человек погибло тогда от голода и вызванных им болезней¹⁷. Миллионы людей бежали из охваченных голодом регионов, чтобы спастись от эпидемий тифа и тяжелых желудочно-кишечных заболеваний (типа дизентерии). И хотя наиболее серьезный ущерб понесли охваченные засухой районы Украины и Молдавии, недостаток продовольствия привел к массовому, практически повсеместному недоеданию среди людей, занятых как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Голод стал не только следствием непредсказуемой природной катастрофы, но и результатом политики, проводимой режимом. Действия государства были нацелены на ослабление голода в наиболее пострадавших районах, но не на его предотвращение. Вместо того чтобы пустить в продажу государственные продовольственные резервы, хранящиеся на случай чрезвычайных обстоятельств, власти предпочли урезать потребление. Они пошли на это в сентябре 1946 г., вначале резко взвинтив цены на основные продукты питания в государственной торговле, а затем сократив нормы продажи по карточкам.

Именно неурожаем и реакцией властей на него объясняется повышение цен на продукты, продаваемые по карточкам (проведенное по распоряжению правительства от 16 сентября 1946 г.), а также урезание норм отпуска по карточкам (последовавшее 11 днями позже,

¹⁶Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. P. 582–583; Harrison M. *Accounting for War*. P. 69.

¹⁷Ellman M. *The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines* // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. Vol. 24. № 5 (September). P. 615.

27 сентября 1946 г.¹⁸). Рассмотрим вначале последствия повышения цен, размеры которого представлены в табл. 2.1. Как следует из приведенных данных, стоимость основных продуктов питания выросла очень существенно, особенно это касается хлеба, составлявшего основу рациона большинства семей. Для того чтобы компенсировать увеличение цен, были введены так называемые хлебные надбавки для рабочих, составлявшие 20 % от базовой ставки заработной платы. Однако этих надбавок были удостоены далеко не все. Например, на Уральском алюминиевом заводе их получали только 51 % рабочих и 41 % ИТР. В число тех, кто был лишен надбавок, попали рабочие-ремонтники основных цехов, и их недовольство несправедливостью ситуации вылилось в серьезную проблему для руководства завода¹⁹.

Сложно оценить, насколько широко распространилось подобное недовольство. Елена Зубкова, используя доклады местных партийных функционеров, называет целый ряд предприятий, где трудящиеся открыто выражали тревогу по поводу повышения цен. Особенно их возмущал тот факт, что правительство отправляло зерно за границу в страны Восточной Европы и даже во Францию, в то время как внутри страны сохранялся острый дефицит продовольствия. Вместе с тем многие рабочие, напуганные очевидными последствиями, которыми грозило повышение цен, были готовы признать оправданность столь суровых мер, если «товарищ Сталин» и правительство сочли их необходимыми²⁰. Но не все были настроены столь миролюбиво. Глава партийной организации рыбного треста в Новгородской области на собрании заявил: «И вот до чего мы докатились! Они называют это заботой о материальных потребностях рабочих людей, занятых выполнением четвертой сталинской пятилетки. Теперь понятно, почему они даже не собрали ни одного митинга по этому вопросу. Будут восстания, мятежи, и рабочие спросят: “Разве за это мы боролись?”»²¹. Несколько иную картину (отличную от официальной) дают профсоюзные доклады из Москвы. Даже высокооплачиваемые рабочие-стахановцы были глубоко обеспокоены проблемами выживания. Женщина — водитель грузовика с небольшой московской обувной фабрики, подсчитала, что с учетом новых надбавок ее зарплата поднимется с

¹⁸ Приказ Министерства торговли СССР № 308 от 27 сентября 1946 г. «Об экономии и расходовании хлеба».

¹⁹ ГА РФ. Ф. 7976. Оп. 16. Д. 39. Л. 93–94.

²⁰ Zubkova E. *Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / ed. H. Ragsdale. Armonk, 1998. P. 43–46.

²¹ Зубкова Е. *Общество и реформы. 1945–1964*. М., 1993. С. 43.

722 до 1121 руб. в месяц, но расходы возрастут гораздо сильнее. Если раньше в конце месяца у нее оставалось немного денег, то теперь ее семейный бюджет станет дефицитным, и она, стахановка, не сможет обеспечить своих детей обувью, одеждой и дровами на зиму. Еще одна женщина — работница московской швейной фабрики — вычислила: после повышения цен она будет приносить домой ежемесячно от 350 до 400 руб., в то время как на жизнь ей требуется не менее 800 руб.²² По сообщениям с других московских предприятий многие, возможно, подавляющее большинство рабочих видели решение проблемы не в изменении государственной политики, а в улучшении управления их предприятиями, руководители которых обязаны были ликвидировать простои, помочь в повышении производительности труда, что дало бы возможность зарабатывать больше денег, чтобы справиться с удорожанием жизни²³.

Было бы ошибкой полагать, что подобные отчеты представляли собой лишь попытки местных властей или профсоюзных инспекторов сообщить вышестоящим то, что те желали услышать, занижая уровень высказываемого недовольства или завышая степень понимания рабочими сложившейся ситуации (во многих случаях — вынужденного). Например, очень немногие официальные лица старались скрыть от рабочих сам факт неурожая, хотя нам не удалось обнаружить ни одного выступления, в котором открыто говорилось о прямой связи между неурожаем и голодом. Вместе с тем отчеты с мест добавляют новые штрихи к тому, как люди представляли себе происходящее. Большинство этих документов — отчеты с собраний, проходивших на предприятиях в течение нескольких дней после 16 сентября, то есть до того, как рабочие смогли в полной мере оценить долгосрочные последствия повышения цен, и, что еще важнее, до объявления

²² ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 241. Л. 36, 39.

²³ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 241. Л. 1–11; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 425. Л. 45. Последняя ссылка относится к отчету партийного агитатора из Казани, который суммирует свои наблюдения кратко и чересчур оптимистично: «Факт, что в Казани многие предприятия работают ниже своих возможностей, на них случаются технические неполадки и перебои в снабжении работников инструментом, сырьем и комплектующими изделиями, и это ведет к невыполнению рабочими установленных норм и потерям в заработках. Есть рабочие, зарабатывающие по 159–200 и даже по 70–80 рублей в месяц. Рабочие требуют лучшей организации труда, более интенсивного использования рабочего времени, ликвидации простоев и создания условий, в которых они могли бы выполнять и перевыполнять нормы, увеличивая таким образом свои заработки».

правительством решения об урезании норм отпуска продуктов по карточкам. Большинство трудящихся, особенно в больших городах и на крупных предприятиях, не имели представления о тех трудностях, которые их ожидают. Они столкнутся с этими проблемами позднее, когда перестанут получать хлебные карточки на иждивенцев, а выросшие цены пробьют ощутимую брешь в их семейном бюджете.

До 27 сентября карточная система обеспечивала хлебом 87,5 млн человек (для сравнения в январе 1945 г. хлеб по карточкам получало 77 млн). Это число включало три категории пользователей: 58,6 млн городских жителей, 37,6 млн сельских жителей и 1,3 млн человек, находящихся на государственном обеспечении (обитателей детских домов и домов младенца, домов для инвалидов и престарелых).

Таблица 2.1

**Цены (в рублях) на товары, продаваемые по карточкам,
и государственные коммерческие цены до и после 16 сентября 1946 г.**

Товар	Цена по карточкам на 15 сентября 1946 г.	Коммерческая цена на 15 сентября 1946 г.	Цена по карточкам на 16 сентября 1946 г.	Коммерческая цена на 16 сентября 1946 г.
Хлеб черный, за кг	1,1	10,00	3,40	7,50
Макаронные изделия, за кг	5,00	Нет данных	15,50	Нет данных
Картофель, за кг	0,90	27,00	0,90	24,00
Говядина, за кг	14,00	140,00	30,00	90,00
Свинина, за кг	14,00	300,00	34,00	130,00
Баранина, за кг	14,00	Нет данных	34,00	Нет данных
Сыр, за кг	32,50	215,00	70,00	170,00
Яйцо, за 10 шт.	Нет данных	100,00	Нет данных	50,00
Сахар колотый, за кг	5,50	170,00	15,00	70,00
Молоко, за л	3,50	40,00	8,00	20,00
Водка, за л	120,00	130,00	Нет данных	120,00
Папиросы, пачка 25 шт.	6,00	30,00	Нет данных	27,00
Мужской костюм из шерстяной ткани, шт.	1139,00	3500,00	800	3000
Женское платье из х/б ткани, шт.	62,50	Нет данных	77,00	Нет данных
Мужское пальто зимнее, шт.	725	7000,00	1000,00	5050,00

Товар	Цена по карточкам на 15 сентября 1946 г.	Коммерческая цена на 15 сентября 1946 г.	Цена по карточкам на 16 сентября 1946 г.	Коммерческая цена на 16 сентября 1946 г.
Мужские ботинки кожаные, пара	280,00	Нет данных	270,00	Нет данных
Мужские носки х/б, пара	5,00	62,00	8,25	45,00
Женские чулки х/б, пара	Нет данных	150,00	Нет данных	100,00
Мыло хозяйственное, за кг	3,10	60,00	13,00	54,00

Примечание. Цены на товары по карточкам — общесоюзные, коммерческие цены приведены для Москвы. Цены на колхозных рынках не приводятся.

Источник: Zaleski E. Stalinist: lanning for Economic Growth, 1933–1952. London, 1980. P. 688–696.

Эта система никогда не распространялась на колхозников, поскольку предполагалось, что те должны обеспечивать себя самостоятельно за счет продуктов, выдаваемых на трудодни, а также за счет личных подсобных хозяйств²⁴. Следует также иметь в виду, что приведенные данные относятся только к снабжению населения хлебом. Число людей, приобретавших по карточкам другие продукты и товары, значительно ниже. Хотя мы не располагаем данными о ситуации по всему Союзу, но обследование ВЦСПС, проведенное в Рязанской области, показывает: в период с 1 января по 1 сентября 1946 г. от 35 до 38 % граждан, имевших хлебные карточки, покупали по ним и другие продукты²⁵.

Из 87,5 млн человек, обладавших карточками, 26,472 млн составляли рабочие и ИТР. Система их снабжения имела весьма причудливую форму, зависящую от степени важности сотрудника для предприятия, на котором он трудился, и характера выполняемой работы. 60 %, то есть менее 16 млн человек, в том числе 9,79 млн работников низших категорий (обслуживавших основные производства второ-

²⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 92. Данные относятся к июлю 1946 г. Это часть доклада специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), учрежденной 2 сентября 1946 г., которой было поручено «исследовать» систему rationирования и распределения продуктов. Настоящая же цель комиссии состояла в обосновании намеченной атаки на потребление. Полный текст доклада содержится там же (Л. 87–131).

²⁵ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 41. Д. 254. Л. 7 об.

степенных отраслей промышленности, сервисные службы и вспомогательные цеха предприятий любой отрасли) имели право на приобретение от 500 до 600 г хлеба в день. Рабочие основных цехов важнейших оборонных предприятий и учащиеся школ и училищ трудовых резервов (всего 3 798 200 человек) могли купить 700 г хлеба в день. На вершине пирамиды находились шахтеры, трудившиеся в угольных и рудных шахтах, работники вредных и опасных производств, а также рыбной промышленности. Эта трудовая элита численностью свыше 2,2 млн человек получала от 1 до 1,2 кг хлеба на человека в день, то есть вдвое больше базовой нормы²⁶.

Комиссия Политбюро, которой была поручена подготовка «реформы» карточной системы, заявила, что предприятия и ведомства допускают ее систематические искажения преимущественно путем подачи завышенных заявок на карточки и незаконного выпуска дополнительных талонов и карточек специального назначения, например на добавочные горячие блюда в рабочих столовых²⁷. Какими бы тенденциозными ни казались подобные выводы, но есть факты, заставляющие поверить, что в них есть доля истины. Руководители предприятий действительно старались делать все, что было в их силах, чтобы улучшить условия существования работников ключевых производств, стремясь одновременно приглушить их недовольство и сократить текучесть кадров. Более того, мелкая градация групп трудящихся определенно облегчала режиму манипулирование ими.

Углубленный анализ, однако, доказывает, что все отмеченные комиссией «злоупотребления» мало препятствовали реализации решения об урезании норм выдачи продуктов по карточкам, которое преследовало единственную цель — ограничить потребление зерна в связи с неурожаем. Имеются не менее четырех аргументов в пользу этого утверждения. Во-первых, отпуск в столовых горячего второго отдельным категориям работников всегда был составной частью карточной системы, и отказ от этой практики, как будет показано далее, наталкивался на непреодолимые трудности и вызывал протесты со стороны руководителей предприятий и профсоюзов. Во-вторых, быстрый рост числа людей, получавших хлебные карточки, был вызван отнюдь не излишней щедростью местных властей. В уже цитированном выше отчете по Рязанской области говорится, что значительную, хотя точно не подсчитанную долю новых обладателей карточек составляли демобилизованные солдаты и члены их семей. В-третьих, общее количество незаконно или самовольно выпущенных продук-

²⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 99–100.

²⁷Там же. Л. 104, 106–107, 109–110, 112–116, 118–120.

товых карточек было незначительным. В Рязанской области всего за две недели до урезания норм отпуска продуктов инспекторы ВЦСПС выявили лишь 0,6 % хлебных и 0,4 % продуктовых карточек, выпущенных с нарушением действующего законодательства. В Курганской области аналогичные «незаконные» карточки составили 1,4 % и 0,4 % соответственно²⁸. Наконец, урезание продуктовых норм больше всего ударило не по крупным промышленным центрам, где «незаконные» дополнительные карточки и талоны имели наибольшее распространение, а преимущественно по жителям сельской местности.

Таблица 2.2

Число людей, получавших хлебные карточки
в период с января 1945 г. по декабрь 1946 г.

	Январь 1945 г.	Январь 1946 г.	Июнь 1946 г.	Июль 1946 г.	Декабрь 1946 г.
Городское население	50 200 000	55 000 000	57 800 000	58 600 000	55 184 000
Сельское население	25 500 000	27 000 000	27 100 000	27 600 000	4 000 000
Люди, находящиеся на государственном обеспечении, и др.	1 300 000	1 400 000	1 400 000	1 300 000	816 000
Всего	77 000 000	83 400 000	86 300 000	87 500 000	60 000 000

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 92, 147.

Распоряжение от 27 сентября лишило возможности пользоваться карточной системой 27,5 млн человек, преимущественно рабочих, государственных служащих, проживавших в сельской местности, численность которых в совокупности составляла 23,6 млн. Они представляли 86 % сельского населения, ранее получавшего хлебные карточки, а теперь утратившего эту привилегию. Остальные сокращения распространились примерно на 3,4 млн городских жителей (преимущественно на иждивенцев) и на полмиллиона обитателей государственных детских домов и домов для инвалидов и престарелых. Сводные данные обо всех изменениях приведены в табл. 2.2. Оставшиеся в системе снабжения по хлебными карточкам 55,2 млн человек распределились по категориям следующим образом: 29,4 млн рабочих, 8,9 взрослых иждивенцев и 16,9 млн детей²⁹. Помимо тех, кто

²⁸ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 254. Л. 15, 77.

²⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 147.

полностью утратил права на хлебные карточки, еще около 20,5 млн человек лишились дополнительных талонов на хлеб. Самую большую по численности группу среди них составили 7,7 млн школьников, ранее дополнительно получавших по 50 г хлеба в учебные дни. Также по новым нормам у них отняли еще по 100 г хлеба в день, то есть они стали получать по 300 г вместо 450. Сокращение норм хлеба затронуло также следующие основные группы населения: 5,8 млн рабочих лишились дополнительных 100 г хлеба, выдававшихся вместе с горячими блюдами на обед; 1,8 млн рабочих перестали получать дополнительные 100 г за перевыполнение дневных норм выработки; 513 700 шахтерам-угольщикам отказали в 100–200 г хлеба, выдаваемых ранее вместе с завтраком; около 3 млн человек управленческого персонала лишились хлебных надбавок, полагавшихся им по разнообразным особым распоряжениям, и (что особенно удивительно) 580 300 функционеров советских и партийных органов областного и районного звена утратили дополнительные 200 г хлеба к обеду³⁰. Новая политика распространялась практически на все слои общества. Врачи, учителя, профсоюзные работники и даже служащие МВД лишились основных или добавочных хлебных карточек, если они проживали не в крупных городах³¹.

Логика подобной политики были вполне прозрачной. Государство полагало, что люди, работавшие в сельской местности и имевшие приусадебное хозяйство или участок земли под огород, могли выращивать продукты питания самостоятельно, несмотря на то что местным властям было хорошо известно: это не так. Если в рабочих семьях имелись взрослые иждивенцы, то предполагалось, что те обязаны искать себе занятие. Логика же урезания норм выдачи продуктов по карточкам детям совершенно абсурдна даже для сталинизма. Если государство в условиях общей нехватки продуктов считало детей легче восстанавливаемым человеческим ресурсом, чем взрослые рабочие, которыми можно пожертвовать, то оно сильно заблуждалось. Родители, как будет показано ниже, стремились к тому, чтобы выжили хотя бы дети, и поэтому, отдавая все им, оставались голодными.

Влияние повышения цен и урезание норм отпуска продуктов на потребление можно частично проследить на основании данных ЦСУ

³⁰ Там же. Л. 32, 174–175. О привилегированных карточках для партийных работников и даже сотрудников секретных служб см.: Там же. Л. 37, 53–55, 59.

³¹ В дополнение к предыдущей ссылке см. также: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 239. Л. 30–30 об. (Молдавия); Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3200. Л. 6 (Вологодская обл.).

о семейных бюджетах. Они представлены в табл. 2.3, где показаны изменения среднего количества основных продуктов, потребляемых членами рабочих семей за период с июля 1946 г., то есть накануне сентябрьского повышения цен и снижения норм отпуска по карточкам вплоть до сентября 1947 г., когда прошел целый год после принятия соответствующих решений.

Для того чтобы правильно расценивать представленные цифры, полезно учесть: даже до повышения цен и урезания норм среднечеловеческое потребление основных продуктов членами рабочих семей мало чем отличалось от официально установленного рациона, по которому в годы войны кормили несовершеннолетних узников сталинских лагерей. Согласно этим нормам каждый должен был ежедневно получать 600 г черного хлеба, 75 г круп и макаронных изделий, 500 г картофеля и овощей, 70 г рыбы и рыбопродуктов, 25 г мяса и мясных продуктов, 15 г сахара и 25 г животных жиров или растительного масла³². Нет причин верить, что юные обитатели Гулага действительно получали все перечисленные продукты. Тем не менее существенным является тот факт, что в начале сентября 1946 г. член рабочей семьи в среднем получал не намного больше продуктов, чем дети-заключенные в сталинских лагерях. Режим считал это количество еды достаточным для поддержания жизни не взрослого населения лагерей, занятого на тяжелых физических работах, а лиц моложе 16 лет. Уровень жизни рабочей семьи отличался от последних в лучшую сторону только по уровню потребления молока, фруктов и, возможно, овощей.

Таблица 2.3

Среднечеловеческое потребление (г/чел. в день) основных продуктов питания в рабочих семьях за период с III квартала 1946 г. по III квартал 1947 г.

	III квартал 1946 г.		IV квартал 1946 г.		III квартал 1947 г.	
	Всего	В т. ч. в системе общественного питания	Всего	В т. ч. в системе общественного питания	Всего	В т. ч. в системе общественного питания
1	2	3	4	5	6	7
Хлеб и зерновые продукты	641,4	36,1	534,7	12,9	549,8	18,1
Черный хлеб	286,9	5,9	285,1	3,6	241,7	4,5

³² Гулаг (Главное управление лагерей), 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 2000. С. 518. Здесь воспроизведен Приказ НКВД от 29 мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 141. Л. 165–165 об.

1	2	3	4	5	6	7
Пшеничный хлеб из муки грубого помола	241,9	5,0	184,8	1,7	227,0	2,0
Пшеничный хлеб из муки тонкого помола	46,2	2,2	19,5	1,2	19,2	1,6
Ржаная мука	4,8	1,6	5,1	0,4	11,0	1,4
Пшеничная мука	20,6	3,5	11,8	1,0	13,6	1,1
Крупы	28,3	12,6	17,3	2,9	27,5	5,8
Макаронные изделия	12,5	5,3	10,9	1,9	9,8	1,7
Картофель	393,9	22,7	718,6	51,3	508,2	20,2
Фрукты и овощи, включая:	198,0	42,8	161,2	38,8	216,8	36,7
Капуста	41,5	15,2	76,1	20,7	54,7	14,1
Прочие овощи	115,2	19,8	72,6	16,1	123,2	17,2
Бахчевые культуры	19,6	5,0	7,6	1,2	16,5	3,4
Фрукты и ягоды свежие	21,0	2,5	5,7	0,5	21,0	1,5
Фрукты и ягоды сушеные	0,7	0,3	1,2	0,3	1,4	0,5
Молочные продукты, включая:	142,0	15,4	76,1	6,0	163,9	16,3
Молоко свежее и молочнокислые продукты	128,6	11,2	68,3	4,0	149,5	12,3
Масло сливочное	6,2	1,5	3,6	0,6	8,5	1,5
Сливки	0,8	0,4	0,3	0,1	1,0	0,6
Сыры	0,9	0,3	0,9	0,3	0,8	0,3
Творог	5,5	2,0	3,0	1,0	4,1	1,6
Яйцо (шт.)	0,03	0,01	0,01	0,005	0,02	0,005
Мясо и рыба, включая:	47,1	11,1	61,4	9,5	49,1	10,2
Мясо и мясные продукты	26,3	7,3	44,5	7,5	25,6	6,0
Рыба и рыбные продукты	20,8	3,8	16,9	2,0	23,5	4,2
Маргарин	0,2	0,03	0,3	0,07	1,9	0,3
Растительное масло	5,9	1,3	5,8	0,9	4,4	0,5
Сахар	9,0	2,4	9,0	1,4	8,0	1,4

1	2	3	4	5	6	7
Конфеты-леденцы	6,3	1,1	6,1	0,5	6,8	0,7
Джемы, домашняя выпечка, печенье	Незначительное количество					

Примечание. Незначительные отклонения при суммировании по отдельным видам и наименованиям продуктов объясняются округлениями до десятых долей грамма.

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15: 1946 г. — Д. 2129. Л. 79–79 об. (III квартал); Л. 80–80 об. (IV квартал); 1947 г. — Д. 2475. Л. 11–11 об.

Итак, что можно сказать об изменениях в рационе питания рабочих после середины сентября 1946 г.? Потребление хлеба и других зерновых продуктов упало даже больше, чем потребление молочных продуктов, служивших основными источниками протеинов. На первых порах имелась возможность компенсировать потерю хлеба за счет увеличения количества ежедневно потребляемого картофеля, который, однако, не приобретался на колхозных рынках. Доедались запасы, сделанные в предыдущие месяцы. Когда они закончились, его потребление также резко сократилось³³. Как это ни удивительно, но потребление мяса (в основном говядины и баранины) поначалу даже возросло, возможно, потому, что колхозы начали забивать скот, который нечем было кормить. Но, несмотря на временное увеличение потребления мяса, его все равно оказалось недостаточно, чтобы заметно повлиять на качество питания, и в любом случае этот рост потребления не был долговременным. Падение потребления овощей и фруктов также было замедленным, что в данном случае обусловлено увеличением в рационе капусты. В целом данные, представленные в табл. 2.3, свидетельствуют о том, что рабочие, как отдельная группа населения, имели возможность ослабить последствия дефицита, заменяя менее питательными и вкусными продуктами те, которые они больше не могли получать. Если судить по цифрам, приведенным в таблице, то общее количество калорий, потребляемых человеком за день, было достаточным, чтобы не умереть от голода или от ухудшения состояния здоровья, вызванного недоеданием. Из таблицы также следует, что умеренный рост потребления основных продуктов питания начался в конце 1947 г. Причина, по которой в таблице отражены данные о продуктах, приобретаемых через предприятия общественного питания, станут понятны в дальнейшем, когда мы перейдем к

³³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2129. Л. 79 об., 80 об.

обсуждению проблем, возникавших с получением рабочими пищи в заводских столовых.

Таким образом, данные табл. 2.3 рисуют довольно мрачную картину, особенно если учесть, что падение потребления произошло в ситуации, когда рацион питания и так был крайне скудным как по количеству, так и по качеству пищи. Но приведенные в таблице цифры являются осредненными, поэтому не отражают всех деталей и скрывают истинную меру жестокости правительственных решений и обусловленных ими лишений, пережитых отдельными людьми.

Наиболее тяжкие испытания выпали на долю голодавших жителей сельских районов Молдавии и Украины. В Молдавии всего через несколько недель после урезания норм отпуска по карточкам последних полностью лишились 102 979 сельских жителей, в том числе 42 505 рабочих, 35 149 детей, 21 368 взрослых иждивенцев и 3957 конторских служащих. К числу наиболее пострадавших можно отнести 15 522 человека, работавших или живших в совхозах и 9182 взрослых и детей, находившихся на иждивении рабочих Кишиневской железной дороги. Еще одну группу, которую следует выделить особо, составляли рабочие небольших производственных предприятий и кооперативов, а также члены их семей. К декабрю, невзирая на уже ставшие очевидными последствия неурожая, снова урезали списки обладателей продуктовых карточек. В результате их лишились 3800 работников Кишиневской железной дороги, а число иждивенцев, утративших право на хлебные карточки, выросло почти вдвое — с 9128 до более чем 16 500 человек³⁴. На Украине сильнее всего пострадала Измаильская область вблизи Одессы (впоследствии вошедшая в состав Одесской области). Местные власти урезали список рабочих и иждивенцев, получавших карточки, с 89 652 человек в сентябре 1946 г. до 71 800 в январе 1947 г., то есть на 20 %. За тот же период аналогичный перечень сельских жителей был сокращен почти на две трети, с 44 362 до 16 900 человек, причем ни один из 19 000 взрослых и несовершеннолетних иждивенцев, ранее получавших хлебные карточки, больше их не получал³⁵.

Последствия этих сокращений проявились стремительно и были опустошительными. В особенно уязвимом положении оказались работники железных дорог, значительная часть которых в связи с особенностями отрасли проживала в небольших сельских или полугородских поселениях, в которых снабжение и раньше было плохим,

³⁴ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 239. Л. 31, 51.

³⁵ Там же. Л. 3.

а пропитание напрямую зависело от личного подсобного хозяйства. Положение с обеспечением их продовольствием всегда было шатким. Еще в январе 1946 г. железнодорожный комиссар Ковалев протестовал против сокращений в снабжении продовольствием, которые подведомственная ему железная дорога не в состоянии была компенсировать за счет продукции принадлежащих ей сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств работников³⁶. Когда позднее в том же году во многих регионах наступила засуха, от нее погиб урожай и в личных огородах работников железной дороги, проживавших в сельской местности. Люди оказались брошенными на произвол судьбы. Тяжелее всех пострадал низкооплачиваемый контингент, который, лишившись продуктовых карточек, впал в такую нищету, что некоторым семьям было не на что похоронить своих умерших от голода детей³⁷. 20 января 1947 г. Центральный комитет профсоюза работников Южной железной дороги, крупной железнодорожной сети, покрывавшей всю Молдавию и Южную Украину, направил министру путей сообщений доклад с пометками «весьма срочно», «совершенно секретно», в котором сообщалось:

«В результате того, что многие работники, живущие в сельской местности, являются многосемейными или низкооплачиваемыми, отбор у членов их семей продуктовых карточек заставляет их всех питаться продуктами, полагающимися на единственную карточку кормильца. Недостаточная калорийность пищи, недостаток в ней белков, отрицательное воздействие на организм холодной погоды и, наконец, дефицит витаминов — все это в совокупности привело и продолжает приводить в настоящее время к развитию у людей отечных явлений, обусловленных белковой недостаточностью, острого истощения (алиментарной дистрофии) и заболеваний, связанных с авитаминозом. По нашим данным, подобные заболевания наблюдаются сейчас среди работников Кишиневской, Северо-Донецкой, Южной, Сталинской, Юго-Западной и Северокавказской железных дорог. Зарегистрировано две тысячи четыреста восемьдесят один случай острого истощения, причем 249 человек уже госпитализированы с этим диагнозом. По неполным данным 29 из них умерло»³⁸.

Как сообщается в том же докладе, «на Северо-Донецкой железной дороге рабочие вынуждены делить свой паек на всех членов семьи. В результате очень скоро они слабеют от голода до такой сте-

³⁶ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6585. Л. 14.

³⁷ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 239. Л. 45–49.

³⁸ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7694. Л. 2.

пени, что оказываются не в состоянии или почти не могут работать. Многие семьи распродают все свои пожитки вплоть до одежды, дети перестают ходить в школу». На Южной железной дороге властями было зарегистрировано 400 случаев острого истощения среди детей дошкольного и школьного возрастов. С Юго-Западной дороги сообщали, что квалифицированные рабочие, живущие в поселках западнее Воронежа, бегут с работы, невзирая на то что такие поступки караются 3–10-летними сроками заключения в лагерях, и ищут прибежища на предприятиях других отраслей. На одной из узловых станций группа из десяти работников с семьями собрали пожитки и отправились на ближайшие угольные шахты, где набирали работников и выдавали хлеб и еду всем вновь принятым и их иждивенцам. Профсоюз в пределах своих возможностей начал оказывать срочную материальную помощь пострадавшим от голода семьям, стараясь одновременно разъяснять работникам «временную природу наших трудностей с продуктами» и убеждать их в том, что «положение значительно улучшится в ближайшем будущем». Доклад заканчивается на минорной ноте: «Вместе с тем все усилия, предпринимаемые местными профкомами и Центральным комитетом, являются абсолютно недостаточными, и без непосредственной помощи со стороны вышестоящих руководящих организаций они не в состоянии предотвратить или исключить острые истощения и авитаминозы»³⁹.

На самом деле режим предпринимал определенные действия для исправления ситуации по крайней мере в Молдавии. В декабре 1946 г. министр торговли Молдавии объявил о планируемом экстренном восстановлении хлебных карточек на зимние месяцы. Предполагалось, что выгоду от этого решения должны были получить 9500 кишиневских рабочих и их иждивенцев, 23 000 детей, находившихся на государственном попечении в разных формах и проживавших в детских домах, 40 000 рабочих и служащих из сельских районов и 20 000 членов семей, находившихся на их иждивении⁴⁰. Нам не известно, вся ли обещанная помощь была действительно оказана, но по крайней мере часть обещаний исполнили, и около 10 тыс. человек, проживавших в сельской местности, вернулись на свои рабочие места. В любом случае, данное облегчение касалось исключительно Молдавии, а, например, Измаильская область Украины подобной щедрости не удостоилась⁴¹.

³⁹ РГАЭ. Ф 1884. Оп. 31. Д. 7694. Л. 3–6.

⁴⁰ ГА РФ. Ф 5451. Оп. 31. Д. 239. Л. 35–36.

⁴¹ Там же. Д. 372. Л. 6.

Несмотря на вмешательство государства, положение рабочих в Молдавии и на Южной Украине продолжало ухудшаться. В феврале 1947 г. рабочий Винницкой железной дороги (Украина), ветеран войны и член партии, написал письмо в ЦК партии, в котором описывал свое положение. Он зарабатывал 500 руб. в месяц и не получал никаких продуктов по карточкам, кроме 700 г хлеба в день и обещанных 500 г сахара в месяц. Теоретически рабочие его отделения имели право на приобретение других продуктов по карточкам, распространяемым через МПС, но в течение пяти месяцев он не видел ни мяса, ни жиров, ни даже топлива для обогрева. «Наши продуктовые карточки, — писал он, — остаются простым клочками бумаги». Далее он описывает вставшую перед ним моральную дилемму:

«Поверьте, мне стыдно писать вам, но я все-таки пишу. Мне выдали форму, и я сейчас подумываю о том, чтобы продать ее и купить продукты, поскольку у меня нет ничего, кроме моих рабочих рук, и я не получаю никакой помощи... Как коммунисту мне стыдно покидать свою работу и заниматься спекуляцией, но я вынужден это делать, поскольку смерть от голода самая мучительная смерть... Прошу извинить меня за грубость, но когда человек голоден, он теряет не только способность работать, но и рассудок»⁴².

Этот случай был далеко не единичным. В апреле 1947 г. профсоюз Южной железной дороги вновь обращается с письмом к Ковалеву. Теперь уже было выявлено 30 тыс. рабочих, служащих и иждивенцев, страдающих от острого истощения, плюс несчетное число людей, находящихся в подострой стадии и нуждающихся в неотложном усиленном питании. «Учитывая также, что мы уже имеем несколько случаев смерти от острого истощения среди работников Южной железной дороги, мы вынуждены констатировать, что ряд отделений дороги ныне столкнулись с экстраординарной по тяжести ситуацией». В качестве приоритетной задачи в письме говорится о необходимости срочного выделения дополнительных 150 г хлеба в день рабочим и служащим украинских отделений. Но этим проблема не исчерпывалась. В письме также утверждается, что дефицит продуктов повлек за собой увеличение числа сирот и беспризорных детей, и в этой связи ставится вопрос о расширении сети детских домов⁴³. Хотя рабочие-

⁴²РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7198. Л. 358–359.

⁴³РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7696. Л. 9–9 об., 10. В письме имеется ссылка на постановление Совета министров СССР, в котором намечены меры по оказанию помощи семьям железнодорожных работников, проживающим в сельской местности, но «не имеющим никаких связей с сельским хозяйс-

железнодорожники по причинам, о которых говорилось выше, оказались в наиболее уязвимом положении, они были не единственными пострадавшими. В докладе прокуратуры о положении, сложившемся на одной из судовой г. Николаева, отмечено, что число случаев острого истощения среди ее рабочих выросло с 486 в марте 1947 г. до 739 в апреле, что составляет примерно 15 % от общего числа работающих. Областная прокуратура отмечает, что, несмотря на прибытие аварийного запаса продовольствия, его недостаточно для предотвращения дальнейшего ухудшения состояния здоровья работников⁴⁴.

Отзвуки сокращения рациона питания распространились далеко за пределы голодающих регионов. По свидетельству председателя ВЦСПС В. Кузнецова, лишились продуктовых карточек многие лица, находившиеся на иждивении рабочих железных дорог, угольных шахт и рудников, работников оборонных и текстильных предприятий, поскольку они проживали в сельской местности. Порой такие ограничения касались относительно небольшого числа людей, как, например, семей 80 квалифицированных рабочих завода сельскохозяйственных машин, расположенного в подмосковных Люберцах. В других случаях отлучение людей от продуктовых карточек носило массовый характер. Например, в тресте «Тулауголь» их лишились 11 300 иждивенцев и детей шахтеров⁴⁵. Наиболее сильно пострадали люди, не занятые в сельских коллективных хозяйствах, прежде всего работники государственных сельхозпредприятий. Многие из них трудились на государственных животноводческих фермах и просто не имели возможности выращивать продукты питания, а их заработки были слишком малы, чтобы покупать их на рынке. Только в этом секторе лишились карточек около 1,5 млн животноводов и членов их семей. Министерство животноводства было озабочено тем, что многие скотники бросали фермы в поисках работы в промышленности или даже в соседних колхозах⁴⁶. С похожими петициями обращалось

твом» и лишенных возможностей выращивать продукты самостоятельно. Нам не удалось обнаружить текст этого постановления. Среди прочих чрезвычайных мер, о которых говорится в письме, присутствует соглашение между МПС и Министерством заготовок СССР, разрешающее железнодорожникам самостоятельно закупать овощи и другие продукты в не пострадавших от голода регионах для распределения между работниками Южной железной дороги.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3761. Л. 10–12.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 31.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 42.

в правительство и Министерство речного флота. Принадлежавшие ему подсобные хозяйства не справлялись со снабжением даже собственных работников, а многие из них оказались на грани закрытия, поскольку не могли сохранить коллектив, не обеспечивая людей продуктами⁴⁷.

Опасения столкнуться с нехваткой рабочей силы высказывались почти повсеместно. Предприятия столь разных, не схожих между собой отраслей — деревообрабатывающие фабрики Свердловской области и ленинградские машиностроительные заводы — заявляли, что без обеспечения продуктовыми карточками не смогут набрать достаточно кадров⁴⁸. Для других проблема заключалась не в том, как набрать работников, но как удержать уже имеющихся. Отрасль, занимавшаяся производством льняного и конопляного волокна, сообщала: в октябре 1946 г. она потеряла почти половину своих фабрик, поскольку их сотрудники, лишившись продуктовых карточек, просто сбежали. Проблема усугублялась еще и тем, что слишком усердные местные руководители, стремившиеся продемонстрировать, насколько хорошо они справляются с заданием по экономии зерна, самовольно отменяли многие продуктовые карточки⁴⁹.

Вероятно, центральные власти полагали, что можно не обращать внимания на тревожные сигналы, приходящие из второстепенных отраслей вроде племенного животноводства или текстильной промышленности, но фактически та же ситуация наблюдалась по всей стране. Рабочие, лишившиеся продуктовых карточек, самовольно покидали свои предприятия, а местные партийные и советские органы бомбардировали центр телеграммами, умоляя хотя бы частично восстановить прежние продовольственные квоты для своих регионов. В конце сентября сотня рабочих сбежала с «Днепростроя» на Украине⁵⁰. В октябре Вологодский областной прокурор направил письмо Генеральному прокурору Горшенину, в котором докладывал о мас-

⁴⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 590. Л. 60.

⁴⁸ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 39 об. (Свердловская обл.); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 590. Л. 76–77. См. также: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 42–43, 66–67.

⁴⁹ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 248. Л. 17. По словам министра текстильной промышленности Седина, местные власти зачастую самовольно урезали нормы отпуска рабочим хлеба с 600 до 300–400 г в день, а «...в отдельных случаях полностью отрезали от хлебных поставок рабочих вместе с детьми и нетрудоспособными иждивенцами».

⁵⁰ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 250. Л. 26.

совом бегстве тружеников местных предприятий и учреждений⁵¹. В мае 1947 г. 300 рабочих покинули предприятие железнодорожного строительства во Львове⁵². Власти встревожились, когда наметилось перерастание этих акций в угрозу для стабильной деятельности промышленности, а именно — в отказы выходить на работу. Например, 31 октября 1946 г. локомотивная бригада не захотела вести поезд Москва — Горький, поскольку ее члены лишились продуктовых карточек⁵³. В том же месяце прокуратура Ростовской области докладывала, что в области 5486 детей и более 40 тыс. взрослых иждивенцев лишены продуктовых карточек, и это провоцировало не только самовольный уход работников с предприятий, но также «аморальные проявления», выразившиеся в отказах людей выходить на работу⁵⁴.

Почти все жалобы местных властей касались промышленных или транспортных работников, чьи предприятия располагались в сельской местности, либо вынужденных проживать за городом из-за острого дефицита жилья в городах. В этом смысле типичным примером может служить письмо парторга Уральского алюминиевого завода, персонал которого в октябре 1946 г. лишился 40 % хлебных карточек: «В настоящее время работники завода и его рудников, живущие на квартирах в сельской местности и не имеющие собственных участков земли, оказались в крайне сложном положении в результате того, что их дети и иждивенцы были лишены хлебных карточек, а завод не в состоянии переселить их в свои рабочие общежития в связи с острой нехваткой в них жилых помещений. В результате среди семей этой группы рабочих стали наблюдаться случаи острого истощения. Рабочие нашего завода проживают в сельской местности не по доброй воле, а из-за отсутствия у завода жилья для их размещения. Большинство из них являются квалифицированными рабочими, проработавшими на заводе более трех лет».

Просьба о выделении дополнительных продуктовых карточек, содержащаяся в письме, была отклонена⁵⁵.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3200. Л. 6.

⁵² РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7204. Л. 143.

⁵³ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 247. Л. 27–27 об.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3200. Л. 1–1 об.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 83–84. Письмо датировано 23 декабря 1946 г. В соответствии с докладом профсоюзов, Свердловское управление торговли в конце концов выделило хлебные карточки примерно 3,5 из 4,8 тыс. ранее их лишившихся детей и иждивенцев. Остальные остались неохваченными. В том же докладе указывается, что некоторые руководители

Партийные власти Молотовской области на примере рабочих Пермской железной дороги пункт за пунктом тщательно опровергали исходные предпосылки новой продовольственной политики. Отметим, что «...рабочие и члены их семей находятся в крайне тяжелом положении», они утверждали:

«Будучи отлученными от снабжения по карточкам хлебом и другими продуктами, иждивенцы и дети в больших семьях вынуждены голодать. Сами работники — главы семейств делятся своими пайками с детьми и доводят себя до изнурения. В этой связи все более частыми становятся случаи острого истощения, резкого падения производительности труда, ухода рабочих с предприятий и т. д.»

Это «крайне тяжелое положение рабочих» обуславливалось двумя причинами. Во-первых, железнодорожные рабочие были лишены земельных наделов, а почва в их местности оказалась настолько неплодородной, что исключала возможность выращивать на ней что-либо съедобное. Сами же они жили слишком далеко от колхозов, где можно было купить продукты за деньги. Во-вторых, лишь немногие матери, имевшие детей дошкольного возраста, могли работать, поскольку в местах их проживания отсутствовали детские учреждения⁵⁶.

Практически во всех случаях запросы на выделение дополнительного продовольствия либо отклонялись, либо удовлетворялись частично, хотя просьбы о помощи были и так весьма умеренными. Отмечались, конечно, исключения из этого общего правила, особенно в тех случаях, когда завод или стройка признавались стратегически важными. Так произошло, например, с Магнитогорским металлургическим комбинатом⁵⁷. В основном же режим жестко и беспощад-

выдавали продуктовые карточки лицам, не имеющим отношения к их предприятиям (ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 39. Л. 98–99):

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7199. Л. 20–21.

⁵⁷ Власти Иркутской обл. утратили квоты на выдачу продуктовых карточек 134 из 170 тыс. рабочих, служащих и членов их семей. В ноябре 1946 г. им удалось восстановить выдачу карточек 27 тыс. из них, но в декабре они запросили разрешения на выдачу карточек еще 39 тыс. человек. Министерство торговли «удовлетворило» их просьбу, ограничившись выделением квоты всего на 6900 человек. Аналогичный, но еще более вопиющий случай произошел в Архангельской обл. В то же время запросы на выделение дополнительных квот, поступивших из Магнитогорска, а также от стратегически важных строительных и рыболовных предприятий Мурманской обл., были удовлетворены полностью (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 515. Л. 14–15, 35–36, 39–40, 60, 74–76).

но проводил избранную политику, даже если она подрывала работу предприятий, жизненно важных для экономики. Стратегия правительства отличалась дьявольской хитростью. Для того чтобы отвести гнев народа от Сталина и высшего руководства страны, ответственность за урезание потребления возложили на Министерство торговли СССР. Именно туда местные власти направляли свои мольбы о помощи, и именно оно принимало решения об удовлетворении или отклонении этих просьб. Чаще всего министерство принимало решения самостоятельно, но иногда перекладывало ответственность на нижестоящие организации, заявляя, что точку в том или ином деле должны ставить его областные или городские подразделения. Министерство в Москве устанавливало регионам продовольственные квоты для распределения по карточкам. Но оно не принимало специальных решений в отношении распределения этих квот на местах, например, сколько продовольствия будет выделено тому или иному предприятию или населенному пункту. Общие квоты передавались областным исполнительным комитетам и управлениям торговли, которые, в свою очередь, распределяли их между городами и населенными пунктами, находившимися у них в подчинении. Руководители последних решали, сколько продовольственных карточек выделить тому или иному предприятию или учреждению. Благодаря такой схеме Министерство торговли, получив от предприятия просьбу увеличить количество продуктовых карточек, перенаправляло ее исполкому местного Совета и управлению торговли. Последние же в случае запроса о смягчении норм отпуска продовольствия имели возможность спрятаться за спиной союзного министерства, заявляя, что «у них связаны руки»⁵⁸. Вместе с тем из архивных дел МПС известно, что министры отраслей промышленности обладали определенной свободой в принятии решений об улучшении снабжения своих предприятий. Когда бедствующие рабочие писали жалобы в высшие партийные органы, обращаясь к Сталину или Жданову либо адресуя свои просьбы просто ЦК партии, или когда за чрезвычайной помощью обращались профсоюзы железнодорожников, положительный ответ был, как правило, гарантирован. Во всех подобных случаях поражает то, что послабления обычно делались для отдельных лиц или небольших групп людей, проживавших в отдаленных регионах страны. Благодаря этому правящая власть имела возможность идти

⁵⁸ Эти методы становятся ясны из некоторых отчетов. См.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 259. Л. 17 (Барнаул); Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3200. Л. 6 (Вологодская обл.); Л. 6–9 (Крым).

на некоторые послабления, но лишь в той мере, в которой они не вели к общему смягчению проводимой политики⁵⁹.

Даже прокуратура была бессильна заставить власти изменить официальную линию. Некоторые местные прокуроры незамедлительно отреагировали на урезание норм отпуска продуктов, проводившееся с грубыми нарушениями закона. В октябре 1946 г. прокурор Крымской области написал Горшенину, что квоты, выделенные его региону Министерством торговли СССР, «незаконны», и попросил Генерального прокурора ходатайствовать об их изменении. Уже цитировавшийся выше прокурор Вологодской области обратился к Горшенину со столь же серьезным протестом против решения Министерства социального обеспечения РСФСР отобрать прибавки к пенсиям, ранее установленные для компенсации повышения цен на хлеб, у тех лиц, кто лишился продуктовых карточек, то есть у пенсионеров, наиболее остро нуждавшихся в деньгах. В своем обращении он писал: «Я не знаю, насколько законно были лишены карточек дети, старики и пенсионеры, проживающие в сельской местности, но не имеющие никакого отношения к сельскому хозяйству, но ныне мы столкнулись с ситуацией, когда они также лишились добавок к своим пенсиям. Я прошу вас в ответ на мое предыдущее и настоящее письма связаться со мной и дать соответствующие разъяснения, поскольку я получаю массу жалоб по этому вопросу, некоторые из которых даже доходят до вас». Из Прокуратуры СССР ответили, что вникли в сложившуюся ситуацию и могут только с сожалением констатировать: все местные решения об урезании норм продовольственного снабжения «основаны на соответствующих постановлениях правительства»⁶⁰. Местные прокуроры столкнулись со сложной проблемой: рабочие уходили с предприятий, нарушая тем самым нормы уголовного законодательства, — как следовало поступать в подобных случаях? Иногда трудящиеся обращались к руководителям предприятий с просьбой уволить их на том основании, что их самих или их семьи не могут обеспечить пропитанием. Когда руководители им отказывали, они все равно оставляли работу. А как поступать в тех случаях, когда руководство разделяло точку зрения персонала и соглашалось на увольнение? Здесь ведь также присутствовало нарушение закона⁶¹.

⁵⁹Серия подобных случаев описана в материалах ГА РФ. См.: ГА РФ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7198.

⁶⁰ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3200. Л. 9, 14.

⁶¹Там же. Л. 3 об., 8. В архиве нет сведений о том, как Прокуратура СССР отвечала на подобные вопросы.

Как показывают соответствующие расчеты, рабочие, утратившие право на продуктовые карточки для себя или для членов семей, сталкивались с невероятными трудностями. Но они не составляли большинства. Тем не менее для всех остальных одновременное сокращение норм отпуска продуктов и повышение цен на них стало суровым испытанием, порой не менее тяжелым, чем для тех, кто вообще лишился карточек. Почти повсеместное двойное сокращение уровня потребления стало причиной серьезного ухудшения питания. Последствия повышения цен трудящиеся ощутили немедленно — в столовых цены взлетели до уровня, не доступного многим из них. На Сталинградском тракторном заводе еда в заводской столовой стала обходиться рабочим от 250 до 350 руб. в месяц⁶². Это составляло почти половину среднего заработка и треть от заработной платы квалифицированного специалиста, значительно перевыполняющего норму выработки. Резко сократилось количество обедавших на работе, особенно в первый месяц после повышения цен. Руководство предприятий старалось компенсировать рост цен, заставляя столовые готовить более дешевые блюда или доплачивая разницу в ценах за заводской счет. Рабочие сами диктовали изменения в структуре питания, отказываясь от дорогих мясных и крупяных блюд и полностью исключая десерты из своего рациона⁶³. В некоторых случаях падение спроса на обеды было умеренным или носило временный характер и продолжалось до тех пор, пока предприятие и его работники, пользующиеся столовыми, не сумели сбалансировать свой бюджет. Но это не являлось общим правилом, и, как следует из табл. 2.3, имело место продолжительное и заметное снижение количества продуктов, которые рабочие и члены их семей получали через предприятия общественного питания. Кроме того, целый ряд предприятий был вынужден закрыть часть столовых из-за увольнения значительного числа работников⁶⁴. Интересно

⁶² ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 249. Л. 75.

⁶³ Многочисленные доклады профсоюза рабочих машиностроительной и станкоинструментальной промышленности см. в: ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 39. Аналогичные доклады профсоюза текстильной промышленности см. в: ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 23. Д. 604. Л. 21; Д. 613. Л. 22.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 243. Л. 5. Даже год спустя после повышения цен, в сентябре 1947 г., только 18 рабочих Сталинградского треста жилищного строительства продолжали питаться в рабочей столовой, где стоимость обеда составляла в среднем от 10 до 15 руб. при среднем дневном заработке в 11–12 руб. (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3751. Л. 194). На самом деле падение потребления объяснялось не только высокими ценами. Некоторые из не пользовавшихся привилегиями предприятий получали от управлений ра-

отметить, что в то время как сокращалось число обедающих в рабочих столовых, некоторые более состоятельные слои советского общества приобрели определенную прибавку к своим доходам благодаря снижению коммерческих цен. Рестораны в Свердловске испытывали настоящий бум, вызванный падением коммерческих цен на мясо. Он был настолько значительным, что, например, в одном из кафе стоимость блюд стала сопоставимой с той ценой, которую платили за намного менее аппетитную еду в типичной рабочей столовой⁶⁵.

Вероятно, среди всех групп трудящихся никто не пострадал от повышения цен сильнее, чем молодые рабочие, особенно те, что пришли на предприятия после окончания школ и училищ системы трудовых резервов. Их судьба в этот период сложна, а ее изучение имеет критически важное значение для понимания общественной истории последних лет жизни Сталина. Вернемся к более полному изложению этой темы в главе 4, где будут детально рассмотрены такие вопросы, как размер заработной платы, условия труда и жизни, вопросы профессионального обучения молодежи. Здесь же достаточно отметить, что молодые рабочие относились к низко оплачиваемой категории. Их базовые ставки оставались мизерными. Квалификации у молодежи не хватало, и их использовали на наиболее невыгодных работах, вследствие чего этой категории было сложно выполнять нормы и зарабатывать столько, чтобы можно было прожить. Многие имели немалый долг перед своими предприятиями. При поступлении на работу они получали аванс, чтобы было на что существовать до начала получения регулярной зарплаты. Но заработки были настолько малы, что их не хватало на погашение суммы аванса, напротив, молодые рабочие все глубже увязали в долгах.

Неудивительно, что рост цен нанес сокрушительный удар именно по этой категории трудящихся. Многие предприятия находились на особом снабжении, сохранившемся со времен войны. Благодаря этому они могли ежедневно предоставлять всем работникам моложе 18 лет обеды из трех блюд по льготным ценам. Правда, продуктовое пособие было не очень щедрым. Например, молодые рабочие льня-

бочего снабжения столь малое количество продуктов (хотя они и обладали необходимыми средствами для закупки продовольствия в дополнение к официально выделенным квотам), что их хватало на приготовление пищи для считаного числа работников. См., например, информацию о Николаевском строительном-монтажном управлении Министерства промышленности строительных материалов (ГА РФ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 275. Л. 108).

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 39. Л. 130–132.

ной промышленности ежемесячно получали в рамках этой системы по 2,3 кг мяса или рыбы и по шесть яиц⁶⁶. Возможно, столь скудный рацион достаточен для выживания, но еще до повышения цен заработной платы рабочих по крайней мере в некоторых отраслях промышленности были столь низкими, что люди не могли себе позволить питаться в заводских столовых. Например, на одном заводе строительных материалов, то есть в отрасли, где зарплата была традиционно низкой, молодые рабочие зарабатывали от 140 до 240 руб. в месяц, в то время как на обеды им следовало тратить от 240 до 300 руб. В докладе профильного министерства по результатам обследования другого предприятия этой отрасли утверждается, что хронически низкие заработки подталкивают молодых работников к воровству⁶⁷.

После повышения цен масштабы проблемы выросли. Молодые рабочие утратили возможность требовать доступной стоимости обедов. По данным ВЦСПС, после повышения цен более половины молодых тружеников текстильных фабрик Ивановской и Ярославской областей зарабатывали менее 300 руб. в месяц, то есть столько же, сколько требовалось, чтобы поесть в фабричной столовой⁶⁸. Это явление, особенно полно отраженное в документах, относящихся к текстильной промышленности, было практически повсеместным. В марте 1947 г. в докладе прокуратуры о строительстве предприятий черной металлургии в г. Златоусте Челябинской области говорится: молодые рабочие зарабатывают на стройках в среднем по 316 руб. ежемесячно, и столько же стоит обед из двух блюд в рабочей столовой (в расчете на месяц)⁶⁹. Комсомольцы, работавшие на военном строительстве в Севастополе, утверждали, что вынуждены голодать, поскольку заработков хватало только на покупку хлеба⁷⁰. Молодые рабочие железнодорожного депо в Саратове жили в такой нищете, что некоторые из них были вынуждены ходить по ночам на грузовую станцию и воровать там продукты. Другие просто сбежали с работы и вернулись к родителям, чтобы не умереть с голода⁷¹. Одно из наиболее полных

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 25. Д. 195. Л. 1.

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 274. Л. 156, 161.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 243. Л. 64. Более подробные отчеты см.: ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 23 (фабрики хлопчатобумажных тканей). Д. 613, 624; Оп. 25 (фабрики по производству тканей из льняного и конопляного полотна). Д. 173, 195.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 148.

⁷⁰ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 509. Л. 106.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 547. Оп. 21. Д. 746. Л. 34, 47.

описаний сложившейся ситуации содержится в профсоюзном отчете о положении молодых рабочих на заводе тяжелого машиностроения в г. Иркутске:

«Вместе с тем необходимо отметить, что в конце 1946 — начале 1947 г. определенное число несовершеннолетних и молодых рабочих оказалось в чрезвычайно тяжелом положении. Большинство из них влечит полуголодное существование, не имеет возможности сменить нательное белье или верхнюю одежду, несмотря на то что стоят первыми в очереди за талонами на приобретение белья и одежды, выдаваемых в цехах. Это объясняется их крайне низкими заработками, которые, в свою очередь, являются следствием их низкой квалификации. Многие несовершеннолетние рабочие целыми днями не видят горячей пищи, сильно истощены и не способны работать. Многие из них не имеют даже хлеба по выдаваемым в цехах карточкам, поскольку продают хлебные карточки и все иные талоны на приобретение товаров на рынке, не имея денег, чтобы их отоварить. Недавно было выявлено большое число случаев дистрофии среди несовершеннолетних и молодых рабочих»⁷².

По сообщениям с Урала, даже в конце 1948 г. молодые строители продолжали пребывать в такой нищете, что продавали выданное им обмундирование и постоянно ходили в рабочих спецовках⁷³. В начале 1949 г. профсоюзный комитет Березниковского машиностроительного завода сообщал, что молодые рабочие зачастую настолько истощены, что у них нет сил выходить на работу⁷⁴.

Все вышесказанное позволяет предположить, что от недоедания страдали преимущественно жители Молдавии и Украины или особо низкооплачиваемые работники в других регионах. Но голод очень быстро распространился по всей стране. Почти повсеместно на заводах обнаруживались истощенные рабочие, производительность которых стала резко снижаться. Как сообщает В. Зима, в марте 1947 г. свыше 30 % промышленных рабочих Ленинграда страдали от дистрофии и авитаминоза⁷⁵. Врачи, обслуживавшие предприятия тяжелого машиностроения, на протяжении всего 1947 г. докладывали об устойчивом росте числа случаев острого истощения среди персонала. Руководство было вынуждено организовывать специальные пункты питания, где особо истощенных усиленно кормили высококалорий-

⁷²ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 488. Л. 20.

⁷³ЦХДМО. Ф. 1. Он. 4. Д. 961. Л. 42–43.

⁷⁴ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 714. Л. 6 об.

⁷⁵Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 75–76.

ными продуктами, как это делалось в голодающих регионах. Данная мера не была простым проявлением гуманизма. Сотрудников, пострадавших от недоедания, требовалось освобождать от труда на сроки от 2 до 8 недель, и это выливалось для предприятий в значительные потери рабочего времени⁷⁶.

Реальные потери от голода были еще значительнее, поскольку в результате истощения снижалась сопротивляемость организма, особенно по отношению к болезням желудочно-кишечного тракта. Как утверждает В. Зима, наиболее серьезно сложилась ситуация с эпидемией тифа. По его оценкам, двумя разновидностями тифа (сыпного и брюшного) тогда переболело около миллиона человек, из которых умерло от 5 % до 10 %, хотя он не сообщает источников приведенных данных. Несмотря на то что эпидемия началась в сельских районах, масштабная и практически неконтролируемая миграция населения, спровоцированная голодом, привела к тому, что тиф скоро появился в городах⁷⁷. Но, вероятно, еще сильнее индустриальные центры пострадали от эпидемии дизентерии. Например, на заводе «Уралмаш» в Свердловске потери рабочего времени из-за желудочно-кишечных заболеваний за период с января по сентябрь 1947 г. утроились⁷⁸. В масштабах страны число официально зарегистрированных случаев дизентерии в крупных городах увеличилось незначительно, но смертность от нее в течение 1947 г. выросла по сравнению с 1946 г. в 2–5 раз. В большинстве случаев это было связано с ослабленностью от голода. В масштабах страны цифры роста числа смертельных исходов выглядят так: Астрахань — с 23 до 155 человек; Барнаул — с 19 до 118 человек; Иркутск — с 41 до 199 человек; Ижевск — с 25 до 253 человек; Харьков — с 232 до 788 человек; Киев — с 138 до

⁷⁶См. различные отчеты, содержащиеся в: ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 674. К осени 1947 г. в специальной столовой завода «Уралмаш» (г. Свердловск) питалось почти 2000 рабочих. В их число не входит 481 человек, страдавший алиментарной дистрофией и получавший дополнительное питание в июле–августе, и 538 рабочих, больных туберкулезом и питавшихся в отдельной столовой (см. там же. Л. 101).

⁷⁷Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. С. 173–175. По данным ЦСУ, число случаев заболеваний тифом в Москве выросло с 1153 в 1946 г. до 3810; в Ленинграде количество заболеваний подскочило с 429 до 2043, в Киеве — с 245 до 1162, а в Харькове — с 121 до 3017 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 361. Л. 28, 31. 64–65 (1946 г.); Д. 418. Л. 32, 35, 69–70 (1947 г.). Даже с учетом систематического занижения этих цифр местными медиками, они указывают на вполне отчетливую тенденцию.

⁷⁸ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 674. Л. 100.

616 человек; Ленинград — с 1440 до 2226 человек; Москва — с 2128 до 3844 человек; Вологда — с 157 до 521 человека; Воронеж — с 23 до 177 человек⁷⁹.

Резкий подъем числа недоедающих был обусловлен не только урезанием норм выдачи продуктов и дефицитом хлеба. Даже промышленные рабочие, не потерявшие свои карточки, страдали от ухудшенного питания из-за причудливой системы снабжения. Она основывалась на принципе дифференцированного распределения. Наиболее ярким проявлением служит градация норм выдачи хлеба по различным категориям рабочих, служащих и работников органов власти. Еще факт: некоторые рабочие имели право помимо хлебных получать другие продуктовые карточки, в то время как другим доставался только хлеб. К этой же системе следует отнести практику, согласно которой важнейшим предприятиям промышленности, строительства и транспорта ежемесячно выдавалось определенное число купонов на предоставление вторых блюд в столовых или дополнительных продовольственных талонов для премирования отличившихся работников. Предприятиям и их отделам рабочего снабжения (ОРСам) поставлялись сверхплановые объемы продуктов в соответствии с разрешенными квотами на дополнительные талоны. Иногда эти поставки не соответствовали заявкам предприятий, особенно в тех случаях, когда у последних имелись собственные подсобные хозяйства или когда они имели возможность создавать определенные запасы продуктов через так называемые децентрализованные поставки (закупая продукты у частников или в других регионах страны)⁸⁰. Когда пра-

⁷⁹ Данные из: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 361 (1948 г.); Д. 418 (1947 г.). Города перечислены в алфавитном порядке. Следует относиться к приведенным цифрам с осторожностью. Помимо занижения общего числа случаев следует учитывать, что не все дизентерийные больные обращались за медицинской помощью, а также многочисленные случаи неверной постановки диагнозов, когда больные дизентерией считались тифозными или, наоборот, тифозные больные включались в отчеты как дизентерийные. В любом случае здесь также прослеживается общая тенденция.

⁸⁰ Эта система была впервые введена в годы первой пятилетки, когда привилегии в снабжении использовались для поощрения так называемых ударников. На некоторых предприятиях в столовых выделялись даже специальные столы для ударников, где тем подавалась обильная и высококалорийная еда. Идея заключалась в том, чтобы пробудить у отстающих работников чувство зависти к своим привилегированным коллегам и поощрить первых ставить трудовые рекорды. На деле же эта и подобные ей схемы скорее усугубляли раздражение рядовых рабочих, нежели поощряли их вливаться в

вительство решило срезать нормы выдачи хлеба по карточкам, оно также отменило разрешения на дополнительные формы снабжения. Если предприятие продолжало подкармливать своих работников, то оно обязано было изыскивать для этого ресурсы вне централизованной системы снабжения.

Последствия этого решения для рабочих, получавших талоны на питание в столовых, могли оказаться достаточно серьезными. Некоторые столовые на предприятиях закрылись, потому что обедавшие в них ранее рабочие или их иждивенцы, имевшие талоны на дополнительное питание, лишились таковых⁸¹. Зачастую эти талоны не являлись средством поощрения наиболее нужных сотрудников, а использовались для того, чтобы подкормить вновь поступивших, для которых у предприятий не имелось продуктовых карточек. У самих же новых работников не было иных источников снабжения.

На ряде железнодорожных предприятий проблема усугубилась политикой МПС. Министерство, не дожидаясь повышения цен, ликвидировало в рамках своего ведомства отделы рабочего снабжения, как непрофильные⁸². Жертвами урезания норм стали даже такие престижные проекты, как строительство московского метро, и реализующие их предприятия, в частности Метрострой. До октября 1946 г. работники Метростроя, занятые на подземных работах, получали талоны на 16 000 дополнительных горячих блюд в обед. Само ведомство также ежемесячно получало для распределения между рабочими по 10 тонн кондитерских изделий. Обе эти привилегии отменили после принятия решения об урезании норм отпуска продуктов. Вмешательство профсоюза метростроителей и руководства Метростроя позволило вытребовать у Министерства торговли СССР возврат третьей части утраченного, но соглашение заблокировал Госплан, и рабочие остались ни с чем. Это вызвало острый продовольственный кризис внутри конкретной строительной организации. Чтобы прокормить своих работников, Метрострой был вынужден полагаться исключительно на поставки местными советами и собственными подсобными хозяйствами или закупать продукты на рынке⁸³. Не менее значимой строительной организации — Днепрострою, занимавшемуся восста-

ряды передовиков производства. См.: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London, 1986. P. 96–100.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 249. Л. 75–76; Д. 251. Л. 143.

⁸² Там же. Ф. 5474. Оп. 25. Д. 341. Л. 39, 66, 67, 69, 70, 72.

⁸³ Там же. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 373. Л. 29–36.

новлением ДнепроГЭСа, — повезло еще меньше. Проводимая ею либеральная политика, согласно которой дополнительными продуктовыми карточками награждались все работники, перевыполнявшие нормы выработки, привела к тому, что к началу 1947 г. права на получение этих карточек были более чем у 15 тыс. рабочих. При этом ОРС Днепростроя, несмотря на хороший урожай, собранный в подсобном совхозе, располагал запасами продуктов, позволявшими отоварить менее трети дополнительных карточек⁸⁴.

Приведенные примеры лишний раз обострили проблему сложности и, по мнению трудящихся, несправедливости системы распределения продуктов. Судьба рабочих и их семей в первую очередь зависела от возможностей предприятия снабжать их продуктами дополнительно к тем, что поступали из централизованных источников. Персонал предприятий, обладавших определенным весом в глазах профильных министерств или местных органов власти, питался несравненно лучше тех, кто работал в менее влиятельных организациях. Бывали случаи, когда предприятия, расположенные в одной и той же местности и подчинявшиеся одному и тому же отраслевому министерству, обеспечивались продуктами совершенно по-разному. Это зависело от категории уровня снабжения, к которой они относились⁸⁵. В данном отношении положение Метростроя и Днепростроя было намного лучше, чем, например, у предприятий легкой промышленности. Но этим дело не исчерпывалось. Выживание организации зависело также от ее платежеспособности и, что еще важнее, от того, располагала ли она жизнеспособным подсобным хозяйством (или землей для выделения работникам участков под личные огороды).

Система наделения трудящихся участками под огороды и создания подсобных хозяйств при заводах и фабриках занимала центральное место в государственной продовольственной политике со времен войны. Отношение к таким подсобным хозяйствам со стороны властей резко отличалось от их взглядов на крестьян, работавших в колхозах и совхозах. В последнем случае цель режима состояла в увеличении количества зерна, выкачиваемого в государственный резерв (лишь малая часть урожая распределялось потом в голодающие районы) путем увеличения норм обязательных поставок с каждого гектара колхозной или совхозной земли и усиления натурального налогообложения крестьянских приусадебных хозяйств. Но возможности государства выжать больше с последних были сильно ограни-

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 372. Л. 37–38.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7198. Л. 389–390.

чены: во-первых, личные хозяйства пострадали от засухи так же, как и колхозные поля, а во-вторых, сама политика карательного налогообложения препятствовала развитию приусадебных хозяйств⁸⁶. В то же время подсобные хозяйства предприятий и частные огороды рабочих, служащих и технических специалистов всячески поощрялись и поддерживались государством.

Профсоюз рабочих машиностроительной и станкоинструментальной промышленности сообщал, что в 1946 г. 102 385 работников отрасли имели собственные участки земли, с которых собрали 53,5 тонн продукции, в том числе 41 тонну картофеля⁸⁷. Примерно 95 % работников (845 тыс. человек) крупнейшей в СССР Центральной железной дороги вырастили на своих огородах в 1947 г. почти 2,5 млн тонн различной продукции⁸⁸.

По данным газеты «Труд», в 1948 г. в целом по стране примерно 19 млн рабочих и служащих выращивали продукты собственными силами (в 1944 г. таких было 16,5 млн человек)⁸⁹, и с каждого личного огорода в среднем было собрано по 760 кг овощей и картофеля, то есть на 160 кг больше, чем в 1947 г. Это означало, что страна получила из данного источника приблизительно 14,4 млн тонн продовольствия. Такую цифру нельзя оставить без внимания, особенно если учесть, что общий урожай картофеля, собранный в 1948 г., составил около 95 млн тонн, причем государственные закупки для снабжения городского населения равнялись всего 7,2 млн тонн⁹⁰. Вместе с тем положение дел в этой области не было радужным. Как следует из той же газеты «Труд» и из отдельных докладов профсоюзов, руководители предприятий и заводские профкомы не оказывали работникам достаточной помощи в получении земельных участков и их обработке⁹¹. Засуха 1946 г. также нанесла личным огородам серьезный урон. По информации профсоюза рабочих машиностроительной и станкоинструментальной промышленности, в некоторых регионах урожай по-

⁸⁶См. подробнее информацию по этому вопросу в: Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. P. 476–477; Nove A. *Soviet Peasantry in World War II // The Impact of World War II on the Soviet Union* / ed. S. J. Linz. Totowa, 1985. P. 308–309; Medvedev Zh. A. *Soviet Agriculture*. P. 141.

⁸⁷ГА РФ. Ф. 7676. Он. 16. Д. 51. Л. 53.

⁸⁸Там же. Ф. 5475. Он. 21. Д. 723. Л. 34; Ф. 5451. Он. 31. Д. 421. Л. 7.

⁸⁹Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. P. 336.

⁹⁰Труд. 1949. 4 марта; Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. P. 623–625.

⁹¹Труд. 1949. 4 марта; ГА РФ. Ф. 7416. Он. 4. Д. 268. Л. 6–7.

гиб полностью, и рабочим редко удавалось собрать со своих огородов даже семенной картофель⁹². Любопытно, что, когда в апреле 1947 г. Совет Министров выделил небольшие средства для предоставления рабочим и служащим денежных ссуд на покупку домашнего скота (всего 135 млн руб.), число заинтересовавшихся этим предложением оказалось ничтожно малым. Лишь работники резинотехнической, химической и металлургической промышленности проявили некоторый энтузиазм. Точно не известно, почему так произошло, но, вероятнее всего, ведущую роль сыграли трудности с приобретением кормов, опасения людей, что они не смогут рассчитаться за ссуды, и тот факт, что даже рабочие были обложены обязательными поставками в фонд государства мяса, молока и других продуктов из личных подсобных хозяйств⁹³.

Сеть подсобных хозяйств, принадлежащих заводам и государственным учреждениям, из которых около 10 тыс. было организовано до 1942 г.⁹⁴, во многом и разными способами воспроизводила общие черты и недостатки существовавшей тогда системы. На подсобные хозяйства со всех сторон надвигались сложные структурные проблемы наряду с теми, что были обусловлены засухой. Условия труда и жизни в них были настолько плохими, что было сложно набрать туда персонал. Подобно своим коллегам на промышленных предприятиях, многие рабочие подсобных хозяйств жили в полуразрушенных зданиях с протекающими крышами, без отопления, с неисправными санузлами (если таковые вообще имелись), без кухонь или помещений, где можно готовить и принимать пищу. Естественно, что отношение к своему месту работы у этих людей вряд ли улучшилось, после того как их, считавшихся сельскими жителями, лишили права на продуктовые карточки. Подсобные хозяйства страдали также от отсутствия оборудования, некачественного ремонта техники, дефицита семян и удобрений, недостаточного количества тяглового скота и нехватки кормов. Все эти факторы в сочетании с неблагоприятными погодными условиями повлекли за собой целый ряд неурожайных лет и обусловили в совокупности с общими для сельского хозяйства стра-

⁹² ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 16. Д. 51. Л. 56.

⁹³ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 428. Л. 5; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7881. Л. 13–14. В первом из перечисленных выше дел (Л. 10) отмечается, что даже выданные ссуды необязательно приводили к увеличению поголовья личного скота, поскольку в голодные годы получатели ссуд, как правило, тратили полученные деньги на себя, а не на закупку животных.

⁹⁴ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. P. 335.

ны недостатками большие потери при уборке и хранении продукции, которую удавалось вырастить⁹⁵. Положение не спасало и то, что некоторые из них были вынуждены во избежание бескормицы сдавать на убой значительную часть поголовья скота⁹⁶.

Перечисленные выше проблемы дополнялись и усугублялись явно несправедливой и противоречивой политикой, проводимой как на союзном, так и на местном уровне. Безысходность вынуждала людей, а также экономические и политические институты, в которых они трудились, конкурировать между собой за ограниченные продовольственные ресурсы, и эта конкуренция только усугубляла, но не решала ситуацию. К трагическим примерам можно отнести ситуацию на Полтавском локомотиворемонтном заводе (Восточная Украина). Областное управление торговли выделило ему, как и всем украинским предприятиям, такое количество продовольствия (для распределения между работниками), которое лишь в малой степени покрывало его потребности. К февралю 1947 г. завод был в состоянии прокормить только учащихся своей школы ФЗО, но не мог ничего предложить 4,5 тыс. своих работников и 2 тыс. их детей, лишившимся хлебных карточек. Руководство предприятия организовало закупку 100 тонн картофеля в других областях, но не смогло своевременно доставить его из-за задержки с оформлением документов в карантинной инспекции Министерства сельского хозяйства. Ситуация усугубилась, когда у подсобного хозяйства завода отобрали 250 га земли под тем предлогом, что она была колхозной, а закон запрещал колхозам сдавать свои земли в аренду. Положение можно было спасти, распределив между рабочими участки под личные подсобные хозяйства, но исполкомы городского и областного Советов заявили, что не располагают свободными землями. Пока разворачивался весь этот бюрократический кошмар, рабочие голодали. Заводской профком ухитрился одновременно поддержать продуктами 1 тыс. рабочих и членов их семей, однако масштабы проблемы намного превышали его

⁹⁵ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 181. Л. 12; Оп. 16. Д. 258. Л. 28–29 об., 37, 43, 44, 47, 48, 51–51 об., 104–105 об., 108–109; Д. 490. Л. 3, 4, 6, 9, 46; ЦГАИПД. Ф. 1224. Оп. 2. Д. 214. Л. 8, 15; Электросила. 1947. 21 марта; 1948. 14 апр.

⁹⁶Так, у животноводческих ферм, принадлежавших гигантскому строительному управлению Днепрострой, восстанавливавшему Днепрогэс, было затребовано 763 коровы, свиньи и овцы, несмотря на то что общее поголовье скота там упало с 1553 в январе 1947 г. до 962 в мае. Не ясно, какая часть этих потерь приходится на забой скота, а какая — на гибель животных от голода (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 373. Л. 32–33).

скромные возможности, и он был вынужден обратиться за помощью в вышестоящий профсоюзный орган — ЦК профсоюза рабочих-железнодорожников. В обращении говорится:

«День ото дня растет число рабочих, опухших от голода. По большей части страдают работники, представляющие костяк трудового коллектива завода. Это рабочие с большим стажем и имеющие многочисленные семьи, проживающие в деревнях, где их дети лишились хлебных карточек. Имеются случаи падения людей в голодные обмороки на рабочих местах. Заводской профком принял неотложные меры для помощи голодающим, но эти меры недостаточны, поскольку сейчас такая поддержка требуется в массовом масштабе»⁹⁷.

Между тем имелся еще один неприятный фактор, усиливший страдания людей: привилегии, которыми пользовались руководители высшего и среднего звена, а также технические специалисты. Зачастую эта несправедливость усиливалась коррупцией. Мы сейчас не говорим о воровстве и хищениях, поразивших систему распределения после повышения цен (об этом будет сказано ниже) и с новой силой разразившихся в конце 1947 г. под конец существования карточной системы в целом (к этому вопросу вернемся в главе 3). Пока отметим тот факт, что по крайней мере некоторые руководители предприятий и профсоюзные функционеры забирали львиную долю выделяемого продовольствия себе. Не лишним будет заметить, что подобные преференции при распределении представляли собой суть сталинского порядка и служили тем фундаментом, на котором правящая элита создавала для себя социальную базу. Таким образом, пока рабочие с трудом выживали, проблема голода крайне редко беспокоила их руководителей даже с учетом очень четких различий между административным персоналом низшего и высшего звена. Все это являлось неотъемлемой частью системы. Между привилегиями и прямыми злоупотреблениями руководителей, использовавших свою власть и влияние, чтобы захватить дефицитные товары и продукты, сложно провести четкую грань. Например, руководители предприятий иногда посылали своих подчиненных в командировки для закупки дефицитных товаров и продуктов для собственного, личного использования. Отношение режима к подобным действиям было крайне неоднозначным. Например, из архивных дел МПС известны случаи, когда поступали жалобы работников на доказанные случаи коррупции, и высшее руководство было вынуждено к ним прислушиваться, проводить расследования и налагать запреты на подобные дейс-

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 25. Д. 341. Л. 48–53.

твия местного начальства⁹⁸. В то же время сталинское руководство предпочитало закрывать глаза на очень серьезные злоупотребления. В июле 1947 г. Управление кадров подготовило доклад, в котором резкой критике подвергалось поведение высших должностных лиц МПС. Например, заместитель министра путей сообщения Б. П. Бещев обвинялся в «нескромности» (то есть в откровенно шикарном образе жизни) и злоупотреблении служебным положением, включая выделение жене специальных поездов для поездок на Западную Украину, где она закупала мебель с целью дальнейшей перепродажи. Но это не стало препятствием для выдвижения Бещева на пост министра, после того как МПС демилитаризовали в 1948 г.⁹⁹ Возвращаясь к Днепрострою отметим, что его 814 инженерно-техническим работникам выделялось до 40 % всего объема молока, производимого в подсобных хозяйствах, в то время как яслям и пионерским лагерям, находящимся на балансе этой строительной организации, не доставалось практически ничего. ИТР Днепростроя потребляли больше жиров, нежели все остальные его работники вместе взятые. Но самым возмутительным было наличие среди инженеров привилегированной группы из 288 человек, каждый из которых получал ежемесячно более 2 кг сливочного масла, в то время как 387 рабочих страдали от дистрофии, причем некоторые из них умерли от истощения¹⁰⁰.

Отношение власти к подобным случаям было лживым и циничным. Жизнеспособность всего сталинского строя основывалась на неравенстве. Поэтому режим стремился переложить ответственность за продовольственный кризис на крестьян и заготовителей, расхищавших зерно, а также на неэффективность и коррумпированность низ-

⁹⁸ См., напр., внутренний отчет МПС о том, как ОРС Сталинградской железной дороги распределял продукты и потребительские товары между руководством и рядовыми рабочими (РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7201. Л. 47–52).

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7203. Л. 272. Полный текст отчета см.: там же. Л. 268–312.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 372. Л. 24, 33–36. Возмущение действиями руководства не ослабло и после окончания продовольственного кризиса. В 1950 г. представители одного из региональных отделений профсоюза железнодорожников жаловались в ВЦСПС на то, что высшее руководство забирает большую часть директорского фонда (средства которого руководители обязаны использовать на расширение производства, строительство дополнительного жилья, усовершенствование оборудования и благоустройство) и распределяет другие фонды поощрения исключительно между собой; деньги практически не доходят до рабочих и не расходуются на проекты, приносящие пользу производству (Там же. Оп. 26. Д. 1128. Л. 38–40).

ших звеньев распределительной системы, прежде всего на магазины, принадлежавшие Министерству торговли, и на ОРСы, отвечавшие за продажу продуктов на предприятиях. Такая политика не сводилась исключительно к политическому популизму. Министр внутренних дел Круглов регулярно делал доклады Сталину, Берии и другим высшим руководителям страны, предлагая репрессивные меры против предполагаемых злоупотреблений. Такие кампании проходили постоянно, но с особым рвением и интенсивностью они проводились после сентябрьского повышения цен. Так, только в октябре 1946 г. 26 444 человек арестовали за спекуляцию, скупку и продажу продуктовых карточек и другие преступления. В ноябре того же года было задержано еще 23 323 человека, хотя после предварительного расследования из них арестовали только около 2000¹⁰¹.

Следует подчеркнуть, что главными жертвами бдительности органов стали крестьяне и рабочие. Среди лиц, привлеченных к ответственности в соответствии с двумя указами об усилении борьбы с хищениями от 4 июня 1946 г., их было подавляющее большинство¹⁰². Хотя рабочие промышленных предприятий составляли менее половины всех трудящихся, пострадавших от этих законов, но, очевидно, именно они были основной целью репрессий. Многотиражка, выходявшая на Ленинградской фабрике резинотехнических изделий «Красный треугольник», сообщала о двух женщинах, получивших восемь и девять лет лагерей за хищение со своего предприятия четырех метров ситца, и еще об одной женщине, которой дали 10 лет за хищение трех пар ботишков и пары тапочек. Газета не скрывала, что такие наказания должны стать суровым предупреждением для тех, кто все еще стремится к легкому обогащению¹⁰³.

Заключение

По своим политическим последствиям кризис 1946–1947 гг. имеет немало общего с коллективизацией сельского хозяйства в начале 1930-х гг., приведшей к совершенно неожиданному и непредумыш-

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 361, 576, 578.

¹⁰² См. главу 1, с. 45–49.

¹⁰³ Красный треугольник. 1947. 1 авг. Только около 16 % случаев хищений государственного имущества в период 1946–1952 гг. имели место в промышленности. На долю рабочих приходится примерно половина осужденных. Очевидно, что вторую половину составили работники других отраслей — торговли, сферы услуг, а также колхозов и совхозов (ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 64. Д. 14. Л. 27).

ленному коллапсу производства продовольствия, неизбежным следствием которого стал голод. Основными жертвами были крестьяне, но катастрофа со снабжением продуктами питания чрезвычайно повлияла на уровень жизни рабочих и спровоцировала массовое недовольство. Неурожай 1946 г. имел сопоставимые, хотя и менее драматические последствия. От последовавшего за ним голода в большинстве случаев пострадало крестьянство, но он также сильно сказался и на снабжении городского населения.

По своим политическим последствиям оба продовольственных кризиса также оказались весьма схожими. Протесты населения в начале 1930-х гг. были не столько подавлены с помощью репрессий, сколько затихли сами по себе, потому что рабочие и члены их семей были просто доведены до отчаяния отсутствием еды. Борьба за выживание настолько их ослабила, что для них невыносимым было любое, даже самое ограниченное участие в оппозиции. Внезапное падение уровня жизни могло повлечь за собой скорее политическую деморализацию рабочих, нежели их революционную мобилизацию, особенно если учесть отсутствие независимых политических организаций, даже профсоюзов, способных организовать коллективные действия. Послевоенный продовольственный кризис имел иное происхождение, но его политические последствия оказались во многом такими же. Кризис ударил по трудящимся, которые утратили внутреннюю сплоченность и самосознание, присущие рабочему классу, были запуганы террором и за годы войны с нацизмом настроились на поддержку режима. Война и ее последствия могли породить интенсивные ожидания смягчения режима и возврата к нормальной жизни, но не было никаких шансов на открытое экономическое и тем более политическое сопротивление, имевшее место в годы первой пятилетки. Но власти уже не могли игнорировать ожидания населения и тот факт, что люди привыкли за время войны к определенной свободе действий и мышления. Верно и то, что быстрый подъем уровня жизни позволил бы сталинской элите, если бы она того пожелала, выработать общенародный консенсус, подобный тому, которого западные капиталистические правительства сумели добиться в начале холодной войны. В значительной степени они добились этого, опираясь на хитроумные приемы пропаганды антикоммунизма. Продовольственный кризис лишил сталинский режим подобной возможности. Вместо этого он стал причиной почти тотального разрушения общественной морали и отношений между людьми. Мечты о спокойном, пусть даже медленном движении вперед были отброшены навсегда. Борьба за то, чтобы как-нибудь отсрочить наступление голода, и за выжива-

ние стала доминировать повсеместно. В этом смысле послевоенный голод оказал сталинской элите ту же политическую услугу, что и дефицит продовольствия в начале индустриализации: он породил глубокую деморализацию населения.

Голод был практически преодолен к началу 1948 г., а с конца этого года уровень жизни населения стал быстро расти. Но все равно вплоть до самой смерти Сталина люди не имели возможности расслабиться и почувствовать, что живут в относительном комфорте. Кроме того, общественные отношения, которые главным образом сводились к проблеме поиска пропитания, и моральный климат в стране зависели не только от снабжения продуктами. Среди других проблем ведущее место занимала жилищная. Как мы увидим в главе 5, рассматривающей вопросы бегства трудящихся с предприятий в 1946–1947 гг., и старых, и молодых гнал с рабочих мест не только голод, но и невыносимые жилищные условия. Итак, продолжим наш рассказ и рассмотрим улучшение положения с продовольствием после 1948 г. наряду с описанием тогдашнего состояния жилья и здравоохранения, которые после обеспеченности продуктами играют ведущую роль в определении качества жизни людей.

3. ПЕРИОД ЗАТУХАЮЩЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ. ОТМЕНА КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ, ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ, СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Конец карточной системы

Безусловно, 1948 г. стал высшей точкой экономического кризиса и связанной с ним социальной нестабильности. В этом смысле можно считать 1948 г. поворотным пунктом для режима. После урожайного 1947 г. снабжение продовольствием начало улучшаться. То же самое можно сказать о производстве многих основных потребительских товаров. Социальная напряженность в обществе стала ослабевать. Все эти достижения придали режиму уверенность в необходимости проведения денежной реформы с одновременной отменой карточной системы, имевших далеко идущие последствия¹. Власти намеревались избавиться от карточек еще в конце 1946 г., но неурожай и последовавший за ним голод сделали этот план невыполнимым. С экономической точки зрения переход к свободной торговле в конце 1947 г. был довольно сомнительным решением. Но власти подсчитали, и эти расчеты оказались верными, что эта стратегия принесет немалые политические дивиденды в виде завоевания поддержки со стороны большей части населения по крайней мере в крупных городах. Однако экономическая либерализация отнюдь не означала, что ее будет сопровождать либерализация политическая. Напротив, 1948 г. был отмечен не ослаблением, а усилением репрессий, направленных против отдельных групп населения (особенно евреев и интеллигенции) и служивших средством устрашения для общества в целом. Сигнал, посланный рядовым гражданам, не принадлежавшим к преследуемым национальным меньшинствам,

¹ Постановление Совета министров СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) «О проведении денежной реформы и об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 г. (было опубликовано в «Правде» и других газетах 16 декабря 1947 г.).

казался вполне понятным: если не хотите неприятностей, то занимайтесь своими делами и не вмешивайтесь в политику. Впрочем, это было совсем не просто. Хотя пик кризиса миновал, жизнь в городах и селах оставалась крайне тяжелой.

Денежная реформа и переход к свободной торговле преследовали разные цели. Денежная реформа была направлена прежде всего против крестьянства — нужно было изъять у сельских жителей денежные накопления, которые те сделали за годы войны. Уровень цен и заработной платы при этом оставался неизменным. Если до реформы рабочий получал 600 руб. в месяц, то и после нее он сохранял ту же сумму. Если некий товар до реформы стоил 3 руб., то он оставался в той же цене (иногда она менялась в связи с отменой карточек). В то же время денежные купюры, находившиеся на руках у населения, обменивались по курсу 1:10, то есть один новый рубль менялся на десять старых. Небольшие вклады (до 3000 руб.) деноминировались один к одному, вклады от 3000 до 10 000 руб. — по курсу 2:3, а вклады более 10 000 руб. — по курсу 1:2. Лишь немногие крестьяне относили деньги в сбербанк, в основном их хранили дома, поэтому люди сразу потеряли девять десятых накопленного. В то же время рабочие редко держали дома крупные суммы. Если им удавалось скопить немного средств, то они вносили их на счет в сберкассе, и эти накопления при реформе были защищены. Все, имевшие крупные счета, понесли значительные потери, но многие из них были спекулянтами, и государство намеревалось лишить их несправедливо нажитого богатства. Члены правящей элиты также имели крупные денежные счета, но они, безусловно, нашли способ компенсации своих потерь.

Отмена карточной системы, в отличие от денежной реформы, затрагивала в основном городское население. Но поскольку многие товары подешевели, определенные преимущества при этом получили также жители сельской местности, лишённые ранее продуктовых карточек. Взамен двойной системы цен, когда хлеб и другие продукты, продававшиеся по карточкам, стоили меньше аналогичных товаров, реализовывавшихся по коммерческим ценам, были введены единые, унифицированные для всей государственной торговли расценки. Хлеб, мука, крупы и макаронные изделия стали стоить на 10–12 % дешевле. Мясо, рыба, масло, сахар, консервы, соль, картофель и овощи продавались по прежним карточным ценам. Стоимость молока, яиц и фруктов была слегка скорректирована, но осталась примерно на прежнем уровне. Ткани, одежда, обувь и белье продавались по ценам, примерно на 60 % ниже прежних — коммерческих.

Если рассматривать ситуацию сугобо с экономической точки зрения, требующей сбалансированности спроса и предложения, то переход к свободной торговле был, на первый взгляд, достаточно обоснованным. Историк Алек Ноув, который, несомненно, симпатизировал капиталистической рыночной экономике и не симпатизировал неимущим, в своей монографии утверждает: сам факт резкого падения в ходе реформы цен на колхозных рынках (где они почти сравнились с государственными) доказывает, что спрос на товары удалось привести в относительное соответствие с предложением². Его наблюдение совершенно верно. Действительно, общий индекс цен на колхозных рынках, который в 1947 г. в 2,5 раза превышал индекс государственных цен, упал до уровня 1,1 в 1948 г., а в 1949 г. понизился еще сильнее и стал даже ниже уровня государственных цен³. Ноув также отмечает, что одна из задач реформы — снижение государственных розничных цен, чтобы сделать товары доступнее для основной массы населения. По его подсчетам, общий индекс розничных цен в результате понизился на 17 %⁴. К сожалению, эти цифры довольно обманчивы. Падение индекса цен было в основном обусловлено снижением стоимости дорогих товаров (одежды и обуви), но их поставки в торговлю оставались крайне ограниченными, а цены — слишком высокими для рядового покупателя. Основные продукты питания также стоили довольно дорого. Но хуже всего было то, что за пределами Москвы и Ленинграда эти товары продолжали оставаться дефицитными, а большинство населения по-прежнему балансировало на грани выживания.

Подготовка к реформе проходила наспех и с бюрократической неуклюжестью. Согласно докладам МВД, слухи о грядущих переменах появились в Москве за месяц до официального объявления о реформе. По иронии судьбы эти слухи были невероятно далеки от истины. Говорили, что цены не упадут, а, напротив, резко возрастут, что обесценятся все деньги, а не только находившиеся на руках. В результате народ ринулся в сберкассы, чтобы забрать оттуда как можно больше наличных, а потом устремился в магазины и на рынки, стараясь скупить все, что можно, пока предстоящая реформа не взвинтила цены. В конце ноября слухи расплозились по стране, и Москву наводнили жители соседних областей⁵. Первые дни торговля в самой Москве

²Nove A. An Economic History of the USSR. London, 1992. P. 316–317.

³Jasny N. Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago, 1961. P. 274.

⁴Nove A. An Economic History of the USSR. P. 317.

⁵ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 332–336, 342–347. Фактически правительство начало осторожно подготавливать население к реформе примерно

проходила относительно спокойно, но за ее пределами все товары оказались в чудовищном дефиците. Министр торговли СССР А. Любимов в начале декабря предупредил, что торговая инфраструктура практически во всех крупных городах не готова к реформе. Была создана лишь небольшая часть дополнительных торговых точек, и, хотя имевшиеся запасы муки и круп перекрывали ожидаемые объемы продаж, без отмены решения правительства о хранении большей части этих товаров в госрезерве нехватка их представлялась неизбежной. В некоторых городах и регионах, например, в Ростове-на-Дону, Ростовской, Тульской и Калининградской областях валовых запасов продуктов насчитывалось лишь от двух третьих до трех четвертых от необходимого объема. Рыбных продуктов было достаточно, но мяса и масла не хватало, хотя по подсчетам Любимова того, что находилось на тот момент в переработке, должно было хватить для покрытия дефицита⁶.

Очевидно, руководители торговли на местах пытались справиться с дефицитом, устанавливая приоритеты в снабжении. Общим правилом при этом было следующее: центральные городские районы снабжались лучше рабочих окраин; города обеспечивались товарами намного лучше сел; основные индустриальные центры — лучше отдаленных областей и союзных республик. В рабочих районах г. Калининна в течение нескольких дней невозможно было купить товары первой необходимости, длинные очереди за хлебом выстраивались с раннего утра⁷. В Костроме в дефиците оказалось все, кроме хлеба, но и тот было не достать, поскольку городские пекарни в первую очередь снабжали детские сады и предприятия общественного питания⁸. Даже в таком крупном индустриальном центре, как Харьков, который, казалось бы, должен был снабжаться в первоочередном порядке, магазины заводских ОРСов получали только часть необходимых продуктов. На одном машиностроительном заводе запасов продуктов хватило только на то, чтобы продать каждому из 1200 работников по 4 г масла, 29 г маргарина, 83 г мяса, 16 г сахара и 33 г рыбы. Вряд ли стоит объяснять, что все эти продукты расходились в течение часа⁹.

за полгода до ее проведения. Заводские многотиражки публиковали статьи, в которых рекомендовалось хранить деньги в сберкассах и даже давались разъяснения о том, какие виды вкладов существуют и каков размер предлагаемых по ним процентов (Сталинградский тракторострой. 1947. 29 мая).

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 587. Л. 87, 89–96, 116–118.

⁷ Там же. Оп. 125. Д. 596. Л. 4.

⁸ ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 25. Д. 253. Л. 13.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 584. Л. 129.

Почти повсеместно, где наблюдался подобный дефицит, местные власти старались сохранить скрытую карточную систему. Хлеб при этом доставлялся напрямую на предприятия и в организации, или торговля производилась через специальные распределители, в которых покупатели имели право отовариваться только по спискам¹⁰.

Несомненно, дефицит во многом провоцировался коррупцией среди части торговых работников. В докладах МВД и прокуратуры содержатся детальные описания подобных махинаций. Возможно, наиболее распространенными были случаи, когда руководители и работники банков, офицеры МВД, руководители крупных и мелких торговых организаций использовали свою осведомленность о грядущей денежной реформе, чтобы вносить наличные на счета в сберкассах или переводить их в ценности, чтобы уберечь от девальвации. Некоторые проявляли при этом немалую изобретательность. Поскольку банкам было запрещено открывать новые счета в ходе обмена денег, махинаторы вносили собственные деньги в кассу своего учреждения, забирая со складов эквивалентное количество товаров и продуктов. Другим распространенным видом злоупотреблений стала скупка золотых изделий руководителями тех торговых предприятий и магазинов, где эти изделия реализовывались населению. Некоторые торговые работники утаивали дефицитные товары и распродавали их друзьям и знакомым. В целом, по данным главы МВД Круглова, за период с 16 декабря 1947 г. по 1 мая 1948 г. структуры его министерства провели расследования по фактам злоупотреблений, совершенных 19 551 человеком. Более половины из них составляли руководители и работники торговли, а примерно четверть являлась членами партии¹¹.

¹⁰ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4217. Л. 11–12, 52, 193, 245, 260; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 450–453, 461–464.

¹¹ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 444–447, 454–461, 499; Д. 200. Л. 103–104. Более подробные сведения о коррупции можно найти в архивных материалах прокуратуры. См.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4217. Одним из наиболее интересных явлений, связанных с отменой карточек, стал резкий рост самогонарения, поскольку теперь сахар, картофель и хлеб стали дешевле водки. Наиболее интенсивно гнали самогон в сельских районах Украины, Белоруссии, Казахстана и Центральной России. За первые пять месяцев 1948 г. органы МВД изъяли и уничтожили св. 31 тыс. самогонных аппаратов. Говорят, что большая часть самогона предназначалась для продажи через легальные торговые точки (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 427–428; Д. 200. Л. 352–353).

Важно иметь в виду, что большинство из описанных трудностей относятся к первым послереформенным неделям. Впоследствии возникли более серьезные проблемы. Значительный дефицит продовольствия сохранялся по крайней мере до конца 1948 г. В ряде регионов страны погибли весенние посевы зерновых, оставив хозяйства без семян для осеннего сева. Больше всего пострадали Смоленская область, часть Украины, Воронежская область, Башкирия, Якутия, Северная Осетия и Хабаровский край¹². Поставки муки и хлеба оставались сильно ограниченными, особенно в отдаленные области, несмотря на наличие в них крупных индустриальных центров. Руководство машиностроительных заводов в Свердловске еще в марте 1948 г. докладывало о серьезных перебоях с хлебом¹³. В шахтах Челябинского угольного комбината продолжали продавать хлеб по талонам, причем тем, кто трудился под землей, полагалось по 700 г в день, а наземным рабочим — по 500 г. Но поставки были нерегулярными, и бывали дни, когда хлеба не получал никто: ни одинокие, ни многосемейные рабочие¹⁴. В апреле председатель профкома Чистопольского часового завода жаловался, что рабочим приходилось занимать очередь с четырех часов утра, чтобы суметь отоварить свои талоны на хлеб¹⁵. По сообщениям газеты «Труд», подобные проблемы летом 1948 г. испытывало большинство угледобывающих районов страны¹⁶. В августе и сентябре того же года серьезный дефицит муки и хлеба ощущался в городах Кемерово, Молотов (Пермь) и в Иркутской области. Кемеровские власти сообщали, что в областных и районных центрах остался суточный запас муки, а круп не было вовсе. Но больше всего страдали от дефицита рабочие, служащие, врачи и учителя, жившие за пределами крупных индустриальных центров. В Кабардинской АССР, маленькой автономной республике на Северном Кавказе, горожане, включая работников машиностроительных заводов и вольфрамо-молибденового комбината, получали всего по 430 г хлеба в день, а рабочие и специалисты совхозов были вынуждены обходиться половиной этой нормы. Но даже такие поставки были нерегулярными, и людям не доставалось ничего до тех пор, пока не придет очередная партия продуктов¹⁷. Не менее ущем-

¹²РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 669. Л. 5, 24, 26, 29, 39.

¹³ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 490. Л. 46–46 об.

¹⁴ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 4. Д. 268. Л. 5–6.

¹⁵ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 490. Л. 64.

¹⁶Труд. 1948. 31 июля.

¹⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 699. Л. 13–14, 37, 46, 52–52 об.

ленными чувствовали себя работники отдаленных участков железных дорог. В начале 1948 г. рабочие Ташкентской железной дороги получали по норме 2 кг хлеба, продаваемого раз в три дня. Сотрудники Амурской железной дороги находились в еще худшем положении. По сообщениям местного профсоюза, в магазинах не было никаких продуктов, кроме хлеба, которого полагалось от 500 г до 1 кг в день на одного работника, независимо от размеров его семьи. Недовольство среди рабочих достигло такой степени, что они начали практиковать массовые остановки работы¹⁸. Страдали от дефицита даже те, кто должен был заготавливать и хранить зерно, а поскольку многие из них в отчаянии увольнялись с работы, это ухудшало ситуацию со снабжением городов мукой и зерном¹⁹. На самом деле во всех этих областях нормированный отпуск хлеба продолжался фактически до конца 1948 г., а в некоторых угледобывающих районах сохранился вплоть до смерти Сталина²⁰.

В дефиците были и другие продукты. Тот факт, что области, расположенные рядом с Москвой и Ленинградом, обязаны были поставлять в эти города немалую часть своего картофеля и овощей, усугублял их собственную продовольственную ситуацию²¹. Хотя распределение продуктов через заводские отделы рабочего снабжения, несомненно, улучшилось по сравнению с 1947 г., оно все равно оставалось недостаточным. ОРСы металлургических заводов, представлявших один из крупнейших секторов экономики, в период с января по ок-

¹⁸ Доклад из Ташкента. См.: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7883. Л. 59. Сообщение от сотрудников Амурской железной дороги (Там же. Оп. 32. Д. 7884. Л. 153–155). В телеграмме, поступившей с одной из станций Амурской железной дороги, сообщается о еще меньшей норме продажи хлеба по карточкам: 300 г в день на одного городского жителя и 150 г на одного путевого работника. В телеграмме также говорится о растущем недовольстве людей и потерях рабочего времени, которые связаны не с забастовками, а с тем, что народ вынужден проводить долгие часы в очередях за хлебом (Там же. Оп. 31. Д. 7881. Л. 35). Министерство торговли, кажется, серьезно отнеслось к сообщениям о простоях, поскольку приказало своим региональным управлениям торговли обеспечить поставки дополнительного количества муки и хлеба для МПС (Там же. Д. 7884. Л. 152).

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 699. Л. 31.

²⁰ Один из моих собеседников, бывший главный инженер крупной фабрики фарфоровых изделий в Житомирской обл. (Украина), рассказал, что в 1950 г., когда он только начинал работать, на фабрике все еще выдавали рабочим хлеб (интервью с М. З. Балтимор, 1997 г.).

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 699. Л. 61, 64–65.

тябрь 1948 г. сумели реализовать только 90 % от запланированного количества продуктов, потребительских товаров и обедов в рабочих столовых. Но причина крылась не в том, что спрос на эти товары полностью удовлетворялся и рабочие перестали обращаться в ОРСы. В этих магазинах просто нечего было продавать²². Профсоюзные организации ряда машиностроительных заводов жаловались на дефицит основных продуктов питания и товаров народного потребления. Такие продукты, как сахар, масло, яйца, молоко, мясо и рыба, по-прежнему поставлялись в крайне недостаточном количестве. ОРСы пытались в первую очередь обеспечивать рабочие столовые, детские сады и ясли, училища и школы трудовых резервов, но самим рабочим не доставалось практически ничего. «В мае месяце трудящимся не было продано ни единого грамма продуктов», — утверждал член профкома одного из машиностроительных предприятий²³. Председатель профкома крупного машиностроительного завода «Строммашина» в г. Андижане заявлял, что обеспеченность персонала продуктами и потребительскими товарами весной 1948 г. была хуже, чем во времена, когда те продавались по карточкам, и что это провоцирует недовольство в рабочей среде²⁴. Хотя подобные заявления носят риторический характер, есть основания поверить в их искренность. Рабочие полагали (и на то были веские основания), что руководители и работники ОРСов придерживают часть продуктов и потребительских товаров для перепродажи своим знакомым. Люди требовали покончить с торговлей «с черного хода» и недоумевали, почему ничего из завезенных товаров не достается им²⁵. Вполне естественно, что дефицит продуктов особенно тяжело сказывался на работе заводских предприятий общественного питания — столовых и буфетов. Помимо медленного обслуживания и несоблюдения санитарно-гигиенических норм блюда там стоили слишком дорого, а их ассортимент был крайне ограниченным. Даже в Ленинграде, где профсоюзные инспекции отмечали значительное улучшение в работе заводских столовых в течение 1948 г.²⁶, качество питания рабочих ряда важнейших машиностроительных заводов оставляло желать лучшего²⁷.

²² ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 64. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 488. Л. 102.

²⁴ Там же. Д. 490. Л. 1, 2, 4.

²⁵ Там же. Л. 9–10.

²⁶ Там же. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 485. Л. 27–28; Д. 488. Л. 57–59.

²⁷ На заводе «Севкабель» многие рабочие питались в цеховых буфетах, но в них не хватало продуктов, чтобы накормить всех желающих. Как сообщала

Одна из причин в том, что с отменой карточной системы работа ОР-Сов была переведена на коммерческую основу с бюджетными ограничениями капиталистического типа. Ради увеличения прибыли некоторые ОРСы открыли магазины для покупателей «с улицы», которые разбирали большую часть, если не все запасы товаров. Не в последнюю очередь этому способствовала ситуация, когда работникам предприятий было сложно выбраться в магазин в течение рабочего дня²⁸. В июне 1948 г. газета «Труд» упрекала руководителей предприятий в том, что они закрывают убыточные рабочие столовые, заменяя их большим числом буфетов и закусочных²⁹. Поскольку ОРСы теперь получали ограниченные субсидии или лишились их вовсе, именно в тех случаях, когда они работали себе в убыток и не имели возможности расплатиться с поставщиками, предприятия испытывали дефицит в снабжении продуктами³⁰. Некоторые железнодорожные начальники требовали от столовых плату за топливо и аренду помещений, а когда те были не в состоянии расплатиться, грозили закрыть их³¹. В то же время если столовые повышали расценки, чтобы покрыть расходы, то еда в них для рабочих становилась не по карману. Как отмечалось выше, подобное происходило после поднятия цен в сентябре 1946 г. Когда торгующее учреждение начинает требовать с покупателей слишком высокую оплату, оно зачастую вынуждено закрываться³². По иному складывалась ситуация в детских домах, яслях и т. п.,

заводская газета, меню там было неизменным — вареная треска с картофельным пюре (Кабельщик. 1948. 21 апр.). На ленинградском заводе «Электросила» создалось странное положение в двух столовых, снабжавшихся продуктами из одного и того же централизованного источника. В одной из них, как сообщала заводская многотиражка, еда была отличная, а во второй — ниже всякой критики (Электросила. 1948. 8 мая).

²⁸ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 490. Л. 50.

²⁹ Труд. 1949. 28 июня. Председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов заявил, что на железнодорожных предприятиях, большинство из которых составляли принадлежащие МПС машиностроительные заводы, в течение 1948 г. закрылось 286 рабочих столовых.

³⁰ ЦГАИПД. Ф. 2600. Оп. 3. Д. 32. Л. 29–32, 45 (Доклад Ижорского завода, одного из крупнейших машиностроительных предприятий Ленинграда).

³¹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7882. Л. 77–79.

³² Такой случай произошел по крайней мере с двумя специальными столовыми, в которых питались рабочие, нуждавшиеся в связи с истощением или серьезными заболеваниями (типа туберкулеза) в особой диете. Подобная столовая закрылась также на заводе им. Куйбышева в г. Кирове. На Новотрубном трубопрокатном заводе им. Сталина в Свердловске удалось

бюджеты которых на закупку продовольствия не корректировались с учетом повышения цен. Поскольку брать плату за еду с детей было невозможно, приходилось закупать меньше продуктов, и это отрицательно сказывалось на рационе питания³³.

Важно отметить, что коммерциализация торговли повлекла за собой изменения в природе воровства. После отмены карточек резко увеличилось количество служащих, в том числе коммунистов, среди осужденных за хищения государственного имущества. В 1946–1947 гг. главной мишенью и основными жертвами действия законов против хищений государственной собственности являлись рабочие и крестьяне (см. главу 1, с. 47–49). Теперь же доля осужденных за эти преступления служащих поднялась с 17 % в 1947 г. до 31 % в 1948-м. Тот же контингент составлял более трети осужденных по этим статьям в 1949–1952 гг. Доля коммунистов среди них также удвоилась, поднявшись с 3,3 % в 1947 г. до 6,6 % в 1948-м и до 7,4 % в 1950 г.³⁴ Приведенные цифры, несомненно, отражают изменения экономической ситуации. У рядовых граждан отпала необходимость воровать ради выживания, зато чиновники, занимавшие стратегические позиции в сети поставок и распределения товаров, приобрели неограниченные возможности для хищений и проведения различных операций на черном рынке, в чем проявляли удивительную находчивость. В то же время эти изменения отражали и перемены в отношении руководителей правоохранительных органов к применению ужесточенных законов против хищений. Они все меньше наказывали людей, совершивших малозначительные преступления из-за жестокой нужды, но не считали нужным распространять свой либерализм на так называемую беловоротничковую преступность³⁵.

Повсеместный сдвиг в сторону коммерциализации имел наиболее серьезные последствия на железнодорожном транспорте, где в течение первых же четырех месяцев прокатилась волна стихийных

сохранить только одну специальную столовую только благодаря тому, что профсоюз выделил для нее значительную субсидию из собственных фондов социального страхования. См.: ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 674. Л. 50 (Завод им. Куйбышева); Ф. 7680. Оп. 5. Д. 58. Л. 41–41 об. (Новотрубный завод).

³³ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 848. Л. 133.

³⁴ Там же. Ф. 9492. Оп. 6с. Д. 14. Л. 20. Я благодарю Питера Соломона, предоставившего мне копии этих документов.

³⁵ О неоднозначном подходе судов к ужесточению наказаний нарушителей закона 1947 г. против хищений см.: Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 430–437.

забастовок, вызванных задержками заработной платы. Подобные задержки являлись составной частью советской экономической реальности начиная со времен первых пятилеток. В большинстве случаев они были вызваны стремлением предприятий улучшить свой платежный баланс за счет временного переноса сроков крупных денежных выплат. Иногда задержки возникали из-за несвоевременного выделения соответствующих фондов Государственным банком. Можно также винить в них спекулятивные сделки, которые в начале 1930-х гг. служили средством косвенного урезания заработной платы и давления на трудящихся³⁶. После войны подобная практика стала почти обычным явлением на всех предприятиях — как крупных, так и мелких. Один из вопиющих примеров — харьковский машиностроительный завод «Серп и молот», где в начале 1947 г. в течение трех месяцев рабочим не было выплачено ни рубля. Об аналогичных задержках заработной платы поступали сообщения с угольных шахт Донбасса. Учитывая невероятные трудности, испытываемые трудящимися в это время, легко представить то отчаяние и возмущение, которые должны были вызывать у них отсрочки выплат даже на пару недель, не говоря уже о двух-трехмесячных³⁷. Проблема оставалась достаточно острой до конца 1949 г., хотя причины задержек были различными³⁸. Что касается малых предприятий, то они испытывали сложности со сбытом продукции, и недостаточность доходов заставляла их влезать в огромные долги³⁹.

Ближе к концу декабря 1947 г. и весь январь 1948 г. железнодорожные профсоюзные организации из различных регионов слали телеграммы в МПС, жалуясь на то, что отдельные участки сети железных дорог неделями задерживают заработную плату своим сотрудникам. Подчеркивая, что это создает значительные трудности, лишь немногие профкомы предупреждали начальство: невозможность купить

³⁶Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 72–73.

³⁷ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3761. Л. 155, 232.

³⁸Я могу подтвердить сказанное на примере трех предприятий черной металлургии. На одном из них задержка с выплатой заработной платы произошла исключительно по небрежности руководства. На другом — из-за того, что Государственный банк своевременно не выдал наличные деньги. На третьем задержки в немалой степени объяснялись тем, что из-за некомпетентности бюрократов требовалось необоснованно долгое время, чтобы деньги дошли до рабочих. Все три примера относятся к 1949 г. (ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 25. Л. 14; Д. 152. Л. 30–31; Д. 203. Л. 4–5).

³⁹ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 5034. Л. 68–69.

хлеб и другие продукты подталкивают людей к забастовкам. Особенно четко эта мысль высказана в телеграммах профкомов Литовской, Казанской и Амурской железных дорог. Так, на одной из станций в Литве тридцать работников отказались приступить к работе. В телеграмме профкома утверждается: «...отказ платить заработную плату приобретает политическое значение». Ситуация на Казанской и Амурской дорогах была не столь однозначной. В сообщениях оттуда говорится «о массовых случаях невыхода на работу», но причинами этого явления в одном случае называют дефицит продовольствия, а в другом — невыплату зарплаты⁴⁰. Не вызывает сомнений, что сами рабочие мало задумывались о столь тонких различиях. Люди знали одно: их семьи и они сами голодают. Между тем МПС оставляло все эти предупреждения без внимания, возможно, полагая, что угроза широкого распространения забастовочного движения крайне мала. Напротив, в своих ответах министерство возложило всю ответственность на отдельные дороги, которые, несмотря на крупные государственные субсидии, выделенные в 1947 г., умудрились влезть в большие долги, допустив перерасход и накопление излишних материальных запасов. Отдельные дороги вовсе лишились субсидий, поскольку не сумели выполнить план грузоперевозок. Эти участки оказались в сложном финансовом положении. МПС приказало руководителям навести порядок в делах и гарантировать работникам своевременную выплату заработной платы⁴¹. Но телеграммы с мест продолжали поступать. В феврале 1948 г. профком Оренбургской железной дороги сообщил в МПС, что задолженность по зарплате отрицательно сказывается на работоспособности персонала и что руководство дороги стало выплачивать сотрудникам авансом по 10–20 руб., чтобы предупредить невыходы на работу. Но министерство продолжало гнуть свою линию, утверждая: вся вина лежит на территориальных администрациях, которым приказано изыскать необходимые средства для расчета⁴². Одно-

⁴⁰РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7883. Л. 15, 40–4 об., 50, 56, 74 об. См. также: Д. 7881 (большую часть документов в этом деле составляют письма и телеграммы с жалобами на продолжительные задержки зарплаты в январе–феврале 1948 г.).

⁴¹РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7883 (здесь содержится множество подобных телеграмм и ответов на них из министерства. Особого внимания заслуживают: Л. 23, 26–27, 29, 30, 30 об., 31, 33, 34–34 об., 39, 40–40 об.). Правила, по которым железную дорогу могли полностью лишить субсидий за невыполнение плана грузоперевозок, изложены в: Оп. 31. Д. 7882. Л. 50.

⁴²РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7884. Л. 146, 147–147 об.

временно МПС издало приказ, обязывающий все железные дороги обеспечить наличие достаточного запаса средств, чтобы выплачивать заработную плату в срок⁴³.

В апреле и мае продолжилась эскалация кризиса. Железнодорожные профкомы всей страны по-прежнему сообщали: у рабочих на руках осталось настолько мало денег, что они не в состоянии купить хлеба, приобрести семена для своих личных хозяйств или расплатиться за жилье. Мелкие забастовки начинали приобретать более широкие масштабы. На Литовской дороге снова настаивали на политическом характере, который приобрели задержки зарплаты. Вначале власти могли утешать себя, что Литва — это особый случай, учитывая наличие антисоветских настроений в Прибалтийских республиках, но вскоре подобные телеграммы стали приходить и из центральных регионов Союза. По сообщению профкома Томской железной дороги, 50 тыс. ее работников в течение всего марта не получали заработной платы. «Такое положение существенно затрудняет подписание коллективного договора на 1948 г.», — телеграфировал профком в МПС. Телеграммы, сообщавшие о «широком недовольстве», «массовых прогулах» и об отказах паровозных бригад выводить свои локомотивы из депо, поступали с Саратовской, Северодонецкой, Пермской, Кишиневской и Сталинской железных дорог⁴⁴. Материальное положение многих рабочих становилось по-настоящему бедственным. Возможно, особенно тяжело приходилось 500 рабочим подвижных путеремонтных отрядов, которые все время передвигались по стране, не имея постоянной базы. Они и прежде существовали в крайне трудных условиях, но в мае 1948 г., после того как люди не получали зарплату в течение почти двух месяцев, они обратились с жалобой к бывшему главе ВЦСПС, а тогдашнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР Швернику. В их письме говорилось:

«В настоящее время никто из нас не имеет ни копейки. Нам не у кого занять денег, поскольку мы постоянно перемещаемся с места на место, и каждый из нас отделен от своих родственников сотнями и тысячами километров. Люди не в состоянии купить даже 1 кг хлеба, они выходят на работу голодными и говорят, что у них не остается сил, чтобы трудиться».

⁴³ Там же. Д. 7878. Л. 32.

⁴⁴ Там же. Д. 7882. Л. 21–21 об. (Саратов); Л. 23–23 об. (Литва); Л. 26 об. (Томск); Л. 39 (Северодонецк); Л. 42 об. (Пермь); Л. 57 (Кишинев); Д. 7883. Л. 79 (Сталино).

МПС приказало нижестоящей организации урегулировать эту конкретную ситуацию, но в остальном оставалось невозмутимым, несмотря на то что количество тревожных телеграмм возрастало. Напротив, вплоть до середины мая министерство продолжало настаивать на своей политике ужесточения финансовой дисциплины. Ссылаясь на постановление Совета министров СССР от 15 февраля, замминистра МПС по финансам упрекнул профсоюзы в том, что те не справляются со своими обязанностями, не помогают руководителям предприятий сбалансировать бюджеты, не «выявляют и не привлекают к строгой ответственности» тех из них, кто продолжает политику лишних расходов и задолженности по заработной плате. Он предупредил, что надеяться на помощь сверху не стоит. «Постановление правительства запрещает покрывать убытки экономических организаций. Поэтому железные дороги и их экономические подразделения обязаны предпринять все необходимые меры для того, чтобы возместить средства, которые они растратили в течение 1947 г., но также изыскать дополнительные ресурсы для накопления и достижения финансовой устойчивости своих подразделений»⁴⁵. Всего через несколько дней после этого заявления министерство внезапно изменило свою позицию. Поскольку сообщения с мест о забастовках продолжали поступать, МПС стало выдавать ссуды на погашение долгов за апрель и выделять специальные субсидии (броню) для выплаты зарплаты в мае⁴⁶. С этого момента тревожные телеграммы практически перестают приходить, по крайней мере их не удается обнаружить в архивах.

Вся эта история представляет интерес по нескольким причинам. Прежде всего, как оказалось, власти проявляли крайнюю осторожность в разрешении возникшей ситуации. В архивных делах железнодорожных прокуратур всех дорог, вовлеченных в данный конфликт, нам не удалось обнаружить ни одного упоминания о забастовках, хотя информация о подобных протестах и отказах выходить на работу все же просочилась в прокуратуру. Ни разу о забастовках не упоминается также в так называемых особых папках, где хранятся документы Сталина, Молотова и Берии⁴⁷. Это свидетельствует о том, что власти не применяли ни принуждения, ни подавления, чтобы заставить людей вернуться на свои рабочие места. Возможно, причина в том, что

⁴⁵РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7885. Л. 70–72.

⁴⁶Там же. Л. 7–11, 16, 17–17 об., 18–22, 22 об., 23–26. 28–30.

⁴⁷Материалы из особой папки Берии все еще остаются закрытыми, но имеется весьма детальное описание ее содержания, в котором также указано содержание каждого документа.

железные дороги имели особое стратегическое значение не только для гражданской и военной экономики, но и для функционирования системы исправительно-трудовых лагерей Гулага, и поэтому требовали деликатного обращения. Может быть, сыграл свою роль и тот факт, что протесты одновременно охватили обширные, удаленные друг от друга регионы страны, и если бы режим решил прибегнуть к насилию, ему потребовалось бы одновременно воевать на нескольких фронтах. Не исключено, что черед репрессиям пришел позднее. В Советском Союзе, особенно в последние годы правления Сталина, широко применялась практика, когда власти, сталкиваясь с забастовками, вначале стремились прекратить их, обещая удовлетворить самые неотложные требования протестующих, а затем арестовывали организаторов и наиболее активных участников акций. У нас нет возможности узнать, ждала ли подобная кара железнодорожников, после того как интенсивность конфликтов пошла на спад.

Второй заметный аспект заключался в том, что МПС и, вероятно, правительство предпочитали игнорировать проблему до тех пор, пока настойчивые требования рабочих не заставили их изменить тактику и выделить дополнительные средства на погашение долгов по зарплате, которые к тому времени составляли значительные суммы. Такая политика повлекла за собой еще одну, третью по счету, проблему. Как будет показано в главе 5, большинство рабочих, попавших в сходные с железнодорожниками обстоятельства, реагировали на них в индивидуальном порядке. Они бросали работу, хотя и рисковали в случае поимки получить за это длительные сроки заключения в лагерях. Нелегальные увольнения были крайне редким явлением в системе железных дорог, хотя жилищные условия, уровень зарплаты и доступность продуктов питания на них были вполне сопоставимыми (если не хуже) с такими отраслями, как, например, угольная промышленность, где фиксировалась высокая текучесть кадров. Железнодорожники доказали свою способность действовать коллективно, хотя и небольшими группами. Действуя активно и, возможно, в связи с отмеченной выше спецификой их положения, они сумели выбить из властей уступки, пусть даже небольшие, для всех трудящихся в целом.

Большая часть населения Советского Союза испытывала острый недостаток продуктов питания вплоть до конца 1948 г. Потом ситуация стала понемногу выправляться, но все равно практически ни в одном населенном пункте настоящее изобилие продуктов так и не наступило. Даже в начале 1950-х гг. рост заработной платы не полностью воплотился в повышение покупательной способности населения. Причина в том, что снижение индекса потребительских цен

происходило не в результате увеличения предложения товаров, а как следствие политически мотивированных решений правительства о понижении стоимости товаров, которые никак не сказывались на доступности последних. Это означало, что на приобретение продуктов и товаров народного потребления, которые люди могли купить в магазинах или на колхозных рынках, они расходовали далеко не все свои доходы, а реальный спрос был далек от его удовлетворения. Нельзя утверждать, что семьи имели возможность реализовать даже самые скромные потребности, не говоря уже о приобретении предметов роскоши. В конце 1952 г. МПС вышло в Совет министров с просьбой об увеличении объемов выделяемых продуктов на следующий год, поскольку в течение 1952 г. железные дороги получили только две трети выделенного им мяса, три четверти колбасных изделий и всего треть мясных консервов. Маловероятно, чтобы эта просьба была простой прихотью. На некоторых дорогах поставки оставались недостаточными даже для нужд общественного питания — рабочих столовых, детских учреждений и больниц, не говоря уже о том, что в свободной продаже продуктов практически не оставалось⁴⁸.

Но все это не ставит под сомнение тот факт, что уровень потребления значительно вырос по сравнению с годами войны или с периодом послевоенного продовольственного кризиса. Об этом можно судить как по результатам опросов, к обсуждению которых мы приступаем, так и по иным признакам. Косвенным подтверждением тому можно считать начавшееся в тот период сокращение числа рабочих, выращивавших продукты питания на личных огородах. Например, доля работников Центральной железной дороги, возделывавших собственные участки земли, уже в 1948 г. уменьшилась на 4 %, хотя основную часть владельцев огородов составляли все же не рабочие, а

⁴⁸РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 1195. Л. 173–174. На долю железнодорожных рабочих, занятых в сельской местности, выпало еще одно, дополнительное бремя. По крайней мере до 1950 г. они были вынуждены приобретать основные потребительские товары — хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, обувь, трикотажные изделия и верхнюю одежду — по так называемым сельским ценам, которые были примерно на 10 % выше цен в городских магазинах. (Это еще одно подтверждение факта, как режим эксплуатировал крестьянство.) По подсчетам МПС, жертвами подобной политики стали 600 тыс. рабочих и служащих отрасли, каждому из которых это обходилось в среднем по 83 руб. в год, что составляло примерно половину среднедельного заработка (для машинистов паровозов^{***} существенно меньше половины). Там же. Д. 9244. Л. 29.

служащие⁴⁹. Аналогичная тенденция наблюдалась среди работников станкоинструментальной промышленности. Здесь подобное сокращение коснулось людей с более высоким уровнем жизни, но в данном случае их представлял не бюрократический персонал, а москвичи и ленинградцы, снабжавшиеся продуктами лучше жителей остальных регионов страны⁵⁰.

Более точную картину количественного и качественного улучшения питания людей можно составить, сравнив между собой данные ЦСУ о потреблении основных продуктов в 1950 и 1952 гг. (табл. 3.1) с аналогичными данными за 1946–1947 гг., представленными в табл. 2.1. Такой анализ доказывает, что к 1950 г. среднедушевое потребление практически всех продуктов не только сравнялось с предкризисным уровнем, но постепенно превзошло его. В 1952 г. этот уровень вырос еще больше.

Наблюдалось заметное и значительное увеличение потребления хлеба и зерновых, молочных продуктов, а также (в 1952 г.) овощей и фруктов. Можно также заметить повышение спроса на дорогие и качественные продукты: белый хлеб из муки тонкого помола взамен черного или пшеничного хлеба грубого помола. Еще важнее тот факт, что калорийность дневного рациона вплотную приблизилась к норме, достаточной для поддержания здоровья людей на должном уровне. Член рабочей семьи в среднем стал потреблять свыше 2500 калорий в день, а взрослый рабочий — примерно 3500 калорий. Более того, даже члены семей работников низкооплачиваемых отраслей — текстильной промышленности, строительства, которые тяжело страдали от недоедания во время продовольственного кризиса, — теперь по уровню потребления продовольствия вплотную подошли к средним цифрам по стране. Иными словами, восстановление уровня потребления продовольствия происходило повсеместно, благодаря чему обеспечивалось выживание даже групп населения с самыми низкими доходами⁵¹. Уровень потребления, несомненно, варьировался в зависимости от уровня доходов, но разброс был значительно меньше, поскольку главным лимитирующим фактором по-прежнему оставалась недостаточность предложения, а не наличие или отсутствие денег у населения. В соответствии с опросами, проводившимися профсоюзами, семьи шахтеров и рабочих предприятий черной металлургии тратили больше денег на питание, но их дневной рацион были немно-

⁴⁹РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7879. Л. 158.

⁵⁰ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 346. Л. 1–4.

⁵¹ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 996. Л. 487–488.

гим лучше и разнообразнее, чем в семьях с более низкими доходами. Независимо от доходов основу повседневного рациона составляли продукты с высоким содержанием углеводов, а главным источником белка служили молочные продукты. Потребление мяса и рыбы осталось весьма скудным и в основном приходилось не на свежие, а на консервированные или вяленые продукты⁵².

Стали доступнее потребительские товары, хотя их проданное количество оставались на крайне низком уровне. Средняя рабочая семья теперь получила возможность приобретать по одной паре кожаной обуви на человека в год, но в это количество входило все — от туфель и зимних ботинок до домашних тапочек. Она могла рассчитывать на покупку или выдачу на работе 3 кг хозяйственного и двух кусков туалетного мыла в год. Предполагалось, что этого количества должно хватать на стирку и все гигиенические потребности семьи. Вероятно, значительнее всего улучшилась ситуация с тканями, душевое потребление которых выросло до 12 метров на человека в год. Лишь в 1952 г. продажа готовой одежды достигла статистически важных значений, достойных отдельной строки в отчетности ЦСУ⁵³.

Таблица 3.1

**Потребление рабочими семьями основных продуктов питания
(в г на члена семьи в день) в III квартале 1950 г. и III квартале 1952 г.**

	III квартал 1950 г.		III квартал 1952 г.	
	Всего	В том числе через систему общественного питания	Всего	В том числе через систему общественного питания
1	2	3	4	5
<i>Хлеб и зерновые продукты</i>	713,0	42,9	666,7	54,7
Ржаная мука	1,9	0,2	1,5	0,1
Пшеничная мука	16,5	3,3	351	5,5

⁵²Приведенные здесь данные не являются исчерпывающими. Отчеты ЦСУ указывают на значительно меньшие различия между отраслями по объемам покупок на душу населения и величиной остатков денежных средств в семьях в конце месяца, нежели приводятся в отчетах ВЦСПС. Возможно, это объясняется тем, что рабочие-металлурги и шахтеры, опрошенные ЦСУ, имели большее число иждивенцев, чем те, что фигурируют в отчетах ВЦСПС. Данные ВЦСПС см.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 841. Л. 175, 180–181; Д. 996. Л. 486–488. Данные ЦСУ см.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3086. Л. 172–172 об., 196, 198–198 об., 201–201 об., 204–204 об., 207–207 об.

⁵³РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3086. Л. 176; Оп. 26. Д. 25. Л. 126 (1952 г.).

1	2	3	4	5
Черный хлеб	356,8	13,1	246,1	12,9
Пшеничный хлеб из муки грубого помола	78,2	2,0	50,6	3,8
Пшеничный хлеб из муки тонкого помола	211,6	20,1	288,8	27,5
Крупы	31,5	3,0	25,2	2,9
Макаронные изделия	16,3	1,3	19,3	2,0
Картофель	330,5	9,8	327,9	11,4
Фрукты и овощи, в том числе:	213,6	10,4	383,2	18,6
капуста	45,7	3,6	53,1	4,9
прочие овощи	98,6	3,5	182,6	7,9
бахчевые культуры	31,0	1,6	77,1	3,4
фрукты и ягоды свежие	36,2	1,2	67,4	1,9
фрукты и ягоды сушеные	2,1	0,5	3,0	0,5
Молочные продукты, в том числе:	242,8	17,8	257,3	19,0
молоко свежее и молочнокислые продукты	223,1	14,5	228,6	14,9
масло сливочное	10,5	1,4	10,3	1,4
сливки	2,3	0,7	3,9	1,1
сыры	1,2	0,3	1,5	0,4
творог	5,7	0,9	7,0	1,2
Яйцо (шт.)	0,1	0,01	0,24	0,02
Мясо и рыба, в том числе:	69,0	4,9	87,1	9,1
мясо и мясные продукты	49,7	4,2	57,7	7,3
рыба и рыбные продукты	19,3	0,7	29,4	1,8
Маргарин	4,8	0,2	6,3	0,5
Растительное масло	4,0	0,2	9,8	0,5
Сахар	33,2	2,3	48,2	2,5
Конфеты-леденцы	15,5	1,3	10,3	1,4

1	2	3	4	5
Джемы, домашняя выпечка, печенье	Незначительное кол-во		11,3	1,7

Примечание. Незначительные отклонения при суммировании по отдельным видам и наименованиям продуктов объясняются округлениями до десятых долей грамма.

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3086. Л. 170–170 об. (1950 г.); Ф. 1562. Оп. 26. Д. 25. Л. 64–64 об. (1952 г.)

Жилищные условия

Важнейшими после обеспеченности продовольствием и одеждой характеристиками качества жизни являются, вероятно, жилищные условия и состояние здравоохранения. Первые как в царской России, так и в Советском Союзе никогда не были особенно хорошими. Они ухудшились в 1930-е гг., когда миллионы крестьян устремились на работу в город, но режим неуклонно отказывался вкладывать в жилищное строительство средства, достаточные для компенсации роста городского населения. В 1940 г. городской жилищный фонд составлял в сумме 270 млн кв. м, что соответствовало 5,1 кв. м жилой площади на одного жителя. В 1945 г. в результате военных разрушений жилой фонд сократился до 200 млн кв. м., а к 1948 г. снова вырос до 260 млн кв. м, но теперь он должен был вместить значительно возросшее городское население. Мы не располагаем данными о среднем количестве квадратных метров жилой площади, приходившихся в тот год на душу населения. Однако можно предположить, в каких стесненных условиях жили люди, если учесть, что в 1950 г. жилищный фонд вырос до 513 млн кв. м (то есть стал на 90 % больше, чем в 1940 г.), но при этом на одного жителя приходилось всего 4,67 кв. м жилья (на 8 % меньше, чем перед войной)⁵⁴. В том же 1950 г. считалось вполне обычным явлением, когда женщин-работниц селили в бараки по 40 и даже по 99 человек в одной комнате⁵⁵.

Жилищные условия миллионов рабочих в первые послевоенные годы были ужасающими, что являлось основной причиной высокой текучести кадров, детально описываемой в главе 5. Безусловно, в наилучших условиях находились люди, ютившиеся в сараях и землянках. Нам не известно точное их количество, но, например, в тресте

⁵⁴Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. London, 1980. P. 592–593, 608, 630–631, 633.

⁵⁵ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 310. Л. 3; Д. 311. Л. 3.

«Тулауголь» подмосковного угольного бассейна в декабре 1945 г. в таких условиях проживали 1500 рабочих с семьями, а еще 6500 человек ночевали в общежитиях на двухъярусных деревянных нарах⁵⁶. МПС сообщало, что на 1 января 1946 г. в землянках ютилось более 4200 рабочих семей (всего 15 750 человек)⁵⁷. Политика центральных властей и промышленных министерств состояла в первоочередном переселении обитателей подобных «домов» в отремонтированное или построенное заново жилье, и их численность довольно быстро уменьшалась. Но потребовалось несколько лет, чтобы полностью устранить это явление, особенно в регионах, наиболее пострадавших в ходе военных действий. Например, по сообщениям профкома, к концу 1947 г. значительная часть рабочих и служащих Южной железной дороги, охватывавшей большую часть Украины, продолжала обитать в подвалах или полуподвальных помещениях⁵⁸.

Масштабы жилищного кризиса были столь велики, что режим даже не пытался их скрывать. Орган ЦК профсоюзов газета «Труд» печатала многочисленные статьи, описывавшие тяжелые условия существования в рабочих общежитиях и многочисленные проблемы, сдерживавшие жилищное строительство. Правда, в этих статьях не упоминалось о том, что государственные инвестиции в данный сектор экономики были крайне недостаточными. Как «Труд», так и заводские многотиражки открыто связывали высокую текучку на предприятиях с плохими жилищными условиями, хотя можно было бы ожидать, что они станут скрывать такую связь, учитывая, что самовольный уход с предприятия по-прежнему считался уголовным преступлением. Действительно, газетам не было никакого смысла признавать массовый характер этого явления⁵⁹. Но последствия жилищной проблемы выходили далеко за пределы влияния на текучесть кадров. Несомненно, в первые послевоенные годы дефицит жилья серьезно осложнял решение задачи преодоления дефицита рабочей силы. Заводы в Ленинграде в 1946 г. и Брянске в 1947 г. были вынуждены объявлять о временной приостановке приема новых работников из-за отсутствия жилья⁶⁰. Возникал замкнутый круг: у предприятий,

⁵⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 3.

⁵⁷РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6585. Л. 112.

⁵⁸Там же. Д. 7203. Л. 221.

⁵⁹См., напр., передовицы в газете «Труд» от 5 июня 1948 г. и в заводской многотиражке «За советскую малолитражку» от 15 апреля и 1 июня 1946 г.

⁶⁰Электросила. 1946. 17 авг.; Кабельщик. 1946. 16 февр., 6 июня, 14 июня, 12 июля. Случай в Брянске, касающийся местного завода, при-

производивших строительные материалы, не доставало жилых помещений, из-за чего не было возможности нанимать новых и сохранять уже имеющихся работников. Это, в свою очередь, тормозило расширение отрасли, угрожая ее развитию в целом и росту жилищного строительства в частности⁶¹.

Как и в случае со снабжением продуктами, состояние дел с жильем разнилось по отраслям промышленности и регионам страны. В наиболее тяжелом положении находились города, значительно разрушенные во время войны. Однако частично ситуация облегчалась тем, что эти населенные пункты стояли первыми в очереди на реконструкцию. Поэтому и восстановление жилья шло в них более высокими темпами, нежели в городах, не затронутых войной. Однако жилой фонд последних был крайне изношен из-за отсутствия ремонта и переполнен вследствие наплыва людей. Особенно страдали из-за недостатка жилых помещений рабочие угольных шахт, рудников, предприятий строительной отрасли и промышленности стройматериалов. Значительная часть этих людей обитала в общежитиях или того хуже — в бараках. Речь идет преимущественно о молодых рабочих, особые проблемы которых в части обеспеченности жильем будут подробно рассмотрены в следующей главе.

Условия проживания в общежитиях не поддаются описанию. Прокурорская проверка, проведенная на предприятиях Подмосквового угольного бассейна в 1947 г., выявила, что в среднем на одного работника, живущего в квартире, приходилось менее 4 кв. м жилой площади, а в общежитии — менее 3 кв. м. В распоряжении комбината «Московуголь» имелось 3057 комнат в общежитиях, в среднем по пять коек в каждой. Но на этих 15 560 спальнях требовалось разместить 26 000 холостых работников и еще 3600 семейных. Половина из них была вынуждена спать на нарах. В помещениях хронически не хватало мебели: один стол — на десять человек, один стул — на троих, одна прикроватная тумбочка — на пятерых и один гардероб на 21 человека. На семь комнат имелась всего одна ванна. На 257 общежитий насчитывалось 84 комнаты для сушки, то есть, по сути, людям негде было просушить влажные спецовки и верхнюю одежду. В 58 кладовках для хранения личных вещей также не хватало места, поэтому ра-

надлежащего Министерству дорожно-строительного машиностроения, также связан с недостатком продуктовых карточек (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 454. Л. 49).

⁶¹РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 274. Л. 234–236; Д. 275. Л. 91–92; Д. 699. Л. 88–89, 93–94, 113.

бочие были вынуждены держать все свое имущество, включая пальто, сваленными около кровати. На указанное выше количество общежитий приходилось всего 143 кухни. Недостаток последних представлял особую сложность, поскольку во времена дефицита продуктов для многих рабочих, особенно молодых, было слишком дорого питаться в заводских столовых. Одежд также не хватало, и многие спали, укрывшись грязной уличной одеждой. Но самое неприятное заключалось в том, что жилищные условия в течение 1947 г., согласно отчету прокуратуры, не улучшились, а даже ухудшились⁶².

Правда стоит оговориться, что условия на предприятиях Подмоскownого угольного бассейна, особенно на шахтах Тульской области, считались худшими в стране. Однако все описанное выше нельзя считать нетипичным. Вероятно, аналогичные отчеты можно было составить практически по любой отрасли и любому региону СССР. Например, общежития нефтепромыслов Татарии и Башкирии были настолько заражены вшами и клопами, что рабочие предпочитали ночевать на улице или в соседних лесах⁶³. Профсоюзная проверка общежитий Уральского турбинного завода в Свердловске установила почти полное отсутствие в них элементарных бытовых удобств — ванн, титанов для кипятка, кладовок, сушилок, кухонь (или других мест для приготовления пищи) и даже водопроводных кранов. Спальные помещения кишели клопами и крысами. Ни на самом заводе, ни в общежитиях не было прачечных, и люди были вынуждены стирать одежду в переполненных жилых комнатах, зачастую пользуясь для этого самодельными бадьями, изготовленными из вынесенного с завода металла (которые поэтому им приходилось прятать от начальства)⁶⁴. В архивных материалах и газетных публикациях особое внимание уделялось условиям, в которых проживали молодые рабочие. Они составляли большую часть свежих кадров, и среди них наблюдалась самая высокая текучка. Но в упомянутом выше общежитии Уральского турбинного завода проживали в основном работники со стажем. Таким образом, возраст, квалификация и служебное положение отнюдь не гарантировали хорошие жилищные условия. Работники, мобилизованные во время войны на Горьковский автомобильный завод (ГАЗ), наводнили дирекцию завода просьбами об отправке домой, но вовсе не потому, что стремились воссоединиться с семьями (как правило, их семьи имели право приехать к

⁶² ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3737. Л. 20–21, 41–42.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 41.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 697. Л. 70–71.

ним и даже поощрялись к подобному переселению). Им просто надоело жить в перенаселенных и плохо оборудованных коммунальных квартирах. Даже кадровые рабочие, пришедшие на завод еще в начале 1930-х гг., продолжали ютиться в бараках вместе с женами, детьми и престарелыми родителями⁶⁵. В начале 1948 г. руководители крупных железнодорожных узлов в Сибири докладывали, что у них остается несколько сотен семей, которым негде жить⁶⁶. Не составляли исключения и московские рабочие. Они страдали от перенаселенности и отсутствия элементарных бытовых удобств точно так же, как и их товарищи по всей стране⁶⁷.

Проблема перенаселенности почти повсеместно усугублялась отсутствием бытовых удобств, особенно недостатком топлива на зимний период. Уже упоминавшаяся газета «Труд» иронизировала: многие шахтеры Донбасса, ежедневно добывающие уголь, прожили большую часть зимы 1947–1948 гг., не имея угля для обогрева своих квартир⁶⁸. Отказы МПС выделить достаточное количество талонов на топливо для рабочих, проживавших в сельской местности, были постоянным предметом споров между профсоюзами и железнодорожным начальством. В конце 1947 г. министерство срезало лимиты на топливо для работников Южной железной дороги на 75 %. Профсоюз железнодорожников обратился непосредственно к Жданову с требованием отменить это решение, но так и не известно, чем закончилась эта история⁶⁹. Год спустя тот же профсоюз жаловался на недостаточную обеспеченность топливом работников Сталинской дороги, бывшей одним из отделений Южной железной дороги. Профсоюз утверждал, что нормы отпуска топлива, установленные в 1944 г., когда на ней работало втрое меньше людей, чем в 1948 г., покрывают

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 575. Л. 97–98.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7884. Л. 61.

⁶⁷ Рабочих одного московская машиностроительного завода селили в общежитие, где не было не только водопровода, но даже колодца рядом, а выгребная яма не опорожнялась годами (ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1128. Л. 164). Выше уже отмечался случай с женщинами – работницами московской текстильной фабрики, жившими в общежитии вместе с детьми по 40 человек в одной комнате (Там же. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 310. Л. 3 – см. ссылку 55). Знаменательно, что оба примера относятся к 1950 г., когда жилищные условия, казалось бы, начали улучшаться.

⁶⁸ Труд. 1947. 10 дек.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7203. Л. 221.

потребности персонала примерно на 30 %, что грозит оставить большинство работников без топлива⁷⁰.

В данном случае, как и во многих других, рабочие проживали в безлесной местности и поэтому полностью зависели от поставок дров, выделяемых министерством. МПС не желало уступать, ссылаясь на дефицит топлива, из-за которого оно не в состоянии увеличить нормы его отпуска даже для рабочих-инвалидов, потерявших здоровье в результате несчастных случаев на производстве⁷¹.

Режим пытался решить жилищную проблему различными способами, среди которых выделялось поощрение строительства рабочими частных домов. При этом достигалась главная цель — сокращение текучки, поскольку власти вполне резонно полагали, что человек, живущий в собственном доме, вряд ли будет менять место работы⁷². Некоторые предприятия использовали эту тактику и заманивали рабочих из других регионов, соблазняя их возможностью иметь собственный дом, но зачастую это оказывалось обманом — никаких домов на самом деле не было⁷³. В целом же кампания индивидуального жилищного строительства не увенчалась заметным успехом. Даже при самых благоприятных условиях количество возводимых домов могло удовлетворить лишь незначительную долю общей потребности в жилье⁷⁴. В реальности же их строительство шло совсем не гладко. Его тормозило отсутствие средств, дефицит строительных мате-

⁷⁰РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7887. Л. 2–2 об.

⁷¹Там же. Д. 7888. Л. 10–12. Сведения об аналогичных конфликтах на Красноярской железной дороге и на железнодорожных машиностроительных заводах см.: Там же. Д. 7887. Л. 6–6 об. и Д. 7886. Л. 17–17 об. соответственно.

⁷²Труд. 1948. 6 июля.

⁷³Этот случай произошел в тресте «Магнитострой», проводившем строительные работы в Магнитогорске. Трест, нанимая новых работников, обещал обеспечить их жильем, но ничего не предоставил, а также отказался выдать людям ссуды на приобретение жилья. В конфликт вмешалась прокуратура, когда выяснилось, что трест задним числом подправил заключенные с обманутыми рабочими трудовые договоры, чтобы те не могли обратиться в суд (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 257 об., 258).

⁷⁴К примеру, рабочие и служащие восьми машиностроительных и станкостроительных заводов в Ленинградской обл. в 1946–1947 г. возвели 29 домов, и еще 41 семья начала строительство собственного жилья в 1948 г. (ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 485. Л. 26). Металлообрабатывающий завод им. Сталина в Ленинграде планировал в 1947 г. построить всего девять частных домов (Там же. Оп. 9. Д. 697. Л. 27). Учитывая чрезвычайный дефицит жилья

риалов, нежелание руководителей оказывать рабочим необходимую техническую помощь, масса бюрократических препон⁷⁵. Средства на строительство выделял Коммунальный банк, эта процедура занимала несколько месяцев, в течение которых застройщик не имел права заложить даже фундамент, несмотря на то что зачастую успел собрать все необходимые стройматериалы и получить готовый проект. Как сообщала газета «Труд»⁷⁶, сами проекты содержали иногда весьма экзотические требования, например оснащение домов, строящихся в угледобывающем Кузбассе, деревянным отоплением или отсутствие электропроводки. В той же статье отмечалось, что в случаях, когда фактическая стоимость превышала ту, по которой государство разрешало строительным организациям продавать дома, рабочие должны были оплачивать разницу из собственного кармана. Такая постановка вопроса стала серьезным препятствием в металлургической отрасли, где рабочие отказывались участвовать в данной схеме обеспечения жильем⁷⁷. Нет оснований сомневаться, что подобная проблема наблюдалась повсеместно.

Режим использовал и другие, менее афишируемые средства ускорения строительства, например привлечение военнопленных и заключенных лагерей МВД к возведению жилых домов. Учитывая отмеченные выше проблемы с индивидуальной застройкой в Кузбассе, не удивительно, что в течение 1947 г. силами заключенных в этом регионе было построено 2048 частных домов для шахтеров и планировалось в 1948 г. возвести еще около 1800 домов. Но участие заключенных в жилищном строительстве оставалось незначительным. Всего с их помощью в течение 1947 г. было сдано в эксплуатацию 556 тыс. кв. м жилой площади, что по тогдашним нормам позволяло обеспечить почти 100 тыс. человек. Однако это была капля в море по сравнению с 20 млн кв. м зданий, возводимых ежегодно в период с 1945 по 1948 гг. Вклад военнопленных в жилищное строительство казался бы еще незначительнее, если бы не их привлечение к строи-

в Ленинграде и области после войны, эти цифры кажутся просто ничтожными.

⁷⁵Труд. 1946. 27 дек.; Сталинец (Ростсельмаш). 1947. 22 авг.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 237. Л. 42–43; ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 697. Л. 27; Оп. 16. Д. 485. Л. 26.

⁷⁶Труд. 1947. 27 марта. Газета с иронией описывала, как рабочие, сломав ненужные печи, освободили место для хранения овощей, поскольку архитекторы забыли предусмотреть в домах и подвалы.

⁷⁷ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 152. Л. 7; Д. 203. Л. 1–3.

тельству в Москве нескольких домов повышенной комфортности. Из 1 065 000 военнопленных, оставшихся в Советском Союзе к 1948 г., лишь 17 700 человек участвовало в постройке жилья⁷⁸.

Ответственность за жилищное строительство была возложена на отраслевые министерства или другие непромышленные экономические ведомства. Это служило основной причиной задержек в работе и низкого качества построек, поскольку министерства имели обыкновение перебрасывать ресурсы с жилищных комплексов на промышленные объекты, которые считали приоритетными. За этим скрывался определенный расчет. Известно, что логика сталинской системы заключалась в первостепенном внимании к развитию тяжелой промышленности в ущерб всем другим видам производства. Данный принцип особенно строго соблюдался в послевоенный период, поскольку режим стремился завершить реконструкцию промышленности в максимально короткие сроки. Вместе с тем решение задачи требовало определенных усилий и в других направлениях, поскольку министерства осознавали, что не смогут воспрепятствовать текучести кадров или добиться более полной отдачи, если не смогут решить жилищную проблему или по крайней мере снизить ее остроту.

И все-таки практически повсеместно планы по строительству жилья, сколь бы скромными они ни были, выполнялись плохо. Одна из причин — типичная советская практика распыления строительных мощностей между множеством одновременно возводимых объектов как промышленных, так и жилищных. Логика здесь заключалась в следующем: руководители полагали, что финансирование из центра уже начатого проекта продолжится даже в том случае, если годовой бюджет будет израсходован. Что касается жилищного строительства, то в этой сфере руководители предприятий (по крайней мере в позднесталинский период) имели обыкновение усиливать эту тенденцию, перебрасывая рабочих и материалы с жилых объектов на любые другие. Тому есть курьезные примеры. Так, Министерство станкоинструментальной промышленности ухитрилось в течение трех кварталов 1948 г. израсходовать более четверти бюджета, выделенного на жилищное строительство, выполнив при этом менее 10 % работ, предполагавшихся к оплате по этой статье. Результаты деятельности некоторых предприятий министерства просто поражают воображение. Например, машиностроительные предприятия в Климовске и Подольске Московской области за тот же период израсходовали почти по 40 % бюджета жилищного строительства, не сдав при этом в

⁷⁸ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 41–45, 73–74.

эксплуатацию ни единого квадратного метра жилья. Такая же картина наблюдалась на компрессорном заводе в Пензе и часовом заводе в Челябинске. Ситуация на других машиностроительных предприятиях выглядела не на много лучше. Необходимо отметить, что эти примеры не связаны с календарной статистикой и не всегда проблемные здания находились на стадии завершения строительства и должны были быть сданы к концу года. На всех упомянутых предприятиях жилищное строительство практически замерло, а во многих случаях было заморожено из-за того, что руководство сняло состроек практически всех рабочих, или потому, что министерство не выделило необходимых стройматериалов⁷⁹. Подобная картина наблюдалась и на железных дорогах. Строительные работы стартовали вовремя, затем велись черепашими темпами или вовсе приостанавливались, поскольку рабочая сила перебрасывалась на другие объекты, более приоритетные, по мнению руководства. Эта тенденция усугублялась действиями руководителей некоторых строительных организаций, умудрявшихся сдавать своих рабочих внаем другим организациям или распродавать имевшиеся строительные материалы, поскольку это приносило большую прибыль, чем само строительство⁸⁰. Незавершенность начатых проектов на железнодорожном транспорте приобрела столь хронические формы, что в течение 1946 г. основная часть жилых зданий была введена в строй не строительными управлениями, отвечавшими за эти работы, но исключительно ремонтно-строительными участками (РСУ) коммунальных служб различных железных дорог. РСУ создавались для поддержания в исправном состоянии уже имеющегося жилого фонда, и, соответственно, имели меньшее финансирование и снабжались строительными материалами по остаточному принципу, но все-таки сумели существенно превзойти специализированные строительные организации по количеству сданного в эксплуатацию жилья⁸¹.

Ситуация усугублялась тем, что многое из построенного было крайне низкого качества. Можно сказать, что фирменным знаком

⁷⁹ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 485. Л. 1–6.

⁸⁰ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 744. Л. 7–7 об., 8–8 об.; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 3. Д. 7204. Л. 107–108.

⁸¹ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 548. Л. 5–6. Нам неизвестно, как долго эти РСУ несли на себе основную тяжесть работ по строительству жилья, но из других источников следует, что Управление строительства и реконструкции продолжало рассматривать строительство жилья как нежеланную помеху в работе.

новых домов становились текущие крыши, отслаивающаяся от стен штукатурка, перекошенные рамы и двери, изготовленные из сырого дерева, неправильно устроенные печные дымоходы, из-за чего комнаты во время топки наполнялись дымом. В прессе и в архивных материалах приводится много примеров, когда новые дома сдавались без газовых плит и электропроводки⁸². Подобные дефекты обуславливались сочетанием целого ряда факторов: спешкой при завершении работ, использованием некачественных материалов и небрежностью самих строителей. Последнее становится более понятным, если вспомнить, что при реализации некоторых проектов дефицит квалифицированных кадров пытались компенсировать привлечением заключенных или так называемого спецконтингента, уровень квалификации и мотивации которого был крайне низок. Это неизменно сказывалось на качестве выполняемых работ. Не способствовало его повышению и то, что труд самих строительных рабочих оплачивался плохо, они жили в ужасных условиях — разумеется, и это отрицательно влияло на эффективность работы⁸³.

Темпы жилищного строительства продолжали отставать от плановых заданий вплоть до самой смерти Сталина, хотя в последние годы его жизни размеры этого отставания заметно сократились. Так, Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности в 1950 г. выполнило план ввода в эксплуатацию жилья примерно на три четверти, а МПС в 1952 г. — на две трети⁸⁴. Приведенные цифры вызывают сомнение, поскольку важнее было бы знать реальные объемы построенного, но, как уже отмечалось, площади жилого фонда почти удвоились за период, прошедший между окончанием войны и смертью Сталина (1953 г.). Перенаселенность между тем оставалась нормой отчасти потому, что режим не считал первоочередной задачей обеспечение людей жильем, как, впрочем, и другими предметами потребления. Кроме того, достижения в этой области немедленно нивелировались быстрым ростом городского населения и промышленных

⁸² ЦГАИПД. Ф. 1012. Он. 8. Д. 111. Л. 17, 22; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7888. Л. 58; Труд. 1948. 26 мая, 14 янв., 19 авг.; 1949. 10 сент.; ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 152. Л. 7. Вновь отметим, что московские рабочие также не были избавлены от этих проблем даже в конце 1952 г. (РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 909. Л. 155–156).

⁸³ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 697. Л. 32, 35–36.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 601. Л. 29 (Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности); ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 20. Д. 2643. Л. 1 (МПС).

рабочих. Серьезные попытки решить жилищную проблему начались с приходом новых политических лидеров, особенно Никиты Хрущева с его неуклюжей, но эффективной кампанией массовой жилищной застройки.

Здравоохранение

До недавнего времени насчитывалось крайне мало систематических исследований состояния здравоохранения в СССР в последние годы жизни Сталина (если не считать рассуждений общего характера о советской системе здравоохранения, в большинстве своем не основанных на архивных источниках и исторических данных). Недавно канадский ученый Крис Бёртон провел подробный анализ политики в области общественного здравоохранения и его роли в послевоенной системе социального обеспечения граждан. Благодаря его исследованию мы теперь знаем немало подробностей о структуре Министерства здравоохранения СССР, эволюции политики в области здравоохранения, развитии медицинского образования и лечебных учреждений, о множестве противоречий и проблем, возникавших на всех уровнях этой системы⁸⁵. Вместе с тем нам по-прежнему мало что известно о реальном состоянии здоровья людей в эти годы, если не считать сообщений В. Зимы о вспышках эпидемий, связанных с послевоенным голодом.

Безусловно, война самым негативным образом сказалась на состоянии здоровья нации. Если людям и удавалось избежать голодной смерти, то постоянное недоедание неизбежно снижало сопротивляемость организма и даже стало причиной увеличения случаев низкорослости детей. Медицинские учреждения, которые и до войны были далеки от совершенства, за годы военных действий пришли в полный упадок, особенно в небольших городах и сельской местности. В связи с этим потенциальная опасность продовольственного кризиса 1946 г. для уже ослабленного населения многократно возросла. В то же время режим прилагал максимальные усилия для развития системы здравоохранения и ее распространения на все регионы страны

⁸⁵ Я чрезвычайно признателен Крису Бёртону за его советы и критику в ходе исследования материалов для этого раздела книги, особенно за то, что он направил меня к рассекреченным ранее отчетам заводских медицинских учреждений, хранящихся в архиве Министерства здравоохранения РСФСР. По моему глубокому убеждению, он был первым, кто заглянул в эти материалы, и без его подсказки мне никогда бы не удалось их обнаружить.

и группы населения. Число практикующих врачей за период с 1947 по 1952 г. увеличилось почти на две трети, причем самый большой рост наблюдался в сельских районах⁸⁶. Правительство также приняло амбициозную программу массовой вакцинации населения против основных инфекционных заболеваний — оспы, дифтерии и тифа. Причем вакцинация против тифа сыграла особую роль в сдерживании смертности во время голода прежде всего в голодавших районах Украины⁸⁷. Реализация этой программы имела долговременные последствия, особенно в части снижения общей детской смертности, которая в 1950 г. сократилась по сравнению с 1940 г. наполовину⁸⁸.

Советское здравоохранение при Сталине всегда имело определенную карательную составляющую, которая сохранялась и по мере его совершенствования. Во времена индустриализации 1930-х гг. веду-

⁸⁶Burton C. Medical Welfare During Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953: Ph. D diss. Chicago, 2000. P. 65.

⁸⁷В 1947 г. руководители здравоохранения Украины отчитались о вакцинации 7,9 млн человек против брюшного тифа и 7,5 млн — против дизентерии. Об эффективности последних сложно судить, если учесть, что не существует вакцины против возбудителей дизентерии — кишечных шигелл. Было проведено также 1,1 млн прививок против сыпного тифа, преимущественно в тех местах, где наблюдались эпидемические вспышки этого заболевания — во Львовской, Дрогобычской, Винницкой и Черновицкой обл. Во время Второй мировой войны западные союзники разработали тифозную вакцину, которая практически исключала смертность от этой болезни и облегчала ее течение, но не предупреждала заражение. Нам не удалось узнать, из чего готовилась советская вакцина и насколько она была эффективной (ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 607. Л. 27). То количество денег и усилий, которое режим затратил на реализацию программы вакцинации населения, резко контрастирует с его отказом усилить снабжение продовольствием, чтобы предотвратить голод.

⁸⁸В соответствии с данными, представленными Г. Ф. Константиновым, тогдашним начальником управления медицинской статистики Министерства здравоохранения СССР, общая смертность в расчете на 1000 человек упала с 18 случаев в 1940 г. до 10 в 1950 г. За тот же период детская смертность, которую в СССР было принято определять по числу детей, умерших до достижения одного года, снизилась с 180–190 случаев на тысячу рождений до примерно 80. Последние данные получены из двух разных источников, одного открытого, а другого ранее секретного, и они немного не совпадают. Поэтому мы приводим статистику по детской смертности за 1940 г. Источники, о которых идет речь, это: Здравоохранение в СССР: Стат. справочник / под ред. Г. Ф. Константинова. М., 1957. С. 40 и ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 32с. Д. 1372. Л. 65. Я благодарен К. Бёртону, указавшему мне на эти источники и предоставившему содержащиеся в них сведения.

щим принципом здравоохранения (по крайней мере в городах) было поддержание здоровья рабочих на уровне, достаточном для полноценной работы, и, соответственно, оказание медицинских услуг в основном сосредоточивалось на предприятиях. От врачей, с одной стороны, требовалось сокращать число случаев невыхода на работу по болезни путем лечения реального заболевания, но одновременно они должны были строго ограничивать количество выписываемых больничных листов. Правда, врачи не всегда проявляли нужную режиму безжалостность, многие из них выписывали больничные листы, чтобы защитить рабочих, подпадавших под действие законов против нарушителей трудовой дисциплины. Медицинские учреждения, действовавшие при предприятиях, после войны претерпели некоторые изменения, но основа их деятельности осталась неизменной⁸⁹.

Здесь стоит затронуть различные аспекты рассматриваемой проблемы, а именно роль медицины в повседневной жизни рабочих и то, как она влияла на так называемое качество жизни. Главная трудность при этом заключается в недоступности исходных данных. Многие дела в архивах Министерства здравоохранения СССР недоступны и по сей день. Та же статистика, которая содержится в ранее секретных папках архива министерства и в архивах различных профсоюзов, включает разнообразные и не всегда согласующиеся между собой сведения. Так, в некоторых папках приведены численные данные о заболеваемости инфекционными болезнями — туберкулезом, малярией, тифозной лихорадкой, о гастроэнтерологических заболеваниях и основных детских инфекциях типа кори и коклюша. В других указывается только общий характер заболеваний, но не их причины, например: сердечные заболевания, заболевания центральной и периферической нервной системы, гинекологические болезни, язва желудка. В отчетности же, которую вели заводские медики, используются совсем иные критерии и указываются в основном причины, по которым работникам выписывались бюллетени. При этом прослеживается тенденция объединять инфекционные заболевания (грипп и желудочно-кишечные болезни), хронические заболевания сердца, кожные и гинекологические заболевания и их обострения с производственными и бытовыми травмами. Кроме того, в заводской статистике присутствует значительный и не поддающийся оценке элемент произвола, поскольку в ней отражались только заболевания и нарушения состояния здоровья, достаточные для освобождения пациента от

⁸⁹ Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 239–240; Burton C. Medical Welfare During Late Stalinism (глава 5).

работы на срок от трех дней и более. Однако не учитывались случаи, когда лечение требовало более короткого срока или когда рабочий не просил выписать ему бюллетень (либо ему было отказано). Таким образом, если на двух предприятиях данные о заболеваемости сотрудников различались, то это вовсе не означало, что рабочие одного из них были здоровее, чем другого. Просто врачи второго предприятия могли охотнее выписывать больничные листы⁹⁰.

Все эти архивные папки таят крупницы важной информации. Например, в таблицах, содержащих данные о частоте инфекционных заболеваний за 1947 г., неизменно отсутствуют сведения о заболеваемости тифом, хотя соответствующую информацию можно обнаружить в отчетах других ведомств, в частности ЦСУ. Таблицы за 1947 г., в которых перечислены медицинские диагнозы или данные о потерях рабочего времени по болезни, не содержат сведения, связанные с истощением. Но, как сообщалось в главе 2, в отчетах отдельных предприятий и лечебных учреждений болезни, связанные с истощением, упоминаются, а в большинстве докладов городских отделов здравоохранения указывается и число рабочих, нуждающихся в специальной диете. Ни в одной из этих таблиц не приводятся данные о заболеваемости раком, гепатитом, диабетом или циррозом печени и тем более не говорится о том, что на эти заболевания приходится значительная доля смертности⁹¹. Не будем утверждать, что подобные сведения вообще отсутствуют. Безусловно, такие данные есть, и от будущих исследователей потребуются серьезные, детективные способности, чтобы их обнаружить и составить более полную картину тогдашней эпидемиологической обстановки в стране, нежели та, которой мы располагаем.

⁹⁰ ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 222. Л. 27.

⁹¹ Отчеты заводских медучреждений содержат обширную и неопределенную категорию заболеваний, объединенных под общим названием «прочие». Сюда относили редко встречающиеся болезни, число случаев которых, внесенных в статистику отдельной графой, оказывалось статистически незначимым. Вместе с тем здесь могли учитываться и достаточно частые заболевания, которые режим стремился скрыть даже в секретных отчетах. Так, Свердловский институт гигиены труда и профессиональных болезней жаловался на то, что в феврале 1950 г. Министерство здравоохранения СССР своим циркуляром исключило диагностическую категорию «недостаточное питание» в качестве причины физического недоразвития из форм, заполняемых врачами при медицинских осмотрах несовершеннолетних рабочих и учащихся системы трудовых резервов (Там же. Д. 285. Л. 40 об.).

Итак, что мы можем сказать о состоянии здоровья рабочих в рассматриваемый период? Проанализируем сначала потенциальное влияние на него продовольственного кризиса и голода. Нам уже известно, что голод способствовал распространению серьезных эпидемий тифа, дизентерии и гриппа. Голод также обострил протекание других болезней — туберкулеза, желудочно-кишечных и сердечнососудистых — или повысил восприимчивость к ним населения. С точки зрения статистики однако картина представляется не столь очевидной. Отчеты из угледобывающих регионов (Подмосковного угольного бассейна, украинского и российского Донбасса в Ростовской области), а также с гигантского машиностроительного предприятия «Уралмаш» в Свердловске не подтверждают гипотезу о заметном возрастании заболеваемости рабочих, которое можно было бы напрямую связать с дефицитом продовольствия⁹². Очевидно, дальнейшие исследования способны опровергнуть это впечатление, но в то же время можно предложить несколько причин, по которым данная картина вполне соответствует действительности. Во-первых, состояние здоровья населения, бывшее в 1944–1945 гг. крайне плохим, в 1946 г. начало постепенно улучшаться благодаря таким мерам, как восстановление канализационных систем и жилого фонда, расширение программ вакцинации и увеличение поставок продовольствия. Во-вторых, хотя ситуация с продуктами вновь ухудшилась в 1947 г., она могла быть частично сглажена за счет других факторов, повышающих сопротивляемость людей к заболеваниям. Это, безусловно, голословное утверждение, но было и иное, вполне реальное обстоятельство. В главе 2 уже говорилось о том, что заводские медики, обнаруживая у рабочих случаи тяжелого истощения, имели возможность предложить им высококалорийную диету. Помимо того что этот факт косвенно подтверждает наше предположение о наличии у государства достаточных ресурсов для подавления особенно негативных последствий голода, он позволяет объяснить, почему уровень заболеваемости оставался под контролем даже на тех промышленных предприятиях, которые располагались в недоедающих регионах⁹³. В-третьих, было еще одно обстоятельство, заставляющее взглянуть на проблему с иной точки зрения. В то время имелось столько других,

⁹² ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 3. Д. 165. Л. 9–11; Ф. 7676. Оп. 9. Д. 837. Л. 65.

⁹³ Это не равноценно утверждению о том, что недоедание не влияло на увеличение числа дней освобождения от работы по болезни. Известно, что это не так: многие работники, получавшие специальную диету, освобождались от работы на несколько недель. См. главу 2, с. 96–98.

преимущественно экологических факторов, отрицательно влиявших на общее состояние здоровья нации, что ухудшение снабжения продуктами питания не дало статистически значимого эффекта.

Но факт остается фактом: независимо от причин уровень заболеваемости среди рабочих в 1947 г. был высоким и оставался таковым еще несколько лет. Например, в том же году работники металлургического завода им. Коминтерна на Украине в среднем пропустили по болезни 30 дней, причем производственными травмами были обусловлены лишь 10 % потерь рабочего времени. На металлургическом заводе им. Петровского в Днепропетровске рабочие в среднем находились на бюллетене 11 дней в году. Положение в 1948–1949 гг. только начало выправляться⁹⁴. В 1947 г. персонал основных машиностроительных заводов Харькова в среднем получил освобождение от работы на 10–14 дней⁹⁵. Более широкое обследование, охватившее 55 машиностроительных предприятий, выявило, что в 1949 г. средние потери рабочего времени, обусловленные преимущественно заболеваниями, составили 10 рабочих дней на человека⁹⁶. Аналогичная картина наблюдалась и в других отраслях, например в судостроении и производстве средств связи. Худшими в этом отношении были 1946–1947 гг., но даже в 1948–1949 гг. рабочие в среднем пропустили по болезни девять дней в году, хотя и неизвестно, какова доля пропусков, связанных с производственным травматизмом⁹⁷. Учитывая, что приведенные данные не отражают потерь рабочего времени по кратковременным заболеваниям, они тем не менее указывают на наличие серьезных проблем со здоровьем у трудоспособного населения. Как это ни удивительно, но с повышением качества жизни после 1948 г. ситуация с заболеваемостью, по данным ВЦСПС за 1951–1952 гг., мало изменилась. Из 35 отраслей промышленности, строительства и транспорта только в пяти (в сахарной и торфяной промышленности, жилищном строительстве, на железнодорожном и водном транспорте) трудящиеся болели менее восьми дней в году. В 60 % отраслей потери рабочего времени по болезни составили 10 дней на человека в год. Таким образом, подавляющее большинство отраслей ежегодно теряли из-за болезней своих работников почти столько же дней,

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 3. Д. 402. Л. 28, 49.

⁹⁵ Там же. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 837. Л. 61.

⁹⁶ Там же. Оп. 11. Д. 718. Л. 1.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 5 (средства связи); Л. 124 (судостроение).

сколько и в первые послевоенные годы⁹⁸. Такое незначительное улучшения ситуации с заболеваемостью не соответствовало реальному повышению качества жизни и развитию системы здравоохранения. Как объяснить подобный феномен? Одна из возможных причин — инфекции были отнюдь не главным фактором высокой заболеваемости. Основную долю пациентов, обращавшихся к врачам, составляли люди не с инфекционными, а с хроническими заболеваниями — сердечнососудистыми (гипертония), гинекологическими, центральной нервной системы⁹⁹, причиной которых было не столько недостаточное питание, сколько последствия стрессов и лишений, испытанных в годы войны, и неблагоприятная экологическая обстановка. Взаимосвязь первой и второй причин заключается в том, что тяжесть и частота инфекционных заболеваний не в последнюю очередь зависят от экологических факторов, на которые даже лучшая медицина не всегда в состоянии повлиять. Имеются в виду жилищные условия, санитарное состояние городов, условия труда, ситуация с которыми улучшалась не столь быстрыми темпами, как со снабжением продовольствием.

Имеются по крайней мере два инфекционных заболевания, туберкулез и малярия, протекающих чаще в хронической, чем в острой форме. Большинство страдающих ими людей способны работать даже будучи инфицированными. Число госпитализированных взрослых туберкулезных больных было невелико. С января по август 1948 г. в туберкулезных санаториях по всей стране находилось 308 тыс. пациентов (для сравнения за тот же период в 1939 г. их было 229 тыс.), 163 тыс. из которых составляли дети¹⁰⁰. Большинство взрослых туберкулезных больных получало лечение по месту работы, где для них были организованы специальное питание и отдых в так называемых ночных санаториях. Приведенные данные, как и многие другие све-

—

⁹⁸ Постоянство приведенных цифр не является следствием увеличения числа дней освобождения от работы в связи с производственными травмами. Их количество оставалось практически неизменным, составляя в среднем один день на одного работника в год. Отсюда можно сделать вывод: интенсивность обычных заболеваний также оставалась примерно на одном и том же уровне. О проблеме производственного травматизма см. главу 6, с. 269–282.

⁹⁹ Мы основывались на данных о количестве посещений поликлиник и вызовов врачей на дом в городах в течение 1949 г. (ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 2069). Из них, в частности, следует, что сердечнососудистые и гинекологические заболевания являлись наиболее частыми причинами обращений за медицинской помощью.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 680. Л. 133.

дения о состоянии здравоохранения того периода, не дают полного представления о серьезности ситуации с туберкулезом. Это была не простая эпидемия. Туберкулез — в то время широко распространенное, весьма дорого обходившееся экономике заболевание, причина трагедий многих людей и их семей. Некоторое представление о масштабах проблемы дают следующие цифры: в 1947 г. в Ленинграде и в 1948–1949 гг. в Свердловской области на долю инфицированных туберкулезом приходилось 5 % всех рабочих дней, пропущенных работниками по болезни¹⁰¹. В Москве в 1947 г. на их долю приходилось примерно 30 % всех обращений к врачам. Причем лишь за десять лет до этого они составляли всего 20 %. Фактически в крупных и малых городах и рабочих поселках РСФСР туберкулез стал ведущей причиной смертности среди граждан обоего пола в возрасте от 20 до 39 лет и мужчин в возрасте от 20 до 49 лет (причем туберкулез явился причиной смерти примерно трети всех скончавшихся мужчин этой возрастной группы)¹⁰².

Еще одну эпидемиологическую проблему представляла малярия, хотя она провоцировала скорее высокую заболеваемость, нежели смертность. В 1947 г. от этого недуга лечилось около 2,5 млн человек, причем 900 тыс. из них составляли вновь заболевшие. Два года спустя число первичных больных сократилось до 800 тыс., после чего заболеваемость малярией резко пошла на спад¹⁰³. Как и следовало ожидать, малярия свирепствовала не в крупных городах, а преимущественно в сельской местности и поселках городского типа. Но имелись группы, для которых риск подхватить малярию был особенно высок. К ним, например, относились рабочие, занятые на строительстве железных дорог. Многие выполняемые ими работы осуществлялись в кишевших комарами районах Украины и Сибири. Вероятность заражения малярией среди строителей железной дороги, соорудившейся вдоль берега Днепра в обход Киева, в летние месяцы достигала, по неко-

¹⁰¹ ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 222. Л. 47 и Д. 285. Л. 288.

¹⁰² Там же. Д. 245. Л. 56, 159. Нам пока не удалось обнаружить сопоставимые данные по СССР в целом. Сведения же по РСФСР также свидетельствуют о том, что сердечнососудистые расстройства наступали у людей в чрезвычайно раннем возрасте. Они были главной причиной смертности среди женщин старше 40 и мужчин старше 50 лет, намного превосходя туберкулез и рак (Там же. Л. 156).

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 607. Л. 12, 13, 15, 30, 46 об., 58, 61, 81–82, 105, 107–109, 119–120, 138–139, 160–161, 171–172, 188, 193; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 509. Л. 1; Д. 580. Л. 2; Д. 717. Л. 24.

торым сведениям, 50 %¹⁰⁴. В 1945 г. от этой болезни страдало 19 % строителей Днепропетровской железной дороги. Хотя к 1947 г. цифра сократилась до 10 %, число вновь заболевших или испытывавших повторные приступы малярии оставалось чрезвычайно высоким¹⁰⁵.

Практически все заболевания: и хронические, и острые — были тесно связаны с целым комплексом социальных проблем: условиями труда и быта, несоблюдением элементарных гигиенических правил в том числе из-за тотального дефицита мыла, отсутствием спецодежды, теплой верхней одежды и зимней обуви. Положение усугублялось тем, что заболевшим рабочим было сложно получить надлежащее лечение из-за малого числа должным образом оснащенных медицинских учреждений.

Соблюдать личную гигиену было невероятно трудно. Одна из очевидных причин — вынужденное проживание многих рабочих в перенаселенных, грязных бараках и общежитиях. Помимо того что такие условия провоцировали высокую текучесть кадров, они были и главной угрозой здоровью людей, сыграв свою зловещую роль во время голода, когда зараженность жилищ вшами способствовала распространению тифа. Но больше всего проблем, конечно, доставляли пищевые отравления и, как следствие, диарея и дизентерия. На одной из угольных шахт Донбасса из-за полной антисанитарии этими болезнями страдало более половины шахтеров¹⁰⁶. В подобных обстоятельствах вполне понятен, хотя и вызывает улыбку тот факт, что в течение всего послевоенного периода заводские медики тратили массу времени, пропагандируя соблюдение правил личной гигиены, читая соответствующие лекции в цехах, публикуя статьи в многотиражках и выступая по местному и заводскому радио¹⁰⁷. В заводских газетах регулярно печатались статьи, призывающие людей следить за чистотой на работе и дома. В них просто и доходчиво разъяснялась прямая связь между несоблюдением личной гигиены и риском заболеть ти-

¹⁰⁴ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7888. Л. 14.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 27. Д. 483. Л. 29. Об аналогичных проблемах при строительстве железных дорог в Сибири см.: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7882. Л. 97–99.

¹⁰⁶ В этой шахте питьевая вода хранилась в грязных емкостях, земля вокруг жилья была засорена отбросами, туалеты никогда не чистились, а у многих молодых рабочих появились вши. Нет ничего удивительного в том, что в первой половине 1947 г. с шахты сбежало 38 % работников (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 149–151).

¹⁰⁷ ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 222. Л. 26.

фом или дизентерией. Рабочих призывали «цивилизованно пользоваться туалетами», мыть руки после их посещения, после работы и перед приемом пищи, кипятить питьевую воду и молоко, мыть овощи перед приготовлением кипяченой водой и тщательно готовить еду. В этих статьях содержались также призывы «вести беспощадную борьбу с мухами»¹⁰⁸. Условия на предприятиях и в жилых помещениях далеко не всегда давали возможность соблюдать и эти простейшие правила. Предприятия, особенно расположенные в удаленных от центра городах, не могли даже гарантировать снабжение чистой питьевой водой, поскольку не были подключены к муниципальным водопроводным сетям. Правда, они были обязаны доставлять питьевую воду в цеха в специальных цистернах, но зачастую не соблюдали этого требования, и многие рабочие заболели, выпив грязную техническую воду или потому, что цистерны для чистой воды своевременно не обеззараживались¹⁰⁹. В заводских столовых отсутствовало достаточное количество холодильников, и это приводило к росту желудочно-кишечных заболеваний в летний период. Далеко не все имели возможность принять душ или хотя бы вымыть руки после смены¹¹⁰. Новотрубный металлургический завод в Свердловске гордо рапортовал о том, что ему удалось резко сократить заболеваемость работников гриппом и кишечными инфекциями, введя кипячение ложек и вилок в заводской столовой. Но предприятие испытывало трудности с обеспечением персонала чистой питьевой водой, особенно зимой, поскольку ее источники были загрязнены отходами местных заводов и рудников¹¹¹. Это подтверждает истину, что не только гигиена (точнее ее отсутствие) виновна в высоком уровне заболеваемости. Например, некоторые столовые пытались справиться с дефицитом продовольствия, используя для приготовления пищи испорченные продукты или пищевые заменители, не пригодные для человека¹¹².

¹⁰⁸ Голос Дзержинца. 1946. 7 марта; 1948. 24 июня; Сталинец (Куйбышев). 1950. 2 авг.; 1951. 6 сент.

¹⁰⁹ ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 285. Л. 150–151; Д. 309. Л. 15–16, 195.

¹¹⁰ Голос Дзержинца. 1946. 14 марта; ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 488. Л. 12–13; Д. 674. Л. 45–46, 48, 50, 123, 143–144 и Д. 837. Л. 12; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7885. Л. 111.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 58. Л. 42–42 об.

¹¹² Стремясь сократить число заражений желудочно-кишечными заболеваниями, распространенными не столько среди работников железной дороги, сколько среди местного населения, МПС в начале 1947 г. установило строгий

Еще одной проблемой, обусловленной низкой гигиеной, были кожные инфекционные заболевания. Нельзя забывать о том, сколь важную роль играли общественные бани в контроле заболеваемости, учитывая разрушения и обветшание жилого фонда за время войны¹¹³. Быстрый рост поселков при железнодорожных станциях, особенно в восточных районах СССР, добавлял дополнительную нагрузку на эти учреждения, поскольку небольшие города с населением в несколько тысяч человек ранее имели бани, рассчитанные на несколько десятков человек или обходились вообще без бань¹¹⁴. Рабочие железнодорожно-строительных отрядов находились в особенно неблагоприятных условиях, так как жили во времянках в необитаемых районах и месяцами не имели возможности сходить в баню¹¹⁵. Нередко такими времянками служили списанные железнодорожные вагоны или заброшенные крестьянские амбары. Но главная причина кожных инфекций — почти повсеместное отсутствие мыла. Заводы один за другим сообщали о серьезных перебоях с поставками мыла, что являлось издевательством над проводившимися властями кампаниями по пропаганде здорового образа жизни. В течение 1946–1948 гг. предприятия тяжелого машиностроения жаловались на невозможность достать мыло, производство которого катастрофически упало во время и сразу после войны. В 1946 г. завод им. Куйбышева в Иркутске в течение трех месяцев не получал ни грамма мыла, а задолженность по поставкам достигала 2,5 тонны. Молодые рабочие одной из судостроительных верфей на Украине не имели мыла в течение целого года¹¹⁶. В IV квартале 1947 г. в Свердловск, которому по нормам полагалось 235 тонн мыла, реально поставили всего 15 тонн¹¹⁷. Проблема усугуб-

контроль над своими предприятиями общественного питания, категорически запретив «использовать для приготовления пищи любые новые сырые продукты или любые заменители, либо суррогаты, без разрешения санитарных инспекторов». Точно так же министерство запретило поставщикам направлять в столовые или торговые точки пищевые продукты сомнительного качества, а магазинам — отпускать покупателям подобные продукты без предварительной проверки санитарными инспекторами (ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 728. Л. 8 об.).

¹¹³РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7880. Л. 173.

¹¹⁴Там же. Оп. 3. Д. 7884. Л. 60, 64–65, 67.

¹¹⁵Там же. Оп. 31. Д. 7880. Л. 170; Д. 7888. Л. 60–61.

¹¹⁶ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 488. Л. 8, 30; Д. 674. Л. 48–49, 100; Д. 837. Л. 3 об. 49 (машиностроение); ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 843. Л. 109 (судо-строение).

¹¹⁷Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 174. Аналогичные сообщения, поступившие с железных

лялась повсеместным отсутствием спецодежды и сменного нижнего белья, особенно у молодых рабочих. В таких условиях самые незначительные царапины или порезы, полученные на работе, могли легко превратиться в серьезное заболевание.

Если же рабочие заболевали или становились жертвами несчастных случаев на производстве, то местные городские или заводские медицинские учреждения оказывались слабо подготовленными к их лечению. В целом они были плохо оснащены, страдали от недостатка медикаментов и предметов ухода за больными, в них не хватало врачей, а многие из тех, что имелись, оказывались недостаточно квалифицированными. Не все эти недостатки можно было свалить на последствия войны. Режим всегда придавал второстепенное значение медицине наряду со снабжением населения потребительскими товарами и его обеспеченностью жильем. По всей стране, включая Москву, наблюдался серьезный дефицит лекарств. В ходе войны Советский Союз полагался преимущественно на импорт основных медикаментов — аспирин, кодеин, сульфаниламидных препаратов и аминопирина (пирамидона. — *Прим. ред.*). После окончания войны импорт лекарств резко сократился или прекратился. Вместо того чтобы перераспределить ресурсы и восстановить собственную фармацевтику для ликвидации дефицита, государство в 1947 г. допустило фактическое падение уровня производства лекарств по сравнению с 1945–1946 гг. Дефицитными оказались даже такие простейшие вещи, как глюкоза, борная кислота, касторовое масло, ампулы для инъекций, которых производилось недопустимо мало.¹¹⁸ Сорок важнейших лекарств и медицинских препаратов не производились вовсе¹¹⁸.

дорог, которые получили от 8 до 20 % от запланированных норм поставки мыла см.: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7884. Л. 14, 32, 178; Д. 7885. Л. 5. 6–6 об.; Д. 7886. Л. 17–17 об., 34; Д. 7887. Л. 160. Железнодорожники страдали от дефицита мыла даже сильнее работников других отраслей, поскольку стоило поступить на железнодорожный участок очередной партии мыла, как часть его немедленно изымалась для нужд прачечных, стиравших постельные принадлежности для спальных вагонов. Однажды Главное управление материально-технического снабжения МПС даже предложило выплачивать рабочим денежные компенсации за недопоставленное мыло, поскольку оно было не в состоянии справиться с его дефицитом (Там же. Д. 7885. Л. 159–160).

¹¹⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 575. Л. 119, 121–124, 127–129, 131–133, 134–138; Д. 680. Л. 70–76, 80. Кризис в фармацевтическом производстве привел к ликвидации в марте 1948 г. Министерства медицинской промышленности. Возможно, это событие особенно бросалось в глаза, но одновременно происходили чистки в медицинских НИИ, и здесь играли роль скорее по-

Еще одним препятствием стало обюрокращивание системы управления в здравоохранении, ответственность за которое была поделена между несметным количеством организаций. На вершине этой пирамиды находились Министерство здравоохранения СССР и соответствующие министерства союзных республик, которые через сеть областных, городских и районных управлений руководили большинством больниц, поликлиник и амбулаторий, включая медсанчасти предприятий. После войны проводилась кампания по передаче заводских медицинских учреждений, где уровень обслуживания целиком и полностью зависел от милости дирекции, на баланс местных управлений здравоохранения¹¹⁹. Теоретически предприятия должны были предоставлять своим работникам полный набор медицинских услуг, начиная с пунктов первой медицинской помощи в цехах и включая амбулатории, специальные комнаты для женщин-работниц и поликлиники. Некоторые заводы и фабрики имели собственные больницы, а остальные были прикреплены к местным городским или областным медучреждениям, куда направляли своих заболевших сотрудников. Вместе с тем министерства здравоохранения и их местные управления контролировали отнюдь не все медицинские учреждения. Некоторые по-прежнему принадлежали отдельным промышленным министерствам или профсоюзам. Наиболее характерные примеры — МПС, располагавшее собственной, полностью изолированной от государства сетью медицинских учреждений, включая железнодорожные больницы, и профсоюзы, контролировавшие большую часть санаториев и домов отдыха.

Управление здравоохранением разьедало местничество и пересечение властных полномочий. В этом смысле наглядным примером может служить сеть санаториев и домов отдыха, бывшая важной составляющей всей советской системы здравоохранения. Дома отдыха предоставляли рабочим кратковременное лечение при относительно простых заболеваниях, включая реабилитацию после истощения, а

литические, нежели медицинские соображения. Что касается дефицита лекарств, то одна женщина — детский врач, с которой удалось побеседовать, воскликнула, что ей проще перечислить те медикаменты, которые у нее были, чем все то, чего недоставало. Если оставить в стороне региональные различия и приоритетные поставки для детей, то положение хорошо иллюстрирует рассказ еще одного доктора: он утверждал, что лекарства были практически недоступными и врачам приходилось лечить больных травами и природными препаратами, которые имелись в изобилии.

¹¹⁹ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 205. Л. 37.

также служили местом проведения отпусков. В санатории отправляли людей с хроническими и длительными заболеваниями (прежде всего с туберкулезом, сердечнососудистыми, серьезными желудочно-кишечными и центральной нервной системы), что служило важным дополнением к больничному лечению. В августе 1948 г. в стране насчитывалось 1974 санатория на 242 200 коек и 876 домов отдыха на 114 000 мест. Кроме того, существовала отдельная сеть детских санаториев на 93 000 коек, три четверти которых были рассчитаны на детей, больных туберкулезом. Обратимся вначале к санаториям. Союзному и республиканским министерствам здравоохранения принадлежало 63 % их коечного фонда, ВЦСПС и местные профсоюзы контролировали 24 %, МПС — 4 %, а все другие министерства вместе взятые — оставшиеся 9 %. В то же время большая часть домов отдыха находилась в ведении профсоюзов, где им принадлежали 70 % мест, а остальные 29,7 % контролировали различные министерства. На долю Министерства здравоохранения и его органов приходилась незначительная часть коечного фонда домов отдыха — всего 0,3 %¹²⁰.

Поскольку сталинскую систему управления отличала интенсивная конкуренция между министерствами и ведомствами, разделение здравоохранения между столь большим числом властных органов делало его весьма уязвимым для проявлений бюрократизма и местничества. Глава управления здравоохранения Тамбовской области обобщил проблему в лаконичном докладе, направленном в феврале 1948 г. Жданову. В его письме, в частности, говорилось:

«Проработав 14 лет в области организации советской медицинской помощи и накопив определенный опыт, я в последние годы стал все чаще приходить к невеселым выводам о том, что всякий большой коллектив чиновников в наших министерствах, поделенных на десятки управлений, отделов и секторов, подчиняет все свои мысли и силы развитию подчиненной сети учреждений, выбиванию только для них дополнительных кадров и ставок, не уделяя даже малого внимания общей координации дел в здравоохранении с целью *решения единой, общей задачи* — защите общественного здоровья»¹²¹.

Неизбежно, отдельные части этого бюрократического левиафана оказывались более привилегированными по сравнению с остальными, создавая систему, в которой пышным цветом расцветало неравенство. Наиболее очевидным подтверждением сказанному было существование специальных врачей, больниц и клиник, обслуживавших элиту,

¹²⁰РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 680. Л. 131–132.

¹²¹Там же. Л. 24 (строка выделена в оригинале).

неизмеримо лучших по сравнению с теми, которые предназначались для остального населения. Но наша задача состоит не в описании номенклатурных привилегий, а в том, чтобы выявить примеры неравенства в массовом медицинском обслуживании. Вероятно, наиболее сильные различия в этой области существовали между городом и деревней. В Москве, Ленинграде и других крупных центрах имелись медицинские институты, клинические больницы и специализированные клиники. Люди в сельской местности, где проживали не только крестьяне, но также много рабочих и служащих, находились в значительно худших условиях. Недостаток всех ресурсов здесь был вопиющим. По данным из цитированного выше тамбовского доклада, всего 7–8 % бюджета сельского здравоохранения расходовалось на приобретение лекарств, лечебных средств, инструментов и оборудования, дефицит которых стал настолько острым, что врачам просто нечем было лечить пациентов. Бюрократические неувязки не позволяли больницам даже получить пиломатериалы для ремонта, поскольку Министерство здравоохранения и местные исполкомы никак не могли договориться, кто за что отвечает. Больницами и клиникам, переведенным с керосинового освещения на электрическое, зачастую приходилось работать в темноте, поскольку на местных электростанциях не хватало топлива. Врачи были вынуждены сами заниматься снабжением топливом, часть которого шла на электростанции, а остальное использовалось больницами для собственных нужд. В Тамбовской области треть года больницы не принимали пациентов из-за отсутствия топлива, что заставило автора упомянутого доклада недоуменно воскликнуть: «Удивительно, как в условиях нашей социалистической экономики возможны такие методы снабжения!»¹²²

Примеры неравенства в доступности и качестве медицинских услуг наблюдались даже внутри одного министерства, не говоря уже о разных отраслях. Наиболее наглядный пример — система здравоохранения МПС, о которой в архивах имеется немало документов. Качество медицинского обслуживания рабочих-железнодорожников очень пострадало во время Второй мировой войны. Здания многих медицинских учреждений были отобраны для нужд других организаций, и железнодорожным больницам не всегда удавалось вернуть их обратно¹²³. Многие строения обветшали, но руководителям кли-

¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 680. Л. 25–30.

¹²³ Серьезность проблемы подтверждает тот факт, что Совет министров СССР счел необходимым выпустить 16 ноября 1947 г. специальное указание, обязывающее все организации, реквизировавшие во время войны для своих нужд здания медицинского назначения, вернуть их медицинским уч-

ник редко удавалось убедить железнодорожное начальство выделить материалы для их ремонта. В остром дефиците были самые необходимые медицинские инструменты: шприцы для инъекций и иглы к ним. Далеко не все поликлиники и больницы имели автоклавы для стерилизации инструментов и перевязочных материалов. Очень не хватало врачей, особенно узких специалистов — отоларингологов, фтизиатров, педиатров, офтальмологов, венерологов и дерматологов. Ввиду наплыва пациентов медсестры не всегда успевали провести должным образом проверку слуха у вновь поступавших на работу машинистов, что, по докладам инспекторов профсоюзов, представляло прямую угрозу безопасности движения. В некоторых медучреждениях оборудование находилось в столь плачевном состоянии, что рабочие предпочитали в них не обращаться, а ездили в ближайшие города, чтобы воспользоваться тамошними поликлиниками¹²⁴.

По мере восстановления страны состояние медицинских учреждений, по крайней мере обслуживавших отдельные группы рабочих, стало заметно улучшаться. Профсоюз рабочих железнодорожного строительства и метрополитена докладывал в 1947 г. о том, что две трети членов профсоюза — железнодорожников (в отличие от собственно строителей) обслуживалась сетью хорошо оборудованных и укомплектованных персоналом поликлиник, амбулаторий и больниц, где имелись лаборатории, рентгеновские кабинеты и физиотерапевтические отделения. В еще более привилегированном положении находились рабочие и служащие, занятые на строительстве московского метро. Они были прикреплены к закрытым медицинским центрам, подчинявшимся не МПС, а непосредственно Министерству здравоохранения СССР. Они не только пользовались специальной поликлиникой и амбулаторией, расположенными на северо-востоке Москвы в районе Черкизово, но на каждом предприятии и участке подземных работ обязательно имелся врачебный или фельдшерский

реждениям. Но исполнение этой директивы оставляло желать лучшего, причем даже в Москве. Например, здание женской консультации в Ленинском районе города, где проживало более 200 тыс. женщин, во время войны было занято заводом, принадлежавшим Министерству промышленности средств связи. Несмотря на правительственную директиву (не говоря уже о распоряжении исполкома Моссовета, отданном еще в 1944 г.), в 1948 г. завод все еще занимал это помещение.

¹²⁴ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 512. Л. 2–2 об., 3–3 об. Этот доклад касается медицинских учреждений Калининской железной дороги, обслуживавшей многие районы близ Москвы. Некоторые ее депо располагались в столице. Маловероятно, чтобы описанная в докладе ситуация являлась нетипичной.

пункт. Строительным рабочим, не занятым в московском метро, повезло намного меньше. Обслуживавшие их клиники были плохо оснащены, в них не хватало медикаментов и перевязочных материалов, из-за недостатка врачей большинство медицинских услуг оказывал младший персонал¹²⁵. Возможно, лучшей иллюстрацией достигнутого прогресса может служить Северокавказская железная дорога, обслуживавшая территории вокруг Ростова-на-Дону, включающие такие центры тяжелой промышленности, как Таганрог, Новочеркасск и Новороссийск. Этот регион подвергся чудовищным разрушениям во время войны, и, хотя местные медицинские учреждения все еще сталкивались с огромным количеством проблем, улучшения в их работе были бесспорными¹²⁶.

Однако подобные достижения наблюдались отнюдь не повсеместно, а составляли скорее исключение из правил. Рабочие-железнодорожники в Горьком, таком же, как Ростов, крупном индустриальном центре, сталкивались с проблемами, мало чем отличавшимися от наблюдавшихся сразу после войны на Калининской железной дороге (см. описание выше). Больницы и амбулатории были переполнены, недоукомплектованы персоналом и столь бедно оснащены оборудованием, что на всей Горьковской дороге не было ни одного электрокардиографа или установки для радиотерапии. А ведь речь шла об обслуживании 155 тыс. рабочих и членов их семей, что эквивалентно населению города средних размеров¹²⁷.

Железнодорожная документация уникальна в том отношении, что указывает не только на недостаточное финансирование и оснащение медицинских учреждений, но и на низкую квалификацию ряда врачей, медсестер и вспомогательного персонала. Логика подсказывает, что во многом это было связано с необходимостью для медиков работать в условиях системы, крайне плохо обеспеченной необходимыми ресурсами. Так или иначе, но во многих случаях качество медицинской помощи было отвратительным. Лишнее подтверждение тому — анализ работы крупной региональной больницы в Перово, вблизи железнодорожной станции Горьковской железной дороги, обслуживавшей также местный вагоноремонтный завод. Ошибочные диагнозы, ненадлежащее ведение историй болезней, небрежное заполнение документов при приеме и выписке пациентов — все это означало, что больные получали помощь с большим, а порой с фатальным опозда-

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 482. Л. 1–3.

¹²⁶ Там же. Д. 538. Л. 22–24 (отчет за 1949 г.).

¹²⁷ Там же. Д. 534. Л. 151–153.

нием, лечебные процедуры зачастую назначались или проводились неправильно. Роды принимались абсолютно примитивными методами, и в результате некоторые младенцы получали переломы костей. В клинической лаборатории отсутствовали необходимые реагенты и оборудование, а также проточная вода. Больница была не в состоянии собственными силами проводить патологические и гистологические анализы. Медицинская комиссия вследствие большой загруженности буквально штамповала решения о выписке больных вместо внимательного изучения их историй болезней. В результате пациенты с серьезными заболеваниями оказывались лишенными должной диагностики и лечения¹²⁸. Однако все перечисленные проблемы меркнут по сравнению с ужасающим санитарным состоянием больницы. Отчетность указывает на наличие внутрибольничных инфекций (например, в марте 1950 г. пришлось из-за этого полностью закрыть крыло, где располагался родильный дом). Остается только удивляться, что пациенты в ней попросту не умирали. В столовой не соблюдались элементарные правила гигиены, санузлы никогда не убирали как следует, в родильном отделении стены туалетов были измазаны экскрементами. Грязное постельное белье не дезинфицировалось и сортировалось в том же помещении, где стиралось. Чистое белье гладилось прямо в котельной в непосредственной близости от бойлеров. В поликлинике отсутствовала система канализации, и сточные воды сливались в переполненные бочки во внутреннем дворе рядом с больничной пекарней¹²⁹. Несомненно, Перовская больница — из ряда вон выходящий случай. Однако проверка туберкулезной больницы во Львове, проведенная в том же 1950 г., выявила почти аналогичную картину, причем самым тревожным фактом было то, что мокроту больных сливали в основную канализацию¹³⁰.

¹²⁸Интересно отметить, что начиная с 1930-х гг. все разговоры о легкомысленном отношении врачей к выдаче и продлению больничных листов почти всегда сосредоточивались вокруг того, что это позволяло работникам симулировать заболевания и легализовывать прогулы. Этот отчет оказался первым из прочитанных нами документов, составленных за период с 1920-х по 1991 г., в котором указываются медицинские последствия подобной практики.

¹²⁹ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 20. Д. 1234. Л. 10–32.

¹³⁰Там же. Л. 47–50. См. также доклад в том же деле, относящийся к железнодорожной больнице г. Станислава на Западной Украине (Л. 64–67). Заявления о значительном улучшении работы больницы в течение 1950 г. представляется сомнительным, учитывая состояние дел, наблюдавшееся впоследствии. Не стоит даже напоминать, что положение в отдаленных по-

Возникает законный вопрос, насколько типичным является состояние железнодорожной медицинской системы для советского здравоохранения в целом. Медицинское обслуживание в рамках МПС не зависело от Министерства здравоохранения, и поэтому было бы рискованным распространять отчетность этой системы на всю страну. Вместе с тем известно, что ситуация в угледобывающей отрасли была вполне сопоставимой. Там также не хватало дипломированных врачей и приходилось укомплектовывать многие амбулатории младшим медицинским персоналом. В Московской области многие врачи не могли приступить к работе, потому что им негде было жить. Больничные здания обветшали, стояли грязными и нетоплеными, в клиниках отсутствовали многие основные медикаменты, а в некоторых не было даже мыла и постельного белья¹³¹. Профсоюз рабочих металлообрабатывающей промышленности сообщал в 1949 г. о неоднородности в состоянии отраслевой медицины. Некоторые заводские медучреждения были очень хорошо оснащены и способны оказывать не только общую, но и специализированную помощь. Иные же, напротив, были совершенно запущенны, не исключая и тех, что находились в крупных городах¹³². В Свердловске, вероятно, важнейшем промышленном центре СССР после Москвы и Ленинграда, в единственной городской лаборатории до 1948 г. не имелось ни одного микроскопа и невозможно было проводить медицинские исследования¹³³. В конце 1951 г. руководители одного крупного оборонного предприятия в г. Молотове, которое по идее должно было иметь преференции в снабжении всеми необходимыми ресурсами, жаловались на некомплектованность своих медучреждений кадрами, на отсутствие важнейшего оборудования и даже на дефицит простейших инструментов типа шприцов и игл. Более того, недостаток коек в местных

селках Восточной и Дальневосточной железных дорог было еще тяжелее (РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 784. Л. 60, 62–63, 67).

¹³¹ ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 3. Д. 165. Л. 17, 49; Оп. 4. Д. 129. Л. 2–2 об.; Д. 214. Л. 21–25, 44; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 680. Л. 10–11, 17–19.

¹³² ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 931. Л. 8–14.

¹³³ Там же. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 58. Л. 4 об. В папке содержится часть доклада, посвященного больнице, обслуживавшей Новотрубный металлургический завод. Это не было закрытое медучреждение, и в нем лечилось также местное население. Как и в других отчетах, здесь утверждается, что больнице сложно добывать перевязочные материалы, глюкозу, сульфамидные препараты и даже спирт.

больницах затруднял борьбу со вспышкой дизентерии летом того же года, поскольку не было возможности изолировать инфицированных рабочих от здоровых¹³⁴.

Имелась еще одна важная область медицины, которой почти полностью пренебрегали в тот период, — профессиональные заболевания работников, связанные с воздействием на них токсичных или вредных веществ. Трудно сказать, отражало ли это политическую идеологию режима, не желавшего признавать даже то, насколько тяжелыми были условия труда на его предприятиях. Официально наличие данной проблемы всегда признавалось, по крайней мере местные руководители здравоохранения ежегодно отчитывались об уровне профзаболеваний и докладывали обо всех серьезных инцидентах, связанных с отравлениями на производстве, особенно со смертельными исходами, по которым проводились специальные расследования. Однако после этих расследований мало что менялось. В августе 1950 г. Марченко, начальник управления промышленной медицины Министерства здравоохранения РСФСР, подверг серьезной критике вопиющие недостатки, свойственные системе в целом¹³⁵. Он утверждал, что заводские медики совершенно безграмотны в вопросах профессиональных патологий, в результате чего эти болезни неправильно диагностируются, а пациенты не получают надлежащего лечения. Ответность по профзаболеваниям велась настолько плохо, что, как он полагал, официальная статистика в этой сфере лишь частично соответствует действительности. Теоретически все рабочие, занятые на вредных и опасных производствах, должны проходить регулярное медицинское обследование, но это практиковалось далеко не везде. Частично это можно объяснить незнанием некоторых медиков, кого из рабочих нужно обследовать. Но даже у подготовленных врачей не всегда были нужные инструменты и доступ к лабораториям, необходимым для постановки верных диагнозов. Фактически на всю РСФСР имелось всего 47 лабораторий, способных проводить подобные обследования, однако и в них зачастую отсутствовали необходимые оборудование и реактивы. Причем в случаях выявления профессиональных заболеваний рабочие не всегда могли получить квалифицированную помощь, поскольку на предприятиях либо отсутствовали специализированные отделения, либо вообще не было возможностей для лече-

¹³⁴ ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 309. Л. 194, 201 (авиационный завод им. Молотова, г. Молотов, 1951 г.).

¹³⁵ Там же. Д. 287. Л. 187–193.

ния подобных больных¹³⁶. Похоже, серьезный прогресс в этой сфере наметился только в 1952 г., но и в последующие годы существовала серьезная угроза развития профессиональных заболеваний, которые долгое время оставались невыявленными¹³⁷.

Заключение

Мы назвали 1948–1953 гг. «периодом затухающего восстановления», имея в виду, что основные параметры, характеризующие качество жизни, все это время улучшались, но в итоге достигли уровня, при котором большая часть городского населения была в состоянии удовлетворить лишь самые неотложные потребности. В канун смерти Сталина условия существования среднестатистического советского рабочего даже за пределами Москвы и Ленинграда, безусловно, несравненно улучшились по сравнению с периодом 1945–1948 гг. Но не вызывает сомнений тот факт, что его жизнь по-прежнему являлась не более чем борьбой за выживание. У населения имелась пища, но общим правилом был дефицит, а не изобилие продуктов, причем рацион питания оставался весьма скудным. У людей была крыша над головой, но для большинства это означало проживание в обветшалых и перенаселенных коммуналках. Граждане перестали умирать от голода и болезней, вызываемых недоеданием, но эпидемии «болезней нищеты» продолжались, а медицинская помощь, отличавшаяся по качеству для различных групп населения, для большинства оставалась неадекватной даже при лечении простейших заболеваний и травм.

Однако произошедших улучшений оказались достаточно для стабилизации общества и его взаимоотношений с режимом. Одно воспоминание о той безысходности, в которой они существовали в годы

¹³⁶ В Магнитогорске, например, только местный металлургический комбинат располагал надлежащим медицинским учреждением. На остальных крупных металлообрабатывающих предприятиях города медсанчасти были укомплектованы исключительно младшим медицинским персоналом (Там же. Л. 189).

¹³⁷ ГА РФ (РСФСР). Ф. А-482. Оп. 52с. Д. 342. Л. 89–96. В папке содержится доклад о вредных производственных факторах на предприятиях оборонной промышленности. В нем, в частности, отмечается, что даже в 1952 г. научно-исследовательские институты гигиены труда и профессиональных заболеваний не имели ни одной лаборатории и не располагали специалистами, исследовавшими влияние вибраций и шума на организм человека. Хотя уже тогда было известно, что эти воздействия служат причиной возникновения глухоты у рабочих (Там же. Л. 95).

продовольственного кризиса, заставляло людей испытывать благодарность к власти за самые малые шаги вперед и наведение элементарного порядка. Эту тенденцию усиливали некоторые признаки осторожного смягчения политики, что наиболее отчетливо проявилось в ослаблении уголовного преследования за прогулы и самовольную смену места работы, о чем речь пойдет в главах 5 и 6. Но чувство благодарности отнюдь не эквивалентно позитивному отношению народа к власти и тем более активной ее поддержке. Когда нет серьезных социально-политических потрясений и полностью отсутствуют институты, через которые население могло бы озвучить свое недовольство и защитить свои интересы, жизнь в нищете расщепляет общество, заставляя людей замыкаться в собственных семьях или в узком кругу друзей и родственников, приспособляться к общей покорности. Если граждане не проявляют требовательности по отношению к властям, это означает, что они не видят безопасных способов для своей активности.

Но все же на внешне благополучном фасаде отношений общества и власти имелись отдельные трещинки. Кратковременные, но от того не менее заметные протесты железнодорожников против задержек зарплаты, широко распространившееся сопротивление уголовному преследованию за самовольный переход на другое место работы, о котором говорится в главе 5, откровенная враждебность, которую проявляли некоторые профсоюзные организации среднего звена по отношению к своим отраслевым министерствам, — все это свидетельствует о том, что рабочий класс не был полностью интегрирован в послевоенную сталинскую систему. К этому вопросу мы еще вернемся и обсудим его более детально в заключительной части книги. Наиболее отчетливо все сказанное выше проявлялось в среде молодых людей, которыми режим надеялся пополнить рабочий класс, значительно сократившийся за время войны. Это было то поколение, из которого власти намеревались выковать работников нового, советского типа, готовых стать настоящими гражданами сталинского государства. Но и здесь правящей элите пришлось столкнуться с серьезными препятствиями, большинство из которых она создала собственными силами. Об этом речь пойдет в следующей главе.

4. «СОЦИАЛИЗАЦИЯ» НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ. ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ

Зачем ты, мать, меня родила,
Зачем на свет ты создала,
Судьбой несчастной наградила,
Костюм шахтера мне дала.
Шахтера всюду проверяют,
Шахтера пьяницей зовут,
Шахтеру нигде проходу не дают.
(Из дневника молодого шахтера, 1949 г.¹)

Вступление: неудачная командировка

В конце мая 1946 г. Минский тракторный завод (МТЗ) отправил группу молодых рабочих (714 человек) для обучения на Сталинградский тракторный завод (СТЗ). Минск, как известно, пережил оккупацию во время войны, а на Сталинградском заводе еще только завершались восстановительные работы. Примерно три четверти этой группы составляли юноши 16–18 лет, а чуть меньше четверти — молодые мужчины в возрасте от 18 до 25 лет. Уровень образования у большинства из них был невысок: 23 человека — полностью неграмотны; 336 человек (47 %) посещали только начальную школу; 337 — прouчились в школе от 6 до 7 лет, и всего 18 человек имели семь классов образования. Подавляющее большинство (свыше 90 %) командированных составляли выходцы из сельской местности. Во всех отношениях состав группы был весьма типичным для молодого пополнения рабочего класса, пришедшего в советскую промышленность в послевоенный период. К сожалению, они были столь же неопытны, как и все их сверстники. С самого начала в Минске гнали им о том, что их ждет в Сталинграде. Хотя командировка должна была продлиться четыре–восемь месяцев, им было обещано, что они пробудут в Сталинграде всего три месяца и уедут оттуда до холодов, то есть в конце сентября — начале октября. Молодых людей также

¹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1172. Л. 239.

убеждали, что СТЗ обеспечит их жильем, постельными принадлежностями, одеждой, обувью и приличной едой. Поэтому они ничего не взяли с собой. Впрочем, следует заметить, что им и нечего было брать, поскольку у них не было запасной одежды и обуви.

Когда группа прибыла в Сталинград, все ее участники не получили ничего из обещанного под тем предлогом, что, согласно договору, всем необходимым их обязан был снабдить Минский завод. У СТЗ не было даже общежития для их размещения, и командированных поселили в палатках. Не выдали им ни постельных принадлежностей, ни спецовок, ни теплой одежды, ни обуви, ни даже нижнего белья. Реакцией минчан на все это стало массовое бегство. Больше четверти группы сбежало из Сталинграда в первые два месяца. Оставшимся пришлось проживать в чудовищных условиях. Почти половина группы не имела смены белья или верхней одежды, многие отказывались ходить в городские бани, поскольку им не во что было переодеться после мытья, некоторые в результате завшивели. Холода наступили в конце сентября, но они продолжали жить в палатках, не имея теплых одеял, чтобы укрываться ночью. Даже после того, как СТЗ в течение октября переселил большую часть командированных в спешно отремонтированные общежития, отсутствие теплой верхней одежды делало для них выход на работу почти невозможным, а те, что все-таки добирались до завода, выдерживали пребывание в нетопленых цехах не более двух часов в день. В конце концов СТЗ выдал самым оборванным рабочим белье и одежду из аварийных запасов, а также снабдил всех деньгами, несмотря на то что на самом деле это входило в обязанности МТЗ. Хотя выданные суммы мало отличались от размеров зарплаток молодых рабочих во всех отраслях, их было недостаточно, чтобы питаться в заводской столовой, и многим молодым людям, чтобы выжить, пришлось распродавать то небольшое имущество, которое у них имелось. Со своей стороны, МТЗ игнорировал все просьбы о высылке материальной помощи своим практикантам. Единственный ответ пришел в августе, когда в Сталинград прибыли заместитель директора завода и минский прокурор для участия в показательном процессе над одним из «дезертиров трудового фронта», который получил шесть лет лагерей за незаконное оставление места работы. Этот инцидент имел и еще одно последствие, на этот раз политическое. Поскольку большинство молодых рабочих было привлечено в эту командировку местными райкомами ВЛКСМ, они проклинали комсомол как виновника их несчастий².

²ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 479. Л. 131–146.

Хотя все случившееся с минскими практикантами можно считать экстремальным случаем, их пример был во много типичным для миллионов молодых людей, пришедших работать в промышленность после окончания Второй мировой войны. Почти всюду молодые люди начинали трудовую жизнь, не имея достаточного образования и профессиональной подготовки, им платили маленькие зарплаты, порой чуть выше порога выживания, они были вынуждены мириться с условиями труда и жильем, которые нельзя назвать приемлемыми. Меньшинство (хотя и достаточно многочисленное) проявляло свое недовольство, сбегая с работы, невзирая на то что эти побеги до весны 1948 г. считались уголовным преступлением и за них работники ключевых отраслей промышленности рисковали получить многолетние лагерные сроки. Их отчужденность от общества, основы которой закладывались еще во время обучения в школах системы трудовых резервов, выливалась в глубочайшую политическую апатию, практически не поддававшуюся попыткам «политического просвещения», предпринимавшимся (а чаще, как будет показано ниже, даже и не предпринимавшимся) комсомолом и профсоюзами.

Можно, конечно, доказывать, что все трудности, с которыми сталкивались учащиеся и молодые рабочие, вытекали из экономической и социальной разрухи, вызванной войной. Несомненно, это отчасти правда, но она мало утешала тех, кто вынужден был существовать в подобных условиях. С не меньшим основанием можно также приводить аргументы, подтверждающие (особенно в свете изложенного в главах 2 и 3), что не только молодежи пришлось мириться с ужасными, а порой невыносимыми условиями труда и быта, характерными для 1946–1947 гг. И это все так. Вместе с тем все, что происходило с молодыми рабочими, приобретало по ряду причин чрезвычайно важные последствия в контексте послевоенной реконструкции. Во-первых, молодежь относилась к категории трудящихся, нанятых по договору ученичества, и, соответственно, их статус и условия труда были значительно худшими, чем у работников старшего возраста, хотя последние также сталкивались с серьезными ограничениями свободы перемещения и выбора места работы. Во-вторых, восстановление уровня жизни в период между 1948 и 1953 гг. отразилось на молодых значительно в меньшей степени, чем на рабочих, даже немногим старше по возрасту. Хотя взрослой категории трудящихся было нелегко до самой смерти Сталина, все же они стали жить несравненно лучше, чем в военные и первые послевоенные годы. В меньшей степени это относится к рабочим, пришедшим на производство несовершеннолетними в 1946–1947 гг. и имевшим к 1952 г. зарплаты среднего или

выше среднего уровня. В то же время представители новой волны несовершеннолетних, начинавших трудовую жизнь в конце 1940-х — начале 1950-х гг., оказались с точки зрения заработной платы, профессиональной подготовленности, жилищных условий и возможностей для организации досуга в положении, весьма близком к тому, в котором находились их непосредственные предшественники. Наконец, поскольку режим возлагал огромные надежды на молодежь как на источник пополнения поредевшего за годы войны рабочего класса, испытанное молодыми кадрами разочарование и возмущение теми условиями, в которых они оказались, имели серьезные последствия, ограничивающие возможности власти воспитывать новое поколение в духе преданности сталинской системе.

В данной главе рассматриваются особенности положения молодых рабочих, основное внимание уделяется тем аспектам их найма, производственного обучения и опыта, которые наиболее сильно отличали трудящуюся молодежь от взрослых работников. Начнем с изучения системы трудовых резервов, анализируя такие факторы, как методы привлечения учащихся, условия их существования в профессионально-технических училищах и формы реагирования на предложенные условия. Затем перейдем к рассмотрению того опыта, который молодые рабочие приобретали, приходя на заводы и фабрики, уделяя особое внимание вопросам заработка, жилищных условий и положения в производственной иерархии. Исходя из всего этого укажем на те трудности, которые испытывал режим при попытке социализации молодых рабочих и превращении их в покорных, даже образцовых сталинских граждан. Наконец, очень кратко поговорим о той части юношества, которую можно было бы причислить к люмпенам. Имеются в виду бездомные, беспризорные дети и несовершеннолетние правонарушители, которые находились в исправительных заведениях МВД или в подчиненных ему учреждениях.

Система трудовых резервов и школы рабочей молодежи

В главе 1 уже говорилось о роли системы трудовых резервов в привлечении рабочей силы в промышленность, строительство и на транспорт. Там же отмечалось, что в системе производственного обучения имелось две параллельные ветви учебных заведений: школы фабрично-заводского обучения, или школы ФЗО, готовившие рабочих массовых специальностей для промышленных предприятий, шахт и строительных организаций, и ремесленные и железнодорожные училища (РУ и ЖУ), готовившие квалифицированных рабочих. Школы

ФЗО пополнялись преимущественно за счет насильственного набора молодежи, в основном из сельской местности. В РУ реже набирали сельскую молодежь, и училища имели больше возможностей пополнять свои ряды на добровольной основе. Соответственно, именно со школами ФЗО у режима возникали наиболее серьезные проблемы: как загнать молодежь в эти школы и как удержать молодых людей, которых удалось туда набрать. В главе 5 мы расскажем, что бегство из школ ФЗО по указу от 28 декабря 1940 г. считалось уголовным преступлением и пойманный мог получить год заключения в лагере.

Призыв молодежи в школы ФЗО мало отличался от способов, которыми в царское время набирали рекрутов в армию. Раз в год для РУ и два раза в год для школ ФЗО (позднее для шахтных школ была временно установлена периодичность четыре раза в год) Совет Министров СССР своим распоряжением утверждал квоты по набору в эти заведения для каждой отрасли. На основе этих контрольных цифр Министерство трудовых резервов рассылало плановые задания своим областным управлениям, где установленные квоты узаконивались совместным решением областных исполкомов и обкомов партии. Затем принятые решения доводились через районные власти, местные призывные комиссии и сельсоветы до каждого колхоза с указанием, сколько молодых людей тот обязан направить на обучение. Именно здесь и начинались основные проблемы.

Теоретически считалось, что призыв является добровольным. Поэтому на местные комитеты партии и комсомола, на сельские советы возлагалась обязанность проводить воспитательную работу среди молодежи, стараясь убедить ее в необходимости записываться на учебу. Многие местные органы серьезно подходили к решению этой задачи, особенно сразу после окончания войны. Они опирались на радиопередачи и статьи в районных газетах, пропагандировавшие призыв в школы ФЗО и РУ. Проводились специальные встречи с перспективными добровольцами и их родителями, к участию в них привлекались школьные учителя и молодые люди, окончившие подобные заведения (или еще обучающиеся в них)³. Некоторые из применявшихся при этом методов отлично знакомы каждому, кто занимается привлечением студентов в британские колледжи и университеты в настоящее время. Призывные кампании тем не менее проходили с переменным успехом, и уже к 1944–1945 гг. наблюда-

³ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 355. Л. 7–11 (Кировская обл.); Д. 408. Л. 54–56 (Калужская обл.); Л. 57–59 (Москва); Л. 71–71 об., 72 (Полтавская обл.); Л. 73–75 (Челябинская обл.).

лись серьезные различия по регионам страны, которые в полную силу проявились в 1947 г. Например, в городах было значительно меньше проблем с набором по сравнению с селами и деревнями. Поэтому в некоторых случаях города перевыполняли план набора, что позволяло областным властям отчитываться об успехах по области в целом⁴. Однако все портило то обстоятельство, что сразу после войны состояние учебных помещений и общежитий было плачевным, чувствовалась острая нехватка продуктов и одежды. Поэтому некоторые учебные заведения отказывались принимать набранных учащихся или их освобождали от набора местные исполкомы⁵. В конце концов оказалось, что наполнить школы ФЗО добровольцами стало практически невозможно.

Таким образом, приходилось полагаться исключительно на принуждение. Само по себе применение принудительных методов не составляло проблемы, но дело заключалось в том, что многие молодые люди делали все возможное, дабы избежать призыва. Многое зависело от того, в какие отрасли проводился набор и в каких регионах располагались соответствующие предприятия. Подобно течучке среди рабочих, о которой подробно говорится в следующей главе, наибольшее число «уклонистов от призыва» наблюдалось в угольной промышленности, черной и цветной металлургии и строительстве. Сильнее всего от этого страдали предприятия, расположенные в Донбассе на Украине, в Челябинской, Мологской и Свердловской областях на Урале и в угольных и металлургических центрах Кузбасса в Западной Сибири. Особую остроту проблеме придавал тот факт, что именно эти отрасли в наибольшей степени полагались на школы ФЗО как на источник пополнения рабочей силы. Например, как уже упоминалось в главе 1, именно на их долю в 1948 г. пришлось 88 % запланированного набора в эти учебные заведения.

Статистические данные Министерства трудовых резервов позволяют довольно просто оценить данный феномен с помощью двух различных характеристик. Первая из них представляет собой величину невыполнения плана набора учащихся школами ФЗО указанных основных отраслей-потребителей. Мы не располагаем сведениями за 1947 г., наиболее неблагоприятный с точки зрения текучести кадров,

⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 355. Л. 15–17 (Омская обл.).

⁵ Там же. Л. 26–32, 39–43. Примеры, когда училища и школы продолжали отказываться от набора учащихся даже в 1947 г., см.: Там же. Д. 451. Л. 51 (Херсонская обл., Украина) и РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 275. Л. 93 (Министерство промышленности стройматериалов).

но данные за 1948 г. показывают эту проблему достаточно четко. Они представлены в табл. 4.1, из которой следует, что угольная промышленность, металлургия и строительство хуже всех справлялись с набором в школы ФЗО и сохранением в них контингента учащихся.

Второй характеристикой служат данные о том, с какими сложностями сталкивались непопулярные регионы, прежде всего угледобывающие и металлургические центры Донбасса, Урала и Западной Сибири, при выполнении плана набора за счет привлечения молодежи из других областей. Это очень важный аспект, поскольку попытки местных властей привлечь молодежь в школы ФЗО и на предприятия, расположенные вдали от их родных мест, многократно усиливали текучку, что не ускользнуло от внимания прокуратуры и отраслевых министерств⁶. Однако во многих регионах местные власти сознавали, что у них нет выбора, поскольку число проживавших там молодых людей призывного возраста было явно не достаточным для удовлетворения спроса на рабочую силу⁷. Сколько проблем создавала подобная мобилизация, хорошо видно из информации, предоставлявшейся Министерством трудовых резервов. Например, в 1947 г. Пензенскую область обязали отправить примерно 6000 молодых людей в школы ФЗО Свердловской области, но фактически удалось собрать только 1300 человек. Из 2000 жителей сел, которых ей следовало отправить на Дальний Восток и в Приморский край, удалось набрать всего 429 человек. В том же году Чувашская АССР была обязана призвать 2000 учащихся в школы ФЗО Молотовской области и еще 2000 — Свердловской области, но удалось набрать только 1000 и 840 человек соответственно. В 1948 г. Чувашию обязали предоставить 3800 учащихся для Челябинской области, но фактически она выделила только 1100 человек⁸.

4

⁶ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3543. Л. 69; РНАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 235. Л. 171. В 1948 г. профсоюз рабочих черной металлургии призвал наложить запрет на призыв в школы ФЗО учащихся из отдаленных районов (ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 15. Л. 16).

⁷Например, в Сталинской обл. Донбасса в конце 1944 г. обнаружилось, что большинство несовершеннолетних, подлежащих призыву в школы ФЗО, либо уже учатся в них, либо работают на металлургических заводах, в шахтах или на оборонных предприятиях. Область просто была не в состоянии заполнить школы ФЗО без привлечения в них молодых людей из других регионов (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 355. Л. 115).

⁸ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 19–21 (1947 г.) и Д. 420. Л. 38 (1948 г.).

Набор в школы ФЗО основных отраслей в 1948 г.

Министерство	План набора (чел.)	Фактически набрано (чел.)	Доля выполнения плана набора (%)
<i>СССР в целом</i>	781 600	608 938	77,9
Угольной промышленности	517 800	332 006	64,1
Металлургической промышленности	58 650	39 646	67,6
Строительства предприятий тяжелой промышленности	88 000	71 593	81,4
Строительства предприятий оборонной промышленности и ВМФ	21 670	21 000	96,9
Остальные министерства	95 380	114 690	151,7

Источник: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 420. Л. 9.

По сообщениям республиканского ЦК комсомола, молодые люди, подлежащие мобилизации, уезжали в другие районы, прятались в лесах и «пользовались любыми иными способами, чтобы уклониться от призыва»⁹.

Таблица 4.2

Мобилизация в школы ФЗО учащихся из других областей в 1948 г.

Область или республика	План набора учащихся из других областей (чел.)	Фактически набранное число учащихся (чел.)	Выполнение плана (в %)
<i>ССМО в целом</i>	502 105	320 214	63,8
Челябинская обл.	27 500	19 170	69,7
Карагандинская обл.	26 445	21 527	81,4
Кемеровская обл.	72 500	44 492	61,4
Молотовская обл.	26 800	15 721	58,7
Московская обл.	11 050	7 327	66,3
Ростовская обл.	16 200	13 354	82,4
Свердловская обл.	14 300	11 842	82,8
Тульская обл.	10 500	7 074	67,4
Украина в целом	329 390	212 055	64,4
Сталинская обл.	152 450	90 015	59,0
Ворошиловградская обл.	98 700	49 945	50,6

Источник: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 420. Л. 31, 33–38.

⁹ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 500. Л. 7.

Было бы заблуждением считать Пензенскую область и Чувашию исключениями из правил. Напротив, собственные данные Министерства трудовых резервов указывают на то, что эти регионы хорошо вписывались в общую тенденцию. Табл. 4.2 указывает, какие области в течение 1948 г. испытывали наибольшие сложности с привлечением или мобилизацией учащихся из иных регионов в свои школы ФЗО, сочетавшиеся с невыполнением собственных планов набора. Приведенные в таблице данные достаточно выразительны и свидетельствуют о том, что молодые люди в других областях хорошо представляли, что их ждет на Урале, в Кемерово и особенно в Донбассе, и делали все от них зависящее, чтобы не попасть туда. Поражает также то, насколько они были в этом изобретательны: по всему Союзу десятки тысяч молодых людей преимущественно из сельских районов сумели избежать мобилизации даже после введения специального военизированного набора в угольные шахты и связанные с ними строительные организации.

При столь широком распространении уклонения молодых от призыва в школы ФЗО сельские советы оказались в сложном положении. С одной стороны, они были обязаны выполнять разнарядки Министерства трудовых резервов. С другой стороны — желали сохранить лучших работников в своем коллективе. Они разрешали это противоречие в типично советской манере: применяли насилие и принуждение, когда это казалось им необходимым, но в то же время помогали некоторым молодым людям избежать призыва. В докладах прокуратуры приводятся примеры того, как местные власти (председатели сельсоветов, милиция и парткомы) обращались с отказчиками: избивали, брали в заложники их родителей, штрафовали, конфисковывали имущество. Кроме того, организовывались обходы подворий группами активистов, которые порой дежурили до глубокой ночи, чтобы выловить молодых людей, не желающих отправляться на учебу. В одном районе Сталинской области сформировали даже вооруженные бригады, которые охотились в деревнях на отказчиков. В другом районе применяли такие же варварские методы, причем выловленных молодых людей держали под стражей до самой отправки¹⁰.

¹⁰ГА РФ. Ф. 813. Оп. 37. Д. 3529. Л. 286–290; Д. 4159. Л. 264–266. Последний отчет следует сопоставить с документом Министерства трудовых резервов, относящимся к итогам весенней (1948 г.) мобилизации молодежи из Тамбовской области на работу в Кемеровскую и Свердловскую области (ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 421. Л. 1–8). Наряду с признанием определенных сложностей, испытанных областными властями при выполнении назначенных им квот на призыв, в этом документе утверждается, что допущенные при этом

Все сказанное выше представляет только одну сторону медали. Многие мобилизованные были призваны незаконно, причем нарушения допускались отнюдь не случайно. Если ошибка обнаруживалась, то школы обычно отправляли незаконно призванных обратно, причем порой на основе петиций тех же самых местных властей, которые их и прислали на учебу¹¹. Если же вернуть молодых людей не получалось, то деревням по крайней мере удавалось ограничить понесенные потери, сплаывая в школы ФЗО наименее полезных работников. Некоторые из согнанных в школы ФЗО были слишком великовозрастными для учебы. В одном районе Омской области ухитрились мобилизовать рабочих, уже отучившихся в школах ФЗО и отработавших по распределению обязательные четыре года. В иных случаях деревни отправляли на учебу совсем юных подростков. Например, известны примеры, когда в шахтерские школы присылали детей 12 лет с фальшивыми документами, по которым они значились 16–17-летними. Ради выполнения плана местные призывные комиссии мобилизовывали больных или по своим физическим данным не пригодных для работы в промышленности молодых людей. Разумеется, в отчетах содержатся подробные сведения только о выявленных нарушениях, вскрывавшихся обычно при медицинских осмотрах. Незаконно призванных детей отправляли домой. Невозможно узнать, сколько таких малолетних работников все-таки пополнили ряды несовершеннолетних, трудившихся под землей. Но даже имеющиеся примеры дают возможность судить о масштабах злоупотреблений. Из 1770 молодых людей, направленных в ленинградские учебные заведения трудовых резервов, 536 человек были физически не пригодны, а 286 человек — младше призывного возраста. В течение 1949 г. контрольные комиссии, действовавшие в ряде районов Киргизии, забраковали почти половину призывников из-за их очевидного нездоровья или физической неразвитости¹².

злоупотребления были малочисленными и незначительными. В отчете прокуратуры нарисована несколько иная картина. В нем говорится, что Тамбовская область выполнила план призыва только за счет применения вооруженных отрядов милиции, проводивших ночные рейды, чтобы отлавливать призывников и доставлять их на сборные пункты для последующей отправки.

¹¹ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4772. Л. 139. В этом документе повествуется о поведении призывных комиссий в Татарской АССР и Черновицкой области на Украине.

¹²ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3529. Л. 35–35 об., 38 (Куйбышевская обл.) и Л. 289–290 (Омская обл.); Оп. 29. Д. 519. Л. 39–40 (Молдавия и Курская обл.); Оп. 37. Д. 3528. Л. 127–128 (Ленинград); Оп. 37. Д. 4772. Л. 184–185 об. (Киргизия). Отчет по Молдавии и Курской обл. рисует еще более

Текучесть учащихся системы трудовых резервов в 1944–1948 гг.

		Общее число учащихся, покинувших систему (без учета возвращенных), чел.	Число, покинувших систему (в процентах от общего числа учащихся)	Число учащихся, самовольно оставивших учебу (без учета возвращенных), чел.	Число самовольно оставивших учебу (в процентах от общего числа учащихся)
1944 г.	Всего	165 700	12,9	89 000	6,9
	В т. ч. ФЗО	89 600	13,9	55 100	8,6
	В т. ч. РУ и ЖУ	76 100	11,9	33 900	5,3
1945 г.	Всего	98 200	8,2	47 000	3,9
	В т. ч. ФЗО	51 100	8,8	28 900	5,0
	В т. ч. РУ и ЖУ	47 100	7,6	18 100	2,9
1946 г.	Всего	72 200	5,7	31 500	2,5
	В т. ч. ФЗО	42 000	6,6	20 700	3,3
	В т. ч. РУ и ЖУ	30 200	4,9	10 800	1,7
1947 г.	Всего	119 900	6,1	80 700	4,1
	В т. ч. ФЗО	96 600	7,8	69 200	5,6
	В т. ч. РУ и ЖУ	23 300	3,2	11 500	1,6
1948 г.	Всего	75 290	3,95	46 480	2,4
	В т. ч. ФЗО	61 930	5,4	41 110	3,6
	В т. ч. РУ и ЖУ	13 360	1,7	5 370	0,7

Источник: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 416. Л. 1 (1948 г.). Л. 2 (1944–1947 гг.).

мрачную картину злоупотреблений. В них отмечается, что некоторых детей допризывного возраста забирали из детских домов, пообещав направить их в РУ, в которые действительно принимали на двухлетний курс подготовки квалифицированных рабочих подростков 14–15 лет. Но на самом деле их отправили в шахтные школы ФЗО. Более того, по причинам, о которых можно только догадываться, в этом жульничестве участвовали директора детских домов. Возможно, они делали это, чтобы угодить местному политическому руководству или просто за взятки.

Все эти злоупотребления ставили ряд сложных проблем как перед самими учебными заведениями, так и перед правоохранительными органами. В июне 1947 г. прокурор Куйбышевской области обратился за разъяснениями к руководителю специальной группы Прокуратуры СССР по ювенальной преступности Тадевосяну. Он писал, что в настоящее время незаконно призванные и направленные в школы трудовых резервов несовершеннолетние «...пополняют ряды тех, кто самовольно покинул эти заведения», и что школы пытаются привлечь их за это к ответственности, но он не знает, как ему следует поступать. «Мы сталкиваемся с угрозой того, что, признав в результате расследований действия этих молодых людей не противоречащих закону, мы, тем самым, поощрим массовое бегство других, мобилизованных аналогичным, то есть противозаконным образом», — говорится в обращении прокурора¹³.

Вместе с тем среди сбежавших были призванные на законных основаниях, и именно они составляли основную проблему. В табл. 4.3 приведены данные о «чистой убыли» из системы трудовых резервов, то есть о числе учащихся, покинувших учебные заведения по разным причинам, за вычетом тех, кто был возвращен назад. Эти сведения дают более реалистичную картину фактических потерь рабочей силы в системе, нежели суммарные цифры убыли учащихся. В таблице данные предлагаются с разбивкой по типам учебных заведений. Изучение этой информации позволяет сделать ряд наблюдений. Во-первых, в 1944 г. цифры суммарной убыли и незаконного бегства учащихся, как в абсолютном, так и в процентном выражении были выше, чем 1947-м, самом тяжелом послевоенном году. Во-вторых, цифры убыли из школ ФЗО и РУ существенно различались. В последних отток учащихся был заметно ниже, что объясняется лучшими условиями содержания, большей престижностью обучения в них и, возможно, юным возрастом самих учащихся РУ. В-третьих, уже к 1948 г. текучка учащихся, особенно незаконная, сократилась до разумных пределов, а в 1950 г. стала вообще незначительной. Беглецы, самовольно покинувшие учебные заведения, в тот год составили менее 1 % от общего числа обучающихся¹⁴.

¹³ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3529. Л. 36 об., 38. Ответ Тадевосяна был на удивление откровенным. Он заявил, что нет никаких законных оснований для преследования этих беглецов, поскольку под действие указа от 28 декабря 1940 г. подпадают только люди, мобилизованные законным образом, включая учащихся, сбежавших из учебных заведений системы трудовых резервов. См. главу 5, с. 253–260.

¹⁴ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 520. Л. 3.

Но этими наблюдениями история не заканчивается. Несмотря на то что в архивных делах Министерства трудовых резервов содержатся весьма подробные сведения о цифрах приема и убыли учащихся, о том, из каких областей и в какие промышленные районы посылались призванные молодые люди, в какие отрасли направлялись выпускники и в каких количествах, тем не менее в них имеются довольно серьезные искажения. Во-первых, директора учебных заведений систематически занижали уровень текучки. Представленные ими фальсифицированные данные по крайней мере в некоторых случаях включались областными управлениями в отчеты, направляемые в Министерство трудовых резервов, на основе которых последнее формировало собственные годовые отчеты. Методы утаивания реальной картины были самыми разными. Наиболее очевидным являлся банальный обман. Учебные заведения имели заинтересованность в занижении убыли учащихся, поскольку их руководство получало премии за сохранение контингента. Размеры фальсификации данных иногда были просто поразительными. Так, например, в одной из школ ФЗО в Грузии за первые девять месяцев 1948 г. сбежали 27 % учащихся, но в отчете был указан нулевой уровень их убыли¹⁵. Другой распространенный прием заключался в том, что директора как можно дольше тянули с подачей сведений о сбежавших, надеясь, что те вернуться сами или что их найдут и пришлют обратно. Порой их надежды оправдывались, но чаще всего нет. Обычно директора закрывали глаза на случаи, когда учащиеся исчезали не навсегда, а отправлялись домой «на побывку». Хотя эти подростки формально оставались в списках, фактически они прогуливали большую часть курса обучения, если не весь целиком. В итоге школы все равно зачисляли их в состав выпускников и отправляли на предприятия¹⁶. Этим частично объясняется тот факт, что многие предприятия ставили выпускников школ ФЗО на самые неквалифицированные работы, вместо того чтобы использовать их по специальности. Школы также скрывали реальный уровень утечки учащихся, фальсифицируя отчетность о числе выпускников, направленных на предприятия. По документам таковыми числились подростки, сбежавшие из школ или никогда в них не учившиеся. Порой удавалось направлять на предприятия реальных людей, не имевших никакого отношения к школам системы трудовых резервов, успешно прикрывая тем самым факт утечки. По крайней мере в трех областях — Сталинградской, Кемеровской и Молотовской — областные

¹⁵ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4160. Л. 46–47.

¹⁶Там же. Д. 3543. Л. 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 644. Л. 18–19.

управления трудовых резервов были уличены в том, что участвовали в фальсификации данных: вместе с директорами школ включали представляемые теми ложные сведения в свои отчеты без всякой проверки¹⁷. Несколько учебных заведений, включая одно РУ, придумали оригинальную схему, по которой набирали лишних учеников, но не включали их в отчетность о приеме. Таким образом, они создавали себе резерв: если кто-то из учеников сбегал, то его замещали другим из числа резервистов, создавая впечатление, что никакой утечки у них нет¹⁸. Ну и, конечно, нельзя отрицать фактов взяточничества и коррупции в этой системе. Известен по крайней мере один пример, когда персонал школы ФЗО за взятки оформлял сбежавшим учащимся поддельные документы, подтверждавшие, что они покинули школу на законных основаниях¹⁹.

Обобщенные по всему СССР данные занижают общий разрушительный эффект высокой текучести учащихся еще в одном важном аспекте. Если иметь в виду усредненные по стране сведения, то масштабы утечки учащихся из системы трудовых резервов могут показаться довольно умеренными. Например, в 1947 г. чистая убыль за счет самовольного ухода подростков из школ ФЗО, рассчитанная по общему числу сбежавших за вычетом тех, кого удалось вернуть обратно, составила в среднем по Союзу 5,7 %. Однако в ряде проблемных регионов бегство носило массовый характер. В течение 1947 г. в Челябинской области из школ ФЗО сбежало 14,4 % учащихся, в Сталинской области — те же 14,4 %, в Ворошиловградской области — 13,2 %²⁰. В этих областях считалось обычным явление, когда за год некоторые школы теряли до половины контингента обучаемых. Наиболее очевидной причиной, открыто признаваемой самими школами, были ужасные условия учебы и проживания. В Молотовской области в 1947 г. прокурор, ответственный за несовершеннолетних

¹⁷ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4159. Л. 115 (Сталинградская обл.); Ф. 9507. Оп. 2. Д. 482. Л. 9–11, 13–14 (Молотовская и Кемеровская обл.).

¹⁸ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4173. Л. 10; Ф. 9507. Оп. 2. Д. 482. Л. 5–9, 11–12, 17–18.

¹⁹ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4163. Л. 222. Рассматриваемая школа находилась в Свердловске, и из нее, по слухам, в 1948 г. сбежало до 47 % учащихся. Директор и персонал школы, замешанные и в других видах хищений, брали от 60 до 196 руб. за один фальшивый паспорт. Аналогичные случаи оформления поддельных документов сбегающим с предприятий рабочим описаны в главе 5, с. 239–240.

²⁰ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 446. Л. 13, 15, 19.

правонарушителей, отмечал, что «...столь недопустимый уровень бегства учащихся из школ ФЗО объясняется тем обстоятельством, что открывшиеся школы не имели самых элементарных учебных и жилых помещений, а учебные пособия и оборудование в них отсутствовали вовсе. Проблема создания приемлемых жилищных условий для учащихся особенно остро стояла в школах ФЗО угольной промышленности. Например, из 200 человек, принятых в школу ФЗО № 23, приписанную к шахте № 6 треста «Кизилуголь», в декабре 1947 г. сбежало 70». Прокурор привел и другие примеры, когда учащиеся жили в неотапливаемых бараках без электричества, ели пищу отвратительного качества, ходили пешком на большие расстояния, чтобы добраться до предприятия, при котором находилась их школа. В частности, у некоторых из них такая прогулка составляла 13 км в одну сторону. Квалификация преподавателей была недостаточной. Половина областных директоров школ ФЗО и РУ не имели соответствующего технического или педагогического образования. Более того, работа в шахтах была опасной, и учащиеся хорошо это знали. Только на одной шахте, имевшей собственную школу ФЗО, за 1947 г. погибло 78 человек, включая двух учеников. Директор школы заявил, что после этого случая стало очень сложно уговорить молодежь спуститься в забой и что из 177 принятых в тот год сбежало 76 учеников²¹.

Последний пример имеет особое значение, поскольку из докладов промышленных министерств и партийных контрольных комиссий может создаться впечатление, что основным мотивом бегства из школ ФЗО были плохие учебные помещения и жилищные условия. Конечно, нельзя недооценивать влияние этих факторов, но значительную роль играли также царивший в шахтах террор по отношению к учащимся в сочетании с обманом, когда молодых заманивали обещаниями, что они будут обучаться в чистых школах у квалифицированных специалистов. Вот как описывает прокурор Ставропольского края положение учащихся школ ФЗО, отправленных на шахты Ростовской области в 1947 г.:

«После прибытия в школы молодежь лицом к лицу столкнулась с реальным состоянием дел. Очевидно, их послали прямо в забои без всяких предварительных объяснений или обучения. Это напугало учеников, и, поднявшись на поверхность, они начали массово сбежать домой в свои родные колхозы. Так, по сообщению представителя школы № 7, из 260 человек, призванных в апреле, в настоящее время

²¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3529. Л. 261–263.

в школе осталось всего 80. Работа в шахте настолько напугала молодых людей, что они в ответ на предложение прокуратуры вернуться назад отказались подписывать соответствующие соглашения и были даже согласны на привлечение к уголовной ответственности, заявляя: «Лучше я отсижу год, но потом выйду на свободу и не должен буду работать в шахте»²².

Годом позже похожими наблюдениями в отношении призванных по военизированному набору в школы ФЗО при угольных шахтах поделился прокурор Молдавской ССР:

«Учащиеся кратко проинструктировали по “теории” добычи угля, после чего немедленно отправили под землю. Это так на них действовало, что они категорически отказались работать дальше и стали в массовом порядке покидать место “учебы”, чтобы вернуться домой. Когда их привлекли к ответственности, то они заявляли в судах, что категорически отказываются от дальнейшей учебы, и даже будучи приговоренными к лишению свободы на сроки от 2 до 5 лет, не обжаловали решений судов. Еще меньше они возражали, когда их привлекали по части 1 статьи 56-18 УК Украинской ССР. Получив по году принудительных работ, они имели возможность оставаться недалеко от дома и, что еще важнее, освобождались от всякой дальнейшей учебы и трехлетней обязательной отработки в шахтах после окончания ФЗО».

О масштабах «дезертирства» можно косвенно судить по такому факту: за период военизированного набора учащихся в угольные школы ФЗО с сентября 1947 г. по март 1948 г. (к которому относится процитированный прокурорский доклад) молдавские власти отловили и вернули обратно только в Сталинскую область около тысячи сбежавших с учебы молдаван, а еще около 200 молодых людей были привлечены к уголовной ответственности за побег. Но попытки возвращения беглецов не всегда были удачными, поскольку многие из них снова сбежали по пути в Донбасс²³.

²²ГА РФ. Ф. 813. Оп. 37. Д. 3529. Л. 141–142. Здесь речь идет о годовичном сроке заключения, предусмотренном законом в качестве наказания для учащихся, сбежавших из учебного заведения трудовых резервов.

²³Там же. Д. 4174. Л. 230–233. Упомянутая статья была введена в УК по Указу от 28 декабря 1940 г., который устанавливал наказание за самовольное оставление учебы в школах ФЗО. Приведенный отрывок из доклада прокурора указывает на то, что учащиеся знали о серьезной прорехе в законодательстве, оставленной режимом. Она заключалась в следующем: после отбытия беглецом годовичного срока по приговору суда, законом не было предусмотрено никаких мер воздействия, заставляющих его вернуться на учебу или

Ярким подтверждением страха и дурных предчувствий, которые испытывали рабочие-новобранцы при виде угольной шахты, может служить стихотворение, обнаруженное в дневнике одного рабочего, относящееся примерно к 1949 г.²⁴

«Когда вручили мне повестку
В Овруцкий райисполком,
Меня начальство осмотрело
И доктор годеи мне сказал.
С деревьев листья повалились
Наверно, осень подошла.
А мне сказали, собирайся,
Настала очередь твоя.
А, точно громом приглушен,
И не слышал, что он сказал.
Когда я вышел из приема,
Следят товарищи, друзья.
Сейчас я с вами веселюсь,
Последнюю песенку спою,
А через час слезой зальюсь
И проклинать буду судьбу.
Друзья, мы все в одной команде
Кого скорей из нас убьет?
Меня убьет, тебя привалит.
Пиши на родину письмо.
Придет письмо с черной печатью,
Родные будут вслух читать.
Отец и мать слезой зальются,
Уж нам сыночка не видать.
Придет праздник воскресенье,
Все ребята будут гулять,
Отец взглянет в окошко,
Уж сыночка не видать».

Если угольная промышленность уверенно держала первенство по неподобающему обращению с учащимися ФЗО, то остальные отрасли были в этом смысле не на много лучше. В октябре 1945 г. Министерство трудовых резервов СССР своим приказом потребовало от всех предприятий обеспечить прикрепленные к ним РУ и школы

завербоваться на работу в шахтах. Более подробно этот вопрос обсуждается в главе 5, с. 259–260.

²⁴ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1172. Л. 239. Небольшое стихотворение, приведенное в начале этой главы, было найдено в том же дневнике. Утверждается, что автором был выпускник ФЗО, работавший на шахте в Ворошиловградской обл. Украины.

ФЗО топливом, электроснабжением, материалами и станочным оборудованием для обучения. Они также были обязаны отремонтировать и поддерживать в надлежащем состоянии общежития и учебные помещения. Ясно, что многие предприятия были просто не в состоянии выделить ресурсы, необходимые для исполнения этого поручения, или не желали этого делать. В докладе Комиссии партийного контроля, посвященном текучести кадров среди молодых рабочих и учащихся системы трудовых резервов, составленном в феврале 1948 г., отмечалось, что общежития были запущенными, в них не доставало кроватей и другой мебели, не хватало топлива, и многие ученики из-за холода были вынуждены спать в верхней одежде. В общежитиях совершалось много уголовных преступлений — кражи, хулиганство, драки и поножовщина. Сообщалось также о том, что учащиеся ряда школ ФЗО Сталинской области отказывались посещать учебу или выходить на работу в знак протеста против плохого качества пищи и отсутствия сушилок для одежды, из-за чего они были вынуждены постоянно ходить в мокрых спецовках²⁵. Время от времени директоров школ привлекали к ответственности за примиренческое отношение к подобным недостаткам. Но необходимо иметь в виду, что, хотя многие руководители действительно были виновны, целый ряд проблем, например дефицит мыла или продуктов питания, был следствием общего положения в стране. Дирекция школ и училищ не имела возможности повлиять на ситуацию²⁶.

Школы ФЗО могли сколько угодно рассуждать о том, что, несмотря на тяжелые условия работы, они все-таки обеспечивают высокое качество профессионального образования. Но предприятия начиная с момента создания системы трудовых резервов в 1940 г. и

²⁵РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. 644. Л. 8–11.

²⁶Так, директор одной из школ ФЗО в Донском районе Московской обл. (ныне район Тульской обл. — *Прим. ред.*) был в 1947 г. привлечен к уголовной ответственности за то, что общежития при учебном заведении утопали в грязи и во вшах, учащиеся не могли соблюдать правила личной гигиены из-за отсутствия мыла и недостатка горячей воды, а питание было настолько плохим, что они были вынуждены собирать гнилую картошку и печь из добытого из нее крахмала картофельные оладьи. Хотя большинство проблем было следствием голода и дефицита продуктов, вмешательство прокуратуры все же заставило местные власти мобилизовать имевшиеся ресурсы, чтобы навести порядок в общежитиях и улучшить качество питания. Это лишний раз подтверждает тот факт, что в отдельных случаях власти готовы были изыскать резервы, если только эти меры не затрагивали неприкосновенности общей политической линии (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3529. Л. 127–127 об.).

вплоть до ее ликвидации после прихода к власти Хрущева постоянно предъявляли к ним претензии в отношении уровня подготовки выпускников²⁷. Доклад комсомольской организации о состоянии дел в системе подготовки трудовых резервов Ворошиловградской области, готовивших преимущественно рабочих для угольной промышленности, свидетельствует о том, что выпускники трудились не по специальности. Например, тех кто обучался профессиям прокладчиков тоннелей и забойщиков, отправили работать кладовщиками. Лишь немногие школы располагали подходящими для обучения рабочими местами, но зачастую последние были оснащены изношенным или устаревшим оборудованием либо не имели его вовсе. Мастера, нанятые для обучения, сами обладали низкой квалификацией, среди них попадались алкоголики, а иные были судимы за воровство²⁸. Персонал некоторых школ применял физическое воздействие по отношению к учащимся, и были примеры, когда такие «воспитатели» приговаривались к длительным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях²⁹. Но подобное поведение, конечно, не являлось общим правилом. Многие директора школ пользовались заслуженным уважением учащихся, которые даже обращались к ним за помощью, когда сталкивались с ужасающими условиями на новом месте работы³⁰.

Условия обучения значительно различались даже в пределах одной отрасли. Что касается бытовых условий, то они напрямую зависели от того, как снабжали школы предприятия, при которых они действовали. Сразу после войны нехватка учебных помещений, инструментов и оборудования была намного острее, чем в последующие годы. Хотя проблема оставалась достаточно серьезной. Трудно ожидать, что настоящим мастером своего дела станет будущий токарь, ни разу не подходивший к токарному станку, или ученик плотника, никогда не державший в руках рубанка и стамески, либо ученик каменщика, в глаза не видевший ватерпас, правило или простую струну, по которой ведут кладку стен. При этом не стоит забывать, что зачастую в школах ФЗО не было даже учебников, по которым эти специаль-

²⁷ Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964*. Cambridge, 1992. P. 72–73.

²⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1100. Л. 72–74.

²⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3528. Л. 105–106 и Д. 4159. Л. 2.

³⁰ РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 305. Л. 44. Мы еще вернемся к этому случаю ниже, на с. 190–191.

ности можно было изучать теоретически³¹. Со временем техническая оснащенность учебных заведений значительно улучшилась, но даже в конце 1952 г. РУ при Первом ГПЗ им. Кагановича в Москве, одном из важнейших машиностроительных предприятий СССР, не имело возможности обучать наладчиков автоматических линий, поскольку не располагало соответствующим оборудованием. Проблемы недооснащенности усугублялись невозможностью поддерживать уровень учебных программ в соответствии с развитием технологий, материалов и производственных методов³². Как ни странно, ленинградские РУ, готовившие рабочих металлообрабатывающих специальностей, за два года обучения уделяли всего 12 часов освоению технологических процессов и навыков использования технической документации³³. Все эти недостатки в сочетании с весьма сомнительной квалификацией преподавательского состава означали, что предприятия не могли полностью полагаться на профессиональную подготовленность выпускников. Заводы постоянно жаловались, что вынуждены переобучать контингент, приходивший из школ ФЗО и даже РУ, начиная при этом буквально с азов³⁴. Неадекватность системы трудовых резервов стала настолько явной, что профсоюз рабочих черной металлургии в начале 1948 г. выступил с предложением о ликвидации школ ФЗО с тем, чтобы обучать молодежь непосредственно на предприятиях. Роль Министерства трудовых резервов при этом сводилась к наблюдению и контролю качества обучения³⁵. Это предложение было реализовано только после смерти Сталина, но промышленные министерства начали брать дело в свои руки еще задолго до этого. Министерство черной металлургии заявляло, что за период с 1946 по 1950 г. на его предприятиях было подготовлено 284 800 молодых рабочих, что на 20 тыс. человек превышало число пришедших за то же время выпускников системы трудовых резервов. За тот же период в министерстве более 400 тыс. рабочих окончили различные курсы повышения квалификации, причем три четверти из них сдали экзамены на так называемый технический минимум³⁶.

³¹ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 141. Л. 11–13; РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 274. Л. 233; Д. 276. Л. 106–107; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4163. Л. 106–107.

³²ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 214.

³³Труд. 1949. 17 и 23 марта.

³⁴ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 213.

³⁵ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 15. Л. 14, 16.

³⁶Сведения о подготовке кадров внутри министерства см.: РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 6. Д. 279. Л. 132. Вклад системы трудовых резервов подсчитан по данным,

Система трудовых резервов была лишь одним из институтов, с помощью которых режим пытался обучать и социализировать рабочую силу. Власть имела полное представление о низком образовательном уровне населения и о том, что война заставила многих молодых людей прервать учебу. Только в РСФСР в 1950 г. насчитывалось примерно 400 тыс. неграмотных и еще несколько сотен тысяч полуграмотных людей. В ВЛКСМ числилось 367 тыс. членов комсомола, не имевших даже начального образования³⁷. В апреле 1944 г. Совет народных комиссаров основал сеть так называемых школ рабочей молодежи, цель которых состояла в том, чтобы предоставить молодым людям возможность получить семилетнее образование, а наиболее способным закончить 10 классов. В январе 1946 г. всем промышленным предприятиям было поручено учредить подобные школы, выделив им помещения и обеспечить их отоплением, освещением и необходимым оборудованием³⁸.

Первые эксперименты оказались малообещающими. Не хватало учебников, многие школы не имели оборудования, уроки проводились в неотапливаемых и зачастую неосвещенных зданиях, потому что в первые послевоенные годы перебои со снабжением электроэнергией наблюдались даже в Москве. Для того чтобы справиться хотя бы с частью трудностей, многие школы рабочей молодежи проводили занятия по вечерам в зданиях обычных общеобразовательных школ, но это означало, что работавшие в вечернюю или ночную смену не могли посещать уроки. В результате оказалось сложно набирать и сохранять контингент учащихся. Отток их был очень высок. В первый учебный год (1944–1945) школы потеряли почти половину учеников. Более того, поначалу требовалось принимать только молодежь, ранее закончившую не менее 5 классов. Таким образом, без внимания остались те, кто не имел даже начального образования и больше всех нуждался в обучении³⁹.

содержащимся в: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 417. Л. 16 (1946 г.); Д. 418. Л. 10 (1947 г.); Д. 420. Л. 9 (1948 г.); Д. 422. Л. 32 (1948 г.) и РГАЭ. Ф. 1662. Оп. 15. Д. 3055. Л. 25–26 (1950 г.). Цифры за 1948–1949 гг. слегка завышены, поскольку в них учтены выпускники системы трудовых резервов, направленные на предприятия цветной металлургии. Но не во всех проблемах подготовки кадров виновна система. В первые послевоенные годы предприятия были вынуждены в значительной степени опираться на труд заключенных и условно-освобожденных, которых приходилось обучать, чтобы они могли выполнять основные производственные операции.

³⁷ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 292–293.

³⁸ Там же. Оп. 3. Д. 413. Л. 18 об.

³⁹ Там же. Оп. 3. Д. 413. Л. 7–12, 16.

Очевидно, что в определенной степени школы рабочей молодежи справлялись со своим предназначением. В 1948–1949 учебном году в них обучалось около 620 тыс. человек, в 1950–1951 учебном году их число планировалось довести до 830 тыс. Однако реальные успехи были скромнее. Плановые цифры набора учащихся систематически не выполнялись, а отток их из школ оставался высоким. В течение 1948–1949 учебного года по СССР в целом школы потеряли 264 500 учащихся, или почти 40 % принятых на обучение. Только за первое полугодие того же года в Ленинградской области школу оставила почти половина учащихся⁴⁰. Тем же, кто все-таки пытался освоить курс до конца, это давалось совсем не просто по причинам, о которых говорилось выше. В 1948–1949 учебном году почти четверть учеников провалились на экзаменах и были вынуждены либо пересдавать их, либо остаться на второй год⁴¹. На некоторых заводах посещаемость школ была настолько низкой, что пришлось закрывать целые классы⁴².

Но при всех отмеченных слабостях школы рабочей молодежи внесли заметный вклад в повышение общего образовательного уровня, и это очевидно. Проблема заключалась в том, что эффективность работы этих школ заметно различалась по регионам и по предприятиям. Очевидные успехи в увеличении приема и сокращении оттока учащихся наблюдались в машиностроительных отраслях⁴³. Но и тут положительные результаты не были повсеместными. Например, школы при металлургических заводах Северной Украины и машиностроительных предприятиях в Горьком с трудом заполняли свои классы⁴⁴. Возможно, еще более многозначительным можно считать тот факт, что и там, где удавалось добиться успехов в привлечении учащихся (например, на ленинградских машиностроительных заводах), значительная часть молодежи все равно оставалась неохваченной. По оценкам ВЛКСМ, даже в 1952 г. две трети из 144 тыс. молодых рабочих ленинградских предприятий тяжелой промышленности не имели законченного семилетнего образования⁴⁵.

⁴⁰ Там же. Оп. 2. Д. 285. Л. 289–290.

⁴¹ Там же. Л. 291.

⁴² Сталинец (Ростсельмаш). 1959. 15 апр.

⁴³ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 267. Л. 208, 210; Д. 313. Л. 128, 225–227.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 152. Л. 58; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 12–13, 112.

⁴⁵ Там же. Л. 125.

Зарботки и условия жизни молодых рабочих

В главе 2 уже отмечался низкий уровень заработной платы молодых рабочих, что делало их особенно уязвимыми во времена дефицита продовольствия. Необходимо подчеркнуть, однако, что их нищета, усугублявшаяся ограничениями на продажу продуктов по карточкам и повышением цен на них в сентябре 1946 г., имела большую предысторию. В определенном смысле это было вполне ожидаемым явлением. Практически во всех промышленно развитых странах молодежь всегда зарабатывала меньше рабочих со стажем. Но в Советском Союзе действовал целый ряд специфических факторов, ввергавших молодых в нищету даже после того, как жизненный уровень в стране начал повышаться и большинство из них уже начали осваивать профессию и получать средние по уровню заработки.

Самой поразительной чертой первых послевоенных лет были хронические долги у многих молодых рабочих. Обычной практикой была выдача аванса или ссуды новым кадрам при поступлении на предприятие. Совет Министров специальными распоряжениями от сентября 1946 г. и января 1947 г. установил особые правила на этот счет. Каждый рабочий, прибывший на предприятие после окончания учебного заведения системы трудовых резервов (будь то школа ФЗО при самом предприятии или ремесленное училище), должен был получить вместе с первой заработной платой аванс в размере 300 руб., который надлежало возратить в течение полугода в виде ежемесячных вычетов из заработка. Кроме того, выпускники, направляемые в регионы, расположенные вдали от родительского дома, имели право на получение ссуды в размере, не превышающем 2000 руб., на приобретение домашней утвари, мебели, одежды и обуви⁴⁶.

Поскольку заработки молодых рабочих были низкими, многие из не имели возможности расплатиться с долгами. Некоторые предприятия пытались вернуть выданные деньги путем прямых вычетов из зарплаты, но в таком случае люди оставались практически без средств к существованию. Эта проблема носила хронический характер и не была обусловлена продовольственным кризисом 1946–1947 гг. В редких случаях такие долги достигали экстраординарных размеров. Например, в 1948 г. профсоюз рабочих текстильной промышленности заступился за группу из 4000 молодых строителей, направленных после окончания в 1946 г. школы ФЗО восстанавливать

⁴⁶ Нам не удалось обнаружить оригинальные тексты этих распоряжений. Их содержание разъясняется в: ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 478. Л. 18.

Смоленский льнокомбинат. В течение 1947–1948 гг. их неоднократно посылали в десятидневные командировки на лесозаготовки, не выдавая при этом никакой пищи. Такая практика втянула рабочих в долговую яму с трагическими для них последствиями. В обращении профсоюза, в частности, говорилось:

«...это вынуждало рабочих ходить по окрестным деревням и распродавать с себя одежду и обувь, а также выданные им инструменты, чтобы купить хлеба. Впоследствии они были обязаны расплатиться за проданный инструмент по чрезвычайно завышенным расценкам, впятеро превышающим их реальную стоимость. В леспромхозах в открытой продаже можно было приобрести только очень дорогие продукты, такие как копченая колбаса, сыр, шоколадные конфеты и т. п., которые отпускались в долг в счет будущих заработков, но условия оплаты лесозаготовительных работ не оставляли возможности расплатиться по долгам. После возвращения с лесозаготовок им не выплачивали ни рубля, и отдельные рабочие были вынуждены продавать даже наволочки и простыни, за которые у них из зарплаты опять-таки вычитали стоимость в пятикратном размере. Только раз в месяц молодым рабочим выдавали аванс под будущие заработки в размере от 50 до 100 рублей, которых хватало только на приобретение хлеба на 10–15 дней. Но поскольку их низких заработков не хватало для покрытия этих авансов, то долги рабочих продолжали расти. Кроме того, они должны были еще расплачиваться за авансы, выданные после окончания школы. В конце концов за два года общий долг молодых рабочих перед строительно-монтажным управлением достиг почти 175 тыс. рублей. В результате материальное положение рабочих оказалось очень сложным, они впали в крайнюю нужду, не имея ни одежды, ни обуви, ни даже достаточно денег, чтобы купить хотя бы хлеба».

Размеры долгов были невероятными даже по стандартам того времени. Они достигали в среднем 4375 руб. на человека, то есть величины, превышавшей, вероятно, размеры среднегодового заработка. Положение упомянутой группы оказалось столь экстремальным, что профсоюз обратился к Министерству текстильной промышленности с просьбой о полном списании накопленных долгов⁴⁷.

⁴⁷ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4159. Л. 73–74. Профсоюзы также подняли этот вопрос перед прокуратурой, поскольку почти половина рабочих была привлечена к ответственности за прогулы и суд приговорил каждого из них к шести месяцам принудительных работ с вычетом от 20 до 25 % заработка. Это усугубляло их нищету. Представители профсоюзов заявили, что рабочие совершали прогулы от отчаяния и просил освободить от дальнейшего отбывания наказания тех, у кого срок еще не закончился. Профсоюз также потребовал

Как правило, обычно долги молодых рабочих даже близко не достигали таких сумм, которые указаны выше, но сам по себе феномен был достаточно распространен, особенно в строительстве. В докладе Ростовского обкома комсомола говорится, что большинство молодых строителей шахт в области получают менее 350 руб. в месяц, то есть вдвое ниже средней зарплаты по отрасли. Зачастую долг перед строительством в среднем составлял от 260 до 320 руб., а у некоторых сумма долга вдвое превышала размер месячного заработка⁴⁸. На стройках предприятий черной металлургии Чкаловской области к концу 1948 г. шестая часть молодых рабочих задолжала в общей сложности около 200 тыс. руб., или по 500 руб. на человека. Ситуация представляет собой классический пример долгового капкана для бедных. Зарботки были настолько низкими (зачастую не превышая 300 руб. в месяц), что этих денег не хватало даже на пропитание, не говоря уже о погашении долгов. Молодые люди вынуждены были залезать в новые долги. У них практически не имелось способов сэкономить. Например, отказавшись от питания в рабочих столовых, нужно было покупать продукты в магазинах местных ОРСов, что оказалось невозможным, поскольку те плохо снабжались⁴⁹.

К 1950 г. острота проблемы с низкими зарботками молодых рабочих несколько снизилась, по крайней мере в основных отраслях промышленности. В начале 1951 г. зарплата двух третей молодых кадров в черной металлургии превышала размеры среднего заработка неквалифицированных рабочих по стране в целом, но людей со слишком низкими зарботками оставалось по-прежнему немало и в этой отрасли⁵⁰. Данные по отдельным машиностроительным предприяти-

привлечь к уголовной ответственности руководство СМУ за пренебрежительное отношение к своим работникам.

⁴⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 895. Л. 49.

⁴⁹ Там же. Д. 961. Л. 17–18, 20–22. По крайней мере в одном случае заводская администрация попыталась помочь молодым рабочим, снизив расценки за проживание в заводских общежитиях, но и это было сделано по настоятельным требованиям отраслевого профсоюза. См.: ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 697. Л. 31 (машиностроительный завод «Русский дизель», г. Ленинград). Материалы, описывающие аналогичные примеры низкой зарботной платы и больших долгов у молодых рабочих, см. в: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3056. Л. 230 (строительные управления Министерства строительства предприятий черной металлургии, Челябинская обл.); Д. 641. Л. 4–9 (о молодых рабочих станкоинструментальной промышленности); ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1128. Л. 182 (строительство Череповецкого металлургического завода).

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 11. Д. 279. Л. 139.

ям рисуют похожую картину, оплата молодых рабочих на «хвостах» распределения (их число составляло также порядка одной трети от общей численности) была не на много меньше средней по отрасли, но все равно оставалась нищенской, составляя менее 400 руб. в месяц⁵¹. Возникает вопрос, почему в массе своей молодые рабочие так мало зарабатывали? Безусловно, можно пренебречь такими заявлениями, которые делались, например, профкомом одного Краснодарского завода, утверждавшего, что молодые выпускники РУ получали финансовую помощь от родителей и поэтому предпочитали не перенапрягаться на работе. Иными словами, они были недостаточно бедны, чтобы лучше трудиться⁵². В известном смысле, молодежь испытывала те же проблемы, что и их старшие коллеги. Дефицит поставок материалов и поломки оборудования отрицательно сказывались на заработках независимо от возраста и опыта трудящихся. Например, в машиностроительной и угольной отраслях число молодых, не выполнявших норму, не на много превышало средний уровень среди рабочих всех возрастов⁵³. Частично эта проблема была связана с уже обсуждавшимися недостатками в системе трудовых резервов, выпускники которой приходили на заводы и фабрики плохо обученными и поэтому получали самые низкие разряды и попадали на наиболее простые и низкооплачиваемые работы⁵⁴. Машиностроительные предприятия сетовали также на слишком узкую специализацию выпускников. В результате, если ломался станок одного вида, то работавшего на нем оператора невозможно было переставить на другой станок, поскольку он не умел с ним обращаться⁵⁵. Вместе с тем широко прак-

⁵¹ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 641. Л. 19 (данные по Краматорскому заводу тяжелых металлообрабатывающих станков).

⁵² Там же. Оп. 11. Д. 642. Л. 9.

⁵³ В декабре 1948 г. примерно треть шахтеров не выполняла нормы выработки. В декабре 1949 г., после того как они были снижены, чтобы замаскировать проблемы низких заработков, примерно четвертая часть молодых рабочих по-прежнему с ними не справлялась (ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 7. Д. 456. Л. 125; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 53. Л. 160). В машиностроении, где нормы традиционно поддерживались на не слишком высоком уровне, чтобы обеспечить рабочим относительно приличные заработки, в середине 1947 г. с ними не справлялись всего около 5 % рабочих. В 1951 г., когда нормы были существенно повышены, их не выполняли примерно 5 % молодых рабочих в таких главных промышленных центрах, как Харьков и Ленинград (ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 170. Л. 112; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 172).

⁵⁴ Там же. Оп. 3. Д. 509. Л. 78; Оп. 4. Д. 961. Л. 41; Оп. 2. Д. 313. Л. 212.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 714. Л. 6 об.

тиковалось использование выпускников системы трудовых резервов не по специальности, а на неквалифицированных работах независимо от уровня их профессиональной подготовки. Заводская многотиражка Кировского завода в Ленинграде писала, что пришедшие на завод молодые токари могли месяцами числиться на работе, не выточив за это время ни одной детали. Иногда это происходило потому, что их станки простаивали в ремонте, но чаще всего руководители цехов просто игнорировали новеньких и не поручали им никакой работы. Как утверждалось в газете, некоторые из этих рабочих получали всего по 30 руб. в месяц⁵⁶. На шахтах Карагандинского угольного бассейна молодых шахтеров ставили на погрузочно-разгрузочные работы или заставляли чистить снег. Один молодой тоннельщик жаловался, что по нескольку дней ему и его товарищам приходилось сидеть всю смену без дела. «Мы тогда получали по 10 копеек в день, и нам не на что было поесть», — рассказывал он⁵⁷. Но, вероятно, острее всего эта проблема стояла в строительстве, где дефицит рабочей силы и нехватка стройматериалов заставляли руководителей постоянно перебрасывать людей с места на место в зависимости от приоритетности и укомплектованности работ. Здесь также нередко звучали жалобы, что молодых квалифицированных рабочих, обученных строительным специальностям, использовали в качестве простых землекопов. Но были и другие примеры, когда людей, обученных одной специальности, заставляли работать абсолютно по другой, например плотниками или каменщиками, чему их никогда не обучали. Так или иначе, от всего этого прежде всего страдал размер заработной платы⁵⁸. Даже в тех случаях, когда выпускников использовали по специальности, не было гарантии приличного заработка. В 1952 г., по сведениям ВЛКСМ, молодым рабочим, пришедшим на предприятия из учебных заведений трудовых резервов, часто выделяли старые, плохо работающие станки или некачественный режущий инструмент и они всегда оказывались последними в очереди на распределение производственных заданий. Нет ничего удивительного в том, что старшим, наиболее

⁵⁶ Кировец. 1947. 16 мая.

⁵⁷ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1070. Л. 18. На упомянутом машиностроительном заводе (ссылка 55) состоялся интересный спор между мастером цеха, упрекавшим молодых рабочих в низкой дисциплине, из-за чего те мало зарабатывали, и начальником отдела жилищно-коммунального хозяйства, утверждавшим, что многие из них были слишком голодны, чтобы ходить на работу (ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 714. Л. 6 об.).

⁵⁸ Труд. 1948. 16 июля; ЦГАИПД. Ф. 2600. Оп. 3. Д. 6. Л. 46–48.

опытным кадрам поручают самые выгодные работы, но это одновременно означает, что некоторая, пусть даже меньшая, часть молодых годами остается на самых низкооплачиваемых и не способствующих росту их квалификации местах⁵⁹.

Низкие заработки составляли только одну сторону неблагоприятного положения молодых рабочих. Другая сторона, возможно, более важная, определявшая их жизненную позицию и реакцию на внешние обстоятельства, — это условия жизни. А их можно было назвать не иначе как отвратительными. Причем плохо жило подавляющее большинство молодых рабочих независимо от размеров заработка. Почти все они ютились в общежитиях, не считая тех, кто продолжал обитать в землянках или жил в арендованных предприятиями комнатах в частных квартирах. В обоих случаях условия там были еще хуже, чем в общежитиях, хотя в это и трудно поверить.

Условия в молодежных общежитиях были практически такими же, как и в жилых помещениях повсюду в стране. Это подробно описано в главе 3, где рассматривается общая ситуация, а в начале идет речь о жилищных условиях учащихся системы трудовых резервов. Самая сложная ситуация была в городах, почти все здания которых, как в Минске, Ленинграде и Сталинграде, сильно пострадали в годы войны. В этом смысле можно считать типичным отчет ВЛКСМ об условиях жизни молодых рабочих Минского автомобильного завода в конце 1946 г. Некоторые из них продолжали жить в палатках или прямо в заводских цехах, поскольку не хватало мест даже в общежитиях. Последние были переполнены, в них не хватало мебели, а сами помещения оставались не подготовленными к зиме: внутренние рамы не остеклены, дверные проемы не утеплены, не хватало дров, да и сами печи во многих зданиях были неисправны. Постельное белье редко стиралось, ощущалась острая нехватка одежды и обуви. Более того, предприятия не обеспечивали своих работников медицинской помощью, и даже больные тифом, дизентерией и скарлатиной не получали никакого лечения⁶⁰. В общежитиях крупных ленинградских машиностроительных заводов не хватало электрических лампочек, отсутствовали сушилки для одежды, не было даже раковин и водопроводных кранов. Считалось вполне обычным делом, когда на все общежитие насчитывалась только одна раковина или кран. Многие здания не отапливались, а окна и двери в ожидании зимних холодов не утеплялись. Отсутствие часов и недостаток радиоточек при-

⁵⁹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 23, 59–60.

⁶⁰ Там же. Оп. 3. Д. 479. Л. 120–122.

водили к тому, что рабочие не всегда знали, когда им следует просыпаться по утрам, чтобы идти на работу⁶¹. Еще в конце 1949 г. на Сталинградском тракторном заводе в общежитиях рабочие жили по 10–20 человек в одной комнате, причем холостых и молодые семьи селили вместе. Жильцам негде было приготовить пищу и повесить одежду, спать приходилось на ветхих кроватях и матрасах. И за такие «привилегированные» условия люди платили по 38 руб. в месяц, что для многих составляло почти 10 % месячного заработка⁶². Почти все молодые рабочие не знали, куда себя деть в свободное время. Возможности для отдыха у них были минимальными, а в так называемых красных уголках, как правило, отсутствовали книги, газеты и музыкальные инструменты.

К 1949 г. положение стало выправляться. Но даже тогда ВЦСПС докладывал Берии, что 15 % молодых шахтеров продолжают жить в условиях, которые в докладе деликатно названы «неудовлетворительными»⁶³. В конце 1951 г. ряд авиационных и оборонных заводов в Куйбышеве и Куйбышевской области (интенсивно развивавшийся после войны регион, где шло масштабное промышленное строительство) селил выпускников учебных заведений трудовых резервов в общежитиях и бараках, столь же не пригодных для жилья, как и те, в которых обитали молодые шахтеры сразу после войны⁶⁴.

Мы не стремились коллекционировать все эти ужасающие истории и рассказали их с одной целью — показать, с какими гигантскими трудностями сталкивался режим в стремлении социализировать молодых рабочих. Наиболее ярким проявлением этих проблем можно считать высочайшую текучесть кадров, в том числе обусловленную бегством с предприятий, на которые молодежь направлялась по распределению. Наиболее отчетливо это было выражено в таких отраслях, как угольная промышленность, строительство и черная металлургия, особенно в 1946–1947 гг. В отличие от взрослых рабочих, текучка среди молодых кадров по мере роста заработной платы и улучшения жилищных условий сокращалась намного медленнее. Подробнее мы обсудим эту тему в главе 5, но здесь нужно отметить,

⁶¹ Электросила. 1946. 26 авг.; Кабельщик (завод «Севкабель»). 1946. 20 сент.; 1948. 14 февр.; Красный треугольник. 1946. 30 нояб.; 1947. 12 сент. и 3 окт.; 1948. 9 апр.; Кировец. 1947. 21 марта и 30 мая.

⁶² ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 272. Л. 108–109.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 53. Л. 161.

⁶⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 235.

что высокая текучесть среди молодых рабочих сохранялась даже в 1950–1951 гг., что сильно затрудняло предприятиям создание постоянного контингента квалифицированной рабочей силы.

Жизненная позиция и протестные настроения

До сих пор никто не занимался изучением жизненной позиции трудящихся в послевоенный период. Благодаря исследованиям Елены Зубковой и ряду архивных документов нам стало известно, что переживаемые в то время невзгоды вызывали острое и зачастую довольно агрессивное недовольство в рабочей среде. Но мы не имеем возможности точно оценить, насколько широко были распространены подобные настроения и можно ли считать их преобладающими. С полным основанием этот вывод можно отнести как к молодым рабочим, так и к советской молодежи в целом. Если мы желаем оценить, как именно они реагировали на описанные выше условия существования, то такой анализ может быть только косвенным, полученным посредством объединения фрагментарных сведений, относящихся к тому времени.

Высокий уровень текучести кадров среди молодых рабочих и частые побеги учащихся из учебных заведений системы трудовых резервов кое-что говорят об отчаянном положении, в котором пребывала эта категория населения. Имеются и другие подтверждения. В архивах описаны несколько примеров самоубийств, совершенных молодыми рабочими, среди которых по крайней мере некоторые напрямую связаны с крайней нищетой и отсутствием жилья⁶⁵. Безусловно, эти несколько примеров сложно рассматривать в качестве барометра

⁶⁵РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 596. Л. 17; Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 85–86; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1398. Л. 49; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 207. Л. 14. Один из наиболее трагических случаев произошел с молодой женщиной — работницей металлургического завода им. Андреева в г. Таганроге. У них с мужем был маленький ребенок, но из-за дефицита жилья им приходилось жить в разных общежитиях. Они многократно, но безуспешно умоляли заводское руководство выделить им какое-либо жилое помещение. Не имея возможности получить место в яслях, женщина пыталась приносить его с собой на работу, но ее не пропускала охрана. Поэтому она сначала передавала ребенка другим женщинам через забор, а затем проходила одна через проходную. Но однажды, перебираясь с одной кирпичной стены на другую, сорвалась и погибла. В этом же докладе сообщается о двух других инцидентах с молодыми рабочими, на этот раз с мужчинами, случившихся на том же заводе (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 905. Л. 159–160).

общих настроений среди молодых рабочих. С одной стороны, мы не знаем, насколько распространенным общественным феноменом являлись самоубийства. С другой стороны, нам не известны персональные истории самоубийц и мы не можем судить о том, сумели бы они сохранить жизнь, живя в менее тяжелой обстановке. Но не меньшей ошибкой было бы оставить эту проблему без внимания. На одном крупном московском машиностроительном заводе целая череда самоубийств и суицидальных попыток, произошедших в конце 1949 г., стала сигналом к серьезному проявлению недовольства среди молодых рабочих, причем прокуратура сочла их настолько тревожными, что потребовала немедленного увольнения директора этого предприятия⁶⁶.

Комсомол периодически поднимал вопрос о дисциплине среди учащихся общеобразовательных школ, учебных заведений трудовых резервов и молодых рабочих, причем некоторые из этих проблем были достаточно серьезными. Отчет о работе московских школ в 1949 г. отмечает случаи поножовщины между членами молодежных группировок и участие учащихся в уголовных преступлениях⁶⁷. В общежитиях Магнитогорского строительного треста происходили массовые драки. Были также случаи насильственных действий с их стороны в отношении комендантов общежитий⁶⁸. Но примеры недисциплинированности учащихся можно обнаружить в школах любой страны, в которой нищета носит значительные масштабы. Порой инциденты, выходявшие за рамки обычных школьных шалостей, отражали присущую молодым склонность бунтовать против любой власти⁶⁹. Следует

⁶⁶ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4772. Л. 264–265. Речь идет о московском инструментальном заводе «Фрезер». В октябре 1949 г. две женщины покончили с собой и еще одна совершила попытку самоубийства, выпив раствор азотнокислого калия. Все трое зарабатывали по 300–400 руб. в месяц, из которых после оплаты жилья, штрафов и подписки на государственные займы у них оставалось не более 100–200 руб. Расследуя эти случаи, Московская прокуратура установила, что 40 % четырехтысячного трудового коллектива завода составляли молодые рабочие, зарабатывавшие аналогичные суммы, которых не хватало на жизнь. Когда прокурорские работники посетили заводские общежития, их встретила толпа рабочих, накинувших с бранью на директора в их присутствии. Это убедило прокуратуру в том, что директор потерял авторитет и обязан уйти со своей должности.

⁶⁷ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1172. Л. 220–222.

⁶⁸ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 345.

⁶⁹См., напр., отчет о состоянии дисциплины среди школьников и воспитанников системы трудовых резервов Иркутской области за 1950 г. (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1398. Л. 5–10, 27–28).

также помнить, что смысл применявшегося комсомольскими активистами выражения «низкая дисциплина» был довольно расплывчатым. Это могло обозначать что угодно, например игру в карты или внебрачные половые связи, что говорило скорее о пуританском консерватизме сталинской системы, чем о поведении молодежи⁷⁰.

Порой реакция молодых рабочих на условия существования приобретала более организованные и целенаправленные формы. Например, в 1948 г. группа выпускников школы ФЗО, отправленных работать на стройку в Грузию, бастовала три дня в знак протеста против вызывающего поведения руководства после несчастного случая, в котором погибли два их товарища⁷¹. Иногда формы протеста имели более пассивный характер, например, заключались в прослушивании передач западных радиостанций в помещении общежитий⁷².

Возможно, наиболее наглядным свидетельством общей апатии молодых рабочих служат те трудности, которые испытывал комсомол на заводах и фабриках с приемом и удержанием новых членов, а также с привлечением молодежи к участию в общественных мероприятиях. Одним из признаков такой апатии можно считать большое число комсомольцев, уклонявшихся от уплаты членских взносов. Например, в Харькове в 1947 г. своевременно вносили деньги менее трети рабочих-комсомольцев. На Сталинградском тракторном заводе положение было немногим лучше: там вовремя платили членские взносы около 60 % молодых рабочих. На двух крупных машиностроительных предприятиях в Новосибирске («Сибсельмаш» и завод им. Чкалова) в 1952 г. число неплательщиков среди членов комсомола существенно превышало 50%⁷³. Как следует из некоторых отчетов, многие неплатившие были просто слишком бедны. Бывало, что человек давно покинул предприятие, но все еще числился в заводских списках членов комсомола. Однако в отношении подавляющего большинства нежелание платить комсомольские взносы означало проявление общей индифферентности и отсутствие интереса к официальной политике и институтам, посредством которых режим пытался «мобилизовать» молодежь.

Всякие сомнения на этот счет исчезают, если взглянуть на то, как происходил набор в комсомольскую организацию. На всех предприятиях тяжелой промышленности вплоть до 1949 г. (и даже позднее)

⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 313. Л. 113.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 305. Л. 44.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 175.

⁷³ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 509. Л. 81; Оп. 2. Д. 272. Л. 97–98; Д. 313. Л. 115–116.

ВЛКСМ испытывал серьезные трудности с привлечением новых и удержанием уже принятых членов. При обсуждении этого феномена мы должны четко понимать его отличие от такого явления, как послевоенное сокращение приема в партию, которое было частью политики руководства. Кризис с пополнением рядов комсомола не был запланированным и являлся нежелательным, поскольку подрывал один из институтов, посредством которых режим надеялся восстановить доверие к себе со стороны молодежи и преодолеть ее отчуждение, обусловленное крайне тяжелым материальным положением. Рассмотрим теперь некоторые подтверждения всему сказанному выше.

В Куйбышевской области рабочая прослойка среди членов комсомола сократилась с 32 % в январе 1947 г. до 27 % двумя годами позже. В течение всего 1948 г. от 40 до 50 % заводских комсомольских организаций не сумели принять в свои ряды ни одного нового члена. Хотя остальным это и удавалось, но при этом у них из рядов комсомола выбыло больше молодых людей, чем принималось. Аналогичная картина наблюдалась в Омске, где всего за один год членство в комсомоле среди рабочих сократилось с 44 до 39 %. Здесь численность многих организаций также уменьшилась. Несколько иная картина складывалась в Ленинграде, где доля заводских комсомольских организаций росла, но основная часть прироста поддерживалась за счет небольшого количества цехов и отделов, в то время как в большинстве подразделений цифры почти не менялись. Официальные лица были откровенны, объясняя причины подобного изменения отношения к комсомолу. По их утверждениям, молодые работники просто не видели в ВЛКСМ реального защитника своих интересов. Еще более драматическая ситуация с приемом сложилась в городе металлургов Нижнем Тагиле, где из 10 тыс. молодых рабочих в течение первых десяти месяцев 1949 г. в комсомол вступили всего-навсего 240 человек⁷⁴.

Наиболее четкие документальные подтверждения данной тенденции имеются по г. Свердловску и Свердловской области. В 1949 г. в ней насчитывалось 47 тыс. рабочих машиностроительных предприятий комсомольского возраста, но из них удалось принять в ряды

⁷⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 267. Л. 95–96, 99–101, 116, 148. Похожая ситуация сложилась на Сталинградском тракторном заводе. В течение всего 1949 г. там было принято в комсомол в общей сложности 276 человек. От 80 до 90 % цеховых организаций не имели прироста численности, а примерно четверть из них не сумела принять в свои ряды ни единого человека (Там же. Д. 272. Л. 112).

комсомола всего 552 человека. Угольные предприятия области с января по июнь того же года продемонстрировали чистый прирост комсомольских организаций на 92 человек. На заводе «Уралмаш» с января 1948 по ноябрь 1949 г. членство в комсомоле упало на треть⁷⁵. Цифры по области в целом были еще более удручающими. Общее число членов комсомольских организаций в промышленности, сельском хозяйстве и во всех образовательных учреждениях сократилось с 18 602 человек в начале 1945 г. до 8405 человек в конце 1947 г. Затем, к концу 1948 г. оно выросло до 15 630 человек, перед тем как снова резко сократиться до 9400 в ноябре 1949 г. Доля рабочих среди членов комсомола изменялась примерно таким же образом. В начале 1945 г. они составляли 42 % членов комсомола, затем их количество стало неуклонно снижаться, достигнув точки в 15,6 % в конце 1947 г. К ноябрю 1949 г. доля рабочих-комсомольцев снова поднялась до уровня 24,5 %. Однако этот рост частично нивелировался сокращением членства в ВЛКСМ учащихся системы трудовых резервов. По иронии судьбы число комсомольцев среди последних достигло своего пика в 23,5 % во второй половине 1947 г., когда членство среди промышленных рабочих было на самом низком уровне, но к ноябрю 1949 г. охват учащихся упал до мизерных 11,1 %⁷⁶.

Переломным в судьбе комсомола стал 1949 г. За последующие годы мы располагаем подробными сведениями только по машиностроительным отраслям промышленности, где число членов организации выросло с 423 тыс. человек в 1949 г. до почти 600 тыс. в 1951 г. Существует несколько возможных причин этого феномена. Постепенное повышение уровня жизни могло ослабить открытую или скрытую враждебность молодежи к коммунистической партии. Примерно половина прироста членов комсомола пришлась на три машиностроительные отрасли — оборонную, авиа- и судостроительную, и вполне вероятно, что рабочие этих отраслей испытывали усиленное давление, подталкивающее их вступать в комсомол, особенно учитывая обострение международной обстановки. Вместе с тем рост членства в ВЛКСМ, пусть и умеренный, наблюдался во всех машиностроительных отраслях, и поэтому наши предыдущие рассуждения, даже если верны, объясняют феномен лишь частично.

⁷⁵Там же. Д. 267. Л. 66–68; Д. 272. Л. 46–47. На уральском вагоностроительном заводе («Уралвагонзавод») картина была аналогичной. С 1 января 1947 г. по ноябрь 1949 г. число членов комсомола сократилось с 3701 до 2780 чел. (Там же. Л. 45).

⁷⁶ЦХМДО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 272. Л. 66.

Но был еще один фактор, который с наименьшей вероятностью мог повлиять на рост членства в комсомоле: повышение эффективности комсомольского пропагандистского аппарата и политического просвещения. Напротив, это направление деятельности комсомола являлось невероятно слабым, составляя серьезную политическую проблему для режима.

Политическое просвещение следует рассматривать как нечто большее, нежели формальные усилия агитаторов и активистов по разъяснению рабочим официальной идеологии. На мировоззрение молодых рабочих особенно сильно влияло то, как они проводят свое свободное время. Именно здесь наблюдалось наиболее сильное противоречие между целями режима и реальной жизнью. Эти цели, безусловно, заключались в монополизации досуга молодежи и культурных мероприятий путем создания соответствующих условий. Предполагалось, что «красные уголки» в общежитиях должны хорошо обеспечиваться книгами и газетами, в комнатах отдыха должны находиться настольные игры и музыкальные инструменты. Карточные же игры категорически запрещались и рассматривались как признак ослабления дисциплины. Профсоюзные и комсомольские организации на предприятиях обязаны были организовывать кружки художественной самодеятельности (музыкальные, драматические, литературные), занятия физкультурой и спортом. Все общественные организации призывали проводить регулярные показы художественных фильмов, лекции и семинары по политическим проблемам и текущим событиям.

Реальные возможности для осуществления всей этой деятельности были невелики, особенно в условиях послевоенной экономики. Уже отмечалось, насколько сильно молодые рабочие изнывали от скуки в своих общежитиях. Но и за их пределами у них было мало развлечений. Например, в сельской местности наблюдались большие сложности с показом кинофильмов. Крупная фаянсовая фабрика в Житомирской области на Украине располагалась в селе, где в 1950 г. все еще не было электричества. Поэтому киносеансы, проводившиеся раз в неделю, полностью зависели от того, сумеет ли фабрика снабдить клуб электроэнергией от собственных источников — старого танкового дизеля и списанного паровоза⁷⁷. На нефтепромыслах Татарии и Башкирии имелись постоянные проблемы с добыванием качественных кинолент и запасных частей к кинопроекторам: ленты постоянно рвались, а проекторы ломались, превращая киносеанс в мучение. Среди местных жителей даже ходила поговорка: «Хочешь помучать-

⁷⁷Из беседы с М. З. (бывшим мастером этой фабрики), состоявшейся в 1997 г.

ся — иди в кино»⁷⁸. Но возникавшие проблемы были обусловлены не только труднодоступностью удаленных районов. Денежная реформа, проведенная в декабре 1947 г. и закончившаяся отменой карточек и установлением государственных цен на уровне коммерческих, имела неожиданные последствия в виде отлучения трудящихся от просмотра кинофильмов и других развлекательных мероприятий. Профсоюз рабочих черной металлургии сообщал, что посещаемость киносеансов и танцевальных вечеров в клубах резко упала, поскольку новая стоимость билетов была слишком высока. В то же время прежние цены, установленные в годы войны, для многих клубов оказались чересчур низкими, чтобы поддерживать их на плаву⁷⁹. Кроме того, здания учреждений культуры всегда оказывались последними в очереди в ходе восстановления или расширения предприятий. Например, в Кировском районе Ленинграда, где располагались Кировский завод и еще несколько крупных предприятий, даже в середине 1950 г. половина клубов оставались закрытыми на ремонт. Практически единственным культурным мероприятием были танцы. Причем, учитывая развернувшуюся в стране кампанию по борьбе с западным влиянием и космополитизмом, в значительной степени носившую антисемитский характер, танцы проводились под неусыпным милицейским надзором. В деле организации досуга молодежи было немало того, что не столь явно бросалось в глаза, ибо суть заключалась не столько в недостатке средств и возможностей, сколько в том, что даже там, где культурные мероприятия все-таки проводились, роль комсомола в их организации и контроле содержания оставалась ограниченной. Молодежь была предоставлена самой себе. Невзирая на поступающие сообщения о драках, пьянстве и других примерах антиобщественного поведения, неизбежных спутниках любых крупных скоплений молодежи, власти явно не верили (или боялись признать), что молодые люди таким образом старались заполнить дефицит культурных мероприятий, проводимых официальными организациями⁸⁰.

⁷⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 36–38. Это сообщение относится к 1946 г., первому послевоенному. Аналогичные примеры в Азербайджане наблюдались даже в 1950 г. (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 451–452).

⁷⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 596. Л. 57, 59.

⁸⁰ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 456–458, 460, 463–464. Кировский завод сам по себе представлял исключение, обладая разветвленной системой клубов и организации досуга, но даже здесь комсомольскую организацию обвиняли в том, что она не осуществляла должного надзора за проводимыми мероприятиями и не выделяла людей для их проведения. К претензиям в отношении пьянства также нельзя было относиться легкомысленно. Драки на танце-

Но самые серьезные недостатки наблюдались в деле политического просвещения. Власти испытывали почти параноидальный страх перед тем, что они называли «враждебным влиянием на молодежь». Немалые опасения у них вызывало также то обстоятельство, что руководители угольных шахт истроек позволяли молодым рабочим работать вместе, а порой даже под непосредственным руководством немецких военнопленных и заключенных⁸¹. Не меньшее беспокойство вызывал тот факт, что в системе трудовых резервов работало немало преподавателей с сомнительным с политической точки зрения прошлым, например из числа спецпереселенцев (то есть ссыльных) и репатриантов, в свое время угнанных на работы в Германию⁸². Но главную озабоченность вызывала неспособность заводских комсомольских и партийных организаций должным образом проводить разъяснительную работу среди молодежи. Объяснялось это тем, что сами пропагандисты не обладали достаточными знаниями о линии партии, которую они были обязаны внедрять в сознание рабочих.

Естественно, проблема касалась не только молодых рабочих. Политические занятия редко проводились даже на крупных предприятиях. Комсомольскую организацию Сталинградского тракторного завода, насчитывавшую 8300 членов, упрекали в том, что она мало занимается их политическим просвещением. Дело ограничивалось созданием кружков политпросвещения, но их мало посещали, а политические агитаторы крайне редко навевались в рабочие общестия⁸³. В докладе о состоянии политической работы в Ленинграде, направленном Сулову, отмечалось: «Значительная часть рабочих и служащих промышленных предприятий остаются практически не охваченными политическим влиянием и очень слабо информирована о текущих событиях. Особенно плохо обстоят дела с политическим просвещением женщин и молодежи»⁸⁴.

вальных вечерах и вечерних киносеансах, организуемых для молодых железнодорожных рабочих, становились серьезной проблемой, хотя в 1950-х гг. комсомольские лидеры сваливали ответственность на руководителей клубов (которых они также обвиняли в завышении числа участников драк) и на профсоюзы, не сумевшие должным образом наладить политическое просвещение молодежи, чтобы пресечь неподобающее поведение (Л. 193–198).

⁸¹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 509. Л. 97, 110; Оп. 4. Д. 961. Л. 43.

⁸² Там же. Д. 1100. Л. 89.

⁸³ Там же. Оп. 2. Д. 272. Л. 103, 106, 109.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 159–160. К этому докладу следует относиться с известной осторожностью, поскольку он был составлен в 1949 г.,

Но только малой эффективностью политзанятий проблема не исчерпывалась. Партийные функционеры были вполне искренними, когда предупреждали о нецелесообразности привлечения ИТР к проведению таких лекций в Магнитогорске. Они утверждали, что «...их агитация была малодейственной, поскольку они зарабатывали в несколько раз больше рабочих»⁸⁵. Комсомольские организации Татарии, Башкирии и Азербайджана столкнулись с другой проблемой. Они проводили всю политическую работу на русском языке, которым владели не все рабочие в этих регионах⁸⁶. Собрания не выходили за рамки обсуждений решений вышестоящих органов, к участию в них привлекалось мало не членов ВЛКСМ⁸⁷. Такие же собрания в Куйбышевской области ограничивались выступлениями цехового начальства с докладами о производственных достижениях⁸⁸.

Но главным тем не менее оставался тот факт, что сами «просветители» являлись малообразованными людьми. Это особенно было справедливо в отношении учебных заведений системы трудовых резервов, директора и преподаватели которых редко обладали какой-либо педагогической подготовкой, очень часто не имели даже законченного среднего образования и практически не обладали никакими политическими знаниями. Учащиеся одной из школ ФЗО в Ворошиловоградской области не могли различить на портретах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Ученики другой школы ФЗО были не в состоянии найти СССР на географической карте. В Кизельском угольном бассейне (Молотовская область) учащиеся никогда не слышали о плане Маршалла и ничего не знали о роли Сталина (на самом деле вымышленной) в свержении царизма в феврале 1917 г.⁸⁹ Учи-

во времена чисток Ленинградской партийной организации, но содержащаяся в нем характеристика политической работы на местных предприятиях вполне согласуется как с более ранними, так и с более поздними оценками состояния дел в других регионах. См., напр., аналогичные доклады об отсутствии должного политпросвещения на предприятиях Куйбышевской области (Там же. Л. 180), в черной металлургии (Там же. Оп. 125. Д. 596. Л. 58), в угольной промышленности (Там же. Оп. 131. Д. 53. Л. 162) и в Харькове (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 509. Л. 80).

⁸⁵РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 496. Л. 58.

⁸⁶Там же. Д. 421. Л. 35; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 443.

⁸⁷Там же. Л. 442.

⁸⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 180.

⁸⁹ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 67–70, 86–87.

тывая, что внедрение в умы подобных глупостей считалось важной составляющей поддержания культа личности Сталина, неумение заниматься этим могло иметь серьезные последствия для легитимации режима⁹⁰. Безусловно, пробелы в политическом образовании происходили не только по вине людей, проводивших занятия. Например, одного лектора в Иркутском конструкторском бюро подвергли жестокой критике за «...грубейшую политическую ошибку, заключающуюся в повторении гнусных измышлений американской прессы о том, что Советский Союз взорвал атомную бомбу»⁹¹.

Недостатки в политическом образовании становились все более трудно исправимыми в связи с тем, что сами члены ВЛКСМ не уделяли ему должного внимания. ЦК Комсомола в 1948 г. с прискорбием отмечал, что «...значительная часть членов комсомола не вовлечены в политическую учебу. Многие комсомольцы многократно записываются в кружки, а потом покидают их, не закончив курса обучения»⁹². Меньшая, но значительная по численности часть комсомольцев, работавших в промышленности, не только не посещала кружки политического образования, но просто игнорировала это движение. Как писала многотиражка завода автотракторного агрегатного завода в Куйбышеве, многие ведущие комсомольские активисты были «политически безграмотными»⁹³.

Маргинальная молодежь

Одним из неизбежных последствий тяжелейших потрясений, которым периодически подвергалось российское общество в эпоху позднего самодержавия и в советский период (Первая мировая и Гражданская войны, коллективизация, террор 1936–1938 гг., Вторая

⁹⁰Перечень официально утвержденных тем политического образования для работников Сталинградского тракторного завода помогает понять, почему комсомольским активистам было так сложно убедить молодых рабочих посещать политзанятия. Этот перечень включал следующие темы: жизнь и деятельность Ленина и Сталина; устав и программа ВЛКСМ; советский патриотизм; коммунистическое отношение к труду и моральный облик молодого советского человека (ЦХДМО. Ф. 17. Оп. 2. Д. 272. Л. 106).

⁹¹ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1398. Л. 48.

⁹²Там же. Оп. 2. Д. 263. Л. 108.

⁹³Сталинец (Куйбышев). 1951. 29 марта. См. также отчеты о состоянии политпросвещения в Карагандинском угольном бассейне (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1070. Л. 19–20) и на машиностроительных заводах Новосибирска (Там же. Оп. 2. Д. 313. Л. 110–111).

мировая война), явилось огромное количество детей, оставшихся без попечения родителей. Сироты, беспризорники и безнадзорные образовали целую армию, численность которой намного превосходила возможности государства заботиться о них и контролировать их поведение. Границы между перечисленными выше категориями брошенных детей были достаточно зыбкими. Например, сирот и оставшихся без присмотра детей, родители которых были сосланы или расстреляны во время коллективизации, могли взять на воспитание родственники или друзья. По возможности государство старалось устроить таких детей в детские дома или отдать на воспитание приемным родителям. Но все равно оставалось множество тех, у кого не было родителей, кого родители бросили или не могли содержать. Многие из них скитались по стране, перебираясь из одного города в другой и бродяжничая по железным дорогам. Они добывали себе пропитание мелким воровством или попрошайничеством, причем порой занимались этим по наущению собственных родителей. Согласно утверждению Венди Голдман, по мере того как индустриализация и коллективизация умножали ряды беспризорников, сталинское государство все чаще прибегало к жестким авторитарным методам решения проблемы. Детей собирали в так называемые спецприемники, назначение которых заключалось в отправке набранного контингента в детские дома, трудовые колонии или в исправительные учебные заведения. Поскольку вместимость этих учреждений явно не соответствовала числу беспризорников, временные центры сбора становились для многих из них местом более или менее длительного заключения. В 1935 г. правительство, чтобы справиться с беспризорностью и детской преступностью, понизило возраст, начиная с которого дети могли подвергаться уголовному преследованию на общих основаниях с взрослыми, до 12 лет. Теперь достигших этого возраста можно было направлять в Гулаг⁹⁴. К 1949 г. молодые люди младше 18 лет составляли 1,2 % от общей численности населения лагерей⁹⁵.

Война, безусловно, значительно увеличила число сирот, беспризорников и безнадзорных детей и подростков. В 1943 г. государство организовало для них специальные трудовые колонии, куда попадали также дети, чьи родители отбывали заключение за мелкие уголовные преступления. Эта система сохранилась и после окончания

⁹⁴ Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, 1993. P. 304–327.

⁹⁵ Bacon E. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives*. Basingstoke, 1994. P. 151.

войны. Вместе с тем ряды беспризорников пополнились в это время в связи с голодом, породившим новое поколение сирот. Кроме того, некоторые приемные или даже родные родители обращались к властям с просьбой освободить их от обязанностей по воспитанию детей, поскольку были не в состоянии их содержать⁹⁶. Еще больше детей и подростков сбегало из дома в поисках пропитания.

Тех, кто не подходил по возрасту для обучения в профессионально-технических училищах или для работы на предприятиях, отправляли в детские дома. В отличие от спецприемников и трудовых колоний, которыми управляло МВД, эти организации находились в ведении Министерства просвещения СССР. Условия содержания там были далеко не лучшими, а в некоторых случаях просто катастрофическими. Однако не все воспитанники детских домов сохранили о них плохие воспоминания, и причины вполне понятны. Так или иначе, но детские дома спасали их от голода и улицы, обеспечивая по крайней мере крышу над головой и одежду. Вполне вероятно, что их персонал в большинстве составляли добросовестные люди, старавшиеся защитить воспитанников при тех крайне ограниченных ресурсах, которые им выделялись. Детские дома, особенно в первые годы восстановительного периода, были невероятно перенаселены и помещались в зданиях, малопригодных для проживания⁹⁷. Голод нанес непоправимый ущерб здоровью воспитанников и стал причиной повышенной смертности, поскольку так же, как и в случае с общежитиями для молодых рабочих и учащихся системы трудовых резервов, усугублялся антисанитарией и плохим оснащением. После урезания правительством в сентябре 1946 г. норм отпуска продуктов по карточкам воспитанники детских домов были вынуждены разделить бремя невзгод со всем остальным населением. Детские учреждения,

⁹⁶ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 81–82.

⁹⁷ В архивах имеется по крайней мере три подробных отчета о состоянии детских домов в 1946–1948 гг. В начале 1947 г. Жданов инициировал обсуждение этого вопроса, в ходе которого были заслушаны подробные отчеты о проверке детских домов в шести областях (Сталинградской, Смоленской, Курской, Калининской, Днепропетровской и Калужской) и в двух автономных республиках (Башкирии и Чувашии). Эти отчеты см. в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 559. В 1948 г. ВЦСПС провел конференцию работников дошкольных учреждений и детских домов. Материалы этой конференции см. в: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 848. Также в 1948 г. Министерство государственного контроля выпустило потрясающий воображение отчет о состоянии детских домов. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 709. Л. 70–96.

расположенные в сельских районах, сообщали, что по две-три недели не получали положенного хлеба, а в самых крайних случаях были вынуждены отправлять своих воспитанников попрошайничать⁹⁸. Сотрудники детских домов Саратовской области, расположенных не только в сельской местности, но и в городах, напрямую связывали ухудшение состояния здоровья воспитанников с недостаточным питанием⁹⁹. Болезни свирепствовали практически повсеместно, причем чаще всего наблюдались такие заболевания, как туберкулез, трахома, тиф и тифозная лихорадка, грибковые инфекции, малярия и даже сифилис. Некоторые детские дома, расположенные не в голодающих регионах, также сообщали о большом числе детей, умерших от недоедания и вызванной им алиментной дистрофии. Дома ребенка в Эстонии потеряли в течение 1947 г. треть содержавшихся в них младенцев¹⁰⁰. Глава профсоюза работников детских учреждений усматривала четко выраженную связь между трудностями, испытываемыми детскими домами, и новыми приоритетами в экономической политике: «Исполкомы местных советов почувствовали, что они обязаны сосредоточиться на закупках и поставках зерна и других экономических задачах, ослабив внимание к проверкам содержания детей в детских домах». В подтверждение своих слов она приводит пример из Рязанской области, где во время войны председатели райисполкомов закон обязывал посещать детские дома не реже одного раза в месяц. Теперь же они могли годами не наведываться в них и не имели представления о том, что там происходит¹⁰¹.

В самих детских учреждениях ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров, а местные власти были вынуждены увольнять директоров, воспитателей и медицинский персонал, по уровню квалификации не пригодный для этой работы. Последствия такого состояния дел с кадрами не поддаются измерению. Одной из причин высокого уровня заболеваемости и смертности в детских домах были хищения продуктов, совершаемые самими директорами¹⁰². Другая состояла в небрежности или некомпетентности медицинского персонала. Детские дома в сельской местности месяцами не посещались врачами¹⁰³. Порой директора детских домов нанимали в качестве

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 559. Л. 125.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 848. Л. 92.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 709. Л. 88–89, 92–96.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 848. Л. 9, 11.

¹⁰² Там же. Л. 139; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 559. Л. 125.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 559. Л. 124–125.

врачей или медсестер своих друзей и знакомых, которые исправно получали заработную плату, но ничего не делали. Подобный набор по знакомству зачастую становился причиной физического насилия или домогательств сексуального характера по отношению к воспитанникам, сообщения о которых нередко присутствуют в отчетах¹⁰⁴.

Проблемы, с которыми сталкивались воспитанники детских домов, по многим причинам имеют косвенное отношение к тематике настоящей главы, а во многих случаях заслуживают специального исследования. Но в рассматриваемом контексте наиболее важным является то, что детские дома со временем стали главными поставщиками контингента для системы трудовых резервов. Поначалу их роль в этом была невелика. В течение 1946–1947 гг. из детских домов в учебные заведения этой системы пришло менее 26 тыс. учащихся, в то время как за эти же годы сами детские дома приняли почти 2 млн детей. Примерно 90 % из них поступили в двухгодичные ремесленные училища, готовившие квалифицированных рабочих¹⁰⁵. Промышленным министерствам также было предложено поучаствовать в трудоустройстве воспитанников детских домов через выделение для них квот по приему на работу, а также в содержании самих детских домов. Министерства, правда, очень неохотно выполняли задания Совета Министров СССР по выделению квот. В 1947 г. они предложили работу всего 11 500 несовершеннолетним при заданном объеме в 17 тыс. человек и организовали детские дома еще для 6900 человек. Кроме того, в 1947 г. Министерству трудовых резервов было поручено создать сеть из 100 специальных ремесленных и сельскохозяйственных училищ, рассчитанных на детей-сирот. Эти училища были обязаны принять 31 тыс. учащихся, но к середине 1948 г. не выполнили даже третьей части установленного задания¹⁰⁶. В 1949 г. ситуация стала заметно меняться. По мере того как дети, осиротевшие во время

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 848. Л. 36–37, 97–103. При выявлении подобных преступлений виновники сурово карались. Один директор получил 25 лет лагерей за изнасилование девочки-воспитанницы, хотя в этом случае жертве пришлось потратить немало времени, чтобы найти, кому пожаловаться из-за круговой поруки среди персонала детского дома, покрывавшего своего начальника (Там же. Л. 36–37). Большинство же случаев физического насилия оставались безнаказанными, поскольку виновные обычно успевали сбежать до того, как против них пытались предпринять какие-либо действия.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 3 и Д. 420. Л. 6, 14.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 709. Л. 71, 81.

войны, подрастали, они начали пополнять учебные заведения системы трудовых резервов, в подавляющем большинстве — ремесленные училища. В 1950, 1951 и 1952 гг. они составили соответственно 23, 30 и 25 % набора в обычные и железнодорожные ремесленные училища и в спецучилища, созданные в 1947 г.¹⁰⁷ Из приведенных данных следует, что воспитанники детских домов пользовались преимущественным правом поступления в ремесленные училища, готовившие более квалифицированные и, соответственно, лучше оплачиваемые кадры, где жилищные условия были значительно лучше, чем в школах ФЗО. Вероятно, это было справедливо, поскольку дети, жестоко травмированные войной и тяжелыми послевоенными условиями, заслуживали особого отношения.

Может показаться сильным преувеличением утверждение, что воспитанники детских домов находились в привилегированном положении, но это представляется справедливым, если учесть, в каких условиях жили дети в маргинальных слоях общества. Ответственность за беспризорников и безнадзорных детей, которых для краткости объединим в группу «брошенные дети», была возложена на МВД, в первую очередь на местную милицию. Милиционеры вместе с партийными и комсомольскими активистами и школьными учителями отлавливали детей и подростков, болтавшихся по улицам и железнодорожным станциям. Во многих городах был установлен комендантский час для детей, и всякий ребенок, оказавшийся на улице позже, как правило, задерживался милицией. Первым пунктом назначения для задержанных становились детские комнаты при местных отделениях милиции. Если ребенок жил с родителями или опекунами, то последних извещали, что они обязаны забрать его из отделения. Одновременно их предупреждали, что при повторном задержании они будут оштрафованы. И штрафы были немаленькими. Например, в докладе из Латвии утверждалось, что размер штрафа составлял от 45 до 50 руб. Теоретически милиция должна была учитывать материальное положение родителей, но в упомянутом отчете приводится

¹⁰⁷ В абсолютных цифрах картина выглядела следующим образом: в 1950 г. в систему трудовых резервов из детских домов пришло 36 828 учащихся, из которых 33 779 поступили в РУ; в 1951 — 45 993 (42 619 — в РУ); в 1952 г. — 44 602 (36 693 — в РУ). См.: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 423. Л. 3, 47; Д. 424. Л. 2, 4; Д. 425. Л. 8. Поскольку в январе 1950 г. в детских домах по всему СССР находилась 671 тыс. воспитанников, в этот год в РУ было принято всего 5 % от их общей численности (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 285. Л. 215).

пример, когда мать-одиночка, зарабатывавшая всего 250 руб. в месяц, была оштрафована на 100 руб.¹⁰⁸

Совсем другая судьба ожидала задержанных детей из других регионов, бездомных или тех, чьих опекунов не удалось разыскать. Их направляли в приемники-распределители, где, по замыслу властей, они должны были пребывать относительно короткое время, пока им не подыщут постоянное место жительства. Имелись в виду детские дома, учебные заведения системы трудовых резервов, предприятия. Сюда же включался один из двух видов заключения — детская учебно-трудовая колония для детей, не замешанных в преступлениях или совершивших незначительные правонарушения, или детская исправительно-трудовая колония для малолетних преступников.

Число брошенных детей достигало поистине огромных размеров. Между серединой 1943 г. и ноябрем 1947 г. через систему прошло, по самым приблизительным оценкам, 1 380 000 детей, из которых 394 тыс. были возвращены родителям, 506 тыс. отправлены в детские дома, 241 тыс. устроена на работу в промышленности и сельском хозяйстве, 153 тыс. направлены на обучение в систему трудовых резервов, 86,5 тыс. заключены в трудовые или исправительные колонии. По меньшей мере 1 млн из этих детей были круглыми сиротами¹⁰⁹. Точность приведенных данных, источником которых является МВД, вызывает сомнения, поскольку многих детей, сбегавших из перечисленных выше учреждений, ловили по несколько раз, и каждый раз местная милиция учитывала их как вновь подобранных. Утверждение о направлении в систему трудовых резервов 153 тыс. детей старше 11–12 лет, то есть в среднем примерно по 40 тыс. в год, также может немало рассказать о реальных методах работы милиции, отличавшихся от установленных законом. Как указано выше, Министерство трудовых резервов в собственной отчетности утверждало, что в течение 1947 г. в его учебные заведения из приемников-распределителей поступило всего 7880 детей¹¹⁰. Размеры расхождений впечатляющие. Одним из возможных объяснений этого явления может быть стремление МВД преувеличивать собственную эффективность, но более логичным представляется предположение о том, что отделения милиции в обход установленного порядка направляли задержанных

¹⁰⁸ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4787. Л. 49–54.

¹⁰⁹ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 68–75; Д. 171. Л. 228–230. До 31 декабря 1946 г. через систему прошел почти миллион детей, из которых 471 тыс. составляли сироты. В отчете за 1947 г. число сирот не указано.

¹¹⁰ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 3.

подростков напрямую в школы ФЗО, не передавая их в приемники-распределители. Если это правда, то подобные методы не просто упрощали и ускоряли работу милиции, но позволяли ей хватать также подростков, имевших законное основание находиться на улице, причем даже тех, кто направлялся на работу. В Минске подобные злоупотребления приняты столь массовый характер, что в конце 1948 г. городская прокуратура была вынуждена вмешаться и наложить временный запрет на милицейские облавы на подростков¹¹¹.

Несомненно, что милиция в данном случае действовала подобно тому, как действует полиция во всем мире, — произвольно, непродуманно, полагаясь на грубую силу, стремясь максимально упростить себе жизнь и игнорируя здравый смысл. Милицейская система была перегружена. Детские комнаты милиции и приемники-распределители в крупных городах не справлялись с наплывом беспризорников из близлежащих и отдаленных регионов. Поэтому в отношении многих задержанных милиция предпочитала обходить установленный порядок и избавляться от оформления массы бумаг, просто беря с них подписку с обязательством убраться из города в течение суток. В спешке хватали всех подряд, не различая правых и виноватых, обрушиваясь в том числе на подростков, имевших законные основания находиться там, где их задержали. Прокуратура была глубоко возмущена подобными нарушениями, правда не столько самими фактами, сколько тем, что милиция, отпуская задержанных, поощряла их, как выразился заместитель генерального прокурора СССР, к «беспризорному образу жизни»¹¹².

Отправка в учебные заведения системы трудовых резервов тех подростков, которым не удалось проскользнуть через милицейские сети и пришлось отправиться в учебно-трудовые колонии, оказалось более сложной задачей, чем это представлялось властям. Особенно сложно было найти места для тех, кому уже исполнилось 14 лет. По возрасту они уже не подходили для детских домов, но были слишком юны для школ ФЗО. Уровень образования большинства из них был недостаточен для поступления в ремесленные училища, поэтому последние отказывались их принимать¹¹³. По данным из Челябинска, городские школы ФЗО также не слишком жаждали видеть у себя таких подростков. Из 867 беспризорников, прошедших через городской

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4787. Л. 118–119.

¹¹² Там же. Д. 598. Л. 122. Я благодарен Питеру Соломону за то, что он предоставил мне этот документ.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 559. Л. 26.

приемник-распределитель с января по середину мая 1948 г., милиции не удалось пристроить в школы ФЗО ни одного человека, и это в регионе, где система трудовых резервов страдала от чрезвычайно высокой текучки и постоянно нуждалась в новых учащихся¹¹⁴. Следует отметить, что правительство само воздвигло препятствие для трудоустройства беспризорников и юных правонарушителей, издав распоряжение, согласно которому ни один воспитанник детского дома или приемника-распределителя не мог быть направлен на работу, не пройдя предварительного обучения в школе системы трудовых резервов или в одном из специально предназначенных для таких детей ремесленном (сельскохозяйственном) училище¹¹⁵.

В МВД не уставали повторять, что условия содержания детей в подведомственных им колониях хорошие, а экономика самих колоний процветает. В отчете МВД за 1947 г. сообщалось, что в 58 учебно-трудовых колониях содержалось 20 800 подростков, а в 76 исправительно-трудовых колониях — 45 300 подростков, осужденных народными судами за различные правонарушения. Как утверждалось в этом отчете, заключенных (а именно таковыми они и являлись) в колониях приучают к труду, и в них имеются хорошо оснащенные цеха, позволяющие подросткам выполнять специально скорректированные производственные планы и выпускать продукцию, полезную для народного хозяйства. Это были простые в изготовлении изделия: веялки для зерна, насосы, слесарный инструмент, мебель и обувь¹¹⁶. Но все эти утверждения не соответствуют действительности. Серия проверок, организованных ЦК партии и Генеральной прокуратурой, подвергла жесткой критике условия содержания детей в колониях. В докладе, подготовленном в 1946 г. по поручению Жданова, утверждалось, что цеха, где воспитанники якобы проходили производственное обучение, были плохо оснащены, а обучение оказалось настолько бесполезным, что считанные единицы могли найти себе работу после освобождения. В результате подростки с уголовным прошлым вскоре вновь возвращались в преступную среду. Условия жизни в колониях были ужасающими, а режим содержания провоцировал многочисленные побеги и способствовал развитию в подростковой среде заметных антисоветских настроений. Заключенные одного учебно-трудового

¹¹⁴ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4156. Л. 28. Милиция также обнаружила, что этих подростков очень сложно устроить на предприятия, сумев направить туда на работу всего три четверти из них.

¹¹⁵Там же. Оп. 28. Д. 598. Л. 66; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 709. Л. 81.

¹¹⁶ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 229–230.

учреждения в Чкаловской области, говорится в докладе, утверждали, что немецкие военнопленные, прикрепленные к колонии, обращались с ними лучше, чем большевики¹¹⁷. В отчете о прокурорской проверке, проведенной в 1948 г., разъясняется, что, по мнению МВД, считалось «хорошими условиями содержания», на примере колонии для девочек в Ленинградской области. Подчеркнув, что воспитанницы имели возможность мыться раз в десять дней, прокуроры с сожалением отмечают нехватку обуви, вследствие чего у многих девочек ноги сбиты в кровь, потому что они вынуждены ходить босиком. Медицинское и стоматологическое обслуживание находится на низком уровне, в колонии только делают вид, что воспитанницы проходят профессиональное обучение. На самом деле лишь некоторые занимаются кройкой и шитьем, а остальные выполняют рутинные хозяйственные обязанности. Четыре девочки пытались покончить с собой, состоялись две организованные демонстрации протеста, в ходе которых воспитанницы отказывались принимать пищу¹¹⁸.

Если в таком состоянии находилась одна из лучших учебно-трудовых колоний, то не удивительно, что условия содержания в остальных подобных учреждениях были просто варварскими. Колонии держались на принципах организованной жестокости. Персонал постоянно унижал и избивал заключенных, которых здесь издевательски именовали «воспитанниками», а одна женщина-воспитательница хвастливо заявляла: «Мы их били, бьем и будем бить». Заключенных сажали в карцер за малейшее нарушение правил внутреннего распорядка, подростков, отправленных в колонию за мелкие правонарушения, содержали вместе с закоренелыми преступниками. Не лишне еще раз напомнить о сексуальных домогательствах, которым подвергались заключенные как со стороны персонала, так и других подростков¹¹⁹. В значительной мере все это явилось неизбежным следствием сталинских законов против хищений, по которым многих детей осуждали на длительные сроки за самые мелкие правонарушения, например за кражу нескольких килограммов лука или картофеля, одного индюка, пары-тройки цыплят¹²⁰. По сути, такое обращение вытекало из тех

¹¹⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 556. Л. 122–127.

¹¹⁸ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4156. Л. 13–16, 103.

¹¹⁹Там же. Д. 4787. Л. 127, 283, 288–294; Оп. 28. Д. 598. Л. 19–20.

¹²⁰Там же. Оп. 37. Д. 4787. Л. 132–136. Даже само МВД признавало явную несправедливость всего происходившего. Уже в октябре 1947 г., всего несколько месяцев спустя после ввода в действие новых законов против хищений, министр внутренних дел Круглов обратился к Сталину и Берии с

способов, с помощью которых МВД управляло колониями. Точно так же, как во взрослых лагерях, руководство колоний создавало из юных заключенных группы так называемых активистов, на которых возлагалась ответственность за поддержание дисциплины. Активисты «поддерживали дисциплину» теми же методами, что и охранники, то есть запугиванием и побоями. Неудивительно, что отношения между активистами и остальным контингентом были весьма напряженными, порой выливаясь в открытые столкновения¹²¹. В то же время, не следует излишне романтизировать рядовых заключенных. Психика у многих из них была серьезно нарушена вследствие жестокого воспитания и постоянной борьбы за выживание. Частыми были случаи нападения с их стороны на своих товарищей, включая убийства. В докладах прокуратуры постоянно высказываются опасения, что отсутствие организованного досуга заключенных (который они заполняют исключительно игрой в карты) порождает негативные последствия. Эти опасения не следует считать обычным для сталинского режима морализаторством. Ставкой в карточной игре могли быть здания колонии (проигравший должен был поджечь то или иное строение),

просьбой разрешить освободить из детских исправительных колоний 26 тыс. осужденных на минимальные сроки. Он отметил, что из 42 888 подростков, содержащихся на тот момент в колониях, 36 685 были посажены за незначительные правонарушения, причем 29 549 человек из них не имеют уголовного прошлого. Более того, Круглов признает, что многих заключенных толкнула на кражи нехватка продовольствия в результате неурожая 1946 г. (Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 116–118). Нам не известна дальнейшая судьба этого предложения, но в феврале 1948 г. Министерство юстиции СССР выпустило инструкцию, согласно которой подростки больше не подпадали под действие указанных законов. Выход этой инструкции, конечно, не свел число осужденных детей к нулю, но их количество заметно сократилось: в 1947 г. насчитывалось примерно 24 тыс. осужденных в возрасте до 15 лет, а в 1948 г. — всего 8420. Число осужденных в возрасте 16 и 17 лет за этот же период снизилось соответственно с 67 176 до 29 339 (Solomon P. Soviet Criminal Justice Under Stalin. Cambridge, 1996. P. 432, 435). Не станем утверждать, что все преступления, совершавшиеся подростками, являлись малозначительными. Некоторые из них были хорошо организованны, включая многотысячные кражи наличных денег и товаров из школ трудовых резервов или с предприятий. В то же время многих подростков продолжали отправлять в колонии за самые незначительные проступки — например, один 15-летний юноша получил семь лет за кражу восьми пустых мешков с хлебозавода (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4163. Л. 173 и Д. 4173. Л. 3, 22, 233–234).

¹²¹ Там же. Д. 4156. Л. 102–103, 104, 181–182, 185, 219; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 339. Л. 65.

чья-либо хлебная пайка или даже жизнь другого заключенного, которого проигравшему надлежало убить¹²².

При столь ужасающих условиях в колониях не вызывают особого доверия попытки МВД как-то оправдаться. В ноябре 1948 г. министр Круглов написал пространную объяснительную записку в ответ на критику со стороны прокуратуры. Однако эта записка вызвала появление меморандума Отдела административных органов ЦК партии, датированного мартом 1949 г., в котором опровергались объяснения Круглова. Впрочем, все закончилось для МВД благополучно. Вслед за появлением заявления Управления МВД, отвечающего за борьбу с беспризорностью и безнадзорностью детей, с извинениями за допущенные ошибки, ЦК признал, что «...МВД предприняло значительные усилия по улучшению условий содержания подростков в колониях, включая повышение качества их обучения»¹²³. Но мы никогда не узнаем, насколько реальными были эти улучшения. Учитывая все, что нам известно о Гулаге и об империи МВД в целом, определенный скептицизм на этот счет вполне простителен.

Заключение

Настоящая глава не претендует на исчерпывающий анализ проблемы молодежной социализации. Для этого потребовалось бы изучить многие другие аспекты: молодежная субкультура и сленг, условия жизни в семье, криминальные нравы и сексуальное поведение, о которых нам мало что известно. Тем не менее мы убеждены, что приобретенный в юности жизненный опыт, о котором повествовалось выше, имел фундаментальное значение для формирования сознания как молодых, так и более взрослых трудящихся.

Наш основной аргумент заключается в том, что условия, в которых существовали молодые рабочие, приводили их в состояние глубокого отчуждения от режима, а власти со своей стороны мало что могли сделать, чтобы этому противостоять. Режим не имел возможностей (или желания) ни улучшить условия жизни и труда молодежи, ни вооружить их заслуживающей доверие идеологией, способной нейтрализовать отчуждение от властей и интегрировать в сталинскую общественную систему. Оценивая свои выводы, нам следует об-

¹²²ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4156. Л. 96, 103, 204–204 об.; Д. 4787. Л. 289; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 339. Л. 66.

¹²³Эта переписка содержится в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 339. Л. 64–114.

ратить внимание на ряд уникальных особенностей рассматриваемого периода.

Во-первых, то поколение молодых рабочих, о котором идет речь, было слишком юным, чтобы воевать на фронтах Второй мировой войны. Некоторые из них успели поработать в качестве тружеников тыла, практически все пережили трудности и лишения, связанные с разделением семей, голодом или недоеданием, потерей близких. Все это отнюдь не означает, что они не отождествляли себя с режимом, не испытывали чувства обожания к Сталину, но они были лишены той крепкой психологической связи с войной и победой Советского Союза, которой обладали их отцы и деды, особенно те, кто побывал на фронте. После войны они терпели невероятные лишения, но были сильнее разобщены, чем бывшие фронтовики, которых объединяло боевое братство и сопровождавшая его мифология.

Во-вторых, многим (если не большинству) молодым рабочим довелось преодолевать послевоенные лишения без эмоциональной поддержки семьи. Вспомним, что в подростковом возрасте, когда им едва исполнилось 14 лет, они были оторваны от дома и отправлены в учебные заведения системы трудовых резервов, а затем принудительно мобилизованы на стройки, в шахты и на заводы. Не случайно во многих отчетах, посвященных проблеме бегства учащихся из школ трудовых резервов и с предприятий, в качестве одной из основных причин этого явления указывается стремление воссоединиться с семьями. Мы хотели доказать, что подобная изоляция усугубляла страдания, если не страх, которые испытывали молодые люди, мешала им справляться с ситуацией, оставляя в сознании неизгладимые впечатления, определявшие их отношение к жизни и поведение.

В-третьих, среди молодежи имелаась обширная группа, лишенная счастья знать, что где-то далеко у них все же есть семья. К этой группе принадлежали сироты, бездомные или брошенные дети, которых было принято именовать беспризорниками или безнадзорными. Их судьба заслуживает более пристального внимания, чем можно было позволить в рамках данной книги, и требует проведения более обширных исследований по сравнению с уже проделанными нами. Помимо всего прочего эти исследования должны глубже затрагивать проблему детской и юношеской преступности в послевоенные годы. Многие из этих детей, несомненно, так и остались вне основной части общества, но поскольку некоторые со временем все-таки пришли на производство, они привносили все то, что приобрели в детстве. Зачастую это выражалось в откровенно антиобщественном или асоциальном поведении, а иногда проявлявшемся в юношеском упрямстве

и непризнании авторитетов. Все это осложняло задачу их идеологической интеграции в общество.

В-четвертых, многие молодые рабочие, о которых идет речь, приходили из сельской местности и, как все крестьяне, испытывали чувство глубокой неприязни к Сталину и Советской власти. Лишь немногие помнили коллективизацию или голод 1932–1933 гг., но все слышали рассказы об этом родителей. Они обладали и собственным опытом, пережив голод 1947 г. и притеснения крестьянства со стороны властей.

Так или иначе, но все эти молодые люди были насильственно оторваны от родного дома, родителей и родственников и поступили под начало представителей государства в лице заводского начальства, комендантов общежитий, мастеров производственного обучения в школах трудовых резервов, директоров детских домов, охранников МВД. Все эти люди зачастую рассматривали молодых подопечных как объект манипулирования и эксплуатации.

Возникает вопрос: как подобный жизненный опыт молодых повлиял на советское общество в долгосрочной перспективе? Мы не обладаем достаточной квалификацией, чтобы в полной мере судить об его эмоциональных последствиях, но они должны быть существенными. Однако можно высказать некоторые предположения о том политическом наследии, которое несли с собой молодые рабочие. Когда умер Сталин, практически все члены так называемого коллективного руководства страной признали наличие серьезного морального кризиса, поразившего советское общество и сдерживающего экономическое развитие страны. Морально-этические проблемы были актуальны не только для молодежи, но и для населения в целом. Вместе с тем, учитывая демографические потрясения, вызванные войной, общественная позиция молодежи приобрела особое значение. Для нее реалиями сталинизма являлись не террор или героические жертвы, а отчаяние и безнадежность. Эти чувства могли несколько ослабнуть по мере улучшения условий существования, но добиться позитивной самоидентификации молодых с системой оказалось весьма сложной задачей. Таким образом, налицо еще один фактор, препятствовавший достижению общественного консенсуса в сталинскую эпоху.

5. ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА И УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС. ТЩЕТНОСТЬ РЕПРЕССИЙ

Одним из наиболее туманных и малоизученных аспектов общественной истории Советского Союза первых послевоенных лет является массовое бегство рабочих с промышленных предприятий истроек, а также несовершеннолетних учащихся из учебных заведений системы трудовых резервов. Этот феномен особенно примечателен тем, что беглецы покидали места работы или учебы, невзирая на опасность подвергнуться чрезвычайно суровым наказаниям, введенным во время войны. По законам того времени самовольный уход с оборонного предприятия или со стройки оборонного значения карался заключением в исправительно-трудовые лагеря на срок от пяти до восьми лет. За такое же нарушение транспортный работник мог получить от трех до десяти лет лагерей, а учащийся, сбежавший из школы ФЗО, — до года колонии. Западные историки, писавшие об этом периоде до того, как был открыт доступ в архивы, и опиравшиеся только на косвенные данные, приводимые советскими специалистами по экономике труда, уже пришли к заключению, что эти санкции, введенные в 1940–1943 гг., не смогли полностью ликвидировать текучесть кадров на советских предприятиях в послевоенные годы¹. Более того, истинные масштабы текучки, как оказалось, были значительно больше, чем это представлялось ранее. Спонтанные уходы работников с предприятий чаще всего наблюдались в строительстве, угольной отрасли и черной металлургии, то есть именно в тех областях деятельности, которые составляли сердцевину сталинской программы послевоенного восстановления промышленности, угрожая серьезными срывами ее выполнения. Другой примечательный аспект заключается в том, что, несмотря на огромное количество пой-

¹Fitzpatrick Sh. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945–1953 // The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. S. J. Linz. Totowa, 1985. P. 141; Davies R. W. The Reappraisal of Industry // Soviet Studies. 1956 (January). P. 324; Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964. Cambridge, 1992. P. 37.

манных, судимых и сосланных в лагеря, они составляли лишь малую часть тех, кто нелегально покинул место работы или учебы в те годы. Последние находили убежище и защиту у отдельных представителей местных, преимущественно сельских властей, имевших тайный стговор с сельской милицией, районными прокуратурами, местными советскими и партийными руководителями, председателями колхозов. Более того, одним из факторов, поддерживавших существование подобных стговоров, было осознанное неприятие излишнего ужесточения законодательства против лиц, самовольно покидавших место работы, со стороны части прокурорского корпуса союзного и республиканского уровней.

В первой части настоящей главы рассматриваются установленные законом ограничения, направленные на борьбу с текучестью кадров и прогулами. В ней прослеживается эволюция законодательного урегулирования поведения рабочих в 1930-е гг., вылившаяся во введение в 1940 г. уголовного преследования за самовольную смену места работы и прогулы, серьезное ужесточение наказаний за эти проступки в годы войны и постепенное смягчение законов в этой области, происходившее в период 1947–1950 гг. Во второй части анализируется феномен текучести кадров среди рабочих, ее масштабы в различных отраслях промышленности и строительства, изменения в этой области, происходившие в послевоенный период, причины текучки и социальный состав беглецов. В третьей части рассмотрена проблема выбора между ужесточением и смягчением трудового законодательства. В четвертой части все перечисленные выше темы рассматриваются применительно к воспитанникам учебных заведений Министерства трудовых резервов. Такое разделение представляется оправданным, в связи с тем что законы и практика их применения в отношении молодых людей, самовольно покидавших учебные заведения, почти во всех значимых аспектах существенно отличались от тех, что распространялись на рабочих, нелегально уходивших с предприятий. Хотя в целом динамика происходивших в этой области общественных процессов была во многом сходной. В заключительной части главы приведены общие выводы из рассмотренных в ней материалов, существенные для понимания послевоенного сталинского общества.

Трудовая дисциплина и закон

Во времена, предшествовавшие началу сталинской индустриализации, характерными чертами советской промышленности были относительно высокая текучесть кадров, большое количество прогулов

и широкие возможности для участия рабочих в организации своего труда и контроле использования рабочего времени. Резкое падение жизненного уровня и одновременно возникший повсеместно дефицит рабочей силы в годы первой пятилетки повлекли за собой невероятный рост текучки и числа прогулов. Хотя сталинский режим всегда объединял эти два понятия под общей вывеской «нарушение трудовой дисциплины», на самом деле прямые связи между ними отсутствовали. Можно считать доказанным, что любое общество, проходящее период быстрой индустриализации, сопровождаемой масштабными перемещениями крестьянства на промышленные предприятия и стройки, сталкивается с проблемой привития новоиспеченным рабочим культуры труда, характеризуемой такими понятиями, как дисциплина, уважение к начальству, неукоснительное соблюдение установленной продолжительности рабочего дня, длительная работа на одном и том же предприятии. В этом смысле Советский Союз во времена сталинской индустриализации продемонстрировал полное соответствие классическим историческим закономерностям. Но смена места работы — столь же логичная реакция рабочего любого возраста, уровня квалификации или стажа работы на ухудшение уровня жизни. Независимо от семейного положения и глубины связи с местом проживания, всякий работник, будь то ветеран производства или новичок, только что прибывший из деревни, вынужден искать место, где ему будут больше платить, предоставят лучшие жилищные условия или станут обильнее снабжать продуктами. Причины прогулов не настолько связаны с материальными факторами. Прогулы могли отражать (чаще всего это так и было) отсутствие развитой культуры труда среди рабочих крестьянского происхождения, которые вынесли из деревни собственные взгляды на организацию рабочего дня и управление рабочим временем. Но частые прогулы могли также являться реакцией на полное отстранение работников от участия в управлении предприятиями, когда они лишились политического права на выдвижение и отстаивание коллективных требований через независимые профсоюзы, политические партии и массовые забастовки. Если и существовала некая связь между высоким уровнем текучести кадров и частыми прогулами, то ее можно обнаружить именно здесь. Поскольку в сталинскую эпоху советские рабочие утратили право на коллективную борьбу, каждому из них приходилось искать способы решения своих проблем индивидуально. Именно в этом корни столь специфического явления, как перебегание с одного предприятия на другое, наплевательского отношения к своему временному выходу на работу и соблюдению графика, вследствие еще одной особенности сталинской индустриализации — дефицита рабо-

чей силы. В этих условиях некоторые руководители предприятий не решались применять какие-либо санкции в отношении нарушителей дисциплины, в частности грозить им увольнением. В то же время начальник, отважившийся наказать прогульщиков и бездельников, оказывался в еще более глупом положении, поскольку те в ответ просто сбегали с предприятия².

В 1930-е гг. сталинский режим так и не сумел найти удовлетворительные способы контроля текучести кадров, надеясь на то, что эта проблема «рассосется» сама собой по мере повышения уровня жизни. Что касается прогулов, то единственный серьезный законодательный шаг по борьбе с этим явлением был предпринят в ноябре 1932 г., когда от руководства предприятий потребовали немедленно увольнять работников, прогулявших полный рабочий день, невзирая на риск повышения текучести кадров. Такой шаг отнюдь не был нелогичным, как может показаться, поскольку увольнение автоматически означало выселение прогульщика со служебной жилплощади и лишение его самого и членов семьи продуктовых карточек. Власти предположили, что в условиях надвигающегося голода угроза лишения жилья и продуктов станет наиболее эффективным дисциплинирующим фактором. Даже в декабре 1938 г., когда текучка и число прогулов опять начали расти, режим просто ужесточил правила, установленные в 1932 г. Наиболее серьезными изменениями можно считать новое определение самого понятия «прогул», которым теперь считалось опоздание на работу свыше 20 минут, и ограничение прав уволенного за прогул на получение пенсии и пособий по инвалидности. Эти правила действовали вплоть до июня 1940 г., когда был совершен еще один решительный шаг в борьбе с самовольными переходами с одного места работы на другое и прогулами: эти проступки объявили уголовно наказуемыми преступлениями. В частности за прогул, которым стали называть любое самовольное отсутствие на рабочем месте дольше 20 минут (например, досрочный уход на обеденный перерыв или опоздание с перерыва), виновному угрожали исправительные работы на своем рабочем месте с вычетом до 25 % месячного заработка. Основная логика нового подхода заключалась в необходимости ликвидировать прореху в старом законе. Ранее рабочие, которым было отказано в увольнении по собственному желанию, могли безнаказанно

²Более подробное обоснование сказанного содержится в: Filtzer D. Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991 // International Labor and Working-Class History. Fall 1996. № 50. P. 9–28.

прогуливать работу, чтобы вынудить руководство их уволить. Теперь это стало невозможным. Между тем переход на другое место работы без разрешения руководства стал караться более сурово. За это виновному давали от двух до четырех месяцев тюрьмы (но, что важно, не отправляли в лагерь)³.

В тогдашней ситуации трудовое законодательство казалось чересчур суровым. Возможно, косвенным признаком излишней жесткости новых законов явился тот факт, что в их необходимости было сложно убедить не только руководителей предприятий, но даже местных прокуроров и судей. Несмотря на большое число осужденных (за второе полугодие 1940 г. 321 тыс. человек были наказаны за самовольное оставление места работы и 1,77 млн человек — за прогулы⁴), довольно широкое распространение получили случаи отступления от закона. Руководители предприятий, равно как и сотрудники местных правоохранительных органов, хорошо понимали: излишнее ужесточение преследований нарушителей может подорвать трудовые отношения, в то время как от промышленности требовалось значительное увеличение объемов выпуска военной продукции. Только после того как власти пригрозили репрессиями самим судьям, прокурорам и руководителям предприятий, жесткое следование новым законам приобрело более последовательный характер⁵.

Ситуация радикально изменилась с началом войны. 26 декабря 1941 г. правительство объявило, что работники основных оборонных заводов считаются мобилизованными на трудовой фронт. Теперь человека, покинувшего свое рабочее место на таком предприятии, должен был судить не обычный народный суд, а военный трибунал. При этом ему грозило заключение в лагерь на срок от пяти до восьми лет⁶.

³К числу законодательных актов, о которых здесь идет речь, относятся: Постановление ЦИК и СНК СССР // Труд. 1932. 16 нояб.; Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. // Известия. 1938. 28 дек.; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. // Известия. 1940. 27 июня. Эти акты и документы, принятые в их обеспечение, подробно обсуждаются с указанием их полных наименований и источников в: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London, 1986. P. 111–112, 233–235, 287–288 (п. 192–196, 201), 310–311 (п. 1–6, 8, 9).

⁴Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 44–46.

⁵См.: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 232–253.

⁶Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный

Прогулы и уход с предприятий, не отнесенных к числу оборонных, по-прежнему подпадали под действие Указа от 26 июня 1940 г., но с одним существенным дополнением: им урезали норму выдачи хлеба по карточкам на 100–200 г в день. Учитывая, что в то время для большинства работников хлеб был единственным источником протеинов, это было равносильно самому суровому наказанию⁷. Следует подчеркнуть, что перечень оборонных объектов в ходе войны постоянно расширялся, включая в себя не только заводы, производившие вооружение, но и предприятия других отраслей, поставлявшие продукцию для нужд обороны. Так, в него вошли: в июне 1942 г. — угольные шахты, в октябре 1942 г. — текстильные фабрики, в июле 1943 г. — заводы по производству синтетического каучука и шинные заводы, в марте 1944 г., когда война уже подходила к концу — газовая промышленность⁸. Для работников железнодорожного и водного транспорта был установлен еще более жесткий режим. В апреле и мае 1943 г. правительство объявило о переводе всего транспорта на военное положение, и сотрудник, самовольно ушедший с работы, подлежал такому же наказанию, как и дезертировавший солдат. Это означало, что ему грозило от трех до десяти лет заключения в лагерь (или более суровое наказание, если его отсутствие на рабочем месте привело к несчастному случаю)⁹.

Новую ситуацию, возникшую с введением указанных законов, отражали и изменения в терминологии, применявшейся при описании самовольного ухода с работы. Теперь гражданин, покинувший предприятие оборонной промышленности или транспорта, именовался «дезертиром трудового фронта». Это не распространялось на работ-

уход с предприятий». Этот указ не был опубликован, но ссылки на него имеются во многих документах. Наиболее доступным открытым источником является работа В. Н. Земскова «Указ от 26 июня 1940 года» (С. 45). Она привлекает лаконичностью и ясностью изложения, но в ней ошибочно утверждается, что нарушителей указа по-прежнему судили в народных судах.

⁷ Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London, 1991. P. 173.

⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 100–101.

⁹ Указы Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» от 15 апреля 1943 г. и «О введении военного положения на морском и речном транспорте» от 9 мая 1943 г. Эти указы предусматривали наказания по ст. 193-7 Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным статьям уголовных кодексов союзных республик, устанавливающих наказания за военные преступления. Обвиняемые по этим статьям также подлежали суду военного трибунала (Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года. С. 46).

ников необоронных заводов, которых судили по июньскому указу 1940 г., называя «самовольно ушедшими с предприятия».

Учитывая суровость законов и тяжелые условия военного времени, когда работники полностью зависели от своих предприятий, выдававших им продуктовые карточки, остается только удивляться тому, как много людей оставляли работу, не боясь суда. Как следует из табл. 5.1, за три полных года войны, с 1942 по 1944 г., военными трибуналами по Указу от 26 декабря 1941 г. и по ст. УК РСФСР 193-7 было осуждено 814 тыс. работников оборонных предприятий и транспорта. Но даже с учетом этих цифр, как отмечает Земсков, тысячи нарушителей декабрьского указа сумели сбежать, не понеся за это наказаний. Так же как в послевоенный период, большую часть из них составляли молодые люди, направленные на угольные шахты, стройки или на предприятия с особо тяжелыми условиями труда. Число их было столь велико, что заставило Сталина срочно выпустить в декабре 1944 г. закон, освобождавший молодых рабочих от уголовной ответственности, если они добровольно вернулись на прежнее место работы¹⁰. Затем в июне 1945 г. последовала общая амнистия заключенных, осужденных по неполитическим статьям, в честь победы над нацистской Германией¹¹.

Итак, в середине 1945 г. история, о которой идет речь в этой главе, начиналась, как говорится, с чистого листа. Однако законы военного времени оставались в силе, и именно с этого момента мы продолжаем свой рассказ. Частичное смягчение законодательства произошло в марте 1947 г., когда власти уточнили, какие предприятия относятся к категории оборонных, и исключили все промышленные предприятия и строительные организации Москвы и Ленинграда из перечня тех, на которые распространялся Указ от 26 декабря 1941 г. Но, как будет показано ниже, текучесть кадров в Москве и Ленинграде была чрезвычайно низкой, и подобное послабление не имело существенного значения.

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на свои предприятия», 30 декабря 1944 г. Цит. по: Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года. С. 46.

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» от 7 июня 1945 г. Цит. по: Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года. С. 47.

Число осужденных за самовольный уход с работы и прогулы, 1940—1952 гг.

Год	Число осужденных на 2-4 месяца тюремного заключения по Указу от 26 июня 1940 г.	Число работников оборонных предприятий, осужденных на 5-8 лет заключения в лагерь по Указу от 26 декабря 1941 г. (отменен в мае 1948 г.)	Число работников транспорта, осужденных на 3-10 лет за заключения в лагерь по ст. 193 УК (мартовский и апрельский указы 1943 г. — отменены в марте 1948 г.)	Суммарное число осужденных за самовольную перемещу места работы	Число осужденных за прогулы на срок до 6 месяцев исправительных работ по месту службы с вычетом до 25 % заработной платы по Указу от 26 июня 1940 г. Действие указа было смягчено в июле 1951 г. и под его действие стали падать только особо серьезные нарушения дисциплины
1940	321 648	Не действовал	Не действовал	321 648	1 769 790
1941	310 967	Не действовал	Не действовал	310 967	1 458 185
1942	297 125	121 090	Не действовал	418 215	1 274 644
1943	160 060	367 047	15 490	542 597	961 545
1944	167 562	275 966	35 042	478 570	893 242
1945	117 304	72 790	29 743	219 837	941 733
1946	143 600	67 532	26 575	237 707	861 340
1947	215 679	54 350	20 396	290 425	614 441
1948	249 940	24 600	6 830	281 340	564 590
1949	267 869	Не действовал	Не действовал	267 869	517 459
1950	208 962	Не действовал	Не действовал	208 962	513 891
1951	133 823	Не действовал	Не действовал	133 823	315 275
1952	179 695	Не действовал	Не действовал	179 695	147 885
Итого	2 774 234	983 375	134 016	3 831 655	10 901 020

Источник: Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна крупная дата) // Газета 1990 № 6 С. 45.

Ситуация не менялась вплоть до марта 1948 г., когда правительство отменило военное положение на транспорте. В мае 1948 г. отменили, наконец, Указ от 26 декабря 1941 г., в результате чего из лагерей были освобождены 111 380 заключенных¹². Но они составляли чуть больше половины всех осужденных по этим указам после амнистии 1945 г. Однако новые случаи самовольного ухода работников с предприятий теперь подпадали под действие менее сурового Указа от 26 июня 1940 г. В июле 1951 г. прогулы перестали считаться уголовными преступлениями за исключением особо злостных случаев, за которые в 1952 г. осудили по меньшей мере 150 тыс. человек. Применение закона против самовольного ухода с предприятий также постепенно сокращалось. И, по данным Земскова, практически сразу после смерти Сталина новое коллективное руководство страны гарантировало широкую амнистию всем осужденным по обеим частям Указа от 26 июня 1940 г.¹³ Но только в апреле 1956 г., после секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС, эти указы были раз и навсегда исключены из свода законов СССР¹⁴.

Однако история на этом не закончилась, причем даже с точки зрения законоотворчества. В 1946 г. руководители правоохранительных органов предлагали различные формы смягчения описанных выше

¹²Эта цифра приведена в докладе главы МВД Круглова, направленного им 8 февраля 1949 г. Сталину, Молотову, Берии и Маленкову. См.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 149.

¹³Наказания по Указу от 26 декабря 1941 г. были смягчены распоряжением Совета министров СССР от 7 марта 1947 г., а сам указ был отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1948 г. Военное положение на транспорте было снято Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1948 г. Прогоул перестал считаться уголовно наказуемым преступлением 14 июля 1951 г. после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР «О замене уголовной ответственности рабочих и служащих за прогул, за исключением случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». Все эти указы и распоряжения рассмотрены в: Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года. С. 47. Нужно отметить, что ни один из этих указов не был опубликован, но, как следует из архивных материалов, рабочим было хорошо известно их содержание. Как будет показано в главе 6, после июльского указа 1951 г. число прогулов резко выросло.

¹⁴Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительных причины» от 25 апреля 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 10. ст. 203.

указов, но все они были отклонены Сталиным и другими членами политического руководства страны. Например, в июне 1946 г. прокуратура настаивала на прекращении уголовного преследования прогульщиков. Г. Сафонов, бывший в то время Генеральным прокурором СССР, подготовил проект обращения к Сталину (было ли отослано это обращение, нам не известно), в котором сообщал, что после июньской амнистии 1945 г. судами за прогулы было осуждено почти полмиллиона правонарушителей и еще 55 тыс. — за самовольный уход с предприятий. Приведя общее число организаций, от 10 % до 20 % работников которых осудили по этим законам, он отмечает: «...в подобной ситуации наказания за преступления в значительной степени утрачивают свое общественно-воспитательное и профилактическое значение и становятся, по существу, обычным явлением повседневной жизни. Меры наказания прогульщиков — исправительные работы сроком до шести месяцев — по существу сводятся к плановым денежным вычетам в размере до 25 % месячной зарплаты рабочих и служащих». Он также сомневается в политической целесообразности столь массовых судебных преследований¹⁵. Нам известно и о проходивших в 1946-м и начале 1947 г. дискуссиях (правда, не совсем ясен состав их участников) об отмене Указа от 26 декабря 1941 г., в ходе которых некоторые министры сумели настоять на годичном продлении срока его действия, мотивируя это тем, что, по мере улучшения экономического положения будут устранены некоторые факторы, подталкивающие людей к поиску новых мест работы¹⁶. Аналогичные предложения поступали от Министерства юстиции и МПС, которые в августе 1946 г. настаивали на снятии военного положения на транспорте, оставив в силе Указ от 26 июня 1940 г. и дополнив его программой материального стимулирования работников, способствующей их закреплению на местах. МПС было настолько уверено в том, что правительство примет его предложения, что его юридическая служба даже отпечатала новый дисциплинарный устав в преддверие отмены Указа от 15 апреля 1943 г.¹⁷

§

¹⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3147. Л. 1–3.

¹⁶ Это отмечалось в совместном обращении министра юстиции СССР Гостенина и исполняющего обязанности Генерального прокурора СССР Сафонова в Совет Министров СССР в мае 1948 г. В документе обосновывается настоятельная необходимость отмены этого указа (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4501. Л. 3).

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6966. Л. 20–24, 51–55.

Однако все эти инициативы не имели успеха: указы остались в силе. Но при этом происходило нечто странное. Учитывая ту жестокость, с которой режим старался сдерживать нежелательную для него мобильность рабочей силы, официальная риторика на этот счет звучала относительно отзвучиво к нуждам рабочих и мало чем напоминала агрессивность, с которой режим реагировал на самовольную смену места работы в 1930-е гг. В довоенные годы, до закручивания гаек в 1938–1940 гг., их именовали «летунами» и «себялюбцами», которые, действуя в личных интересах, саботируют строительство социализма и тем самым подрывают благосостояние большинства народа. Все эти лозунги не имели никакого отношения к реальной действительности, поскольку даже в самые спокойные годы советский рабочий менял место работы в среднем раз в год¹⁸. Скорее, они отражали враждебное и высокомерное отношение режима к обществу, в том числе и к рабочему классу. Но здесь нас интересует другое. Учитывая последствия войны, власти не только в секретных документах промышленных министерств и профсоюзов, но и публично признавались, что самовольные уходы с работы представляли собой реакцию на тяжелые условия существования. Нельзя сказать, чтобы они принимали на себя ответственность за такие условия или, признавая их наличие, перестали сажать нарушителей в тюрьмы. Напротив, они считали, что причины тяжелого положения от них не зависят или стремились переложить вину на недобросовестных руководителей предприятий. Более того, как будет показано ниже, такая двусмысленная ситуация была следствием стремления некоторой части государственной системы применять законы в полную силу.

Следует также отметить еще одну особенность сложившейся ситуации. В течение 1947 г. за нарушение Указа от 26 декабря 1941 г. было осуждено 54 350 человек. Если сложить это число с данными за 1947 г. о так называемых дезертирах трудового фронта по восьми промышленным министерствам, которые все еще относились к оборонному сектору, то получим в сумме около 333 тыс. нарушителей закона. Иными словами, число дезертиров, о которых сообщали

¹⁸ Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization. P. 134–141. Это, конечно, не означает, что каждый рабочий ежегодно менял место работы, но доказывает, что текучесть кадров была обычным явлением в промышленности и представляла собой адекватный ответ трудящихся на экономическое и политическое положение, в которое они были поставлены, не имея возможности участвовать в коллективном управлении своими предприятиями.

эти восемь министерств, более чем в шесть раз превышало общее число осужденных. Подробные данные приведены в табл. 5.2. Но, безусловно, содержащиеся в ней цифры следует считать только ориентировочными. Некоторые из тех, кто ушел с предприятий в 1947 г., могли быть пойманы и осуждены в следующем году. Точно так же в число осужденных в 1947 г. могли попасть люди, совершившие правонарушение в 1946 г. Вероятнее всего, данные, приведенные в табл. 5.2, несколько занижают общее количество нарушителей. Во-первых, это обусловлено неточностями, сознательными или случайными, в отчетности предприятий о числе дезертировавших работников, а во-вторых, из-за отсутствия данных о текучести кадров в некоторых оборонных отраслях — цветной металлургии, лесозаготовках, автотракторной и оружейной промышленности. Но все равно данные из табл. 5.2 дают ясное представление о происходившем. Даже допуская, что именно в упомянутых восьми министерствах были сосредоточены все дезертиры трудового фронта в оборонных отраслях промышленности, получается, что пять из шести рабочих, самовольно ушедших с предприятий, избежали наказания. Поскольку военные трибуналы оправдывали лишь незначительную долю привлеченных к суду по Указу от 26 декабря 1941 г., выясняется, что большинство нарушителей закона никогда не сталкивались с правосудием. Кто были эти люди, куда они девались, как им удавалось избегать ответственности?

Таблица 5.2

Число «дезертиров трудового фронта» по основным министерствам в 1947 г.

Министерство	Пояснения	Число «дезертиров» в 1947 г.
– строительства предприятий тяжелой промышленности		73 150
– угольной промышленности (западные регионы)	Только рабочие, занятые на производстве	87 700
– угольной промышленности (восточные регионы)	Только рабочие, занятые на производстве	52 600
– нефтяной промышленности	Только рабочие, занятые на производстве	2500
– тяжелого машиностроения	Только рабочие, занятые на производстве	6370
– промышленности строительных материалов	Без учета сезонных рабочих, занятых на предприятиях союзного, а не местного или республиканского подчинения	8890

Министерство	Пояснения	Число «дезертиров» в 1947 г.
– легкой и текстильной промышленности	К оборонным отраслям относилась только текстильная промышленность. Однако список предприятий, по которым имелись данные, очень неполон, вероятно, потому, что только две трети фабрик отрасли фигурировали в обзоре	53 510
– черной металлургии		48 200
<i>Всего по восьми министерствам</i>		332 920
Общее количество осужденных		54 350
Число дезертиров, избежавших наказания		278 570

Источник: см. табл. 5.3.

Текучесть кадров: общая характеристика и состав участников

Как и в 1930-е гг., текучесть кадров в послевоенный период представляла собой не только экономическую проблему. Самовольные уходы рабочих с предприятий и большое число тех, кто менял место работы на законных основаниях, порождали спонтанное, неконтролируемое перемещение рабочей силы, имевшее серьезные последствия для экономики, политических отношений между рабочим классом и властью, а также — для сотен тысяч людей, не боявшихся рисковать и самовольно покидавших свои предприятия. Не только общие размеры текучести кадров, но и социальный состав работников, переходивших с места на место, были тесно связаны с реалиями того времени: острым дефицитом продовольствия, отсутствием жилья, опасными условиями труда, политической беспомощностью рабочего класса и решимостью сталинского государства осуществлять экономическую реконструкцию страны на основе массового применения рабского и кабального труда. В данном разделе мы намерены рассмотреть доступные данные, характеризующие законную и нелегальную текучесть кадров в основных отраслях промышленности и строительства. В табл. 5.3 содержатся данные по основным отраслям экономики, выраженные в процентах от общей численности работников, занятых в каждой из них.

**Общая текучесть кадров и доля работников, самовольно покинувших
свои предприятия, по основным отраслям советской экономики
за 1947–1949 гг. в процентах от общей численности занятых**

	1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	Доля граждан, сменивших место работы	Доля самовольно ушедших с предприятий	Доля граждан, сменивших место работы	Доля самовольно ушедших с предприятий	Доля граждан, сменивших место работы	Доля самовольно ушедших с предприятий
Черная металлургия	36	11	16	3,5	Нет данных	Нет данных
Строительство предприятий тяжелой промышленности	64	23	47	13	41	8
Угольная промышленность (западные регионы)	53	22	42	16	Нет данных	Нет данных
Угольная промышленность (восточные регионы)	46	20	44	16	Нет данных	Нет данных
Угольная промышленность в целом	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	40	11
Нефтяная промышленность	40	4,3	39	2,4	38	2,4
Тяжелое машиностроение	32	9,5	21	3,7	21	2,8
Металлообрабатывающая промышленность	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	29	2,2
Легкая промышленность	34	8	27	2,4	24	1,1

Источники: черная металлургия: РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 21 (цифры экстраполированы по данным за январь–февраль); строительство: РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 585. Л. 66–67; угольная промышленность: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 320. Д. 223. Л. 2–3, 29–30, 81–82, 108–109, 134–135, 155–156, 175; Оп. 321. Д. 416. Л. 1, 15 (цифры за 1948 г. экстраполированы по данным за январь–сентябрь. В октябре 1948 г. восточное и западное министерства угольной промышленности были объединены в одно. Цифры за 1949 г. экстраполированы по данным за январь–июнь); нефтяная промышленность: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 320. Д. 223. Л. 4, 31, 57, 83, 110, 136, 157, 176; Оп. 321. Д. 416. Л. 40; тяжелое машиностроение: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 320. Д. 223. Л. 12, 39, 65, 91, 117, 143, 164, 181; Оп. 321. Д. 416. Л. 45; металлообрабатывающая промышленность: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 207. Л. 12; легкая промышленность: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 320. Д. 223. Л. 17, 44, 70, 96, 122, 148, 169, 186; Оп. 321. Д. 416. Л. 49.

Хотя к данным, приведенным в табл. 5.3, применимы все замечания, высказанные применительно к табл. 5.2, они все же позволяют сделать следующие выводы.

1. Текучесть кадров, причем не только связанная с самовольным уходом с предприятий, достигла максимума в 1947 г., а затем начала быстро снижаться — по мере улучшения ситуации с продуктами, стабилизации экономики и снижения зависимости некоторых отраслей (например, черной металлургии) от привлечения труда заключенных.

2. Самовольная смена места работы наблюдалась в основном в нескольких отраслях экономики — строительстве, угольной промышленности и (в течение относительно короткого промежутка времени) черной металлургии. Соответственно, это явление имело наибольшее распространение в регионах, где размещались предприятия этих отраслей, — на Украине и в Донбассе, в Подмосковном угольном бассейне, угольных и металлургических центрах Урала и Западной Сибири. Напротив, оно почти не ощущалось в Москве, которая находилась в привилегированном положении с точки зрения снабжения и где располагались предприятия относительно «чистых» отраслей. В результате в столице даже самые низкооплачиваемые категории (например, в текстильной и швейной промышленности) предпочитали оставаться на своих рабочих местах.

3. Если взглянуть на абсолютные цифры текучести кадров, то в отличие от самовольных уходов с предприятий, здесь не заметно существенных различий по отраслям. Даже в машиностроении, вероятно, самой стабильной в этом отношении отрасли, в 1949 г. от 20 до 30 % работников ежегодно переходили с одного предприятия на другое. То же самое можно сказать практически о любой отрасли: абсолютные значения текучки снижались намного меньшими темпами, чем сокращалось число случаев самовольного ухода работников с предприятий.

Последнее наблюдение представляется наиболее важным, поскольку в течение всего послевоенного периода многие легально покинувшие свои предприятия увольнялись с туманной формулировкой «по разрешению руководства». Например, в угольной промышленности в 1947 г. самовольно уволились 140 300 рабочих, а еще 67 200 ушли якобы по разрешению руководства. В таких отраслях, как нефтяная промышленность, тяжелое машиностроение и легкая промышленность, где самовольное бегство рабочих с предприятий находилось на относительно низком уровне, число уволившихся по разрешению руководства в 1947 г. было примерно таким же, как число «дезертиров», но уже в 1948–1949 гг. заметно его превосходило.

В легкой промышленности ситуация сложилась совершенно исключительная. Там к 1949 г. только 1 % работников ушел с предприятий самовольно, но при этом более 10 % — с благословения начальства¹⁹. Из сказанного следует, что увольнения с разрешения руководства (по крайней мере, отчасти) были не чем иным, как замаскированной формой спонтанных уходов работников с предприятий.

Подтверждение высказанной гипотезы можно обнаружить, рассмотрев данные за 1950 г. по Министерству металлургии, которое в течение короткого периода времени отвечало как за черную, так и цветную металлургию. Обследование ряда предприятий, насчитывавших в общей сложности 380 тыс. кадровых рабочих (не считая приписанных к отрасли по распределению выпускников системы трудовых резервов, текучесть кадров среди которых была наивысшей), выявило, что текучка на этих заводах достигала 21 %, то есть в год с них увольнялась 81,5 тыс. рабочих. Из них примерно две трети (54 тыс.), то есть свыше 14 % от общей численности работников обследованных предприятий, уходили с аморфной формулировкой «по разрешению руководства». Какие же причины выдвигали работники, чтобы добиться таких разрешений? В подавляющем большинстве, составлявшем почти три четверти случаев, они ссылались на «семейные причины», среди которых 10 % называли переезд семьи в другую часть СССР и еще 27,6 % — не очень внятные «семейные обстоятельства», либо просто писали «прошу уволить по собственному желанию». Таких насчитывалось 37,6 %²⁰. Возникает вопрос, чем

¹⁹ В нефтяной промышленности примерно 12 % от полной численности работников в течение 1947–1949 гг. ежегодно увольнялись с согласия руководителей. В тяжелом машиностроении соответствующие цифры составляли: 10 % в 1947 г., 7 % — в 1948 г. и 8 % в 1949 г. Сами по себе приведенные цифры свидетельствуют об очень низких уровнях текучести кадров в этих отраслях, но они, как следует из табл. 5.3, значительно превосходят число самовольно покинувших свои предприятия работников. Все цифры, касающиеся угольной и нефтяной промышленности, тяжелого машиностроения и легкой промышленности, приведенные в данном разделе, взяты из тех же источников, что и данные в табл. 5.3.

²⁰ РГАЭ. Ф. 8875. Он. 46. Д. 279. Л. 209, 211, 213. Руководители предприятий черной металлургии более охотно удовлетворяли подобные заявления, находясь под постоянным давлением необходимости рационализации производства и сокращения кадров. Похожие тенденции наблюдались и в других отраслях. Например, Министерство промышленности строительных материалов было в 1951 г. настолько озабочено этой проблемой, что издало приказ, запретивший всем, кроме директоров подведомственных предприятий, под-

рабочие, которые самовольно сбежали с предприятий, отличались от тех, кто открыто высказывал желание уйти и получал на это разрешение? Не располагая конкретными данными, мы можем высказывать только свои предположения: ответ на этот вопрос, возможно, следует искать в разнице положений, занимаемых работниками на предприятии. Старшим, более опытным, у которых сложились прочные неформальные отношения с начальством, было проще обосновать свои прошения, особенно в тех случаях, когда они могли взывать к гуманности руководителей, называя в качестве причины безнадзорность детей или проживание вдали от семьи. Напротив, работникам, которые по своему возрасту, стажу на предприятии или в силу закрепленного трудовым договором полусвободного положения не имели возможности уволиться благодаря неформальному соглашению с начальством, оставалось одно — бежать.

Различия между отраслями, продемонстрированные данными в табл. 5.3, позволяют прийти к еще одному важному выводу относительно нелегальной текучести кадров в послевоенный период. Она была связана с совокупным действием двух групп факторов. Первую из них образует значительная численность рабочей силы, которую мы обозначили как «закабаленные люди» (описаны в главе 1). Во второй группе доминанту составили почти невыносимые условия труда и быта этой категории работников. Там, где при таких же плохих условиях сами рабочие были старше по возрасту, сильнее привязаны к месту жительства и своим предприятиям, и где их общественное положение позволяло получать официальное разрешение на увольнение, незаконные уходы играли менее значительную роль в общей картине текучести кадров. Если же закабаленные люди трудились на предприятиях, лучше снабжавшихся продуктами, или они видели перспективы улучшения своего положения (например, выпускники московских ремесленных училищ и школ ФЗО), либо просто смирились с плохими жилищными условиями и низкой заработной платой, то текучесть кадров оставалась относительно низкой.

Все сказанное можно подтвердить, внимательно изучив структуру самовольных уходов с предприятий. Представляя табл. 5.3, мы отмечали, что наиболее высокая текучесть кадров наблюдалась в отдельных отраслях экономики и в определенных регионах страны. Она находилась на относительно низком уровне в таких привилегированных городах, как Москва и Ленинград. В I квартале 1947 г., когда эти города

писывать заявления рабочих об увольнении (РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 603. Л. 59–60).

еще подпадали под действие Указа от 26 декабря 1941 г., в Москве с оборонных предприятий ушло всего 1532 человека. Это очень незначительное количество, если сравнить его, например, с Молотовым (Пермью), городом, имевшим в восемь раз меньше населения, где с апреля по июнь 1947 г. с предприятий уволилось 1940 работников. Еще резче контраст между данными по Москве и Подмосковному угольному бассейну: только с шахт треста «Тулауголь» в I квартале 1947 г. сбежало 1292 рабочих, а еще 2513 — в период с апреля по июнь того же года²¹. Совершенно ясно, что вопреки общей тенденции, согласно которой уход с предприятия, как правило, означал и смену места жительства (об этом речь пойдет ниже), очень немногие уволившись покидали Москву и Ленинград (два лучших по уровню снабжения советских города) ради мест, где жизнь была намного менее обеспеченной. Мы имеем полное право утверждать: московские и ленинградские рабочие, покидая свои предприятия, устраивались на работу там же, никуда не переезжая.

Простой здравый смысл подсказывает, что большинство меняющих места работы составляли молодые люди, пришедшие на предприятия из учебных заведений системы трудовых резервов. Действительно, текучесть данной группы была необыкновенно высокой, точно так же как и побегии учащихся из этих учебных заведений. Более того, даже после заметного сокращения текучести кадров по стране в целом (после 1948 г.) среди молодежи она продолжала оставаться серьезной проблемой вплоть до начала 1950 г. Для предприятий было привычным делом терять значительную часть вновь прибывших трудовых ресурсов в течение первого года работы (к этому вопросу мы вернемся в конце раздела). В этом не было ничего удивительного, учитывая, что молодые рабочие жили в отвратительных жилищных условиях, зарабатывали крайне мало, зачастую не имея возможности удовлетворить даже минимальные потребности. Из-за небольшого трудового стажа их часто ставили на неквалифицированные

²¹ Данные по Москве взяты из: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3758. Л. 47, а соответствующие сведения по Молотову см.: Там же. Л. 98 (подсчитано по числу розыскных дел на дезертиров). Данные по тресту «Тулауголь» см.: Там же. Д. 3753. Л. 110, 130. К сожалению, отчеты прокуратуры по Ленинграду, относящиеся к началу 1947 г., основаны на обследованиях всего нескольких предприятий. Вместе с тем даже из этих отчетов следует, что текучесть кадров в Ленинграде, как и в Москве, была крайне низкой. Например, в течение I квартала 1947 г. с 18 оборонных предприятий города ушло всего 387 человек, что составляет незначительную часть общей численности рабочих (Там же. Д. 3752. Л. 81).

работы, невзирая на специальность, полученную ими в ремесленных училищах. Во многом они представляли собой многочисленную и, вероятно, наиболее характерную часть более крупной категории полусвободных работников, которых зачастую против воли посылали в отрасли с самыми неблагоприятными и тяжелыми условиями труда. В эту категорию входили также представители так называемого спецконтингента (заключенные, досрочно освобожденные из лагерей), большинство набранных через систему оргнабора и сельская молодежь, насильно загнанная в учебные заведения системы трудовых резервов.

Анализ социального состава работников, самовольно покидавших свои предприятия, указывает на то, что заметную роль в этом явлении играли представители всех групп рабочих, а не только молодежь. Например, изучение дезертирства работников предприятий угольной и металлургической промышленности Донбасса во II квартале 1947 г. доказывает, что 30 % из них составляли выпускники системы трудовых резервов, еще 30 % — рабочие, отправленные в Донбасс по трудовой мобилизации, и репатрианты, вернувшиеся в СССР после войны. Еще 25 % приходилось на тех, кто пришел по «свободному найму»²². Отчеты по Молотовской области рисуют аналогичную картину. Из числа рабочих, дезертировавших в течение 1946 г. с металлургических заводов в Чусовом и Лысьве, выпускники системы трудовых резервов составляли всего 30 %, в то время как около 40 % приходилось на долю принудительно направленных на эти предприятия во время войны, в том числе через рабочие батальоны, значительную часть которых составляли уголовники. Среди беглецов с шахт угольного треста «Коспашуголь» три четверти в 1946 г. составляли либо репатрианты, либо люди, мобилизованные во время войны²³. Столь же поразительной была ситуация, сложившаяся на шахтах Подмосковного угольного бассейна. Из 1905 человек, сбежавших в апреле 1947 г. с угольного комбината треста «Москвауголь», более половины составляли мобилизованные во время войны, репатрианты или амнистированные заключенные²⁴. Та же история наблюдалась и на Урале. В отчете прокуратуры Челябинской области, подготовленном в апреле 1947 г., отмечалось, что в числе «дезертиров трудового фронта» можно выделить четыре основных категории беглецов: досрочно освобожденные, которые, чтобы собрать деньги на побег, распродала-

²²ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3761, л. 101–102.

²³Там же. Д. 3755. Л. 108–111, 114.

²⁴Там же. Д. 3737. Л. 40.

ли постельные принадлежности, продуктовые карточки и спецодежду, выданные им по прибытии на место работы; мобилизованные во время войны; молодые люди, только что пришедшие из школ ФЗО и рабочие, набранные по системе оргнабора в сельских районах Башкирии, которые сбегали, опасаясь, что руководство предприятий продлит трудовые договоры без их согласия²⁵.

Таким образом, главным фактором, определяющим бегство рабочих с предприятий, был отнюдь не возраст или стаж работы, но невыносимые условия жизни людей, принудительно загнанных на работу. Вместе с тем молодые рабочие по ряду причин доставляли режиму самые серьезные проблемы. Во-первых, именно они, как было показано в главе 1, составляли бо́льшую часть закабаленных людей. Через систему трудовых резервов за 1946–1952 гг. прошли 4,2 млн молодых людей, причем 3,2 млн были принудительно набраны или завербованы в сельской местности. Ключевыми в этом отношении стали 1946–1949 гг., когда в эту систему набрали примерно три четверти послевоенного призыва, из которых около 60 % были мобилизованы принудительно²⁶. Во-вторых, в 1947–1948 гг. система служила средством укомплектования молодыми рабочими самых непопулярных отраслей экономики — угольных шахт, металлургии, военного и гражданского строительства. Особенно сильно зависела от системы трудовых резервов наряду с привлечением заключенных угольная

²⁵Там же. Д. 3747. Л. 158. Аналогичные утверждения содержатся в докладе секретаря Челябинского обкома партии по пропаганде и агитации, сделанном в сентябре 1947 г., где говорится: «...подобные настроения [уехать из области] широко распространены среди рабочих, приехавших в Челябинск во время войны и зачастую живших врозь со своими семьями. Это касается работников завода им. Кирова, железнодорожного узла, рабочих шахты № 205 в Копейске, Копейского завода № 114, заводов в Златоусте и многих других. Желания покинуть область, причем далеко не всегда связанные с проблемами материального положения и снабжения, порой открыто высказываются и поддерживаются отдельными коммунистами. Так, например, нам сообщили, что коммунист тов. Астафьев, мастер металлообрабатывающих мастерских завода огнеупорных материалов Магнитогорского металлургического комбината, в своем выступлении на партийном собрании заявил: “Тогда, во время войны, нас держали на привязи, и рабочему было невозможно уволиться с предприятия. Сейчас настало самое время дать рабочим свободу, чтобы они могли работать там, где захотят”» (РГАСПИ. Ф 17. Оп. 125. Д. 518. Л. 10).

²⁶ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418 (1940–1947 гг.). Л. 1; Д. 420 (1948 г.). Л. 1; Д. 422 (1949 г.). Л. 2; Д. 423 (1950 г.). Л. 3; Д. 424 (1951 г.). Л. 4; Д. 425 (1952 г.). Л. 8. См. также главу 1, с. 56–60.

промышленность, компенсировавшая таким образом свою неспособность нанимать и удерживать свободных рабочих²⁷. В-третьих, как уже отмечалось, даже в те годы, когда общая текучесть кадров пошла на спад, предприятиям по-прежнему сложно было удерживать молодежь. В-четвертых, огромный приток молодых, особенно выходцев из села, формировал ядро обновленного рабочего класса, от которого зависело будущее экономическое развитие страны. Поэтому тот жизненный опыт, который они приобретали в эти годы, безусловно, играл существенную роль в формировании их будущего поведения и отношения к своим предприятиям.

В феврале 1948 г. Комиссия партийного контроля подготовила доклад о текучести кадров среди учащихся системы трудовых резервов и молодых рабочих, закончивших обучение и пришедших работать в промышленность и строительство. Доклад основывался на обследовании ограниченного числа предприятий, включая девять автомобильных и машиностроительных заводов, пять угольных комбинатов и 13 строек, на которые в общей сложности в первые десять месяцев 1947 г. поступило 43 342 молодых рабочих. За тот же период 24 782 молодых человека покинули эти предприятия, в том числе 18 426 — самовольно. Это означало, что промышленные предприятия и строительные организации теряли до 57 % вновь принятых кадров, три четверти из которых сбежали самовольно²⁸. На самом деле, доклад комиссии порой рисует излишне оптимистическую картину. Например, в черной металлургии из 54 172 выпускников системы трудовых резервов, принятых на работу в течение 1947 г., заводы покинули 34 028 человек, или 63 %. Большинство из них, а именно 22 323 человека, просто сбежали, а 9381 уволился по разрешению руководства. Еще многозначительнее выглядит тот факт, что число молодых людей, тем или иным способом ушедших с предприятий черной металлургии, вдвое превышало количество бывших выпускников системы трудовых резервов, оставшихся отрабатывать обязательный четырехлетний срок и затем пополнивших ряды постоянного кадрового состава заводов²⁹. Хуже обстояли дела в промышленности стройматериалов, которая за первые шесть месяцев 1947 г. приняла 4453 выпускника школ ФЗО, одновременно потеряв 3926, то есть чистый прирост составил всего 527 человек³⁰. Все эти

²⁷ См. главу 1, с. 58–61.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 644. Л. 20.

²⁹ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 49.

³⁰ РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 275. Л. 94. Эти цифры относятся только к постоянной рабочей силе и, таким образом, не подвержены сезонным колебаниям.

данные указывают на то, что даже для умеренного наращивания численности персонала на предприятия министерства были вынуждены принимать тысячи, а порой и десятки тысяч молодых рабочих. В этой связи многие заводы напоминали проходной двор. Причины этого не сложно обнаружить: отвратительные условия в общежитиях, низкие заработки, отсутствие самой необходимой одежды, хронический дефицит мыла, недостаточный уровень квалификации, полученной молодыми рабочими в процессе обучения.

Текучесть кадров среди молодых рабочих, так же как и ее уровень по стране в целом, снизилась после 1948 г. Но это понижение происходило постепенно, и во многих отраслях число вновь входящих молодых рабочих редко превышало цифру уволившихся как легально, так и незаконно. Следует иметь в виду, что определенные условия для ухода молодежи с производства были заложены в самой системе, поскольку мужчин призывали на службу в Советскую Армию, а некоторые молодые рабочие имели возможность поступать в высшие и средние учебные заведения. Часть увольнялась по медицинским показаниям, иные же переходили на другие предприятия и, хотя оставались внутри той же отрасли, пополняли собой отраслевые цифры текучести кадров³¹.

Так или иначе, но утечка вновь нанятых молодых рабочих или выпускников системы трудовых резервов продолжала оставаться серьезной проблемой. В конце 1950 г. машиностроительные предприятия, где условия были несравненно лучше и где даже в первые послевоенные годы текучесть кадров оставалась относительно низкой, приняли на работу 124 711 выпускников училищ и школ трудовых резервов, но потеряли при этом 91 654 молодых рабочих, из которых 23 906 ушли самовольно. Понятно, что прием 125 тыс. новичков ради увеличения численности рабочей силы на 33 тыс. человек вряд ли можно считать эффективным способом создания стабильных трудовых коллективов. На следующий год здесь наблюдалось некоторое исправление ситуации, но проблема удержания рабочих кадров все еще не была решена, поскольку наряду с принятием 77 417 выпускников системы

³¹ Так или иначе, но такие переходы сами по себе могли быть обусловлены теми же причинами, что заставляли рабочих сбегать со своих предприятий. В 1952 г. в послании пленуму ЦК комсомола начальник Куйбышевского областного управления трудовых резервов отмечал, что порой руководители предприятий сами способствуют уходу молодых рабочих, которым они не в состоянии предоставить жилье или работу по специальности (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 236).

трудо­вых ре­зер­вов пред­при­ятия по­ки­ну­ли 41 777 че­ло­век. Шес­тая часть вновь принятых молодых рабочих покинула предприятия с нарушениями законодательства³². В черной металлургии наблюдалась аналогичная картина: в течение 1949–1950 гг. только по причинам самовольного ухода отрасль потеряла 37 % пришедших из системы трудовых резервов. Это означает, что полное число молодых рабочих, уволившихся с этих предприятий, было намного больше, хотя нам не удалось обнаружить точные цифры³³.

Отраслью, сильнее всех страдавшей от утечки, по-прежнему оставалась угольная промышленность. В главе 1 уже отмечалось, что в июне и сентябре 1947 г. власти попытались преодолеть ситуацию и ввели военизированный набор на работу в шахты молодых мужчин в возрасте от 20 до 23 лет, еще не призванных на службу в армию³⁴. Именно это, вероятно, объясняет тот факт, что текучесть молодых рабочих угольных шахт намного усилилась именно в 1949 г., полностью противореча общей тенденции по ее снижению, причем даже среди взрослых шахтеров. В течение первого полугодия 1948 г. угольная промышленность, включая ее строительные организации, приняла на работу немногим более 129 тыс. молодых рабочих. За тот же период из нее ушли 55 900 человек, включая 46 600 уволившихся незаконно, что составляет 83,4 % всех ушедших из отрасли. Убыль составила немногим более 18 % от общей численности молодых работников угольной промышленности. Вместе с тем в 1949 г. масштабы текучести кадров значительно выросли. За шесть месяцев этого года, с января по июнь включительно, угольные предприятия приняли 109 500 молодых рабочих, то есть меньше, чем в 1948 г., но число ушедших из отрасли выросло, составив 70 600 человек, из которых самовольно покинули предприятия 56 900 человек, или около 21 % всех молодых рабочих. О масштабах текучести кадров в угольной промышленности можно судить по тому, что упомянутые 70 600 человек составили 42,3 % рабочих всех возрастов, уволившихся из промышленности и строительства за тот же период³⁵. Многочисленные доклады Министерства трудовых резервов, комсомольских организаций и прокуратуры называют причинами массового бегства из угледобывающих регионов низкую заработную плату и невыносимые условия жизни. Многие даже не приступали к

³² ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 184.

³³ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 279. Л. 136–137.

³⁴ См. главу 1, с. 58–61.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 53. Л. 159.

работе на новом месте, другие уходили в течение нескольких недель после прибытия. Некоторые рабочие, будучи пойманными и отбыв наказание, отказывались возвращаться, предпочитая отправиться в тюрьму за уклонение от призыва, чем идти обратно в шахты³⁶. Все это отражает реальную картину. С еще большей уверенностью можно утверждать, что введение военизированного призыва в шахты только ухудшило ситуацию. Тот факт, что призыв был отменен, невзирая на сохранение высокого уровня текучки среди молодых шахтеров, означал, что власти осознали его бесполезность.

Если же взглянуть на экономику в целом, то наблюдавшееся в ней снижение текучести кадров среди молодых рабочих обязано не столько постепенному улучшению условий их существования, сколько тому, что экономика стала меньше зависеть от привлечения молодежи. А раз прием молодых рабочих начал сокращаться, то, соответственно, уменьшалось и число увольнявшихся. К 1950–1951 гг. процесс восстановления экономики в основном завершился, и вместе с ним была решена задача восстановления рабочей силы в промышленности.

Соблюдение законов против самовольных уходов с предприятий

Данные табл. 5.1 указывают на то, что число осужденных «дезертиров трудового фронта» составляло лишь часть зафиксированных нарушителей закона. Возникает законный вопрос, почему это произошло? каким образом такому большому количеству людей удалось избежать наказания в условиях государства со столь развитым репрессивным аппаратом, каким являлся Советский Союз в послевоенные годы? По опыту применения декабрьского (1938 г.) и июньского (1940 г.) указов нам известно, что руководители предприятий и местные власти умели при необходимости находить пути обхода установленных этими указами ограничений свободы действий работников, если они угрожали бесперебойной работе предприятий и нормальному функционированию местной экономики. Из работы Питера Соломона мы также знаем, что власти на местах зачастую не проявляли должного усердия и энтузиазма при внедрении и соблюдении драконовских законов против хищений государственного и личного имущества граждан, введенных сталинским режимом в июне

³⁶ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1100. Л. 104–111; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4160. Л. 16–17; Д. 4772. Л. 238.

1947 г., чтобы сдержать и (или) предотвратить волну мелкого воровства, поднявшуюся в результате нехватки продуктов³⁷. Кому-то эти наблюдения могут показаться странными, если учесть, какая масса людей была осуждена и заключена в тюрьмы на основании всех этих законов, но в их истинности не приходится сомневаться. Большое число осужденных отнюдь не опровергает наличия столь же большого количества людей, сумевших обойти эти законы. Скорее оба эти явления, если рассматривать их совместно, служат определенным индикатором масштабов массового сопротивления населения самым репрессивным сталинским законам.

С учетом приведенного ретроспективного анализа нет ничего удивительного в том, что мы находим похожие схемы общественного поведения в отношении применения в послевоенный период законов против самовольного ухода с предприятий, принятых во время войны. Наказания для нарушителей, предусмотренные этими документами, были не менее суровыми, чем в статьях закона против хищений. Но сам факт, что сотни тысяч людей тем не менее отваживались совершать противоправные поступки, говорит о том отчаянии, которое испытывали крестьяне и рабочие в суровые послевоенные годы. В то же время сама суровость законов, несомненно, помогает объяснить вялость и непоследовательность, с которой их применяли представители власти. Однако особенный интерес представляет то, насколько эти законы обнажили сложное переплетение различных составляющих сталинской системы. То, что рабочие сбегали со своих предприятий, было следствием условий, в которых они жили и трудились, а также обстоятельств, сопутствовавших их водворению на производство и привязке к определенным предприятиям. То, что власти, особенно на селе, укрывали этих «дезертиров», немало говорит об экономических нуждах местных сообществ, но еще больше — о системе общественных отношений, связывающих политических лидеров, работников правоохранительных органов и местное население, и эти связи порой оказывались прочнее лояльности сталинским предписаниям. То, что высшие должностные лица прокуратуры сами зачастую не слишком настаивали на безусловном соблюдении этих законов, указывает на противоречивое положение, которое отводилось прокурорам как гарантам соблюдения норм законодательства в репрессивной и преимущественно беззаконной системе. В своей совокупности все перечисленные аспекты служат еще одним разобла-

³⁷Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 409–413, 430–444.

чением сталинизма на последней стадии его развития, известной в литературе под названием «развитого сталинизма» и отличающейся большим числом институциональных противоречий. Эти противоречия были как вертикальными, между разными уровнями власти, так и горизонтальными, внутри отдельных институтов типа прокуратуры, либо между институтами сопоставимого положения и властных полномочий внутри системы, например между прокуратурами районных центров и сельской милицией.

Руководители заводов и строек независимо от их личного отношения к указам от декабря 1938 г. и июня 1940 г. не играли заметной роли в укрывании нарушителей закона, возможно, опасаясь слишком суровых наказаний. Большинство дел правонарушителей направлялись ими на расследование в местную прокуратуру для последующего привлечения виновных к суду военного трибунала (если на предприятие распространялся Указ от 26 декабря 1941 г.) или напрямую в народные суды (если предприятие не относилось к категории оборонных и подпадало под действие Указа от 26 июня 1940 г.). Например, согласно докладам, в асбестовой промышленности в течение 1947 г. руководители направили дела всех нарушителей в компетентные органы. С аналогичными заявлениями выступили директора многих заводов черной металлургии³⁸. Во всяком случае, руководство предприятий часто упрекали в излишнем рвении, с каким оно отправляло для дальнейшего расследования дела тех нарушителей, которые того не заслуживали. В 1949 г. Прокурор РСФСР жаловался, что доля осужденных сократилась почти до 80 %! Остальные дела были прекращены или закрыты на стадии расследования, поскольку руководители предприятий зачастую не утруждали себя проверкой всех обстоятельств проступка их работника³⁹. Подобные заявления встречались и в 1946–1947 гг., когда отношение режима к нарушителям было намного строже⁴⁰. Похоже, главные «перестраховщики» работали на железнодорожном транспорте, поскольку наибольшее число дел в отношении железнодорожников закрывалось еще до начала или в ходе их расследования прокурорами⁴¹.

³⁸ РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 338. Л. 44 об. (асбестовая промышленность); Ф. 8875. Оп. 46. Д. 227. Л. 25 (черная металлургия).

³⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4506. Л. 244–245.

⁴⁰ Там же. Д. 3023. Л. 203, 349; Д. 3751. Л. 131–132; Д. 5051. Л. 247 (последний документ 1948 г. относится к Кемеровской обл.).

⁴¹ В течение 1946 г. только 415 из 929 дел против «дезертиров», направленных в прокуратуру с Оренбургской железной дороги, дошли до суда (Там

Укрывательство нарушителей, безусловно, имело место. Например, в 1948 г. прокуратурами было внесено 817 обвинительных заключений против «лиц, занимающих руководящие должности» за скрывание случаев прогулов и незаконных увольнений, незаконный прием на работу «дезертиров» или, что важно, за провоцирование нарушений трудовой дисциплины в связи с отсутствием надлежащих условий труда и жилищных условий для работников предприятий⁴². Сложно оценить, насколько приведенные цифры демонстрируют уровень согласия руководителей предприятий с действовавшими законами, поскольку они представляются сильно заниженными, если учесть общее число руководящих работников в экономике того времени. Доклад прокуратуры, представленный в начале 1947 г., дает понять, что лишь незначительное меньшинство руководителей было привлечено к ответственности за недонесение о нарушениях, а две трети из тех, кто был все-таки наказан, отделались дисциплинарными взысканиями вместо привлечения к уголовной ответственности⁴³. Исходя из этого можно предположить, что по крайней мере вдвое больше, чем указанные 817 руководителей, были также признаны нарушителями закона, но не привлечены к суду. Вполне вероятно, что таких людей намного больше, но их проступки так и не были никогда выявлены.

Сложно установить по прокурорским отчетам, чем было обусловлено столь индифферентное отношение к закону — природной гуманностью руководства или экономическим прагматизмом. Некоторые из упомянутых отчетов вскрывают случаи масштабных нарушений. Например, директор одной из угольных шахт Челябинской области обвинялся в том, что не привлек к ответственности ни одного из бо-

же. Д. 3915. Л. 8). На Пермской железной дороге с января по август 1946 г. 26 % дел было закрыто на стадии досудебной проверки (Там же. Д. 3238. Л. 74). Сходное число дел (21 %) не дошло до суда на Западной железной дороге (Там же. Д. 3907. Л. 53, 144, 189). Глава управления военных трибуналов войск МВД в сообщении от 29 июля 1947 г. жаловался, что районные прокуроры зачастую пренебрегают своими обязанностями и не отличают малозначимые случаи от злостных правонарушений (Там же. Д. 3023. Л. 279–280). Эти претензии были в большинстве случаев оправданными. Вместе с тем, учитывая присущий сталинской правоохранительной системе репрессивный уклон и безоговорочное признание необходимости осуждения значительной части людей, уволившихся со своих предприятий с нарушениями закона, особенно впечатляет относительно высокая доля дел, закрытых на стадии предварительного расследования.

⁴² Там же. Оп. 29. Д. 105. Л. 12.

⁴³ Там же. Оп. 37. Д. 3023. Л. 206.

лее сотни рабочих, с большим (порой доходившим до месяца) опозданием возвратившихся из ежегодного отпуска. По закону эти люди подлежали уголовному преследованию за «дезертирство»⁴⁴. Похожие обвинения были выдвинуты против ряда руководителей предприятий легкой промышленности Львовской области. Некоторые из них скрывали случаи самовольного ухода рабочих с предприятий, увольняя их своими приказами, отданными задним числом, другие негласно исключали таких нарушителей из списков работников фабрик⁴⁵. Главная роль в укрывательстве принадлежала заводским табельщикам. Если те сознательно или по небрежности не замечали длительного отсутствия сбежавшего работника, то подобные случаи могли оставаться не выявленными месяцами или не обнаружиться никогда⁴⁶. Далеко не все подобные действия совершались из благородных побуждений. Целый ряд работников заводууправлений был осужден за взятки, полученные в обмен на выдачу поддельных паспортов или справок, подтверждавших увольнение рабочего с согласия руководства⁴⁷. Эти примеры дают все основания полагать, что официальная статистика значительно занижает реальные цифры самовольных уходов с предприятий.

Рабочие могли избежать наказания или по крайней мере его отсрочить по самым разным причинам, включая, например, бюрократические небрежности прокуроров и руководителей предприятий при оформлении документов, необходимых для возбуждения уголовного дела. Власти нередко обвиняли директоров предприятий в приеме на работу людей без трудовых книжек (а это явление кое-где носило массовый характер), но за этим скрывалась простая бюрократическая уловка. Если такие работники сбежали, то у руководителей не имелось на руках никаких документов для представления в прокуратуру, и отслеживать беглецов было невозможно⁴⁸. Может показаться странным, что военные трибуналы, занимавшиеся делами о нарушениях на

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 110.

⁴⁵ Там же. Д. 3761. Л. 6–7.

⁴⁶ Табельщик Енакиевского металлургического завода в Донбассе получил год исправительных работ за то, что указывал отсутствующими по болезни 48 дезертиров. Старший табельщик шахты треста «Красноармейскуголь», также расположенной в Донбассе, получил аналогичное наказание за несвоевременные доклады о более чем 300 случаях побегов и прогулов (Там же. Л. 79, 167).

⁴⁷ Там же. Д. 3747. Л. 252; Д. 3751. Л. 192–193; Д. 3767. Л. 47; Д. 5051. Л. 240.

⁴⁸ Там же. Д. 3023. Л. 352. На одной из шахт в г. Копейске Челябинской обл. в 1946 г. более половины работников не имели трудовых книжек. На заводе в том же городе руководство было обвинено в приеме 229 рабочих без

оборонных предприятиях и на транспорте, порой выступали яркими поборниками законности. Если следователи не проверили наличие смягчающих обстоятельств, в документах неправильно указывались имя, фамилия или место работы подозреваемого, бумаги, относящиеся к предыдущим правонарушениям, не были должным образом оформлены и подписаны, то трибуналы зачастую оправдывали нарушителей или возвращали их дела на доследование. На Украине, где дезертирство с трудового фронта носило поистине массовый характер, трибуналы в течение июля–августа 1947 г. (когда число этих правонарушений достигло пика) отклонили 14 % подобных дел⁴⁹. Частичное сокращение перечня оборонных предприятий, произошедшее в марте 1947 г., также добавило бюрократических препятствий, поскольку теперь местные прокуратуры и военные трибуналы требовали уточнить статус предприятия, с которого был совершен побег. Если оно оказывалось необоронным, то дело переквалифицировалось по менее строгому Указу от 26 июня 1940 г.⁵⁰

Сколько бы ни были важны для конкретных обвиняемых все эти проволочки, они, безусловно, имели отношение лишь к незначительной горстке людей, составлявших малую часть тех, кто сумел избежать наказания. Поражает то, что громадное большинство беглецов с военных предприятий так никогда и не были пойманы. В 1945 г. 40 % дел о дезертирстве с трудового фронта были прекращены из-за того, что сбегавших не удалось изловить. Возможно, данные за этот год были искажены вследствие объявленной амнистии, в результате которой многие дела были закрыты, а расследование по ним прекращено. Но в 1946 г. число таких случаев даже возросло. Из 488 059 вновь возбужденных

трудовых книжек или с паспортами, содержащими поддельные отметки о законном увольнении с предыдущего места работы (Там же. Д. 3747. Л. 112).

⁴⁹Там же. Д. 3023. Л. 346. В этом деле содержится несколько подобных примеров по различным областям и республикам (см. Л. 208–209, 231, 276–277, 284–286). Примеры аналогичного поведения военных трибуналов на железных дорогах см.: Там же. Д. 3908. Л. 186. Небрежности при оформлении документов, однако, не всегда шли на пользу обвиняемым. См.: Там же. Д. 3023. Л. 298–300 (пример, относящийся к Казахстану, где 40 рабочих Карагандинского угольного бассейна отбыли несколько месяцев предварительного заключения из-за отсутствия полного набора нужных документов в их делах).

⁵⁰ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 89, 100–103, 200–201. Это одновременно означало, что соответствующее дело должно быть передано для рассмотрения в народный суд. Требовательность трибуналов в отношении неуклонного соблюдения закона имела и более приземленные цели — это позволяло им избавиться от лишней работы.

дел 55 % прекратили в связи с невозможностью установить местонахождение обвиняемых⁵¹. В 1947 г., как следует из табл. 5.4, разрыв между числом возбужденных и завершенных приговором дел увеличился.

Хотя приведенные в таблице сведения поражают воображение, они, подобно большинству обобщенных данных, скрывают то, что можно назвать кризисом неисполнения законов в регионах, наиболее подверженных текучести кадров. Одним из них был Донбасс, где два крупнейших угледобывающих треста, «Сталиноуголь» и «Артемуголь», за семь месяцев 1947 г., с января по июль включительно, потеряли в общей сложности 22 331 работника. При этом только 775 (3,5 %) из них были отданы под суд. Всего с предприятий Сталинской (ныне Донецкой) области за II и III кварталы 1947 г. (с апреля по сентябрь) сбежало около 41 тыс. рабочих, из которых удалось поймать менее 5 %⁵². Мало чем отличалась от Донбасса Челябинская область на Урале. В начале 1947 г. по всей области было поймано не более четверти сбежавших рабочих. За этой цифрой скрывается тот факт, что в некоторых промышленных центрах не сумели поймать никого. Из 311 ордеров на розыск беглецов, выданных в феврале 1947 г. в Магнитогорске, был исполнен всего 21, а из 375 дезертиров с угольных шахт г. Коркино удалось выследить лишь 5 человек⁵³.

Таблица 5.4

Доля выслеженных работников от общего числа незаконно покинувших место работы по СССР в целом за январь–сентябрь 1947 г.

Квартал 1947 г.	Число вновь выданных ордеров на розыск нарушителей Указа от 26 декабря 1941 г.	Исполнено ордеров	Доля исполненных ордеров (%)	Число вновь выданных народными судами ордеров на розыск нарушителей Указа от 26 июня 1940 г.	Исполнено ордеров	Доля исполненных ордеров (%)	Число нарушителей, выловленных милицией по собственной инициативе
I	130 736	44 793	34,3	66 616	25 697	38,6	8663
II	140 949	40 916	27,3	94 883	28 449	30,0	9420
III	138 174	35 431	25,6	119 563	32 083	26,8	7404

Источник: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4570. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 202–205 (1945 и 1946 гг.).

⁵² Там же. Д. 3761. Л. 147, 162.

⁵³ Там же. Д. 3747. Л. 161.

Из табл. 5.4 следует также, что рабочих, самовольно покинувших предприятия необоронного сектора и подпадающих под юрисдикцию народных судов, отлавливать было так же сложно, как и их коллег из оборонных отраслей, хотя основное их количество в конце концов все же было осуждено (см. табл. 5.1).

Следует подчеркнуть, что количество ордеров, выданных на розыск «дезертиров», или таких же ордеров, выданных народными судами на розыск «лиц, самовольно ушедших с предприятий», не совпадает с реальным числом беглецов за соответствующий период. По закону руководитель предприятия, с которого сбежал работник, был обязан (по крайней мере теоретически) направить соответствующие документы прокурору своего района. Прокурор, в свою очередь, должен был выписать ордер на розыск беглеца для местной прокуратуры и органов милиции тех регионов, где тот предположительно мог скрываться. Обычно это означало направление ордера в ту деревню или село, где сбежавший проживал прежде, но иногда были основания предполагать, что дезертир отправился куда-то еще. Далее местным властям надлежало выследить дезертира, расследовать его дело и либо предъявить обвинение, либо организовать его отправку на прежнее место работы. О том, как применение описанной процедуры влияло на работоспособность всей системы, мы еще поговорим. Здесь же следует отметить, что на одного дезертира могло быть выписано несколько розыскных ордеров, в связи с чем количество непойманных беглецов, указанное в табл. 5.4, может оказаться несколько завышенным. В отчете одной из прокуратур Ростовской области, представленном в 1947 г., именно этим обстоятельством местные прокуроры пытались оправдать недостаточную эффективность работы по поиску дезертиров, но оказалось, что учет данного фактора незначительно улучшает отчетные показатели. Доля поимки сбежавших выросла лишь чуть больше, чем на один процентный пункт, с 14,9 до 16,1 %, оставаясь по-прежнему хуже и так неутешительной общесоюзной статистики⁵⁴.

Чем можно объяснить подобный феномен? Только ли обширностью территории, на которой следовало организовать поиски? Ответ, безусловно, отрицательный, поскольку в подавляющем большинстве случаев власти знали, куда мог уехать разыскиваемый и где он находится, но были не в состоянии его арестовать. Поэтому причины следует искать в другом. Во-первых, местные прокуратуры и милиция неохотно соблюдали закон, а во-вторых, система поиска включала в

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3750. Л. 45.

себя также председателей колхозов, глав местных советов и даже местных партийных руководителей, которые стремились предотвратить арест и заключение в тюрьму людей, хорошо им известных и состоявших с ними в одном деревенском сообществе. Кроме того, они остро нуждались в рабочих руках.

Индифферентность местных прокуратур и милиции отражена в архивных документах. В начале 1947 г. Шейнин, бывший тогда начальником Следственного управления Генеральной прокуратуры СССР, отмечал, что «...в то время, как многие следователи предпринимают все необходимые меры по розыску и аресту дезертиров с производства, демонстрируя при этом инициативу и оперативность, находятся отдельные следователи, которые ограничиваются формальными допросами одного или двух свидетелей, являющихся, как правило, табельщиками или начальниками цехов, не стремясь при этом установить, где можно отыскать человека, самовольно оставившего свое предприятие»⁵⁵. Но то, что Шейнин называет исключением, вероятнее всего являлось правилом.

Еще одна проблема заключалась в том, что дела о дезертирстве зачастую возбуждались с большой задержкой. Руководители предприятий, которые в конце концов сообщали в прокуратуру почти о всех случаях самовольного оставления работы, были заинтересованы задерживать свои обращения в надежде на то, что беглецы вернуться добровольно. Особенно это касалось рабочих, уехавших в отпуск и запаздывавших с возвращением. Подобная тактика, похоже, была популярна среди намеревавшихся сбежать с предприятия⁵⁶. Но прокуратуры, в чьи обязанности входило инициирование розыска беглецов, также тянули время, порой задерживая возбуждение дел на четыре-пять месяцев⁵⁷. На практике это означало, что, пока розыскной ордер доходил до места назначения, разыскиваемый по нему дезертир вполне мог перебраться в другой регион⁵⁸.

⁵⁵ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 205.

⁵⁶Там же. Д. 3751. Л. 144–145.

⁵⁷Там же. Д. 3023. Л. 343. Здесь содержится отчет прокуратуры, отвечавшей за Карагандинский угольный бассейн в Казахстане. По закону дело о дезертирстве с трудового фронта возбуждалось в течение 10 дней с момента совершения. Однако в первой половине 1947 г. Карагандинская прокуратура в трети случаев тянула по месяцу и более с направлением розыскных ордеров в милицию.

⁵⁸Там же. Д. 3750. Л. 309.

Большинство случаев нежелания действовать как положено происходило не по месту работы, а по месту прежнего жительства дезертиров. Например, прокурор одного из сельских районов Новгородской области отклонил розыскной ордер, сославшись на отсутствие в нем всей положенной информации, в частности подтверждавшей, что завод, с которого сбежал рабочий, относится к категории оборонных предприятий, то есть что человек действительно дезертировал⁵⁹. Районный прокурор из Смоленской области информировал сталинградские власти, что женщина-работница, сбежавшая со Сталинградского тракторного завода, обнаружена, но отказывается возвращаться на завод, и он больше не предпринимает никаких действий в ее отношении. Сталинградский тракторный завод остался ни с чем и в другом случае, когда попытался преследовать еще одну женщину-работницу, убежавшую домой в Ставропольский край. Местный прокурор заявил, что, поскольку сельский врач, осмотрев беглянку, признал ее годной к работе только дояркой или птичницей, он не собирается больше ее преследовать⁶⁰. Местные прокуроры отказывались действовать даже в тех случаях, когда дезертир оставался в подведомственном им районе. Например, следователи Ленинск-Кузнецкой прокуратуры в Кузбассе не предприняли никаких действий по задержанию нескольких беглецов, место жительства которых было отлично известно. В ответ на претензии руководства одного из предприятий следователь прокуратуры якобы заявил: «Ваше дело поймать беглеца и доставить его ко мне, а я оформлю все положенные бумаги»⁶¹.

Но, пожалуй, меньше всего энтузиазма в отлавливании сбежавших проявляла местная милиция. По словам прокурора Ростовской области, она занималась только одним: запрашивала у глав сельсоветов и председателей колхозов официальные подтверждения того, что разыскиваемый не проживает в той или иной деревне. На этом все поисковые мероприятия и заканчивались. Не предпринималось никаких действий, чтобы установить местопребывание беглецов, например, не опрашивались их родители, родственники и соседи. Цель состояла, скорее всего, в том, чтобы как можно скорее избавиться от дела. В подтверждение этого приведем жалобу Шахтинского районного прокурора, который сообщал, что к нему возвращается неисполненным практически каждый розыскной ордер, направляемый им в Житомирскую, Сумскую, Полтавскую, Днепропетровскую и другие

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 38.

⁶⁰ Там же. Д. 3751. Л. 145.

⁶¹ Там же. Д. 3023. Л. 279.

области, с отпиской: «...разыскиваемое лицо в данной местности не проживает»⁶². Похожие претензии содержатся в сообщении прокурора Краснодарского края:

«Некоторые официальные лица органов МВД и городских управлений МВД проявляют формальное отношение к розыску, ограничиваясь получением информации по делам от сельсоветов и колхозов, где проживали дезертиры до мобилизации на оборонные предприятия, и не предпринимают больше никаких действий по их делам»⁶³.

Прокурор Челябинской области, где, как уже отмечалось, удавалось разыскать очень малое количество дезертиров, еще откровеннее выражал озабоченность:

«В условиях массового дезертирства рабочих органы прокуратуры в городах Коркино и Копейск не предпринимают серьезных мер по усилению борьбы с дезертирством, ограничиваясь простыми проверками поступающих в них материалов, формальными проверками жилищных условий работников предприятий и регистрацией случаев дезертирства. Органы милиции не только не усиливают поиск дезертиров, но фактически значительно ослабляют свои усилия в этом направлении. Из 1815 рабочих, дезертировавших с предприятий г. Коркино, органы милиции сумели задержать только 25 человек, в том числе 3 в апреле, 7 в мае и 15 в июне. Таким образом, органы прокуратуры и милиции этих городов очень слабо борются с дезертирами, подавляющая масса которых избегает наказания»⁶⁴.

Возникает вопрос, почему местные правоохранительные органы вели себя таким образом? Одним из возможных объяснений может быть их перегруженность работой. Крайне репрессивная политическая система, криминализирующая обширные области общественной жизни, неизбежно порождает огромное количество псевдопреступников. Более того, экономические катастрофы влекут за собой громадный рост числа настоящих уголовных преступлений и социальных неурядиц, борьба с которыми ложится на плечи милиции и местных прокуроров. Они не только арестовывали и отдавали под суд грабителей, воров, насильников и убийц, но также проводили облавы на железнодорожных вокзалах и станциях, отлавливая беспризорников и направляя их в детские учреждения, включая исправительные ко-

⁶² ГА РФ. Ф 8131. Оп. 37. Д. 3750. Л. 46–47. В докладе содержится аналогичная претензия к местным районным прокуратурам (Л. 39).

⁶³ Там же. Д. 3735. Л. 68.

⁶⁴ Там же. Д. 3747. Л. 228.

лонии МВД, призванные помогать таким детям и перевоспитывать их. Вполне понятно, что постоянно загруженная милиция не проявляла особого усердия в преследовании дезертиров трудового фронта, особенно в тех случаях, когда те находили способы добывать себе средства существования, работая в колхозе или нанимаясь на другие предприятия. Нагрузка на правоохранительные органы усилилась после принятия в июне 1947 г. новых законов против хищений. Необходимость проводить одновременно две карательные-репрессивные кампании довела местные органы до критического состояния. Однако проблема их перегруженности бюрократической работой существовала и до введения указанных законов. Этим объясняются длительные проволочки при возбуждении некоторыми прокуратурами дел против лиц, самовольно покинувших свои предприятия, причем даже против досрочно выпущенных из лагерей на поселение, хотя, казалось бы, именно таких людей органы должны были преследовать намного усерднее, чем обычных граждан⁶⁵. Становится понятно также, почему местные прокуратуры и милиция старались переправить накопившиеся нерасследованные дела в милицейские органы других районов или в Первое специальное управление МВД⁶⁶.

Существует и еще одно объяснение данному феномену. Дело в том, что милиция и прокуратуры в сельских районах были тесно связаны с местным сообществом, частью которого они являлись, и вступали с ним в тайный сговор, защищая «своих» жителей, сбежавших домой с промышленных предприятий или из учебных заведений системы трудовых резервов. Как следует из проанализированных материалов, линия противостояния в конфликтах, связанных с преследованием

⁶⁵ Об отсутствии настойчивости местных прокуратур в розыске бывших заключенных, сбежавших с места работы, сообщается в различных докладах, хранящихся в: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 223–226, 257, 268.

⁶⁶ Число дел, пересылаемых, таким образом, с места на место, могло достигать нескольких сотен за квартал. Например, только в январе 1947 г. Челябинская городская прокуратура переправила в Первое специальное управление МВД 621 дело, что примерно в десять раз превысило количество реально пойманных дезертиров (Там же. Д. 3747. Л. 102). Сталинградская городская прокуратура избавилась таким способом от 436 дел в течение I квартала 1947 г. (Там же. Д. 3751. Л. 143). Прокуратура Ростовской обл. в III квартале 1947 г. отправила в различные органы милиции 553 дела (Там же. Д. 3750. Л. 146). Краснодарская краевая прокуратура сумела избавиться от 717 дел за II квартал 1947 г. (Там же. Д. 3745. Л. 140). Нет никаких подтверждений того, что подобные действия привели к значительному росту количества реально арестованных и осужденных беглецов.

дезертиров трудового фронта, пролегла не только между различными государственными институтами, но и внутри них. Так, городские прокуратуры, выписывавшие ордера на розыск сбежавших, наталкивались на противодействие со стороны районных прокуратур в сельской местности, то есть официальных лиц внутри собственной структуры. Областные прокуроры также возмущались самоуправством своих подчиненных из сельских районов. Таким образом, независимо от ведомственной принадлежности и подчиненности участников противостояния «линия фронта» пролегла между городом и деревней. Это можно доказать на примере трех строительных организаций, расположенных в разных регионах страны и столкнувшихся с сопротивлением со стороны правоохранительных органов, не исключая Генеральную прокуратуру СССР.

Первый случай связан с одним из строительно-монтажных управлений (СМУ) треста Госстроя № 24 (г. Златоуст, Челябинская область), принадлежавшего Министерству вооружений СССР. Среди рабочих этого СМУ насчитывалось немало ссыльных немцев Поволжья, мобилизованных в 1942 г. из колхоза в Кустанайской области Казахстана. В течение 1947 г. многие из них были отпущены домой на побывку, но обратно не вернулись. СМУ подготовило все документы, необходимые для их розыска и водворения на место работы, и установленным порядком направила в прокуратуру Кустанайской области, которая никак на это не отреагировала. Директор СМУ обрисовал возникшую ситуацию в письме на имя Горшенина, исполнявшего обязанности Генерального прокурора СССР. В письме, датированном 9 декабря 1947 г., говорилось:

«Местные органы Кустанайской области начиная с областной прокуратуры и областного Управления внутренних дел и заканчивая председателями сельсоветов и правлений колхозов, принимают наших дезертиров устраивают их на работу и не предпринимают абсолютно никаких мер, чтобы вернуть их в строительную организацию, в которую они были мобилизованы ранее. Наши письма и письма Нижне-Златоустовской районной прокуратуры в прокуратуру Кустанайской области остаются без ответа, и никакие действия по ним не предпринимаются».

Реакция Генеральной прокуратуры на это обращение продемонстрировала отсутствие заинтересованности в разрешении ситуации. М. З. Альтшуллер, заместитель начальника следственного управления Генеральной прокуратуры, ограничился направлением Прокурору Казахской ССР письма, в котором попросил его разобраться в этом деле и принять меры по «...усилению борьбы против дезертиров

с производства»⁶⁷. Само письмо директора СМУ затерялось в архивах прокуратуры.

Второй пример более показателен. Он демонстрирует всю силу сельской солидарности. История начинается с обращения в конце июля 1947 г. начальника строительной организации ВМФ в г. Николаеве на Украине в Генеральную прокуратуру. В своем письме он рассказывает о попытках возвращения на производство сбежавших работников. Значительную часть квалифицированной рабочей силы его организация черпала из местной школы ФЗО № 10, но большинство выпускников этой школы разбежались по селам Николаевской области, где они проживали ранее. Описываемая ситуация заслуживает того, чтобы привести длинную цитату из его обращения.

«Мои усилия по созданию наиболее благоприятных жилищных и материальных условий для молодых рабочих не достигают своих целей, потому что местные органы прокуратуры и председатели сельсоветов и правления колхозов не исполняют закон и не только не возвращают дезертиров обратно в нашу строительную организацию, но даже помогают им оставаться безнаказанными, не препятствуя их работе в колхозах. В общей сложности из нашей организации за 1947 г. дезертировал 201 человек. Только в Снигиревском районе Николаевской области нами выявлено более 100 молодых рабочих, закончивших школу ФЗО № 10 и сбежавших из нашей организации. Некоторые из них (всего 15 чел.) окончили школу в июне текущего года, но даже не приступали к работе после выпускных экзаменов, сбежав домой, где они сейчас спокойно трудятся в своих колхозах.

Я лично обратился к прокурору Снигиревского района т. Пирожку, имея на руках письмо областного прокурора т. Грешнова, с требованием сделать все, что в его силах, для возвращения дезертиров и привлечения к уголовной ответственности наиболее злостных нарушителей закона.

12 июня сего года я лично приехал в Снигиревский район вместе с заместителем прокурора области т. Чепурой, снарядив с собой два грузовика для перевозки отловленных дезертиров, и, по совету областного прокурора, обратился к заместителю председателя исполкома Снигиревского Совета депутатов, секретарю райкома партии т. Юрченко и к районному прокурору т. Пирожку с просьбой оказать мне посильную помощь в поимке дезертиров. В результате четырехдневной облавы по деревням района моим представителям и районному прокурору удалось отловить 12 человек, которых мы отправили обратно в нашу строительную организацию.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 375–376.

Убедившись в том, что такой метод поиска дезертиров практически не приносит результатов, мы с заместителем прокурора области попросили заместителя председателя райисполкома и секретаря райкома партии включить в повестку дня пленарного заседания райисполкома 17 июня вопрос о возвращении рабочих в нашу строительную организацию и персональные дела отдельных председателей колхозов и деревенских сельсоветов, уклоняющихся от исполнения распоряжения райисполкома и прокурора района об их возвращении.

17 июля мы вместе с прокурором Центрального района области т. Рябиным (который получил соответствующие инструкции от областного прокурора) приехали на пленум Снегиревского райисполкома и убедились в том, что совершили 75-километровую поездку напрасно, поскольку на пленум не только не были вызваны председатели колхозов и сельсоветов, злостно уклонявшиеся от исполнения распоряжения о возвращении дезертиров, но даже сам этот вопрос отсутствовал в повестке дня. Более того, секретарь райкома т. Ющенко даже не считал нужным выделить 10 минут, чтобы встретиться со мной и прокурором Рябиным, сославшись на занятость. Из всего этого мы сделали вывод, что никакая борьба с дезертирами в этом районе невозможна, поскольку районные власти не просто встали на путь безответственного отношения к исполнению своих обязанностей, но напрямую нарушают действующее законодательство»⁶⁸.

Не менее знаменательной была реакция Генеральной прокуратуры СССР на это обращение. В начале августа ее Генеральная инспекция связалась с Р. А. Руденко, прокурором УССР, и попросила его «...проверить реальное состояние борьбы с дезертирством молодых рабочих из упомянутой строительной организации и принять необходимые меры для исключения нарушений действующего трудового законодательства». Это поручение, очевидно, не было исполнено, поскольку в октябре руководитель военно-морской строительной организации вновь обратился в Генеральную прокуратуру с жалобой на то, что по его заявлениям ничего не предпринимается. Три недели спустя Альтшуллер написал Руденко и попросил его тщательно проверить работу прокуратуры Николаевской области по этому делу и принять необходимые меры по устранению «существующих недостатков»⁶⁹. Далее все, что касается этого случая, из архивов прокуратуры исчезает.

Третий и последний пример относится к строительному проекту, осуществлявшемуся организацией «Уралхиммашстрой» в г. Ниж-

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 361–362.

⁶⁹ Там же. Л. 263–365.

не-Исетске Свердловской области. Во многих деталях этот случай почти совпадает с двумя предыдущими. Отличие лишь в том, что данная стройка потеряла почти 15 % квалифицированных специалистов. Большинство сбежавших работников были призваны сюда из различных регионов Украины — Ровенской, Тернопольской (ныне Тернопольской), Дрогобыжской (позднее включенной в Львовскую) и Львовской областей. Особое возмущение руководителя организации вызывал тот факт, что условия труда и жизни рабочих были (по мнению дирекции) очень хорошими. Люди имели возможность перезаключить трудовые договоры, которые позволяли им получать ссуды на приобретение частных домов и домашних вещей, а также на покупку коров. Они также имели возможность за счет предприятия перевезти к себе семьи со всем имуществом. «В подобных условиях для их стремления сбежать была единственная причина, — заключал он, — состоявшая в отсутствии надлежащей борьбы с дезертирством, если не считать климатических условий на Урале». Все попытки вернуть людей на предприятие не увенчались успехом. От рабочих, возвращавшихся из отпусков, он слышал, что «дезертиры благополучно проживают там, где обитали прежде». Далее руководитель организации пишет:

«Ситуация стала совершенно нетерпимой. Нежелание наказывать дезертиров властями Ровенской, Станиславской, Львовской, Дрогобыжской и других областей Украины влечет за собой продолжающийся рост числа случаев дезертирства, разрушительным образом сказывающегося на производственной деятельности организации. Это может сорвать выполнение программы строительства завода “Уралхиммаш”, одного из важнейших для страны предприятий».

И даже в этом случае Генеральная прокуратура отреагировала пренебрежительно, недовольная тем, что к ней обращаются с такими жалобами. Александров, еще один заместитель начальника следственного управления Генпрокуратуры, писал следующее: «В связи с вашим письмом Прокуратуре УССР было дано распоряжение принять меры по усилению борьбы с дезертирством на производстве». Что же содержало это распоряжение? Руденко предписывалось «...принять необходимые меры и известить об их результатах руководство “Уралхиммашстроя”»⁷⁰. Воздержимся от комментариев по поводу отношения прокуратуры к «борьбе против дезертирства на производстве» до заключительной части данной главы.

⁷⁰ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3023. Л. 239–245.

Что изменилось после смягчения указов 1947 г. и демилитаризации промышленности и транспорта по мартовскому и майскому указам 1948 г.? В течение 1948–1949 гг. наблюдался быстрый рост количества осужденных по Указу от 26 июня 1940 г., что во многом объясняется изменениями в законодательстве, в соответствии с которыми все случаи самовольного ухода рабочих с предприятий стали подпадать под действие этого указа. Если же рассмотреть суммарное число осужденных по всем указам, направленным на борьбу с этим явлением, то после смягчения законодательства оно сократилось незначительно, по крайней мере за эти два года. Только в 1950–1951 гг. сокращение количества осужденных стало заметным. (Нам не удалось найти адекватного объяснения причин роста числа осужденных в 1952 г.) Приведенные данные не так просто объяснить, как может показаться. После 1947 г. текучесть кадров стала очень быстро сокращаться, но вплоть до 1950 г. общее количество осужденных за самовольный уход с предприятий уменьшилось незначительно. Можно предположить, что тогда удавалось арестовывать и наказывать больше нарушителей закона, но информация из прокуратуры эту гипотезу не подтверждает. В отчетах нет обобщенных данных по Союзу, но имеющиеся сведения только по РСФСР указывают на сохранение прежних тенденций. За 15 месяцев, с апреля 1948 г. по июнь 1949 г., только по четверти розыскных ордеров, выданных народными судами, удалось поймать беглецов⁷¹. Кроме того, отчеты из отдельных областей указывают на то, что у местных правоохранительных органов имелся всего один способ, чтобы предупредить выход ситуации с розыском из-под контроля. Он заключался в пересылке массы ордеров в другие районы или ведомства, а также в затягивании исполнения ордеров до истечения двухмесячного срока их действия⁷².

Прокурор Великолукского района писал, что не считает необходимым опротестовывать приостановку дел, поскольку никто не ста-

⁷¹ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4506. Л. 199–200, 220–222, 233–234, 241–242. Данные по незаконной текучести кадров, приводимые в квартальных отчетах прокуратуры РСФСР, не совпадают. Поэтому нет никакой гарантии, что сведения о количестве арестов являются более надежными. Общая тенденция в изменении соотношения между числом выданных розыскных ордеров и фактическим числом арестованных нарушителей закона тем не менее позволяет представить себе состояние дел в данной области.

⁷²Там же. Д. 4772. Л. 229 (Московская обл.); Д. 5034. Л. 73, 76 (Курская обл.); Л. 144, 174, 205 (Молотовская обл.).

нет разыскивать людей, самовольно покинувших места работы, по истечении двухмесячного срока. Если же эти дела не будут закрыты и по ним не будет проводиться никаких следственных действий, то они все равно пополняют список приостановленных дел (так у авторал — *Прим. пер.*)⁷³

Масса нераскрытых правонарушений заставляла органы ускорять процедуры рассмотрения дел тех нарушителей, которых все же удалось арестовать. Но и здесь возникали сложности, которые достигли своего пика в 1949 г. МВД жаловалось, например, что тюрьмы в Сталинской области Донбасса переполнены, а число заключенных в них в три–четыре раза превышает норму. Большинство из них составляли рабочие из других областей Украины и из Молдавии, в свое время сбежавших с предприятий Сталинской области и возвращенные обратно для судебного разбирательства. Установленная законом процедура была абсолютно ясной: если сбежавший с предприятия рабочий найден, то прокуратура и суд по месту его поимки обязаны расследовать дело и назначить ему наказание. Но именно эта процедура позволяла местным властям обходить закон. Руководители предприятий в таких регионах, как Донбасс, где в отличие от страны в целом текучесть кадров оставалась на очень высоком уровне, потеряли всякую надежду вернуть сбежавших рабочих. Поэтому местные районные прокуратуры забрасывали своих коллег в остальных областях Украины и в Молдавии розыскными ордерами, в которых требовали направлять пойманных беглецов непосредственно в Сталино. Естественно, те охотно исполняли просьбы, поскольку сами стремились избавиться от подобных дел, хотя это и противоречило установленной законом процедуре⁷⁴. Руководство предприятий желало заполучить обратно своих работников любой ценой, а местные правоохранительные органы были рады пойти навстречу, поскольку они вовсе не желали утруждать себя возней с беглецами. По иронии судьбы именно МВД оказалось жертвой согласия двух заинтересованных сторон. Как будет показано в следующем разделе, в эту бюрократическую круговерть втягивались также учащиеся, сбежавшие из учебных заведений системы трудовых резервов (порой с трагическими для себя последствиями).

⁷³ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4506. Л. 216.

⁷⁴Там же. Д. 4772. Л. 225–227, 233–234.

Бегство из учебных заведений системы трудовых резервов

Как уже отмечалось в главе 4, массовое бегство учащихся из школ и училищ трудовых резервов по своей структуре и тенденциям было почти идентичным этому же явлению среди взрослых рабочих. Наиболее высокий уровень побегов учащихся наблюдался в регионах, где преобладали угольная промышленность, строительство и черная металлургия: на Украине, Урале и в Западной Сибири. Причины массового бегства учащихся были теми же самыми — плохие жилищные условия, отсутствие одежды и ужасные условия труда. Бегство учащихся, как и взрослых работников, достигло своего пика в 1947 г., после чего начало понемногу снижаться. И так же, как взрослые, учащиеся в основном стремились вернуться в родные села, где находили защиту со стороны местного сообщества. Таким образом, во многих отношениях вырисовывается та же картина, особенно если учесть, что бо́льшую часть сбежавших взрослых составляли выпускники системы трудовых резервов, отработавшие обязательный срок после распределения. Может возникнуть вопрос, зачем нам понадобилось рассматривать проблему бегства учащихся отдельно? Главная причина заключается в том, что законы, распространявшиеся на юных беглецов, заметно отличались от тех, по которым преследовали взрослых рабочих, оставивших свои предприятия. Кроме того, отличались принципы, которыми руководствовались правоохранительные органы при наказании сбежавших.

Вскоре после создания системы трудовых резервов в октябре 1940 г. Верховный Совет своим Указом от 28 декабря 1940 г. установил, что молодые люди имели право покидать учебные заведения этой системы только в том случае, если были официально исключены из списочного состава по распоряжению руководства заведения или местного управления трудовых резервов. Уголовные санкции против нарушителей этого указа действовали вплоть до июля 1951 г. и были отменены одновременно с отменой уголовных наказаний за прогулы. Пока указ оставался в силе, нарушителей ждало наказание в виде одного года заключения в исправительно-трудовую колонию, хотя официальная политика властей заключалась в том, чтобы уговорить или заставить учащегося вернуться к учебе⁷⁵. Власти не стали ужесточать

⁷⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушения дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)». О политике властей, нацеленной на возвращение учащихся

наказания для учащихся во время Второй мировой войны. Беглецы по-прежнему подлежали наказанию по Указу от 28 декабря 1940 г. даже в тех случаях, когда их учебные заведения были приписаны к оборонным предприятиям⁷⁶.

Для реализации описанного выше подхода рассмотрение дел учащихся становилось предметом весьма сложной бюрократической процедуры. Начнем с того, что процесс возбуждения расследования был прямо противоположен тому, который применялся для взрослых. Дело на учащегося оставалось в ведении прокуратуры того района, где располагалось его учебное заведение. Прокурор района был обязан направить документы в прокуратуру той местности, откуда нарушитель в свое время прибыл на обучение, или туда, куда он мог бы сбежать. Затем он составлял официальный запрос на проверку учебного заведения, из которого исчез ученик, и начинал расследование всех обстоятельств побега. Такими обстоятельствами могли быть плохое питание или тяжелые жилищные условия⁷⁷. В подобной системе прослеживается определенная логика: во многих случаях, вполне вероятно, имелись смягчающие вину обстоятельства, и только местная прокуратура была в состоянии их выявить. В то же время она порождала дополнительные бюрократические сложности. Смягчающие обстоятельства зачастую не имели никакого отношения к самому учебному заведению, например в случае, когда сбежавший учащийся был единственным кормильцем в семье и должен был оказывать ей поддержку. Учащийся мог быть призван с нарушением закона: например, не подходил по возрасту или был физически не пригоден к тому виду работ, выполнению которых обучали в данном заведении. Подобные обстоятельства расследовались только по месту жительства беглеца, но для этого местные органы должны были получить предписание от прокуратуры, возбудившей дело. Результаты двух параллельных расследований могли входить друг с другом в противоречие в части выбора мер воздействия: достаточно ли взять с него подписку с обязательством вернуться на место учебы, не начиная уголовного преследования, либо отдать молодого человека под суд, либо оставить на родине. Теоретически обе прокуратуры должны были договориться между собой, какой путь избрать в том или ином

в учебные заведения вместо их уголовного наказания см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3528. Л. 102; Д. 4173. Л. 94, 96.

⁷⁶ Там же. Д. 3528. Л. 188–189.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3528. Л. 177.

случае, но, как мы увидим далее, разногласия между ними возникали чаще, чем удавалось добиться консенсуса⁷⁸.

Главная идея заключалась в том, чтобы избежать переполнения тюрем и трудовых лагерей молодыми людьми, обучающимися рабочим специальностям. Но это отнюдь не означало, что им позволено безнаказанно нарушать закон. Просто следовало вернуть их в учебные заведения, после чего направить работать в промышленность, строительство или на транспорт. На деле происходило совсем другое, отличное от столь благих намерений. Удавалось отыскать не более половины беглецов, большинство из которых не понесли уголовного наказания и были возвращены на учебу. Другая половина благополучно избежала поимки. Но эти данные характеризуют только ситуацию в среднем по стране. В проблемных регионах — Донбассе, Кузбассе или на Урале — доля выловленных была намного ниже. В Сталинской области за первые десять месяцев 1948 г. из системы трудовых резервов сбежали 15 515 учащихся, но обнаружить и отослать обратно в учебные заведения или отдать под суд удалось только 2720 человек⁷⁹.

⁷⁸ Ясное представление о всех подводных камнях, таящихся в описанных правилах, дает переписка между прокурором Киевской обл. Смоленским и главой группы по расследованию ювенальной преступности Генеральной прокуратуры СССР Тадевосяном (Там же. Д. 3529. Л. 134–135).

⁷⁹ По уточненным данным, средние данные по стране о возврате беглецов в училища и школы трудовых резервов составляли: 29 %¹ в 1947 г., 40 % в 1948 г., 38 % в 1949 г. и 34 % в 1950 г. Сложно точно подсчитать общее число «дезертиров», пойманных за период с 1946 по 1951 г., когда была отменена уголовная ответственность за побег из ремесленных училищ и школ ФЗО. Причина в том, что данные за 1946 г. содержат только число сбежавших учащихся, то есть можно предполагать полное отсутствие случаев их водворения в учебные заведения. Вместе с тем известно, что в 1947–1951 гг. 34 % от суммарного числа сбежавших возвратились в систему трудовых резервов. Если распространить среднюю долю возврата учащихся на 1946 г., то при самой приблизительной оценке количества сбежавших за 1946–1951 гг., составляющей 300 тыс. человек, на место учебы вернули чуть менее 100 тыс. Прибавив к последнему числу еще около 70 тыс. человек, осужденных по Указу от 28 декабря 1940 г., получим, что удалось отловить, привлечь к уголовной ответственности или вернуть обратно в учебные заведения примерно 56 % учащихся. Но поскольку в указанные 70 тыс. входит также неучтенное число наказанных за прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины, реальное количество отловленных «дезертиров» близко к 50 % (или немного ниже). Сведения об общем числе учащихся, возвращенных на места учебы, см. в: ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 446. Л. 2–3 (1946–1947 гг.); Д. 501. Л. 20

Обычным явлением считались такие истории: городские прокуроры, действовавшие от имени учебных заведений, направляли документы по делам беглецов в прокуратуры сельских районов, которые не предпринимали никаких действий по их розыску и отправке на место учебы. Вот что сообщал по этому поводу директор одной из школ ФЗО в г. Кемерово, из которой 46 учащихся сбежали домой в Тюменскую область:

«Наш представитель, направленный в прокуратуру Тюменской области, за двадцать дней пребывания там не получил никакой практической помощи по возвращению в школу самовольно оставивших ее учащихся. Прокуроры ссылались при этом на занятость более серьезными делами или кивали на военные трибуналы внутренних войск, которым полагалось предпринимать меры против дезертиров».

Если же местные власти начинали действовать, то зачастую сбежавшие учащиеся получали условные сроки, которые отбывали в своих родных колхозах. Похожие претензии содержатся и в жалобе прокурора Ленинграда:

«Направляемые в прокуратуры этих областей материалы по привлечению к ответственности правонарушителей не находят с их стороны ни малейшего отклика, поскольку прокуроры закрывают эти дела даже в тех случаях, когда подростки отказываются возвращаться в свои учебные заведения».

Еще одной насмешкой над правосудием было то, что местные прокуроры даже отказывались взыскивать с беглецов стоимость школьной формы, в которой те сбежали, хотя к этому обязывал закон. Приведенные примеры относительно Кемерово и Ленинграда доказывают, что местные прокуратуры руководствовались простым здравым смыслом, а вовсе не сочувствием к беглецам. Они понимали: подростку необходимо оставаться в родной деревне, чтобы поддержать родителей-инвалидов или состояние здоровья делает невозможным содержание его в заключении⁸⁰.

Не приходится сомневаться в том, что местные прокуроры испытывали сильное давление со стороны сельсоветов, настаивавших на оставлении беглецов дома. В архивах имеется немало отчетов за

(1949 г.); Д. 520. Л. 3 (1950–1951 гг.). Данные по Сталинской обл. см. в: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4160. Л. 152. Данные об осужденных см. в: ГА РФ. Д. 9492. Оп. 6с. Д. 14. Л. 9.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3529. Л. 8–9 (Ленинград); Л. 47–47 об., 49–50 (Кемерово).

1947 г., в которых приводятся письма родителей, уговаривавших своих детей оставить школы и приехать помочь в сельскохозяйственных работах. По прибытии в деревню местный сельсовет мог снабдить беглеца фальшивыми документами, подтверждающими его членство в колхозе, или, опасаясь, что тот не станет работать на селе, отослать молодого человека в «командировку», отрицая впоследствии его появление дома. Одна из школ ФЗО Ворошиловградской области отправила своих представителей в Житомирскую область Украины, чтобы те вернули группу сбежавших учащихся, но приехавшие не сумели обнаружить ни одного беглеца. Наконец, пятеро из них объявились и были арестованы органами МВД, но затем, отпущенные на свободу, пропали вновь. Когда директор школы обратился за помощью к районному прокурору, его выгнали из кабинета⁸¹. Вполне вероятно, что директора школ преувеличивали испытываемые ими трудности, но соответствие их жалоб действительности не вызывает сомнений.

Может показаться, что подобное поведение местных властей противоречит материалам, приведенным в главе 4, где рассказывалось о том, как деревенские начальники, чтобы выполнить квоты, принуждали молодых людей отправляться в учебные заведения трудовых резервов. Но все это вписывается в общую картину. Главная задача сельских властей состояла в сохранении в колхозах рабочих рук. В то же время они были обязаны выполнять квоты. Но, как уже говорилось, совсем не случайно из сел в школы трудовых резервов отправляли большое число молодых людей, по возрасту не пригодных для обучения или имевших нетрудоспособных родственников, прекрасно сознавая, что многих из них пришлют обратно. А если кому-то удавалось сбежать и самостоятельно вернуться в деревню, то это было еще лучше. Местное начальство исполнило свой долг перед государством, поставив должное число призывников. Но сложно было ожидать, что оно станет добровольно отправлять обратно беглецов, особенно если это грозило молодым людям наказанием или заключением в тюрьму. Подобные соображения были, вероятно, наиболее характерны для голодного 1947 г. и нескольких последующих лет. Помимо 1–1,5 млн человек, погибших от голода, множество крестьян покидало родные места в поисках пропитания. Их тоже следовало вернуть домой, и одним из способов решения этой задачи стало стремление минимизировать количество молодежи, отправляемой из деревень в учебные заведения трудовых резервов.

⁸¹ Там же. Л. 17, 46, 66, 81–82, 105, 215–216, 221–222, 225.

Взаимосвязь этих явлений с заступничеством за беглецов со стороны местных органов власти лучше всего отражена в документах, относящихся к 1947 г., но в последующие годы соответствующие подтверждения обнаруживаются значительно реже. Вместе с тем принятые в 1949 г. указы внесли противоречия в систему исполнения законодательства, ввергнув ее в хаос точно так же, как это произошло с Указом от 26 июня 1940 г. Потенциальные возможности для возникновения коллапса системы закладывались в усложненные процедуры расследования дел «дезертиров», усугубляемые неоднозначностью правил военизированного призыва в угольную промышленность и на строительство объектов топливного комплекса.

Первая проблема связана с расследованием дел против сбежавших учащихся, их поимкой и отправкой в те регионы, где располагались учебные заведения, в которых они должны были продолжать образование или где их предстояло осудить за побег. Согласно заявлению Прокурора РСФСР Баранова, бюрократическая волокита, обусловленная системой двойной ответственности, когда возбуждала дело против беглецов прокуратура по месту нахождения учебного заведения, а возвращать их обратно обязана была прокуратура по месту их поимки, тормозила всю работу. Отсутствовали процедуры, гарантирующие возврат дезертиров в ту местность, откуда они скрылись. Сознвая это, прокуроры сельских районов ограничивались тем, что вызывали беглецов и приказывали им явиться в прокуратуру по месту расположения покинутого ими учебного заведения. Понятно, что мало кто спешил выполнить подобное указание. В результате появлялось множество закрытых дел и ничтожное количество наказанных за побег, хотя Группа по подростковой преступности Генеральной прокуратуры СССР опротестовала немало случаев необоснованных отказов в возбуждении дел. Сама Генеральная прокуратура предприняла некоторые шаги по возвращению к ситуации февраля того же года, которые, по ее мнению, должны были упростить процедуры и привести к более эффективному преследованию нарушителей закона. Она ввела правило, согласно которому дела в отношении беглецов заслушивались в судах как по месту расположения учебного заведения, так и по месту поимки и взятия под стражу сбежавшего. Но это дало совершенно неожиданный результат, который ярче всего проявился на Украине, лидировавшей по масштабам бегства учащихся из системы трудовых резервов. Прокуратура и Министерство юстиции УССР незамедлительно издали директиву, согласно которой молодых людей из ремесленных училищ и школ ФЗО Донбасса, отловленных в других регионах страны и присланных обратно на Украину,

запрещалось принимать в украинские пересыльные тюрьмы, и они подлежали выдворению туда, откуда прибыли, то есть в основном в республики и области, граничащие с Украиной, но встречались и более отдаленные регионы, например Орловская и Курская области РСФСР. Таким образом, украинские власти весьма своеобразно следовали новым указаниям Генеральной прокуратуры СССР, согласно которым местным органам прокуратуры предоставлялось право выбирать, где рассматривать дела сбежавших учащихся: по месту учебы или там, где их поймали. На Украине предпочли во всех случаях отправлять беглецов домой, где с ними и надлежало разбираться. Почти наверняка это было обусловлено переполненностью тюрем, то есть той же причиной, по которой туда не принимали взрослых, арестованных за самовольный уход с работы. В обоих случаях интересы тюремной системы вступали в противоречие с интересами промышленных предприятий и учебных заведений трудовых резервов Украины, стремившихся вернуть сбежавших рабочих и учащихся. Но подобные действия властей вели не только к бюрократической неразберихе. Для многих арестованных они оборачивались длительными скитаниями по пересыльным тюрьмам и продолжительными путешествиями в вагонах для перевозки заключенных⁸².

Вторая проблема касалась учащихся, призванных по мобилизации в школы ФЗО угольной промышленности и строительства объектов топливного комплекса. Объявив в 1947 г. эту мобилизацию, государство, само того не желая, создало своеобразную законоприменительную ловушку. Молодые люди, призванные в школы ФЗО местными военкоматами, но отказавшиеся явиться на место учебы, осуждались по статье об ответственности за уклонение от призыва (три месяца исправительных работ), то есть их ждало значительно более мягкое наказание по сравнению с годичным тюремным заключением в соответствии с Указом от 28 декабря 1940 г. Невзирая на многочисленные жалобы местных органов прокуратуры, возникшее противоречие так и не было исправлено⁸³.

Скоро обнаружилась еще одна, третья по счету, прореха в законодательстве. На основе законов военного времени Наркомат юстиции

⁸²ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4772. Л. 239–244, 251–252, 254, 258, 273–275, 278–282.

⁸³Там же. Д. 4160. Л. 176–178. В этом фонде содержатся документы с многочисленными ссылками на закон об уклонении от призыва на военную службу, но нам удалось обнаружить единственное упоминание о реальном приговоре (Там же. Д. 4772. Л. 275).

установил правило, согласно которому выпускник системы трудовых резервов, направленный по распределению на производство и впоследствии осужденный за самовольное оставление места работы или за прогул, должен был после отбытия наказания вернуться на прежнее место службы. Это правило стало основой для применения аналогичной практики по отношению к учащимся, сбежавшим из учебных заведений трудовых резервов. Предполагалось, что после отбытия наказания на основании Указа от 28 декабря 1940 г. они должны вернуться в свое учебное заведение. Но проблема заключалась в том, что в советском законодательстве того времени отсутствовали какие-либо нормы, регламентирующие эту процедуру. Более того, не было никаких установленных законом санкций, которые могли быть применены по отношению к отказавшимся вернуться на место учебы. Этим объясняется, почему учащиеся, сбежавшие из школ ФЗО при угольных шахтах, заявляли местным прокурорам, что они лучше отсидят срок, чем пойдут опять учиться. По крайней мере они будут застрахованы на будущее от работы в шахтах⁸⁴. Когда руководитель Группы по подростковой преступности Генеральной прокуратуры обратилась к Генеральному прокурору СССР Сафонову с требованием подготовить новый указ, ликвидирующий эту аномалию, тот категорически отказался, заявив, что «...не видит в этом необходимости»⁸⁵.

Заключение

Как оценить значимость материалов, представленных в настоящей главе? Что это — просто интересные факты или здесь поднимаются вопросы, имеющие существенное значение для правильной интерпретации некоторых аспектов советского общества в послевоенный период, что, в свою очередь, помогает переосмыслить ряд традиционных представлений о том явлении, которое принято именовать «поздним сталинизмом»? Изучение проблемы бегства рабочих с предприятий, а учащихся из училищ и школ системы трудовых резервов приводит нас к следующим выводам.

⁸⁴ См. выше, глава 4, с. 175–176.

⁸⁵ То же самое касалось выпускников учебных заведений трудовых резервов, которые покинули свои предприятия, не отработав положенный срок по распределению, и были за это осуждены на основании Указа от 28 декабря 1940 г. В этом случае также отсутствовали законные основания для того, чтобы заставить их вернуться на прежнее место работы после отбытия заключения (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4772. Л. 29–31, 33).

Во-первых, в 1947 г. сталинский режим столкнулся с настоящим общественным кризисом. Возможно, он не угрожал потерей власти, но способность властей контролировать общество определенно оказалась под сомнением. Вместе с тем проявления этого кризиса распределялись по регионам страны и отраслям экономики не равномерно. Ситуация в Москве и Ленинграде оставалась стабильной, в то время как периферийные промышленные центры — Донбасс, Урал, Подмосковский угольный бассейн и Западная Сибирь — были охвачены беспорядками. Если машиностроение, нефтяная и большая часть легкой промышленности сумели сохранить относительно стабильный состав работников, поскольку меньше зависели от применения кабального труда, то такие отрасли, как угольная промышленность, строительство и черная металлургия (последняя — в течение недолгого периода) находились на противоположном полюсе, будучи не в состоянии удерживать у себя трудовые ресурсы. Реакция на возникшую ситуацию была типичной для сталинского режима. Раз масштабное использование кабального труда угрожает дефицитом рабочей силы и подрывает процесс восстановления, ответом должно стать еще большее закабаление людей. Тем не менее это не означало движение по нисходящей спирали. Вскоре ситуацию удалось стабилизировать и в этих проблемных отраслях, хотя их положение всегда оставалось ненадежным.

Во-вторых, почти все попытки регулировать мобильность рабочей силы посредством уголовного законодательства потерпели неудачу. Можно утверждать, что даже самые жестокие законы не помогли пресечь самовольные уходы рабочих с предприятий, когда те считали свое положение безвыходным из-за недостаточного снабжения продуктами, плохих жилищных условий или отсутствия одежды либо когда их желание воссоединиться с семьями, которые они не видели годами, становилось нестерпимым. В подобных ситуациях люди готовы идти на риск. Несколько десятков тысяч беглецов были пойманы и помещены в трудовые лагеря, но значительно большее оказалось тех, кто сумел избежать наказания.

В-третьих, проблемы, возникшие вокруг применения ужесточенных законов, выявили наличие глубоких трещин в сталинской системе, казавшейся монолитной. Они проходили преимущественно по границе между городом и деревней, нарушая даже единство внутри отдельных ведомств. По-видимому, это не просто пример обычных напряженных отношений между центром и периферией, Москвой и регионами. Скорее, речь идет о противоречиях между органами, ответственными за удовлетворение нужд промышленности и транспор-

та, с одной стороны, и теми, кто стремился предотвратить коллапс сельской экономики, с другой. Это не означает, что власти сельскохозяйственных регионов действовали только исходя из собственных интересов или руководствуясь соображениями экономической целесообразности. Свою роль здесь играло то, что в России принято называть «землячество» (термин автора. — *Прим. ред.*), то есть тесные связи между деревенскими жителями. Это были небольшие общества, в которых представители власти в лице сотрудников местных прокуратур, милиции, руководителей колхозов, председателей сельсоветов и секретарей партийных организаций были спаяны с крестьянским населением и между собой целой системой взаимозависимостей и общим социальным опытом. Это с очевидностью проявилось в истории с применением законов против хищений, принятых в июне 1947 г. Там, где председатели колхозов и милиционеры сохранили порядочность и гуманность, применение законов носило весьма избирательный характер, основанный на здравом смысле. Безусловно, среди председателей колхозов и представителей правоохранительных органов находилось немало тех, кто давно утратил эти чувства, и именно их усердию обязаны своими злоключениями многие люди, попавшие в трудовые лагеря.

Наконец, проблема применения законов обнажает некоторые аспекты, касающиеся самой прокуратуры. Архивные материалы, касающиеся ее борьбы с текучестью кадров, убеждают в том, что некоторые действия этого ведомства граничили с пизофренией. Прокуратура была обязана следить за соблюдением законности в рамках абсолютно незаконной системы. Она принимала логику этой системы и законность применения репрессий, включая заключение в исправительно-трудовые лагеря. Работники прокуратуры долгими часами изучали множество «неправомерных» приговоров и нарушений нормы закона, санкционируя при этом отправку миллионов советских граждан на рабский труд в лагерях. Но меру преданности прокуроров их собственным, порой извращенным представлениям о законности не следует недооценивать. Особенно это заметно в тех случаях, когда речь идет о применении норм (как в случае с законами, направленными против дезертирства с трудового фронта), не вызывавших у них симпатии. Отсюда настоятельные требования искать смягчающие обстоятельства для рабочих, самовольно оставлявших предприятия, и особенно в тех случаях, когда дело касалось юных беглецов, покидавших учебные заведения системы трудовых резервов. Этим же объясняется равнодушие высших чинов прокуратуры к поступающим из регионов жалобам на то, что сельские власти препятствуют попыткам

разыскивать, возвращать и наказывать беглецов. Возможно, эти рассуждения носят умозрительный характер, и мы еще вернемся в заключительной части книги к их проверке в более широком контексте ведомственных отношений внутри поздней Сталинской системы.

Приложение. Замечания по поводу трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте

Один из феноменов рассматриваемой темы — почти полное отсутствия текучести кадров на железных дорогах. Учитывая трудные условия работы и жизни железнодорожников, казалось бы, что дезертирство в этой отрасли было не менее распространено, чем в угольной промышленности или в строительстве. Система МПС располагала многочисленными учебными заведениями трудовых резервов, включая столь непопулярные школы ФЗО. Она в значительной степени опиралась на использование полусвободного труда рабочих, мобилизованных во время войны. Многие из них в течение нескольких лет после окончания боевых действий так и не были распущены по домам⁸⁶. К сожалению, несмотря на тщательное изучение архивных документов МПС, профсоюза железнодорожников, железнодорожной прокуратуры и ЦСУ, нам не удалось обнаружить исчерпывающей статистики или подробных отчетов по данному вопросу, хотя в других отраслях экономики таковые имелись. Вне всякого сомнения, это объясняется военизированнойностью железнодорожного транспорта, где по крайней мере до 1948 г. и министр, и высшие руководители имели военные звания. Нашлась всего одна сводная таблица, содержавшаяся в отчете профкома Центральной железной дороги за 1946 г., где в то время трудилось свыше двух третей всего списочного состава работников МПС. В этом отчете общая текучесть кадров среди рабочих и служащих оценивалась в 1,8 % от их общей численности, а самовольный уход с работы — в 0,3 %⁸⁷. Эти цифры кажутся невероятно низкими даже с учетом суровых наказаний, ожидавших нарушителей закона. Но можно взглянуть на эту проблему под другим

⁸⁶ В течение 1946–1947 гг. МПС набрало свыше 206 тыс. молодых людей в систему трудовых резервов, из которых более 62 % обучались в школах ФЗО (ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 417. Л. 16; Д. 415. Л. 9). О том, с какими трудностями столкнулись мобилизованные в годы войны рабочие, см.: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7885. Л. 149–150; Д. 7202. Л. 227–228, 229–229 об., 240–243, 253–257, 258–263, 264–266, 334–338.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 21. Д. 521. Л. 3, 5, 8, 10.

углом зрения. Нам известно, что в 1947 г. свыше 20 тыс. транспортных (включая работников водного транспорта) были осуждены за «дезертирство с трудового фронта». Если даже принять гипотезу, что все осужденные были железнодорожниками, и предположить, что число наказанных составляло одну десятую часть дезертировавших, но избежавших наказания, то мы получим максимальный уровень нелегальной текучести кадров в отрасли, равный 200 тыс. человек, или 6 % численного состава рабочих и служащих. В любом случае, если верить цифрам профсоюзного отчета или опираться на наши предположения, текучесть кадров на железнодорожном транспорте была чрезвычайно низкой.

Этот вывод находит косвенное подтверждение в архивах железнодорожной прокуратуры. Она, в отличие от отчетов Генеральной прокуратуры, не приводит сводных данных по фактическому числу дезертиров, указывая только ежеквартальное количество дел, возбужденных по этой статье. Тем не менее даже эти данные подтверждают — нелегальная текучесть кадров на железных дорогах оценивается как незначительная. Они также дают понять, что вероятность поимки беглеца была невысока. Рост количества дел, закрытых в связи с невозможностью отыскать дезертиров, отражает, хотя и в меньших масштабах, общую тенденцию, наблюдавшуюся в те годы в промышленности и строительстве. В качестве примера, подтверждающего сказанное, можно привести данные за 1947 г. по Куйбышевской железной дороге, где число закрытых дел на сбежавших работников распределялось так: 636 в I квартале, 713 во II квартале, 753 в III квартале и 784 в IV квартале⁸⁸.

Еще одна интересная особенность заключалась в том, что прокуратуры, расследовавшие дела о текучести кадров на железных дорогах, были менее склонны привлекать нарушителей к судебной ответственности, чем в других отраслях экономики. Но если дело все-таки доходило до военного трибунала, то случаи оправдания были крайне редки, а приговоры — суровы. Так, обращаясь к уже упомянутому отчету Куйбышевской железной дороги, мы видим, что в 1947 г. лишь 13 % дезертиров отделались наказаниями в виде исправительных работ по месту службы, в то время как 76 % получили от пяти до десяти лет лагерей⁸⁹.

Из всего сказанного нельзя сделать вывод о том, что состояние трудовой дисциплины на железных дорогах не имело проблем. В МПС

⁸⁸ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3911. Л. 86. 200.

⁸⁹Там же. Л. 40, 87, 139, 201. См. также сноску 49.

действовала весьма причудливая система дисциплинарных взысканий, охватывавшая широкий спектр разнообразных нарушений, включая опоздания на работу, прогулы, несоблюдение должностных инструкций, некачественную работу, приведшую к простоям подвижного состава или к авариям. Наказания за эти нарушения были самыми разнообразными, от выговоров до штрафов и домашнего ареста, при котором в зависимости от обстоятельств дела нарушитель мог ходить на службу или нет. Доля получивших то или иное взыскание была велика. В 1946 г. их имели примерно 16 % сотрудников МПС. Но если рассматривать работников наиболее важных специальностей, то доля нарушителей дисциплины в этих профессиях была намного выше: среди машинистов паровозов — 54 %, кочегаров — 38 %, диспетчеров — 60 %, начальников станций — 47 %, дежурных по станциям — 43 %. Приведенные данные подтверждают, что распределение наказаний по различным категориям работников было относительно демократичным⁹⁰.

Конечно, имелся еще один аспект проблемы трудовой дисциплины, который был детально рассмотрен в главе 3. Имеется в виду волна стихийных забастовок против задержек с выплатой заработной платы, прошедшая на железной дороге в начале 1948 г.

⁹⁰ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6669. Л. 2–3, 6–7.

6. УСЛОВИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ, УСТАНОВЛЕНИЕ РАЗМЕРОВ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

В предыдущих главах книги говорилось о том, как события в стране и проводимая властями политика влияли на благосостояние рабочих и их семей. Мы обращали внимание на происхождение рабочих, уровень и условия их жизни, рассматривали молодежные проблемы и законы, регулировавшие трудовые отношения. Все перечисленные факторы оказывали глубокое влияние на приобретаемый трудящимися жизненный опыт и на то, как он воплощался в их отношении к труду, обществу и власти. Но какую роль в приобретаемом рабочими жизненном опыте играл сам труд на предприятиях? Шесть дней в неделю люди приходили на заводы и фабрики, строительные площадки или на железные дороги, где проводили по восемь, а порой и больше часов. Именно здесь они зарабатывали себе на жизнь, наиболее тесно взаимодействовали с властями, создавая своим трудом прибавочную стоимость и поддерживая нерушимость сталинской системы, то есть, по терминологии Маркса, участвовали «в системе расширенного воспроизводства».

Из других периодов советской истории нам известно, что все происходившее внутри промышленных предприятий имело фундаментальное значение для функционирования и развития этой системы. Советское предприятие, как будет показано в данной главе, обладало характерными особенностями в организации труда для советской системы в целом, и эти особенности имели долгосрочные последствия для ее жизнеспособности в исторической перспективе. Схемы организации и ритмичность производства на советских предприятиях существенно отличались от тех, что существовали в промышленно развитых капиталистических странах. Работа заводов и фабрик в СССР характеризовалась хронической неритмичностью, обусловленной недопоставками и низким качеством сырья, материалов и комплектующих изделий, частыми поломками оборудования. Эти нарушения производственного ритма, в свою очередь, сказывались на отношениях между рабочими и руководителями низшего звена,

особенно на неформальных сделках между ними, которые существовали как на капиталистических, так и на советских предприятиях. Под неформальными сделками подразумеваются договоренности, не предусмотренные утвержденными правилами и инструкциями, которые придают производству некоторую гибкость, требующуюся для его поддержания в условиях неопределенности и неожиданных изменений. Отчасти такие соглашения служат средством предотвращения конфликтов на местах или по крайней мере удержанию их в рамках, не препятствующих нормальному ходу работы.

В Советском Союзе рамки неформальных сделок и договоренностей были определены политическими и экономическими ограничениями. Рабочие не имели свободы самоорганизации, будь то создание независимых профсоюзов или политических партий. Участие в забастовках и даже более мягкие формы индивидуальных протестов представляли для них опасность. Эти действия жестоко подавлялись, а их организаторы, как правило, отправлялись в лагеря, даже приговаривались к расстрелу, причем не только в сталинские времена, но и в годы правления Хрущева, а затем Брежнева. Более того, официальные профсоюзы служили инструментом управления рабочими, и их основная задача состояла в обеспечении выполнения плана. Во все периоды советской истории профсоюзы играли двойственную роль. Они нередко защищали отдельных рабочих, протестовавших против незаконного увольнения или снижения заработной платы, но никогда не поддерживали коллективного, пусть даже неорганизованного сопротивления трудящихся действиям руководства предприятий. Профсоюзы также выполняли более сложные функции, контролируя основную часть социального обеспечения рабочих, включая пенсии и пособия по инвалидности, распределение путевок в санатории и дома отдыха или в летние пионерские лагеря. Все эти средства использовались для убеждения рабочих не создавать лишних проблем, а защищать интересы коллектива, то есть поддерживать рабское отношение начальства к выполнению спускаемого из центра плана. Подобная квазикорпоративная роль профсоюзов означала, что в случаях, когда рабочим требовалось вырвать какие-либо уступки от руководства предприятий, им приходилось действовать индивидуально или малыми группами. Трудящиеся имели возможность частично компенсировать подобный дисбаланс властных полномочий благодаря тому, что начиная с конца 1920-х гг. и вплоть до распада Советского Союза советская экономика испытывала хронический кадровый голод. Это позволяло рабочим не соблюдать или обходить многочисленные законы и постановления, ограничивающие их свободу, пос-

кольку руководители предприятий опасались применять жесткие санкции во избежание увольнения работников, которых нечем было заменить. Люди также хорошо сознавали, что постоянные остановки производства, причины которых, несомненно, коренились в бюрократических методах сталинского руководства экономикой, имели противоречивые последствия. С одной стороны, они значительно усиливали напряженность работы и производственные нагрузки, но с другой — заставляли мастеров, начальников цехов и участков искать пути к налаживанию сотрудничества с рабочими, чтобы справляться с возникающими проблемами и минимизировать их последствия, критичные с точки зрения выполнения производственных планов.

Все эти разнообразие факторы определяли круг проблем, по которым рабочие не всегда находили неформальное взаимопонимание с руководством. Расценки на работы устанавливались не местными руководителями, а централизованно, поэтому рабочие не имели возможности влиять на них официальным путем. Но используя неформальный подход, они могли надавить на руководителей низшего звена, чтобы те, действуя в обход установленных правил, гарантировали определенный, взаимно согласованный заинтересованными сторонами уровень зарплат. То же самое касалось производительности труда, устанавливавшейся нормировщиками на основании централизованно изданных справочников. Но и здесь рабочие отыскивали зачастую при негласном содействии начальства множество возможностей для снижения интенсивности труда.

В поздний сталинский период описанная система неформальных сделок между рабочими и руководством испытала на себе влияние целого ряда факторов. Во-первых, хотя принятые законы против самовольного ухода работников с предприятий соблюдались не всегда, они тем не менее смогли существенно ограничить мобильность трудовых ресурсов. Рабочие утратили такой рычаг влияния на руководство, как угроза уволиться с предприятия, которым они широко пользовались в 1930-х гг. и незамедлительно возвратились к его применению сразу после смерти Сталина. Во-вторых, послевоенные условия труда на предприятиях были ужасающими. Работать приходилось в холоде, грязи, подвергаясь реальной опасности. Все это не добавляло оптимизма и отрицательно сказывалось на моральном духе трудящихся. В-третьих, меры по ужесточению трудовой дисциплины, принятые в ходе войны, продолжали действовать и после ее окончания, и руководители неохотно шли на уступки в отношении размеров заработка и интенсивности труда, широко распространенные в довоенные годы. Вместе с тем некоторые особенности внутриводской жизни оста-

вались неизменными. Укрепление дисциплины не повлекло за собой повышения эффективности использования рабочего времени и сокращения простоев, связанного с недостаточным снабжением или поломками оборудования. Качество продукции оставалось низким. Коротче говоря, послевоенные предприятия представляли собой некий гибрид идеализированных представлений сталинского руководства, полагавшего, что запуганный и потому высоко дисциплинированный рабочий класс интенсивно трудится, с реалиями 1930-х гг. и периода после смерти Сталина, когда рабочие пользовались определенной самостоятельностью в организации труда в ущерб производительности предприятия и авторитету власти.

В других разделах данной главы детально исследуются условия труда, организация производства, использование рабочего времени и заработной платы, после чего мы переходим к некоторым выводам, касающимся того, насколько трансформировалась или ослабла в последние годы жизни Сталина характерная для советских предприятий система неформальных сделок между рабочими и руководством.

Условия труда на советских предприятиях

Проблема безопасности труда занимает центральное место в любых исследованиях, посвященных организации производства на советских предприятиях. И это неудивительно, когда речь идет о 1930–1940-х гг. В то время требования индустриализации, максимизации выпуска военной продукции, а также обеспечения стремительных темпов послевоенного восстановления заставляли руководителей предприятий обходить или полностью игнорировать любые нормы безопасности, если они препятствовали выполнению плана. Но низкий уровень безопасности труда был вообще свойствен советской системе производства и представлял собой одну из ее характерных особенностей вплоть до распада СССР. Можно с уверенностью предположить, что эта особенность являлась неизбежностью для системы, в которой во главу угла ставилось выполнение плана любой ценой. Однако ситуация была намного сложнее. Еще при жизни Сталина имелись отдельные составляющие системы, где к проблеме безопасности относились очень серьезно. Трудовой кодекс устанавливал мелочные требования в отношении безопасности, включая предельную продолжительность сверхурочных работ и величину тяжестей, которые разрешалось поднимать рабочим, особенно женщинам, норму обеспеченности спецодеждой, освещенности рабочих мест и вентиляции помещений. Вряд ли все требования строго соблюдались,

но они все-таки существовали. Кроме того, имелась целая армия официальных лиц, следивших за исполнением этих норм и правил. В каждом профсоюзе был штат инспекторов по безопасности труда (как правило, недоукомплектованный и чрезмерно раздутый), в чьи обязанности входило посещение рабочих мест, составление отчетов о выявленных нарушениях и даже предписаний с угрозами закрыть тот или иной производственный участок, если условия труда на нем не улучшатся. Безусловно, некоторые из этих инспекторов не слишком усердно исполняли свои обязанности и закрывали глаза на нарушения, но среди них было немало честных и порядочных людей, серьезно относившихся к делу и требовавших неуклонного соблюдения законов. Профсоюзы были не единственным органом, осуществлявшим надзор за условиями труда. Комсомол также посылал на предприятия и стройплощадки собственных инспекторов, следивших за тем, как там обращались с молодыми рабочими. Как видно из главы 4, многое из того, что нам известно о положении молодежи на производстве, почерпнуто из отчетов комсомольских инспекторов, которые были еще требовательнее, чем их коллеги из профсоюзов. За соблюдение трудового законодательства и поддержание безопасных условий труда отвечала прокуратура, и значительная часть информации получена из ее архивов. Углубленные проверки предприятий на предмет безопасности условий работы и угрозы распространения профессиональных заболеваний проводила государственная санитарная инспекция Министерства здравоохранения СССР. Проектно-конструкторские бюро и научно-исследовательские институты отраслевых промышленных министерств уделяли большое внимание проблемам безопасности и расходовали значительные ресурсы на их решение, проектируя, например, системы вентиляции и защитные ограждения для оборудования или занимаясь обеспечением его эргономичности. Можно, конечно, сомневаться в их компетентности и в том, насколько министерства были готовы внедрять их разработки, но нельзя усомниться в существовании всех этих организаций.

Безопасность труда представляла собой постоянную проблему не только из-за стремления предприятий выполнить план или вследствие ограничения на деятельность различных инспекций по охране труда. Не последнюю роль играла структура и ритмичность (точнее ее отсутствие) советского производства. Дефицит материалов и инструментов, а также ненадежность оборудования заставляли рабочих и мастеров пренебрегать установленными требованиями по безопасности, идти на риск, покидать рабочие места в поисках недостающих деталей, инструментов или людей, способных их проинструктиро-

вать. Все это вместе взятое повышало вероятность несчастных случаев. Каждый руководитель был вынужден независимо от личной мотивации, симпатий и антипатий, жестокости или мягкосердечия подчиняться прагматичным расчетам, заставлявшим его пренебрегать вопросами безопасности труда. Проще говоря, рабочая сила в СССР была дешевой, в то время как инвестиции в механизацию тяжелых или опасных работ и в обеспечение безопасности требовались немалые. Но зачастую эти вложения не приносили должной прибыли. Более того, наказания руководителей за нарушения требований техники безопасности были минимальными. Даже в 1990 г. сотрудник, погибший от несчастного случая, был выгоднее предприятию, чем выживший, но оставшийся инвалидом. Ведь разовая компенсация семье погибшего стоит гораздо дешевле, нежели многолетние выплаты пособия по инвалидности¹. В свою очередь, у трудящихся имелись собственные финансовые стимулы, чтобы мириться с опасными условиями труда. Работая в «горячих» цехах или на участках с тяжелыми и опасными условиями труда, они получали специальные надбавки: иными словами, им платили за риск.

В послевоенный период систематическое давление, заставлявшее пренебрегать безопасностью, усилилось в связи с особыми условиями, в которых происходило восстановление промышленности. Во-первых, война привела к колоссальным разрушениям производственных площадей на значительной части территории СССР. Эти объекты следовало построить заново или воссоздать. До окончания восстановительных работ использовать их было небезопасно. Во-вторых, приоритетность выпуска военной продукции заставляла пренебрегать техническим обслуживанием и заменой оборудования в интересах поддержания требуемого уровня объемов производства. В результате послевоенный парк оборудования оказался опасным в эксплуатации, поскольку значительная его часть была полностью изношена и требовала замены или капитального ремонта. В-третьих, приоритетность работ на военные нужды привела к тому, что фактически было остановлено производство оборудования, необходимого для обеспечения безопасности (например, систем вентиляции). То же самое можно сказать о производстве топлива для обогрева помещений или стекла для починки разбитых окон, без чего заводские

¹ Filtzer D. *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985–1991*. Cambridge, 1994. P. 160. Более подробную информацию о политической экономии безопасности труда в советской промышленности см.: Там же (глава 6).

цеха замерзали зимой. Наконец, политическое решение об ускорении темпов накопления в ущерб не только народному потреблению, но всем другим «второстепенным» инвестициям, включая обеспечение производственной безопасности, означало, что у предприятий не было необходимых ресурсов даже в том случае, если бы они пожела-ли заниматься этой проблемой. С учетом всех этих обстоятельств не удивительно, что советские предприятия и стройки являлись места-ми, опасными для пребывания.

Советская статистика несчастных случаев на производстве содер-жит три ключевых характеристики: количество несчастных случаев на 1000 работающих (так называемый частотный коэффициент); суммарное количество рабочих дней, потерянных из-за несчастных случаев на производстве (в расчете на 1000 работающих) и среднее количество рабочих дней, потерянных в результате одного несчаст-ного случая, получаемое путем деления суммарного количества по-терянных рабочих дней на суммарное количество несчастных случа-ев за один и тот же период времени, например за один год. Первая из этих характеристик позволяет оценить вероятность несчастного случая на производстве, вторая и третья оценивают ущерб экономи-ке, а также — во что обходятся рабочим полученные травмы. С точки зрения властей, наибольшее значение имели первая и третья характе-ристики. Если режим желал снизить потери рабочего времени из-за несчастных случаев, то у него были две возможности: либо добиться, чтобы они происходили реже, либо обеспечивать низкий уровень трав-матизма, чтобы рабочие выводились из производственного процесса на короткие промежутки времени. Конечно, следовало заниматься и тем, и другим, но официальная статистика указывает на то, что власти добились определенного прогресса только в первом случае.

В табл. 6.1 приведены данные о частоте и серьезности несчастных случаев в наиболее опасных отраслях промышленности за 1946–1952 гг. Если доверять приведенным в таблице цифрам, то становится ясно, что вероятность несчастных случаев на производстве за это время неуклонно снижалась, причем в большинстве отраслей — бы-стрыми темпами. В пяти из них (по которым имеются данные практи-чески за весь указанный период) вероятность травматизма значитель-но понизилась: почти на четверть — в черной и цветной металлургии, угольной и лесной промышленности, а в нефтяной отрасли — на 49 %. Во многом эти результаты вполне ожидаемы, поскольку сразу после окончания войны рабочие места были обустроены намного хуже и представляли реальную опасность. А по завершении реконструкции предприятий их переоснастили и реорганизовали. Данные по уголь-

ной промышленности за 1947–1949 гг. выглядят пугающе: для шахтера вероятность получения серьезной травмы составляла 1:60. Правы были учащиеся и выпускники шахтерских школ ФЗО, смертельно боявшиеся спускаться под землю. Но вряд ли можно было ожидать, что, несмотря на различия в возможности несчастных случаев в опасных и относительно безопасных отраслях промышленности, и там, и там для пострадавшего наиболее вероятной считалась утрата работоспособности на две недели (напомним, что в те времена в СССР была шестидневная рабочая неделя). Еще следует отметить, что по мере восстановления промышленности уменьшилась частота случаев производственного травматизма, но их серьезность возросла, что привело к более продолжительной утрате работоспособности пострадавшими.

К сожалению, несмотря на внешнюю четкость и логичность, приведенные ниже сведения не характеризуют проблему безопасности труда в целом. Прежде всего статистические данные о количестве рабочих дней, пропущенных по болезни или в результате производственной травмы, учитывают только случаи, когда рабочему выдавался больничный лист на срок свыше трех дней. Невыходы на работу по указанным выше причинам, составлявшие менее трех дней, не учитывались. Но гораздо опаснее было стремление предприятий скрывать правду в отчетах, отправляемых в вышестоящие инстанции. Профсоюз строительных рабочих заявлял, что руководители многих крупных строек докладывают только о малой доле случаев производственного травматизма, происходящих на стройплощадках².

На заводских врачей постоянно оказывалось давление, чтобы они представляли в отчетах случаи производственного травматизма как простые заболевания или бытовые травмы по вине пострадавших³. К чему приводила подобная практика, хорошо видно на примере случая с молодым рабочим машиностроительного завода «Строммашина» (г. Куйбышев), произошедшего в 1951 г. Он обратился в заводской медпункт с жалобой на плохое самочувствие, но его отправили обратно на рабочее место. Там, во время переноски тяжелого листа котельного железа, он упал и повредил спину. Заводское начальство попыталось скрыть этот факт и не только отказало рабочему в медицинской помощи, но даже не предоставило машину, чтобы отвезти

²РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 306. Л. 129.

³РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 761. Л. 82 (Ташкентский текстильный комбинат); из интервью с бывшим заводским врачом, работавшим на Куйбышевском металлургическом заводе.

Данные о количестве и степени тяжести несчастных случаев
по отраслям советской промышленности за 1946–1952 гг.

Отрасль	Количество несчастных случаев на 1000 работников							Среднее количество рабочих дней, потерянных в результате одного несчастного случая						
	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Все отрасли	Нет данных	51,3	50,4	46,4	43,5	41,2	37,2	Нет данных	12,7	12,8	13,0	13,4	13,6	13,7
Угольная промышленность	Нет данных	171,3	161,6	162,0	148,2	139,6	124,9	Нет данных	11,4	11,6	11,8	13,1	12,8	14,6
Черная металлургия	Нет данных	62,2	59,5	50,9	48,5	50,0	44,4	Нет данных	14,2	14,2	14,6	15,1	15,0	15,4
Цветная металлургия	Нет данных	69,5	68,1	Нет данных	62,6	61,2	53,9	Нет данных	12,5	13,1	Нет данных	13,8	13,5	13,5
Тяжелое машиностроение	44,8	46,5	45,0	41,4	Нет данных	Нет данных	Нет данных	12,6	12,6	12,9	13,1	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Нефтяная промышленность	Нет данных	53,1	46,5	40,7	37,2	35,4	31,8	Нет данных	11,7	12,2	12,5	13,0	13,0	12,7
Судостроение	58,0	46,0	42,0	38,2	Нет данных	Нет данных	Нет данных	10,7	16,2	15,2	14,5	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Отрасль	Количество несчастных случаев на 1000 работников							Среднее количество рабочих дней, потерянных в результате одного несчастного случая						
	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Деревообрабатывающая промышленность	Нет данных	70,9	64,3	62,1	57,0	55,3	53,6	Нет данных	12,1	12,4	12,1	13,6	13,9	13,9
Промышленность средств связи	25,5	24,6	23,9	21,9	Нет данных	Нет данных	Нет данных	13,3	13,6	12,9	13,2	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Строительство объектов тяжелой промышленности	Нет данных	24,4	27,0*	26,4*	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	13,3	12,7*	12,6*	Нет данных	Нет данных	Нет данных

* Данные за январь–сентябрь.

Источники: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095. Л. 41 (все отрасли); Л. 9, 13, 40 (угольная промышленность); Л. 9, 13, 39 (черная металлургия, цветная металлургия); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 196 (тяжелое машиностроение); ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095. Л. 9, 13, 40 (нефтяная промышленность); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 111 (судостроение); ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095. Л. 9, 12 (деревообработка); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 2 (промышленность средств связи); РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 306. Л. 113 (строительство объектов тяжелой промышленности, 1947–1948 гг.); ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 224. Л. 19 (то же, 1949 г.). Данные из ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095 пересчитаны по сведениям из таблицы, в которой приведены изменения (в процентах) количества несчастных случаев за определенный отрезок времени и абсолютное число рабочих дней, пропущенных из-за этого в течение 1952 г.

его в больницу. Вместо этого друзья отнесли его на руках в общежитие, расположенное в 3 км от завода. Только пять дней спустя им удалось доставить молодого человека в больницу. Позднее заводское начальство уволило его как не способного далее исполнять свои должностные обязанности. А поскольку завод отказался представить документы, подтверждающие получение травмы на производстве, рабочий лишился прав на получение пособия по инвалидности⁴.

ВЦСПС собрал данные, которые наглядно демонстрируют обе вышеназванные тенденции. Изучив информацию о несчастных случаях на производстве, представленную отраслями промышленности, строительства и транспорта за 1947–1952 гг., ВЦСПС обнаружил, что руководители предприятий систематически занижали на 25–30 % отчетность по несчастным случаям и указывали количество потерянных из-за них рабочих дней на 27–30 % ниже по сравнению с данными из отчетов профсоюзных организаций⁵. Еще тревожнее был тот факт, что одновременно со снижением количества несчастных случаев на производстве и потерянных в связи с ними рабочих дней росло число травм, полученных работниками дома или на улице. Указывались самые разные причины: бытовые травмы, полученные дома, в автобусах или трамваях во время дорожно-транспортных происшествий, падения на обледенелых тротуарах. Начиная с 1950 г. (до этого момента потери рабочего времени вследствие производственных и бытовых травм ежегодно снижались) рост количества рабочих дней, пропущенных вследствие бытовых травм, стал нивелировать сокращение потерь рабочего времени из-за производственного травматизма, якобы достигнутое за счет повышения безопасности труда. По всем отраслям промышленности, строительства и транспорта среднее количество рабочих дней, потерянных по причине производственных травм (в расчете на 1000 работников) за 1947–1952 гг., сократилось на 21,6 %. За тот же период число бытовых травм выросло примерно на 9 %. В результате суммарные потери рабочего времени по двум указанным причинам сократились всего на 9,3 %. Но в некоторых отраслях различия в статистике оказались более впечатляющими. Например, в угольной промышленности за 1947–1952 гг. число производственных травм уменьшилось примерно на 28 %, а бытовых — возросло на 68 %, что в результате дало сокращение суммарных потерь рабочего времени всего на 8 %. В черной металлургии за тот же период количество несчастных случаев на производстве упало

⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 235.

⁵ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095. Л. 43.

примерно на 29 %, а бытовых — выросло на 44 %, что в сумме дало сокращение потерь рабочего времени менее чем на 5 %. В некоторых отраслях, таких как цветная металлургия, строительство и пищевая промышленность, рост числа производственных травм был столь значительным, что общее число потерь из-за производственных и бытовых травм за этот период даже возросло. Все это дает основание полагать, что рассказы свидетелей о давлении на заводских медиков с целью заставить их записывать производственные травмы как бытовые правдиво описывают ситуацию, характерную для всех отраслей советской промышленности⁶.

Таблица 6.2

Потери рабочего времени, связанные с пребыванием работников промышленности, строительства и транспорта на бюллетене или вследствие их перевода на облегченные работы из-за производственных и бытовых травм за 1947–1952 гг.

Год	Потерянные дни (в расчете на 1000 работников) из-за производственных травм	Потерянные дни (в расчете на 1000 работников) из-за производственных травм	Количество рабочих дней, на которое работники переводились на облегченную работу	Общее количество потерянных рабочих дней
1947	652	445	59	1156
1948	645	411	69	1125
1949	604	397	90	1091
1950	583	445	130	1158
1951	561	494	192	1247
1952	511	484	253	1248

Источник: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095. Л. 41.

Но этот феномен был не только следствием стремления руководителей промышленных предприятий приукрасить отчетность. Он являлся частью крупномасштабной и целенаправленной кампании по принуждению заводских медиков к большей «сдержанности» при выписке больничных листов. Начиная с 1960 г. наблюдается быстрый рост количества работников, которые не получали больничный, а временно переводились на места с облегченными условиями труда. Эта тенденция столь отчетлива, что, сложив число рабочих дней, пропущенных рабочими в результате производственных и бытовых травм, с числом дней, проведенных ими на более легких работах, мы

⁶ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43с. Д. 1095. Л. 39–40.

получим веские основания утверждать: работа на советских предприятиях за это время стала более опасной. Это предположение подтверждают данные, приведенные в табл. 6.2.

Известно также, что руководители промышленных предприятий старались отправить самые малоценные кадры на наиболее тяжелые или опасные участки. Так, в докладе профсоюза работников металлургической промышленности за 1949 г. открыто признается, что директора рудников не уделяют практически никакого внимания обеспечению безопасности труда для так называемого спецконтингента⁷. Руководители всех предприятий нарушали трудовое законодательство, регулирующее правила труда молодежи. Ее заставляли оставаться сверхурочно, поднимать тяжести, использовали на опасных для здоровья работах⁸. Возможно, еще сложнее, учитывая их общую численность, было положение работающих женщин. В двух докладах прокуратуры, датированных 1950 г., приводится множество примеров нарушений норм законодательства по охране труда этой категории. Беременных принуждали выходить в ночную смену или выполнять непосильную работы; женщин заставляли поднимать тяжести; молодым матерям не предоставлялся перерыв для кормления младенцев; не ограничивалось участие женщин в сверхурочных работах⁹. Следует отметить, что в середине 1949 г. появилось постановление, запрещающее использовать женский труд на особо опасных работах, но их определение было настолько расплывчатым, что положения документа распространялись лишь на незначительную часть работниц. В частности, оно затронуло всего около 1200 женщин из 150 000, занятых в промышленности строительных материалов, лишь 400 работниц тяжелого машиностроения, 4000 железнодорожниц (из 626 тыс. тружениц этой отрасли) и 3900 женщин, работавших в рудниках и строительных организациях черной металлургии¹⁰.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 224. Более подробно о спецконтингенте см.: глава 1, с. 42.

⁸ Там же. Д. 53. Л. 155, 157–158.

⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 311. Л. 1–4, 7–7 об., 8–10, 14; Д. 314. Л. 1–3.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 422. Л. 3 (строительные материалы); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 208 (тяжелое машиностроение); Оп. 118. Д. 476. Л. 37–38 (железные дороги); Оп. 131. Д. 112. Л. 175 (металлургия). Последний отчет указывает, что во всех отраслях металлургии было занято 228 900 женщин, но только в черной металлургии на тяжелых и опасных работах трудились 3900 из них. Данные по цветной металлургии почему-то от-

Если проанализировать условия, в которых были вынуждены трудиться рабочие, то становится неудивительным, что проблема безопасности занимала главное место. Люди находились в потенциально опасных условиях, испытывая недостаток необходимых инструментов и защитного оборудования. Обучение безопасным методам работы было поставлено плохо. Но даже там, где его организовали надлежащим образом, и персонал, и начальство зачастую игнорировали правила безопасности ради выполнения производственных заданий. В 1949 г. челябинская прокуратура, проверившая одну из строительных организаций, в своем отчете записала, что «...в ней не соблюдались самые элементарные правил техники безопасности. Рабочие места не имели защитных ограждений и поручней; у рабочих, занятых на опасных работах, отсутствовали страховочные ремни и веревки; тяжелые предметы типа бревен или арматуры просто сбрасывали с высоты вместо того, чтобы спускать их на тросах»¹¹. Информация из других отраслей указывает на повсеместный характер подобных нарушений. В профсоюзном отчете об условиях труда в тяжелом машиностроении отмечено, что примерно четвертая часть всех несчастных случаев произошла из-за «неправильных методов работы и отсутствия надлежащих инструментов и приспособлений, необходимых для исполнения рабочими порученных обязанностей. От шестой части до четверти всех инцидентов происходило по вине самих рабочих, нарушавших правила техники безопасности, а еще 10 % случаев происходило из-за небрежности руководителей»¹². Можно, конечно, не доверять точности приводимых данных, но нет сомнений в общей достоверности описываемой картины.

Почти повсеместно рабочие места были загромождены и захламлены. В проходах валялись брошенные детали и оборудование, груды неубранного мусора. Порой завалы были столь высоки, что рабочие

сутствуют. В этом отчете отмечался еще один феномен, ставший привычным в годы перестройки: женщины не желали уходить с опасных работ, поскольку получали там более высокую зарплату и различные доплаты за вредность (Там же. Л. 176).

¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 5036. Л. 193.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 112, 200. В этом же деле находятся аналогичные примеры (но со слегка отличными числовыми данными) о причинах несчастных случаев, относящиеся к заводу сельскохозяйственного машиностроения (одновременно выпускавшего боеприпасы) и к авиационной промышленности (Л. 55–58, 260, 263–264, 268–269).

не видели соседние станки¹³. В стране наблюдался хронический дефицит электрических ламп, а это означало плохую освещенность большинства рабочих мест¹⁴. Даже на возведенных заново или реконструированных заводах качество строительства оставалось настолько низким (например, нередко рушились потолочные перекрытия), что инспекторы по безопасности были вынуждены вмешиваться и приостанавливать работу впредь до устранения дефектов¹⁵.

Еще одним фактором, снижавшим безопасность труда, являлся недостаток защитной спецодежды. Обеспеченность некоторых отраслей рабочей одеждой из обычных тканей была достаточной, но она не обладала нужными защитными свойствами и быстро изнашивалась. Дефицитной считалась брезентовая спецодежда, особенно перчатки и рукавицы, необходимые рабочим литейных и металлургических цехов, а также кочегарам, слесарям по ремонту паровозов и другим работникам, вынужденным трудиться при повышенной температуре. Не хватало резиновых перчаток и сапог, а также валенок. Профсоюз Юго-Западной железной дороги в середине 1948 г. сообщал, что обеспеченность брезентовыми рукавицами составляет 2 % от потребности, а прочей брезентовой спецодеждой — от 10 до 40 %. Поскольку большинство рабочих было вынуждено платить за спецодежду из собственного кармана (железнодорожники в этом смысле представляли счастливое исключение), они отказывались раскошелиться на приобретение быстро снашиваемых спецовок и предпочитали обходиться без них¹⁶. Результаты отсутствия спецодежды отрицательно сказывались на здоровье людей. Например, молодые женщины-штукатуры, работавшие на строительстве металлургического завода

¹³ Сталинец (Ростсельмаш). 1946. 7 дек.; Кабельщик. 1947. 14 апр.; ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 58. Л. 20 (Азовский металлургический завод); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 114. Л. 92 (промышленные предприятия Красноярска).

¹⁴ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 9. Д. 488. Л. 11; Ф. 5457. Оп. 18. Д. 213. Л. 79; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 231.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 506. Л. 56–57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 205–206.

¹⁶ Ссылки по данной теме, относящиеся к железным дорогам, см. в: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7887. Л. 160. Другие примеры см.: Там же. Д. 7886. Л. 33–34; ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 20. Д. 1145. Л. 40–42. Остальные материалы, обсуждаемые в данном разделе, см. в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 12–14, 169–171, 211–212; ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 58. Л. 20 об.; Ф. 5457. Оп. 18. Д. 213. Л. 84. Брезент стал после войны настолько дефицитным материалом, что МПС даже отвергло заявку профсоюзов на десять палаток для летнего пионерского лагеря в Донбассе (РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7881. Л. 64–65).

в Чкаловской области, постоянно страдали от ожогов рук известью из-за отсутствия резиновых перчаток. На этой же стройке некоторые молодые рабочие ходили босиком, потому что не могли достать специальной обуви¹⁷.

Но аварии с травматическими последствиями составляют лишь одну сторону медали. Работа в холодных, нетопленых помещениях (вызывавшая инфекционные заболевания¹⁸) или в условиях повышенной концентрации токсичных веществ наносила не меньший ущерб здоровью людей. Эта проблема особенно остро стояла в черной и цветной металлургии, но отсутствие защитной спецодежды и недостаток систем вентиляции представляли опасность для здоровья на всех производствах, сопровождаемых выделением ядовитых газов или пыли¹⁹. Больше всего от отравлений страдали рабочие, контактировавшие с абразивными материалами, тяжелыми металлами, кислотами и другими отравляющими веществами. В 1948 г. на двух свинцовых комбинатах, в Чимкенте и Лениногорске, было зафиксировано 526 случаев отравления свинцом. Еще на одном предприятии цветной металлургии за 32 месяца, с января 1947 г. по август 1949 г., отмечено 2284 случая отравления соединениями хрома. Точно неизвестно, сколько из указанных эпизодов закончились смертельным исходом, но мы знаем, что только в течение 1948 г. на рудниках погибло 40 работников, отравившихся ядовитыми газами, выделяемыми при взрывных работах с использованием взрывчатки нового типа. Невероятно, но на многих предприятиях цветной металлургии либо вообще отсутствовали вентиляционные системы, либо они были старыми, имели недостаточную мощность и не могли удалять свинцовую и прочую ядовитую пыль из воздуха²⁰.

¹⁷ ЦХДМО. Ф. 1. Он. 4. Д. 961. Л. 18.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 7680. Он. 5. Д. 152. Л. 161–163; Ф. 7676. Он. 11. Л. 64–65.

¹⁹ См., напр., отчет о прокурорской проверке в июле 1949 г. предприятий Томской области, которая выявила случаи химических отравлений работников кабельного завода, предприятия, производящего электромоторы и электротехническое оборудование, карандашной и спичечной фабрик (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 5036. Л. 21).

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 226–230. Но цветная металлургия была не единственной отраслью, демонстрировавшей высокий уровень профессиональной заболеваемости. На одном из судостроительных заводов за период с 1945 по 1949 г. пришлось заменить 70 % электро- и газосварщиков, получивших отравление ядовитыми газами, сопровождающими сварочные работы (Там же. Л. 109–110). Вспоминая заявление министра здравоохранения РСФСР о том, что диагностируемые медиками случаи профессио-

Проблема заключалась не только в недостатке средств, вкладываемых в создание вентиляционных систем. Были некоторые отрасли (например, судостроение), вкладывавшие немалые средства во внедрение новых систем, которые, несмотря на все расходы и усилия, не работали должным образом. На Балтийском заводе в Ленинграде несколько вновь смонтированных вентиляционных установок простаивали из-за отсутствия вентиляторов. В одном из цехов работала только приточная вентиляция, но не действовала вытяжная. Еще несколько установок были полностью укомплектованы, но польза от них оказалась минимальной потому, что заводская компрессорная станция не создавала нужного давления воздуха²¹. Заводы, производившие свинцовые аккумуляторные батареи, испытывали аналогичные трудности. Системы вентиляции не были оснащены газо- и пылеуловителями и фильтрами, порой не хватало электроэнергии и пара для обеспечения их работы²². Но плохая вентиляция была не единственной причиной поражения работников отравляющими веществами. В Советском Союзе не умели правильно герметизировать опасные производственные процессы, а это означало, что риску подвергались не только сотрудники, имевшие дело с вредными материалами, но и все работавшие поблизости²³.

Как отмечалось в начале этого раздела, безопасность труда составляла лишь один, хотя, возможно, важнейший, аспект общей производственной среды. Эта среда сама по себе влияла на безопасность и в значительной степени ею же формировалась. Режим работы, подразумевавший постоянные остановки или авралы, был основным препятствием для поддержания безопасных условий труда. В то же время ужасающие условия, в которых действовали люди, отрицательно влияли на состояние трудовой дисциплины и на отношение к работе. К этой проблеме мы теперь и обратимся.

Режим работы

Типичное советское предприятие состояло из ряда фабрик, каждая из которых включала в себя несколько крупных цехов, которые

нальных заболеваний составляют лишь малую часть реально существующих, можно оценить всю серьезность ситуации в отмеченных здесь отраслях и на указанных предприятиях См. выше, глава 3, с. 157–158.

²¹ Там же. Л. 107–109.

²² Там же. Л. 8. Подобные проблемы были характерны и для черной металлургии (Там же. Л. 169).

²³ Там же. Л. 6, 262.

подразделялись на отделы и производственные участки. Координация действий подразделений, как правило, была недостаточной. На одном и том же участке могло применяться оборудование, сильно различающееся по возрасту и степени изношенности. Оборудование часто отказывало и простаивало в течение неопределенного времени. Некоторые составляющие производственного процесса могли быть высокомеханизированными, другие же, особенно вспомогательные операции (уборка, обслуживание), выполнялись почти исключительно вручную. Несоразмерность этих составляющих производственного процесса была постоянной причиной возникновения узких мест и задержек. Поставки сырья, материалов и полуфабрикатов осуществлялись с опозданием и не в полном объеме. Качество материалов и оборудования было низким, и цеха расходовали немалую часть рабочего времени на устранение дефектов. Проблема усугублялась тем, что машиностроительные заводы не выпускали запасные части к тому оборудованию, которое они поставляли, а вплоть до начала 1950-х гг. в Советском Союзе отсутствовала специализированная отрасль, производящая крепежные изделия. Поэтому каждое предприятие, а порой даже отдельные крупные цеха были вынуждены иметь собственные механические участки, изготавливавшие запчасти и крепеж. Себестоимость производства оказывалась высокой, а качество изделий — неизменно низким, что приводило к новым поломкам оборудования и потерям рабочего времени.

Необходимо четко понимать, что эти проблемы были не просто результатом плохого централизованного планирования или установления предприятиям излишне напряженных производственных заданий, не подкрепленных соответствующими ресурсами. Главной причиной всех неурядиц оказывались сами рабочие. Как уже отмечалось, сталинская индустриализация породила хронический дефицит трудовых ресурсов. Это открывало перед работниками широкие возможности для уменьшения интенсивности труда и давления на начальство, чтобы не допускать снижения расценок, диктуемого центром. Свойственная советскому производству внутренняя неорганизованность упрощала эту задачу, поскольку рабочие тратили значительную часть своего времени на поиски недостающих деталей или инструментов, ожидание мастеров и наладчиков для настройки оборудования, устранение ошибок в чертежах и дефектов комплектующих изделий, простаивание в длинных очередях в заводских столовых.

В результате всех этих нестыковок становилось невозможно координировать различные связанные друг с другом составляющие про-

изводственного процесса, действовавшие абсолютно неравномерно. Лучшее тому подтверждение — явление, которое в СССР получило название «штурмовщина». Оно означало замедленный темп работы в начале каждого календарного периода (месяца, квартала или года), сменявшийся бешеной спешкой ближе к его окончанию, когда на предприятие поступило все необходимое для того, чтобы выполнить план в срок. В принципе, если бы можно было заранее предвидеть все эти задержки и остановки, плановики в центре и на местах имели бы возможность скорректировать свои расчеты таким образом, чтобы избежать наихудших последствий. Но описанные выше неурядицы являлись абсолютно непредсказуемыми, поэтому момент их возникновения и продолжительность нельзя было предвидеть, спрогнозировать и вносить соответствующие коррективы в плановые расчеты.

Все сказанное вытекает из особенностей сталинской индустриализации 1930-х гг. Мы мало знаем о режиме работы на советских заводах в годы Второй мировой войны, но в контексте обсуждаемой темы можно указать следующие его характерные черты.

1. Как уже отмечалось выше, война повлекла за собой значительное ужесточение трудовой дисциплины. Подавляющее большинство работников оказалось на военном положении, а это означало, что они могли быть принудительно мобилизованы и отправлены работать туда, куда сочтет необходимым руководство. При этом самовольный уход с предприятий, куда их направили, наказывался длительными сроками заключения в лагеря. Прогоулы (то есть отсутствие на рабочем месте больше 20 минут) карались снижением выдачи хлеба по карточкам до 100–200 граммов в день, что было очень суровым наказанием в условиях, когда большинство населения даже в сельской местности жило на грани голода²⁴.

2. Война повлекла за собой существенное ухудшение условий труда: удлиненный рабочий день с принудительными сверхурочными; лишение права на увольнение по собственному желанию; постоянное ожидание увеличения норм выработки; обязательная начальная военная подготовка или участие в мероприятиях по гражданской обороне. Все нормы безопасности труда нарушались, и рабочие вынуждены были мириться с отсутствием нормального отопления, освещения и вентиляции. Трудности частично компенсировались тем, что рабочие, особенно занятые в ключевых отраслях промышленности, имели привилегированные продуктовые карточки. Кроме того, они

²⁴ См. главу 5, с. 216–217.

получали социальную помощь от своих предприятий в виде жилья (многие фактически жили на предприятиях, где имелись хотя бы минимальные отопление и освещение), медицинского обслуживания, мест для детей в яслях и детских садах, права пользования заводскими библиотеками, прачечными и банями²⁵.

3. Места мужчин, призванных на военную службу, на производстве занимали женщины и подростки, многие (если не большинство) из которых не имели опыта работы в промышленности. Во многих отраслях, например в текстильной, устанавливались пониженные нормы выработки, признавая тем самым неопытность вновь набранного контингента, а также то, что люди были вынуждены работать с некачественным сырьем на перегруженном, ветхом оборудовании. Но в жизненно важных для страны областях промышленности, например на угольных шахтах Кузбасса и Карагандинской области, призванных компенсировать утрату захваченных немцами угольных бассейнов Украины, правительство отказывалось идти на послабления. Однако там рабочие не справлялись с непосильными для них производственными заданиями²⁶.

4. Влияние войны на режим работы советских предприятий оказалось противоречивым. С одной стороны, ужесточение трудовой дисциплины и сосредоточение всех ресурсов в довольно ограниченной области военного производства в определенной мере пресекало тенденцию к дезорганизации предприятий. У рабочих оставалось меньше возможностей для снижения интенсивности труда, а некоторые операции на машиностроительных заводах, например те, что касались внутризаводского транспорта, удалось рационализировать и механизировать²⁷. Но с другой стороны, разрушения, вызванные боевыми действиями, ускоренная амортизация зданий и оборудования, сопутствующая ей невозможность проводить нормальные их замены и ремонт, перегруженность подвижного состава железных дорог, гигантская миграция населения — все это вместе взятое только способствовало нарушениям и нестабильности в работе предприятий. Некоторые трудности, подобные тем, что уже отмечались в предыдущем разделе, например нехватка осветительных ламп или замусоривание

²⁵ Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London, 1991. P. 58–99.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 23. Д. 604. Л. 1–3 (текстильная промышленность); Ф. 7416. Оп. 4. Д. 110. Л. 1 об., 2 (угольная промышленность).

²⁷ Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front*. P. 163–167; Труд. 1946. 11 мая.

цехов бракованными деталями и другими отходами производства, лишь частично можно списать на последствия войны. Война также оказала отрицательное влияние на финансовое состояние предприятий второстепенных отраслей, не связанных с выпуском продукции военного назначения. Им стало намного сложнее рассчитываться с поставщиками, ремонтировать внутреннюю телефонную связь и даже своевременно выплачивать заработную плату²⁸.

До 1940 г. установленная законом продолжительность рабочей недели в Советском Союзе составляла 42 часа при шести семичасовых рабочих днях в неделю. В июне 1940 г. рабочий день удлинени до восьми часов, причем одновременно прогулы и самовольный уход с предприятий объявили уголовными преступлениями²⁹. Как уже отмечалось, дисциплина на производстве в годы войны была значительно ужесточена. Вместе с тем при всей формальной суровости режима постоянные сбои в работе, о которых подробнее пойдет речь ниже, приводили к тому, что фактическое использование рабочего времени после войны было далеко не оптимальным. Хотя, по официальной статистике, потери рабочего времени не превышали в среднем 1–2 % в день, эти цифры признавались чрезвычайно заниженными³⁰. Хронометраж всех действий работников доказывал, что реальные потери значительно больше. Например, исследование, проведенное в 1947 г. на текстильных фабриках, показало, что впустую теряется от 6 до 25 % рабочего времени³¹. Даже в 1950 г., когда экономическое положение страны намного улучшилось, один крупный экскаваторный завод в среднем реально работал чуть больше половины дня при официально запланированных простоях всего в 10–12 % рабочего времени³². На строительстве предприятий тяжелой промышленности в том же 1950 г. были выявлены потери рабочего времени на уровне 17 %³³. Однако даже в тех случаях, когда весь рабочий день формально был посвящен производству, это вовсе не означало, что персонал действительно занят своими обязанностями или трудится по специальности. Обычным делом считалось перебрасывать людей с места

²⁸ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 258. Л. 106–106 об.

²⁹ Продолжительность рабочего дня в угольных шахтах и на других предприятиях с особо опасными условиями труда была увеличена с шести до семи часов.

³⁰ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 894. Л. 1.

³¹ Там же. Ф. 5457. Оп. 23. Д. 729. Л. 25.

³² Там же. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 987. Л. 72–72 об.

³³ РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 596. Л. 41.

на место, чтобы ликвидировать аварию или выполнить какую-либо срочную работу. Еще одно обследование промышленного строительства, предпринятое в 1950 г., показало, что каменщики на стройплощадках занимаются кладкой кирпича всего две трети рабочего дня, а труд штукатуров используется ненамного лучше. Они заняты штукатурными работами три четверти рабочего времени. Но хуже всего обстояло дело с бетонщиками, которые занимались перемешиванием и заливкой бетона не более половины рабочего дня³⁴.

Советские предприятия компенсировали потери рабочего времени за счет уже упоминавшейся штурмовщины. Но подобные мероприятия неизбежно требовали сверхурочного труда, что по советскому трудовому законодательству строго ограничивалось и требовало обязательного согласования с местными профсоюзами. Впрочем, те редко отказывали в этом руководству³⁵. Хотя объемы сверхурочных работ, по западным меркам, были относительно невелики — например, по официальным данным, переработка в 1947–1949 гг. составляла в расчете на одного работника тяжелого машиностроения от 1,3 до 1,4 % годового фонда рабочего времени³⁶. Но на практике сверхурочные являлись постоянным источником недовольства советских рабочих (в отличие от их западных коллег, которые, напротив, стремились поработать лишние часы, чтобы увеличить заработок). Более того, многие предприятия занижали в отчетности объем сверхурочных по сравнению с реально отработанным временем. Для этого руководство предприятий использовало разные способы. Проще всего было скрывать факт сверхурочных работ: людей задерживали на производстве вплоть до выполнения ими дневных норм, но в отчетности учитывали такую удлиненную смену как обычную³⁷. Но особенное распространение получила практика отмены выходных дней. Порой рабочим за это предоставлялись отгулы, иногда даже авансом, но обычно руководство заставляло их выходить на работу в выходные без всякой компенсации³⁸.

³⁴РГАЭ. Ф. 8502. Оп. 2. Д. 596. Л. 42.

³⁵По закону рабочий мог работать сверхурочно не более 120 часов в год и не более четырех часов два дня подряд (За советскую малолитражку. 1946. 17 апр.).

³⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 204.

³⁷Там же. Л. 15.

³⁸ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 152. Л. 171–172; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 67–68.

До каких размеров могли доходить подобные злоупотребления, можно показать на примере Воронежского завода «Вторчермет». 3 мая 1952 г. директор завода по согласованию с профкомом собрал коллектив и предложил людям проголосовать за то, чтобы объявить рабочим ближайший выходной. Он пообещал, что все получают за неурочный выход отгулы, которые будут предоставляться им в дни, согласованные с их непосредственными руководителями. Неделию спустя директор повторил тот же трюк. При этом не сохранилось никаких зафиксированных решений этих собраний, отсутствовали также письменные приказы директора, объявляющие выходные дни рабочими. Затем, уже 26 мая, руководство завода созвало еще одно собрание, и снова с согласия профкома. На этот раз людей «попросили» работать лишние два часа через каждые пять дней, чтобы обеспечить выполнение плана. Рабочим ни разу не заплатили сверхурочные, и наконец они заявили свой протест. Коллектив подал официальную жалобу в Центральный совет отраслевого профсоюза. В ней было написано, что в течение всего 1952 г. людям приходилось работать практически без выходных, а временами продолжительность рабочей смены доходила до 11 часов. «Спрашивается, в каком законе написано, что рабочие должны трудиться больше восьми часов в день? — писали рабочие в своем обращении. — Наши отцы и старшие братья отвоевали для нас это право, заплатив за это собственной кровью... Все эти махинации начальство проводит под видом решений общих собраний. Но на этих собраниях наш директор, пузатый Павлов, убеждал нас работать по выходным и по 10–11 часов в смену, а для нас было просто опасно и невозможно ему возражать, поскольку всех несогласных он немедленно брал на заметку и начинал притеснять и наказывать за малейшую провинность»³⁹.

После того как мы очертили общие контуры рабочего дня на советском промышленном предприятии, уместно задаться вопросом о причинах, которыми они были обусловлены. Как уже было отмечено во вступлении к настоящему разделу, сами трудящиеся обладали определенной свободой регулирования собственной работы и, соответственно, влиять на потери рабочего времени, связанные с их действиями. Более подробно остановимся на этом в следующем разделе

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 131. Д. 180. Л. 150–151. Это письмо, в котором встречаются и более крепкие выражения, служит индикатором того, насколько рабочие осмелели к 1952 г.: они открыто выражали свое недовольство, хотя понимали, что о более серьезных политических выступлениях не могло быть и речи. Вернемся к этому вопросу в заключительной части книги.

данной главы, который касается конфликтов, возникавших вокруг регулирования рабочего времени. Но имелись также факторы структурного характера, глубоко укорененные в советскую производственную систему, наиболее существенные из которых можно разбить на следующие категории.

Ненадежность оборудования и комплектующих изделий. Довольно часто ломались даже новые станки, но большинство предприятий в послевоенные годы было вынуждено в основном полагаться на оборудование, эксплуатировавшееся во время войны на износ и без регулярного технического обслуживания. В этой связи возникали три основные проблемы. Одна заключалась в низком качестве заготовок и полуфабрикатов, поступавших на механическую обработку. Станки, собранные с использованием дефектных или нестандартных составных частей, нередко ломались и досрочно выходили из строя. Бракованные или некачественные отливки, поступавшие из литейных цехов самих предприятий или поставляемые со стороны, отрицательно влияли на качество изготавливаемых из них деталей. Они требовали лишнего времени на обработку, при которой возникала масса отходов и получались некачественные детали, которые тем не менее шли на сборку готовой продукции⁴⁰. Аналогичную картину рисуют и другие источники. Например, на Ленинградском заводе «Электросила» жаловались, что из-за необходимости использовать некачественные изоляционные материалы, обмоточный провод и другие комплектующие цеха выпускают дефектную продукцию⁴¹. Поскольку сомнительные материалы и комплектующие не выбраковывались, а передавались на следующие стадии производственного процесса для обработки и сборки, это неизбежно сказывалось на качестве конечной продукции.

Вторую проблему составляли временные затраты на исправление дефектов. Порой их количество превосходило все мыслимые нормы. Например, профсоюзная газета «Труд» в мае 1947 г. писала, что бракованными оказывались до 30 % осветительных и радиоламп и других электровакуумных изделий⁴². Дефекты могли возникнуть под влиянием целого ряда факторов: низкое качество сырья, материалов и полуфабрикатов, отступление от технических требований во время штурмовщины или откровенная небрежность части рабочих-станочников. Порой могли одновременно присутствовать все три указан-

⁴⁰ Сталинец (Куйбышев). 1950. 30 марта; 1951. 1 февр.; Труд. 1947. 30 мая.

⁴¹ Электросила. 1946. 23 нояб.

⁴² Труд. 1947. 25 мая.

ные выше причины брака⁴³. Здесь же важно отметить, что переделки забракованной при приемке продукции или ее возвраты производителю для устранения дефектов съедали значительную часть рабочего времени. С его потерями было связано еще одно весьма распространенное явление — необходимость частых переналадок в связи с поступлением исходных материалов, размеры и другие характеристики которых отличались от заданных в технической документации. Проще всего это явление продемонстрировать на примере механической обработки литых заготовок, отличающихся друг от друга геометрическими размерами и (или) имеющих дефекты. При обработке таких заготовок не только расходовалось лишнее станочное время, но и возникали отходы металла⁴⁴. Много лишнего металла расходовалось и в процессе отливки заготовок. В докладе комсомольской организации⁴⁵, например, утверждалось, что литейный цех завода им. Сталина в Ленинграде из-за отсутствия надлежащих формовочных материалов использовал стальные формы, в результате чего в брак шло до 60 % отливок.

Третья проблема — низкое качество ремонта. Для советских предприятий было обычным делом, когда станки на длительный срок изымались из эксплуатации для ремонта, чтобы вновь отправиться в ремонт почти тотчас же после его завершения. Подтверждение тому — опыт Ростовского завода сельскохозяйственных машин («Ростсельмаш»), где выход из строя только что отремонтированного оборудования являлся повседневной практикой. В 1950 г. заводская многотиражка писала, что при поломках оборудования рабочие предпочитали выполнять некоторые операции вручную, не дожидаясь починки. При этом страдали как производительность труда, так и качество продукции. Хотя эта публикация была призвана продемонстрировать неверное отношение рабочих и мастеров к данному вопросу, вполне вероятно, что их поведение было как раз вполне рациональным с учетом сложившейся ситуации. Они, конечно, могли сидеть сложа руки и ждать, когда придет механик и устранит поломку, после чего оборудование вскоре вновь станет не пригодным к использованию. Но эти

⁴³ Более подробное описание причин выпуска дефектной продукции во времена правления Хрущева см. в: Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964*. Cambridge, 1992. P. 164–167.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 894. Л. 63; Сталинец (Куйбышев). 1951. 1 февр.

⁴⁵ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 164.

люди предпочитали выполнять порученную работу теми средствами, которые были в их распоряжении⁴⁶. Частые поломки оборудования не всегда были следствием его неудачной конструкции или плохого обслуживания. Например, зимой 1950 г. из-за текущей крыши вода залила оборудование литейного цеха «Ростсельмаша», из-за чего он простоял целую смену⁴⁷.

Все же подобные ситуации были только частью проблемы. Советская система планирования, нацеленная на обеспечение максимального валового выпуска продукции, никогда не уделяла должного внимания стандартизации деталей и организации их централизованного производства на специализированных предприятиях. Некоторые положительные сдвиги в этом направлении произошли во время войны в военной промышленности, но этот опыт так и не получил дальнейшего распространения, а в некоторых отраслях (например, в сельхозмашиностроении) не применялся вообще. В послевоенный период машиностроительные предприятия, как правило, производили инструмент, крепежные детали и приспособления своими силами по собственным техническим условиям. Стандартизация в этой области была незначительной или отсутствовала вовсе. Соответственно, отсутствовала взаимозаменяемость деталей не только между отраслями, но даже между предприятиями одной отрасли⁴⁸. То же самое касалось выпуска запчастей. Производители оборудования не делали запасные части к нему в основном потому, что их изготовление мало что добавляло к абсолютным плановым показателям. В результате при поломке какой-нибудь детали оборудование останавливали в ожидании, пока механик не изготовит замену, вызывая остановку всех связанных с ним операций⁴⁹. Если же производители все-таки поставляли запасные части к оборудованию, то у получателей возникали те же проблемы стандартизации и унификации, что и с первичными деталями. Например, ленинградский завод «Линотип», поставлявший полиграфические станки, выпускал к ним запчасти, в которых болты и гайки, шестерни и штифты имели нестандартные

⁴⁶ Сталинец (Ростсельмаш). 1950. 9 марта и 6 мая. Похожие заметки встречаются в других заводских газетах. См., напр.: Красный треугольник. 1947. 12 сент.; Кировец. 1947. 25 марта; Сталинец (Куйбышев). 1951. 15 марта.

⁴⁷ Сталинец (Ростсельмаш). 1951. 21 марта.

⁴⁸ Труд. 1947. 18 мая (Я. Возняк); Вопросы экономики. 1948. № 6. С. 36 (К. Клименко).

⁴⁹ Труд. 1946. 12 июня. В статье описываются проблемы, существующие на Московском автомобильном заводе им. Сталина.

диаметры. Соответственно, их невозможно было использовать⁵⁰. На практике это означало, что заводы, нуждавшиеся в запчастях для вышедшего из строя оборудования, вынуждены были изготавливать их самостоятельно, не располагая при этом необходимой конструкторской документацией. Помимо высокой стоимости и неэффективности такой системы (при которой даже самый маленький завод должен был иметь собственный, порой достаточно крупный механический цех) качество изготавливаемых деталей оставалось низким. Поэтому не приходится удивляться, что станки ломались почти сразу по выходу из ремонта.

Нехватка инструментов и материалов. Из всех особенностей советского промышленного производства лучше всего, наверное, неспециалистам в области советологии известен хронический дефицит сырья, материалов и полуфабрикатов. Он же являлся главной причиной штурмовщины. Во многих популярных источниках описаны случаи, когда предприятия рассылали по заводам-поставщикам так называемых толкачей, которые занимались «выбиванием» своевременных поставок материалов и комплектующих⁵¹. Недостаточность снабжения процизывала всю советскую промышленность. Она влияла на отношения между отраслевыми министерствами, сражавшимися за ресурсы на вершине системы, между руководителями предприятий и ведомствами, у которых они были в подчинении, а также на поведение работников, непосредственно занятых в производстве. Потери времени, обусловленные несвоевременными поставками или недоступностью сырья и материалов, достигали невероятных размеров. Московский станкостроительный завод «Красный пролетарий» в 1947 г. столкнулся с трудностями при приобретении практически всех необходимых ему металлоизделий — отливок, стального проката, шарикоподшипников, хотя у него имелось по несколько поставщиков многих видов покупных изделий. Результатом стали продолжительные простои. В частности, станочники из-за недопоставок материалов были заняты делом только полдня, а слесари-сборщики оставались без работы 15 дней в месяц⁵². Но этим потери рабочего времени не огра-

⁵⁰ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 894. Л. 118. В 1947 г. два вагоностроительных завода в стране по-прежнему применяли болты и гайки с дюймовой резьбой, в то время как остальные предприятия отрасли давно перешли на метрическую резьбу (Труд. 1947. 18 мая).

⁵¹См., напр., описание этого явления в: Kaiser R. G. Russia: The People and the Power. London, 1976 (часть 9).

⁵²Труд. 1947. 30 мая.

ничивались. С первых дней сталинской индустриализации вплоть до распада СССР мастера были вынуждены тратить большую часть времени не на выполнение своих должностных обязанностей, а на поиски недостающих деталей, материалов и инструментов⁵³.

Больше всего от перебоев и задержек в снабжении страдало строительство. Строители Орско-Халиловского металлургического комбината в Чкаловской области в течение апреля–мая 1948 г. получили только 40 % кирпича, 14 % пиломатериалов и 19 % щебня от необходимых объемов для выполнения плана строительства жилых домов. Немногим лучше обстояли дела со снабжением строительства самого предприятия, несмотря на то что оно было включено в перечень приоритетных объектов. В частности, строительство коксовых батарей было обеспечено цементом только на 29 %, щебнем — на 30 %, пиломатериалами — на 42 %, известью — на 45 % и кирпичом — на 42 %. Этим объяснялся и тот факт, что молодых рабочих на этой стройке постоянно перемещали с объекта на объект, вместо того чтобы дать им работу по специальности. На стройке не было достаточного количества материалов, чтобы обеспечить их работой на одном месте в течение всей смены⁵⁴.

Если столь большие проблемы со снабжением имелись в основных отраслях промышленности, то на второстепенных предприятиях, расположенных в сельской местности, дела обстояли еще хуже. Пример фаянсовой фабрики в Житомирской области на Украине, уже приводившийся выше, показывает, насколько проблемы недостаточного снабжения влияли на повседневную жизнь самого предприятия и его работников. Поскольку фабрика выпускала потребительские товары, ей не были выделены лимиты обязательных поставок угля. Поэтому приходилось топить печи для обжига своей продукции торфом повышенной влажности, которая к тому же была чрезвычайно изменчивой. Поскольку необходимость выполнения плана не оставляла времени для его просушки, фабрика использовала тот, что был в наличии. Это означало, что продолжительность обжига становилась непредсказуемой. Работники, в большинстве своем женщины из соседних деревень, нанявшиеся на фабрику, чтобы вырваться из колхозов, были вынуждены загружать и выгружать печи практически круглосуточно. Им приходилось ночевать на фабрике, и когда печь была готова к загрузке или выгрузке, начальник цеха ходил по цехам с ручным фонарем и будил спящих работниц⁵⁵.

⁵³ См., напр.: Кировец. 1947. 25 марта.

⁵⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 961. Л. 14–15.

⁵⁵ Беседа с М. З. Январь 1997 г.

Отсутствие координации между механизированными и ручными производственными операциями. Частые остановки оборудования из-за отказов или недопоставок материалов прерывали не только работу того участка, на котором это оборудование было установлено, но и останавливали процесс на последующих этапах производства. Выход из строя токарного станка означал остановку (порой достаточно длительную) всех последующих операций, связанных с использованием деталей, которые изготавливались на этом станке, будь то промывка, контроль качества или сборка. Но существовал еще один важный фактор, влияющий на согласованность взаимосвязанных операций, — неравномерный уровень их механизации. Особенно заметные различия при этом наблюдались между основными операциями, инвестиции в которые имели приоритетный характер, и вспомогательными. Последние включали в себя широкий спектр различных работ начиная с отливки заготовок и заканчивая уборкой цехов, причем практически все они были важны для обеспечения равномерной работы предприятия. Как это ни удивительно, но в машиностроении, где в послевоенные годы трудилось больше четверти всех промышленных рабочих⁵⁶, насчитывалась самая высокая доля неквалифицированной рабочей силы, занятой на простейших ручных операциях. Даже в столь высокомеханизированной отрасли, как автомобилестроение, примерно половина рабочих трудилась вручную⁵⁷. Известно, что некоторые из них были высококвалифицированными специалистами — наладчиками, электриками и механиками, которых приходилось держать на предприятиях в избытке из-за частых поломок оборудования. Но большая часть немеханизированных операций требовала тяжелого физического труда, связанного с поднятием и перемещением грузов. Основная сложность заключалась в том, что советская промышленность не производила достаточного количества подъемно-транспортного оборудования. В 1946 г., самом трудном в послевоенном восстановительном периоде, Министерство тяжелого машиностроения, отвечавшее за выпуск подобного оборудования, смогло выполнить только десятую часть заказов на конвейеры общего назначения, а специализированные конвейеры или подъемно-транспортное оборудование для отдельных отраслей промышленности не производилось вовсе. Более того, многое из произведенного отличалось крайне низким качеством. Все это, в свою очередь, имело два важных последствия. Первым и наиболее очевидным было то, что советская промыш-

⁵⁶Труд в СССР: Стат. сб. М., 1968. С. 84–85.

⁵⁷Вопросы экономики. 1948. № 6. С. 36 (К. Клименко).

ленность осталась практически без уборочного оборудования. Второе заключалось в том, что каждое министерство поручало своим предприятиям самостоятельно изготавливать такое оборудование, хотя у тех не было ни специальных навыков, ни свободных производственных мощностей. Оборудование получалось дорогим, усугублялись проблемы его стандартизации и унификации, предприятия были вынуждены отрывать дефицитные ресурсы от основного производства, за которое отвечало министерство⁵⁸.

Фактически в этой области руководители советской промышленности начиная с министров и заканчивая директорами заводов и фабрик следовали тем же циничным путем, что и при механизации опасных производственных процессов. Рабочая сила, особенно когда речь шла о женщинах и подростках, была дешева, в то время как механизация вспомогательных операций требовала крупных инвестиций. Сталинская система планирования придерживалась строгой иерархии приоритетов, при которой львиная доля капиталовложений доставалась тяжелой промышленности (добыче угля, черной и цветной металлургии, машиностроению) и промышленному строительству. Но и на предприятиях этих отраслей инвестиции в первую очередь шли в основное производство в ущерб механизации вспомогательных операций, невзирая на их значение для бесперебойной работы заводов.

Использование рабочего времени

Материалы, содержащиеся в двух предыдущих разделах данной главы, позволяют построить описание типового советского промышленного предприятия. Его персонал вынужден был работать в тяжелых условиях при отсутствии базовых средств обеспечения безопасности, постоянно испытывали дефицит основных инструментов и материалов, находились под давлением требований выполнить план любой ценой, что заставляло обходить или игнорировать многие обязательные требования законов и инструкций со значительным риском для здоровья. Предприятие представляло собой крайне запущенную территорию, где постоянно возникали различные препятствия для выполнения жестких требований по безусловному выполнению производственных планов, исходящих из центра. Здания и помещения стояли грязными и плохо освещенными, в них было холодно зимой и

⁵⁸Труд. 1946. 11 мая (Л. Кифер, А. Спиваковский); Труд. 1946. 12 июня.

невыносимо жарко летом. На большинстве предприятий отсутствовали элементарные удобства — приличные душевые и раздевалки, не говоря уже о гигиенических помещениях для работающих женщин. Рабочие и мастера пребывали в постоянном напряжении, приспособляясь к перманентному дефициту сырья, топлива, металла и инструмента, к отсутствию надежного оборудования. Все это вместе взятое превращало любые производственные графики и планы в пародию на научное планирование.

Но это была лишь одна сторона медали. Подобные условия труда не только заставляли рабочих и администрацию приспособляться к системе, они пытались и ее адаптировать к собственным нуждам. И здесь, так же как в условиях капитализма, мы видим внутри сталинизма наличие сложной иерархии неформальных отношений, возникающих на производстве. Можно упрощенно изобразить эту схему в виде набора разнонаправленных векторов, часть которых смотрит в одну, а другая — в противоположную сторону. В центре системы находятся власти, заставляющие рабочих и администрацию наращивать объемы производства любой ценой, без оглядки на то, во что это обходится и людям, и экономике. Внутри самих предприятий рабочие и управленцы порой действуют согласованно, чтобы противостоять давлению властей, ослабить напряженность режима работы и сделать планы более выполнимыми с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов. В других случаях руководители предприятий, обычно поддерживаемые местными профсоюзами, выступают в роли исполнителей политики властей. В подобных ситуациях рабочим приходится приспособляться, чтобы обойти давление как со стороны властей, так и собственного руководства.

Предприятия, таким образом, становились ареной борьбы, на которой отдельные группы людей, преследуя собственные интересы, порой объединяются и действуют согласованно, а иногда вступают в противоречия между собой. Основной сферой, вокруг которой разворачивалась борьба интересов, являлось использование рабочего времени. Власти старались установить контроль над его использованием путем прямого законодательного регулирования (причем зачастую применяя уголовное преследование нарушителей) времени присутствия на работе, правил табельного учета и поведения работников либо с использованием систем оплаты труда, носивших принудительный характер.

Сталинский режим придавал гипертрофированное значение вопросам так называемой «трудовой дисциплины», причем это понятие трактовалось чрезвычайно широко. Помимо правил поведения работ-

ников (которые на западных предприятиях принято ассоциировать с дисциплиной), не допускающих в числе прочего несоблюдение субординации, неповиновение, нецелевое использование рабочего времени, пьянство на работе или прогулы, в Советском Союзе наказывалась (как указано в главе 5) также самовольная смена места работы, с чем власти пытались бороться, сочетая методы административного, экономического и уголовного преследования. Эта борьба продолжалась начиная с первой пятилетки и вплоть до произнесения Хрущевым в феврале 1956 г. его секретного доклада на XX съезде партии.

Другой проблемой помимо самовольного ухода работников с предприятий которой были чрезвычайно озабочены власти, являлась борьба с прогулами, за которые в 1940–1951 гг. полагалось уголовное наказание в виде принудительных работ по месту службы с вычетами части заработка. Достоверные или хотя бы приблизительные данные о количестве прогулов в послевоенные годы отсутствуют. Известно только, что ежегодно вплоть до отмены уголовного преследования прогульщиков в середине 1951 г. по Указу от 26 июня 1940 г. осуждалось от 600 до 900 тыс. человек. Наказания за прогулы были относительно мягкими и не связанными с тюремным заключением. Обычно прогульщиков осуждали на исправительные работы по месту службы на срок до шести месяцев с ежемесячными вычетами до 25 % заработной платы. Но, учитывая трудные условия жизни в послевоенные годы, даже такое наказание можно считать достаточно суровым. Вместе с тем редкие описания анекдотических случаев в заводских газетах и данные из архивов министерств позволяют полагать, что реальное количество прогулов было невелико. Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности в отчете за 1948 г. сообщало, что в течение года 18 % работников совершили прогулы, а в 1949 г. их число сократилось до 14 %. Такая доля прогульщиков может показаться высокой, но реальный ущерб, наносимый ими производству, был незначительным. Потери от прогулов составляли около 0,5 % фонда рабочего времени, и эту цифру можно считать пренебрежимо малой по сравнению с потерями рабочего времени в результате остановок оборудования, отсутствия нужного инструмента, несвоевременных поставок материалов и комплектующих и всех прочих трудностей, постоянно испытываемых советской промышленностью в те годы⁵⁹.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 224. Л. 4. Данные, приведенные в этом документе, охватывают первые три квартала указанных годов. Мы пересчитали эти цифры на год в целом.

Все эти утверждения носят условный характер, поскольку официальные данные крайне ненадежны, вероятно, даже менее достоверны, чем отчеты учебных заведений трудовых резервов о числе сбежавших из них учащихся. Есть веские основания полагать, что даже сведения из отчетов, хранящихся в архивах, значительно занижают реальный уровень прогулов. Табельный учет на советских предприятиях был налажен довольно слабо. На некоторых заводах отсутствовали табельные доски на входе. Многие табельщики не обращали внимания на то, кто и когда приходил на работу или уходил с нее. Количество номерков, висящих на доске табельного учета, могло не иметь никакого отношения к фактическому числу людей, присутствующих на рабочих местах. Пунктуальность и регулярная посещаемость места службы были проблематичными даже среди самих табельщиков⁶⁰. Дополнительные искажения вносила плохо поставленная отчетность на предприятиях. Администрация порой не представляла, сколько людей у них работает в данный момент или где находятся их подчиненные. В таких условиях точный учет количества прогулов оставался недостижимой мечтой. Прокурор Карагандинской области в своем докладе о состоянии трудовой дисциплины на строительстве угольных шахт в конце 1949 г. с небывалой откровенностью вскрывает эту проблему. Основываясь на официальной информации о нарушениях трудовой дисциплины, представляемой руководством строительных организаций, он отмечал, что:

«...цифры, характеризующие число случаев прогулов и самовольного ухода с предприятий в четвертом квартале 1948 г. и за первые три квартала 1949 г. отличаются малой достоверностью, хотя соответствующие данные были получены из главка и скреплены надлежащими подписями. Проверка, проведенная в ноябре сего года, выявила, как и год назад, что данные, получаемые из отделов кадров строительных организаций, не совпадают с данными табельного учета, данные, предоставляемые руководством этих организаций, не совпадают со сведениями, предоставленными главком и т. д. Все это является следствием путаницы, царящей в администрации строительных организаций, в которых начальники участков и табельщики плохо представляют, какие случаи следует считать прогулами, а какие нет; информация, представляемая в отделы кадров, составляется "на глазок", после чего эти искаженные сведения поступают в главк. На строительстве шахты им. Костенко прорабы отдельных строительных участков не имеют представления о том, сколько рабочих находится у них в подчинении. Кроме того, руководители строительных

⁶⁰ Там же. Оп. 37. Д. 3747. Л. 109, 145; Д. 3761. Л. 141–143.

организаций перебрасывают рабочих с места на место, не уведомляя об этом прорабов и мастеров, что вносит еще большую путаницу, в результате которой отдельные прорабы вносят некоторых рабочих в списки прогульщиков или даже самовольно уволившихся с работы, в то время как те просто переведены на другие стройплощадки той же строительной организации»⁶¹.

Сведения о количестве прогулов можно считать сомнительными еще по одной причине: управленцы и табельщики сознательно покрывали прогульщиков. Например, начальники цехов и участков машиностроительных заводов предоставляли своим работникам вчетверо больше отгулов для занятий личными делами, чем число потерянных из-за прогулов рабочих дней, указываемое в официальной отраслевой отчетности⁶². Безусловно, многие такие случаи были оправданными, но существует немало свидетельств того, что огромная часть прогулов просто не фиксировалась и прогульщикам удавалось ускользать от ответственности из-за небрежности табельщиков отдельных цехов и участков⁶³. Известно также, что по крайней мере некоторые руководители стремились свести к минимуму число обращений в суды, считая прогулы внутренним делом предприятия⁶⁴.

Между тем были и другие факторы, влиявшие на проблему прогулов, обусловленные в основном чудовищной нехваткой еды и одежды в первые послевоенные годы. Как уже отмечалось в главе 4, крайняя нищета, в которой пребывали молодые рабочие, заставляла некоторых из них отказываться выходить на службу только потому, что им не во что было одеться и обуться или из-за голода⁶⁵. Известен по крайней мере один случай, когда их действия поддержал профсоюз⁶⁶.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 813. Оп. 37. Д. 5038. Л. 119–120. Некоторые особенности написания оригинала сохранены.

⁶² Там же. Оп. 29. Д. 207. Л. 12. Эти данные относятся к 1949 г.

⁶³ Список соответствующих ссылок слишком велик, чтобы привести его здесь целиком. В качестве примеров, иллюстрирующих сказанное, см.: Труд. 1947. 30 мая; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 109, 145; Д. 3761. Л. 141–143; Д. 5036. Л. 207.

⁶⁴ Электросила. 1947. 30 авг.; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 70–72; Д. 5036. Л. 227–228. Прокурор Карагандинской области утверждал, что руководители шахт в его регионе позволяют прогульщикам отрабатывать пропущенные дни в выходные, вместо того чтобы преследовать их в судебном порядке (см.: Там же. Оп. 29. Д. 266. Л. 5).

⁶⁵ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1100. Л. 106; РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 25. Л. 4; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747. Л. 50 об., 251.

⁶⁶ См. главу 4, с. 182–183 (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4159. Л. 73–74).

Но похожие трудности испытывала не только молодежь. Бывали случаи, когда взрослые рабочие, занятые на строительстве железных дорог, впадали в такую нищету, что ради выживания были вынуждены распродавать домашний скарб, рабочую одежду и обувь. По сведениям профсоюза железнодорожников, они не могли выходить на работу, поскольку не имели денег даже на покупку хлеба⁶⁷. Возможно, с политической точки зрения более серьезными можно считать случаи, когда рабочие использовали прогулы как средство борьбы. Подобные инциденты описаны в главе 3, где говорится о протестах железнодорожников против задержек заработной платы. Менее масштабные протестные действия наблюдались и в других отраслях. Так, в 1948 г. профсоюз рабочих угольной промышленности сообщал об отказе 70–80 молодых шахтеров в г. Коркино Челябинской области выходить на работу, потому что им не выплачивали зарплату в течение двух месяцев. Профсоюз обвинял руководство шахты в том, что оно направляет обращения в суд, вместо того чтобы обеспечить для рабочих приемлемые условия труда и быта⁶⁸. Еще один случай использования прогулов как метода борьбы произошел в 1946 г. в Латвии, где группу железнодорожных строителей отправили на лесозаготовки, заставляя работать за плату, намного ниже обычной. В конце концов люди отказались выходить на работу, требуя вернуть их в родную строительную организацию. Профсоюзный инспектор встал на их защиту, отметив, что следует принять во внимание обоснованность мотивов их поведения, вместо того чтобы подвергать рабочих административным взысканиям⁶⁹.

Питер Соломон уже отмечал давление на власти, заставившее их Указом от 14 июля 1951 г. исключить прогулы из числа уголовно наказуемых преступлений. В частности, одной из причин этого решения стало огромное количество нерассмотренных дел о прогулах, скопившихся в судах к концу 1940-х гг.⁷⁰ По новому закону все дела о прогулах, за исключением тех, что касаются наиболее злостных прогульщиков, являлись предметом рассмотрения товарищеских судов, формируемых из работников предприятий, которые должны были за прогулы назначать своим коллегам самые минимальные наказания. Если власти полагали, что подобная либерализация законодательства

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7888. Л. 60.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 4. Д. 268. Л. 4.

⁶⁹ Там же. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 356. Л. 8–10.

⁷⁰ Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 423–425.

станет поводом для рабочих проявить свою покорность, то они глубоко заблуждались. Почти повсеместно произошел гигантский взрыв числа нарушений дисциплины⁷¹. В докладе, датированном 16 марта 1952 г. и предназначенном для внутрипартийного использования, с тревогой отмечается утроение количества прогулов в угольной промышленности, удвоение в химической и текстильной промышленности и рост почти на 50 % — в нефтяной промышленности⁷². В цветной металлургии число прогулов за первые три месяца 1952 г. примерно в три раза превысило показатели, отмеченные за три месяца до смягчения законодательства⁷³. Данные Министерства строительства предприятий тяжелой промышленности (Минтяжпром) указывают на аналогичную тенденцию: потери рабочего времени из-за прогулов выросли с 112 689 рабочих дней в период с января по июнь 1951 г. до 178 562 рабочих дней в июле—ноябре того же года. Экстраполяция этих цифр на декабрь 1951 г. дает свыше 214 тыс. рабочих дней, потерянных по причине прогулов, что означает почти 100 %-ный рост. Отмеченная тенденция продолжилась и в первой половине 1952 г., перелом наметился только к концу года, когда потери рабочего времени из-за прогулов начали понемногу снижаться⁷⁴. Молодые рабочие, по-

⁷¹ Возможно, что режим и (или) его юридические советники были охвачены ложным чувством самоуспокоенности, возникшим после перевода транспорта весной 1948 г. с военного положения на гражданское. Здесь поначалу также наблюдался значительный рост числа прогулов, который объяснялся преимущественно введенной указом новой классификацией правонарушений. По указам от апреля и мая 1943 г., опоздание на работу менее чем на два часа считалось нарушением внутреннего распорядка и рассматривалось местными руководителями. В то время как согласно Указу от 26 июня 1940 г. прогулом считалось любое опоздание, превышающее 20 минут. Точно так же, если ранее более продолжительное отсутствие на рабочем месте считалось дезертирством и наказывалось соответствующим образом, то теперь такая отлучка рассматривалась как прогул. Но даже принимая во внимание все эти обстоятельства, из отчетов железнодорожной прокуратуры ясно виден рост числа прогулов, а также то, что большинство этих нарушений стало рассматриваться руководителями предприятий на местах. См., напр.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4581. Л. 230–231; Д. 4585. Л. 119; Д. 4592. Л. 64, 64 об.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 279. Л. 24.

⁷³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 1162. Л. 11.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 899. Л. 84–87; Д. 915. Л. 74. В черной металлургии также обнаруживается снижение числа прогулов к концу 1952 г., но по этой отрасли мы не располагаем данными за период, непосредственно следующий после декриминализации прогулов, и поэтому не можем судить о

хоже, наиболее активно извлекали преимущества, вытекавшие из новых законов. Это по крайней мере следует из отчетов комсомольских организаций машиностроительных предприятий. Число прогулов, совершенных представителями этой группы, выросло во второй половине 1951 г. по сравнению с первым полугодием на Сталинградском тракторном заводе почти в пять раз, на заводе им. Сталина в Нижнем Тагиле и Челябинском тракторном заводе — в шесть раз, а на Ростовском заводе сельхозмашин («Ростсельмаше») — в десять раз⁷⁵.

Вполне возможно, этот рост показателей объясняется тем, что директора заводов, начальники цехов и участков охотнее стали сообщать о прогулах, поскольку теперь не требовалось спасать своих работников от уголовного преследования. Но подобную точку зрения не разделяли ни ВЦСПС, ни ЦК ВКП(б), в один голос упрекавшие руководителей предприятий за масштабное использование различных уловок, чтобы скрывать истинную картину⁷⁶. Но даже согласившись, что приведенные темпы роста числа прогулов завышены, мы вынуждены признать: они указывают на значительное увеличение этих нарушений, превышающее возможную статистическую погрешность более точной отчетности. Приведенные данные убеждают также в том, что так называемые товарищеские суды оказались не слишком успешным нововведением. Заводские парткомы и профкомы не спешили с их созданием, а уже созданные рассматривали дела

том, предшествовала ли этому снижению тенденция к росту числа прогулов (РГАЭ. Д. 8876. Оп. 46. Д. 279. Л. 87).

⁷⁵ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 273–275. Имеются аналогичные сообщения относительно роста числа прогулов молодых рабочих машиностроительных заводов Горького, Краматорска, Новосибирска и Харькова. Возможно, самые впечатляющие цифры продемонстрировал Липецкий тракторный завод, где количество прогулов, совершенных молодыми рабочими, выросло с 37 случаев в июле 1951 г. до среднего числа прогулов за октябрь–декабрь, составившего 1200 (Там же. Л. 272).

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 278. Л. 65–66; Д. 279. Л. 25–26. В последнем документе заявленные претензии к руководителям предприятий подкреплены несколькими поистине впечатляющими примерами. Руководство строительного треста «Металлургстрой» в Свердловской области во втором полугодии 1951 г. привлекло к ответственности только семерых из 656 прогульщиков. Уволенным за прогулы за этот период 34 рабочим не были сделаны соответствующие записи в трудовых книжках, что позволило тем оставить в неприкосновенности непрерывность трудового стажа, без чего они не могли претендовать на получение в полном размере пенсий или пособий по инвалидности.

прогульщиков с большими задержками. Но более серьезным с точки зрения власти оказался тот факт, что товарищеские суды продемонстрировали нарастание отчужденности среди рабочих: мало кто из них стремился поучаствовать в таких заседаниях. Правда, в этом рабочие следовали примеру руководства, партийных и профсоюзных организаций своих предприятий, также не проявлявших особого интереса к товарищеским судам. Наблюдалась тенденция к преобладанию на этих заседаниях партийных функционеров, что, как утверждалось в одном докладе, представленном в Секретариат ЦК партии, подрывало их легитимность в глазах простых тружеников⁷⁷.

Однако, даже принимая во внимание все указанные факторы, мы ясно видим, что ущерб, наносимый производству прогулами, абсолютно не сопоставим с потерями, обусловленными факторами, действующими внутри самих предприятий, будь то частые остановки оборудования из-за поломок, нехватка покупных изделий и материалов, неграмотная техническая документация или сознательные ее нарушения самими рабочими. Данные по строительной отрасли убеждают в том, что даже после значительного увеличения числа прогулов после середины 1951 г. связанные с ними потери рабочего времени оставались небольшими⁷⁸. Примеры из машиностроения рисуют аналогичную картину. Например, механический цех крупного экскаваторного завода заранее планировал простой станков в пределах от 35 до 40 % машинного времени⁷⁹. Сам режим признавал наличие этой проблемы, беспрестанно проводя кампании по интенсификации использования рабочего времени и уменьшению случаев отвлечений работников от исполнения основных обязанностей. Но поскольку власти не хотели признавать, что причины гигантских потерь рабочего времени коренятся в самой бюрократической системе, они объясняли все недостатками в управлении предприятий и халатностью персонала. На самом деле невозможно провести четкую границу между потерями, обусловленными структурными факторами и вызванными предна-

⁷⁷РГАСПИ. Ф. 17. Он. 131. Д. 279. Л. 26–30, 32–35.

⁷⁸Хотя между первым полугодием 1951 г. и концом первого полугодия 1952 г. число прогулов в промышленном строительстве почти утроилось, на их долю приходилось менее 1 % общих потерь рабочего времени, то есть пренебрежимо малая часть потерь, обусловленных рутинными простоями (РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 915. Л. 74).

⁷⁹ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 894. Л. 72–72 об. Имется в виду Ковровский экскаваторный завод во Владимирской области, данные за период с декабря 1949 г. по февраль 1950 г.

меренными действиями рабочих. Нарушения в четкой организации и ритмичности производственного процесса, безусловно, создавали ситуации, при которых люди вынуждены были праздно проводить значительную часть рабочего времени. К тому же простои на одном этапе производства неизбежно влекли (или могли повлечь) за собой вынужденные простои на следующих этапах. Это явление особенно хорошо отражено в документах, относящихся к довоенному периоду и к времени после смерти Сталина⁸⁰. Данных, относящихся к рассматриваемому моменту, имеется намного меньше. В заводских многотиражках и архивных материалах описываются некоторые случаи, когда люди опаздывали на работу и уходили до конца смены, самовольно затягивали обеденный перерыв, пьянствовали или даже спали на рабочих местах⁸¹. Особенно сложно было проконтролировать время, расходуемое работниками на поиск места, где они могли перекусить, учитывая плачевное состояние заводских столовых и буфетов. Недостаточные площади, нерегулярные поставки продуктов, нехватка тарелок и столовых приборов, неукомплектованность персоналом — все это делало почти невозможным уложиться в получасовой обеденный перерыв. По оценкам основного угледобывающего треста в Челябинской области в 1948 г., его работникам требовалось от одного до двух с половиной часов, чтобы получить обед⁸². Это превращало в фикцию официальный распорядок дня. К тому же табельщики, начальники

⁸⁰ Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London, 1986 (часть 6); Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization*. P. 139–145; Filtzer D. *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika* (часть 6).

⁸¹ Электросила. 1947. 30 авг.; Сталинец (Ростсельмаш). 1948. 12 марта; Сталинец (Куйбышев). 1950. 11 окт.; Сталинская вахта. 1951. 28 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 278. Л. 67; ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 1203. Л. 51–52.

⁸² ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 4. Д. 268. Л. 5–6. Как писала газета «Труд» 31 июля 1948 г., рабочие столовые еще одного угольного треста были оснащены настолько плохо, что «ножи, стаканы и вилки в них стали большой редкостью». Еще ярче этот феномен описан в архивных материалах и заводских газетах машиностроительных предприятий. См.: ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 488. Л. 41–43; Д. 490. Л. 20–21, 26 об.—27, 28 об.—29, 46; Электросила. 1947. 21 марта и 21 сент.; Кабельщик. 1948. 21 апр.; Красный треугольник. 1948. 9 апр.; ЦГАИПД. Ф. 2600. Оп. 3. Д. 32. Л. 24–25. В 1947–1948 гг. столовые некоторых предприятий столкнулись с еще большими трудностями: в них стали питаться посторонние, и это еще больше осложнило возможности собственных сотрудников вовремя вернуться на рабочее место.

цехов и участков были не в состоянии реально оценить, какое количество времени требовалось рабочим, чтобы полноценно пообедать, и насколько те, воспользовавшись ситуацией, растягивали перерыв.

Вместе с тем информация о сознательном увиливании от работы и непроизводительном расходовании рабочего времени в послевоенные годы оставалась довольно скупой по сравнению с другими периодами советской истории. Одно из возможных объяснений в том, что ужесточение трудовой дисциплины во время Второй мировой войны действительно сделало подобные неприкрытые нарушения трудового распорядка менее частыми. Это явление распространилось и на послевоенные годы, когда строгости военного времени сохранились почти в полном объеме. Известно, что именно так обстояли дела на предприятиях, расположенных в сельской местности, где люди видели в сохранении своих рабочих мест единственное спасение от труда в ненавистных колхозах с их ужасающими условиями труда. Здесь только высококвалифицированные работники редких специальностей, например наладчики оборудования, могли себе позволить относительно безбоязненно нарушать трудовую дисциплину⁸³. Хотя работу в крупных городах нельзя было рассматривать как спасение от колхозов, но здесь все еще действовали ограничения мобильности рабочей силы, что лишало трудящихся такого мощного средства давления на администрацию, как угроза уволиться с предприятия. Таким образом, можно смело утверждать, что у рабочих просто осталось мало возможностей влиять на деятельность их предприятий. В то же время, на основании известных нам сведений о широко распространенном несоблюдении законов против самовольных увольнений, можно уверенно предположить: мелкие нарушения трудовой дисциплины происходили намного чаще, чем сообщалось, и руководители предприятий просто покрывали провинившихся или не включали реальные сведения в заводскую отчетность. Еще важнее то, что ослабление дисциплины, особенно в части использования рабочего времени, — сознательная и логичная реакция трудящихся на неритмичность производственных процессов на советских предприятиях. Если людям приходилось то и дело отрываться от работы, чтобы отыскать недостающие инструменты или детали, то вполне вероятно, что они считали себя вправе лишний раз покурить или поболтать с приятелями. В условиях когда обеденный перерыв растягивался на неопределенный срок, никто не мог точно определить, какая часть рабочего времени теряется по вине персонала, а какая представляет

⁸³ Беседа с М. З. Январь 1997 г.

собой неотъемлемую часть организации работы на советском предприятии.

Какими рычагами мог воспользоваться режим, чтобы взять под контроль поведение рабочих? Как и во все остальные периоды советской истории, для этого не годились увольнения или угроза безработицы. Даже допуская, что к окончанию восстановительного периода в некоторых отраслях образовался избыток трудовых ресурсов, постоянный кадровый голод служил для рабочих своеобразной защитой, которой они широко пользовались. Правда, в послевоенные годы этот дефицит в значительной степени ослаб за счет использования рабского и подневольного труда. Суровые уголовные наказания за самовольный уход с предприятий и прогулы также мало подходили для решения этой проблемы. Так или иначе, но руководители предприятий предпочитали скрывать или не обращать внимания на мелкие нарушения распорядка дня, которые могли повлечь за собой уголовное преследование нарушителей. Таким образом, у власти оставались в руках всего два рычага влияния на рабочих: политическая мобилизация или идеологическая обработка и проведение различных краткосрочных кампаний по укреплению трудовой дисциплины. Как будет показано в заключительной части книги, эффективность последних была крайне мала. Главным инструментом оставалась интенсификация труда с помощью соответствующей системы норм и расценок.

Установление расценок

На протяжении 1930-х гг. сталинская элита стремилась извлекать из рабочей силы как можно большее количество прибавочного продукта. Для этого она применяла целый ряд методов, которые можно подразделить на две основные группы. К первой можно отнести понятие «ударничества», то есть движения за систематическое перевыполнение норм выработки отдельными передовыми работниками-ударниками, чьи достижения впоследствии использовались в качестве обоснования всеобщего повышения нормативов. Вторую группу составляли периодические, обычно проводимые раз в год, пересмотры норм выработки в сторону их повышения с одновременным снижением расценок за производство единицы продукции. Ударничество носило как коллективный, так и индивидуальный характер, а участие в нем рабочих было далеко не добровольным. В рамках так называемого социалистического соревнования группы рабочих принимали на себя обязательства перевыполнить план или перегнать друг друга

по иным показателям, например по снижению себестоимости продукции. Соревноваться между собой могли целые предприятия, цеха внутри одного завода или фабрики и даже отдельные рабочие. Вся система в целом была насквозь фальшивой, но у рабочего имелось мало шансов уклониться от участия в ней. Резолюции о вызове на соревнование другого предприятия или бригады провозглашались и принимались на тщательно организованных митингах. Рабочие порой даже не знали, что они с кем-то соревнуются. К тому же неприкрытое очковтирательство при подведении итогов соцсоревнования ставило под вопрос его роль как средства мотивации к повышению производительности труда. Значительно эффективнее было вовлечение в движение по индивидуальному перевыполнению норм с использованием вначале так называемых ударных вахт, а впоследствии — через масштабную кампанию, получившую наименование стахановского движения. Оба эти подхода строились на одних и тех же принципах. Отдельным рабочим создавали материальные стимулы к перевыполнению норм выработки, а достигнутые ими результаты служили основой для постепенного повышения нормативов для всех остальных работников. Хотя некоторые люди, несомненно, участвовали в этом движении из тщеславия или по идеологическим соображениям, большинство из них, учитывая ужасные лишения 1930-х гг., становились ударниками от отчаяния, ради повышения своего уровня жизни. Рядовые рабочие испытывали неприязнь к ударникам и стахановцам, и с конца 1937 г. оба эти движения начали понемногу затухать. Формально стахановское движение продолжало существовать и в послевоенные годы, но не оказывало серьезного воздействия на трудовые успехи и поведение большинства рабочих. Даже в прессе оно освещалось лишь по инерции. К социалистическому соревнованию промышленные министерства и официальные профсоюзы подходили намного серьезнее. Однако имеются убедительные доказательства того, что на уровне руководителей предприятий и местных профсоюзных организаций отношение к соцсоревнованию стало еще безразличнее, чем в 1950-е гг.⁸⁴

⁸⁴По поводу ударничества и стахановского движения см.: Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization* (части 3 и 7); Siegelbaum L. H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge, 1988. Примеры формального отношения к социалистическому соревнованию содержатся в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 95–96; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 272. Л. 98–102; Д. 313. Л. 56–57, 61–63, 106–108, 109, 243; Оп. 3. Д. 509. Л. 78.

Основным средством давления на рабочих была система норм и расценок, которая начиная с 1930-х гг. стала ареной бесконечных споров между режимом, рабочими и руководителями предприятий. Основная ее идея была проста. Подавляющее количество рабочих в промышленности находилось на сдельной оплате труда. При этом нормы выработки и расценки устанавливались таким образом, что люди были вынуждены значительно перевыполнять их, чтобы заработать себе на безбедную по советским стандартам жизнь. Ежегодно власти под предлогом приведения норм в соответствие с технологическими усовершенствованиями увеличивали их, одновременно снижая расценки на выполняемые операции. Поэтому, чтобы сохранить свой заработок на прежнем уровне, трудиться приходилось еще интенсивнее. Несомненно, такая система доставляла рабочим немало сложностей, но мало подходила в качестве средства повышения трудовой дисциплины. В условиях плохой организации производства руководство, опасаясь потери рабочей силы (из-за перехода людей на другие предприятия, предлагающие более высокие заработки), зачастую отказывалось поднимать нормы до предписанного уровня. Если же это не удавалось, то находили иные обходные пути, чтобы сохранить ранее согласованные размеры заработка, позволяя рабочим превышать реально выполненные объемы или выплачивая незаконные премии. Само нормирование труда страдало многочисленными системными недостатками. Уровень подготовки нормировщиков был невысоким, они получали очень низкую заработную плату. Для большинства операций было крайне сложно установить обоснованные нормы выработки и производительности труда на основе общесоюзных справочников, поскольку условия производства на предприятиях различались в зависимости от возраста оборудования, частоты его отказов, обеспеченности сырьем, материалами, топливом и запчастями. Хотя власти на протяжении всего существования Советского Союза вели борьбу за внедрение «технически обоснованных норм», рассчитанных исходя из допущения, что оборудование будет эксплуатироваться в оптимальном технологическом режиме, на практике подавляющее большинство норм продолжали устанавливать эмпирическим путем, то есть рассчитывали их на основе данных об условиях реальной эксплуатации оборудования на данном предприятии и с учетом всех обычных нарушений производственного ритма. Кроме того, имелаась большая разница между высокомеханизированными операциями, для которых устанавливать нормы было намного проще, и ручными, преимущественно вспомогательными операциями, где рабочие имели возможность самостоятельно контролировать и

регулировать способы выполнения. В течение длительного времени при советской власти системные препятствия к точному нормированию и неформальное вмешательство в этот процесс руководителей низшего звена, стремившихся сохранить за рабочими согласованные размеры оплаты, создавали ситуацию, при которой работники большинства отраслей перевыполняли установленные нормы, в то время как их предприятие с трудом справлялось с планом. Несоответствие между нормой и реальной производительностью труда считалось обычным делом, причем оно было столь значительным, что выполнение норм всеми рабочими на 100 % соответствовало серьезному невыполнению производственного плана в целом. В то же время невыполнение рабочим установленных норм не позволяло ему хорошо зарабатывать⁸⁵.

Нормирование труда в первые послевоенные годы не полностью вписывается в приведенную схему. Это обусловлено рядом факторов, подробно рассмотренных в предыдущих главах. Эти факторы, как и в случае с использованием рабочего времени, ограничили возможности трудящихся заставлять руководство идти на уступки через заключение негласных соглашений непосредственно на производстве. Во-первых, неформальную торговлю вокруг норм и расценок необходимо рассматривать в общем контексте катастрофического падения уровня жизни, вызванного вначале войной, а затем голодом 1946–1947 гг., на который сталинское руководство ответило введением безжалостных ограничений уровня потребления. Как и в годы первой пятилетки, угроза голода, несомненно, была сильным дисциплинирующим фактором, заставляя рабочих максимизировать интенсивность труда ради более высокого заработка. Во-вторых, то обстоятельство, что значительную часть трудовых ресурсов составляли полусвободные рабочие, прежде всего молодые (оставим за скобками рабский труд заключенных), существенно ограничило их возможности торговаться с начальством. Занятые на самых неквалифицированных и низко оплачиваемых работах, они могли угрожать руководству только тем, что сбегут с предприятия. Эта проблема была достаточно серьезной, но все же руководство предприятий относилось к молодежи как к малоценной рабочей силе, которую легко заменить новыми, насильно пригнанными рекрутами или заключенными. Не случайно

⁸⁵ Исторический обзор советской политики в области норм и расценок см. в: Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization* (часть 8); Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization* (часть 4) и Filtzer D. *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika* (часть 2).

большинство жестких требований по улучшению условий труда и быта молодых рабочих исходили из профсоюзов, комсомола и отраслевых министерств, но конкретные меры, предпринимаемые на этот счет на предприятиях, носили весьма ограниченный характер.

Общая картина была такова: практически повсеместно заработная плата оставалась настолько низкой, что позволяла лишь сводить концы с концами, обеспечивая удовлетворение самых элементарных потребностей. Размеры ее зависели от целого ряда обстоятельств, включая значимость отрасли, место жительства рабочего, его специальность, уровень квалификации, пол, возраст, весомость в спорах с цеховым начальством. Если о значении некоторых из перечисленных факторов в послевоенные годы, например таких как неравенство между отраслями, притеснения молодых рабочих или неформальные договоренности между коллективом и начальством, имеется немало информации, то в отношении других, прежде всего о дискриминации по половому признаку, нам известно немного. Тем не менее мы можем составить определенное представление о горизонтальной сегрегации по половому признаку на основе данных о среднем уровне заработной платы по отдельным отраслям, представленных в табл. 6.3.

Таблица 6.3

Среднемесячная заработная плата (в рублях) в основных отраслях советской промышленности в декабре 1946 г. и в сентябре 1950 г.

Отрасль	Средняя заработная плата в декабре 1946 г.	Средняя заработная плата в сентябре 1950 г.
Все отрасли	626	687
Угольная промышленность	1255	1223
Металлургия	846	1104
Металлообрабатывающая промышленность	633	735
Нефтяная промышленность	750	731
Хлопчатобумажная текстильная промышленность	574	608
Строительство	Нет данных	591
Производство строительных материалов	Нет данных	565
Пищевая промышленность	Нет данных	512
Обувная промышленность	Нет данных	462
Швейная промышленность	Нет данных	433

Примечание. Данные по металлургической отрасли приведены за март 1950 г.

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2129. Л. 80 и Д. 2130. Л. 32–36 (1946 г.); Там же. Д. 3086. Л. 172, 196, 198, 201, 204, 207 (1950 г. — нефтяная, металлургическая, угольная и металлообрабатывающая отрасли); Труд в СССР. М., 1968. С. 140–144 (все отрасли, текстильная промышленность, производство строительных материалов, строительство, пищевая, обувная и швейная промышленность).

Как следует из табл. 6.3, в привилегированном положении по уровню зарплаты находились угольная промышленность и черная металлургия, что отражает приоритет именно этих отраслей наряду с теми сложностями, которые они испытывали с набором и удержанием работников в связи с неблагоприятным географическим расположением их предприятий и тяжелыми условиями труда. Напротив, самыми низкооплачиваемыми и политически малозначимыми считались текстильная и другие отрасли легкой промышленности. Соответствующие министерства в экономических планах властей занимали второстепенное место, а рабочим этих отраслей было затруднительно вести неформальные переговоры с начальством об уровне оплаты труда. Исключение составляло строительство: рабочие этой отрасли народного хозяйства, невзирая на ее стратегическое значение, всегда зарабатывали очень мало⁸⁶. Но даже внутри нее наблюдался значительный разброс размеров заработной платы между предприятиями и даже между рабочими одного цеха, имевшими одинаковые квалификационные разряды. Такие колебания или неравенство в оплате зависели от ряда факторов, на многие из которых рабочие не могли повлиять. К их числу относятся сложность или, напротив, простота установленных норм, число остановок работы из-за отсутствия материалов или отказа оборудования, количество сверхурочных и неформальные соглашения между рабочими и мастерами, благодаря которым работники, имевшие вес в коллективе, могли добиться различных уступок, например получения работ, где было проще выполнить план.

В некоторых отраслях, например в текстильной, во время войны нормы были снижены, а роль премиальной системы ослаблена из-за

⁸⁶Заработная плата строителей-железнодорожников были еще ниже. Квалифицированные плотники или электрики получали в конце 1949 г. в среднем от 410 до 430 руб. в месяц. Такие заработки были заметно ниже установленного МПС (но сути нищенского) планового уровня в 458 руб., причем для того чтобы добиться разрешения поднять зарплату своим строителям до уровня оплаты труда в промышленном строительстве, министру МПС пришлось обращаться со специальной просьбой в Совет Министров СССР (РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 8316. Л. 37–38, 41).

массового наплыва неопытных и малоквалифицированных людей (женщин и подростков), которые без таких поблажек не смогли бы заработать себе на жизнь. То же самое можно сказать о машинистах паровозов, которые получали в дополнение к основному окладу разнообразные премии, в общей сложности равнявшиеся половине их месячного заработка⁸⁷. Впрочем, они в любом случае получали относительно высокую зарплату, даже не дотягивая до установленных производственных показателей. Но ситуация в большинстве других отраслей была прямо противоположной. Даже значительное перевыполнение нормы не гарантировало работникам приемлемого размера оплаты, а на многих предприятиях зарабатывали даже меньше централизованно установленного уровня. Например, заработки в трикотажной промышленности считались самыми низкими в отрасли. В 1947 и в начале 1948 г. средняя доля выполнения нормы в этом секторе была значительно выше 100 %, но средний заработок рабочих при этом составлял всего около 500 руб. в месяц, то есть около трех четвертей от среднего по стране и даже намного ниже, чем в текстильной промышленности в целом. Похожая ситуация наблюдалась и в еще одной низкооплачиваемой отрасли — промышленности строительных материалов, также отличавшейся высокой долей перевыполнения норм выработки. Но даже в машиностроении и черной металлургии заработки рабочих не достигали плановых уровней по крайней мере до конца 1940-х гг.⁸⁸ Частично такое неравенство зарплат можно объяснить наличием почти во всех отраслях значительной доли низкооплачиваемых (в основном, молодых) рабочих, чья неопытность и низкий авторитет позволяли начальству использовать их на дешевых операциях с тяжелыми условиями труда, где было крайне сложно уложиться в установленные нормы. Можно снова привести пример из отрасли, производившей строительные материалы, где в декабре 1946 г. каждый пятый, а в декабре 1947 г. — каждый шестой рабочий не мог выполнить норму, хотя средний по отрасли коэффициент выполнения был высоким⁸⁹. Еще более драматическая ситуация наблю-

⁸⁷ Сведения, относящиеся к железнодорожной отрасли, см.: ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 31. Д. 520. Л. 101–101 об., 102–102 об., 103.

⁸⁸ Там же. Оп. 22. Д. 707. Л. 2 и Д. 708. Л. 26–27 (трикотажная промышленность); РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 162. Л. 5 (строительные материалы); ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 170. Л. 110 об., 112 (машиностроение); РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 210. Л. 9–10 (черная металлургия).

⁸⁹ РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 162. Л. 5 и Д. 213. Л. 3. Даже в 1951–1952 гг., когда заработки рабочих и доля выполнения нормативов значительно вырос-

далась в угольной промышленности, где в декабре 1948 г. треть, а по некоторым специальностям — до половины рабочих не справлялись с нормами. Следует, однако, отметить, что подобное положение было самым экстремальным в советской промышленности⁹⁰.

Может показаться невероятным, но в условиях массовой нищеты и низких заработков населения власти начиная с 1947 г. ежегодно повышали нормы выработки. Их пересмотр вполне соответствовал другим мерам сталинского руководства, нацеленным на принудительное сокращение потребления в связи с голодом 1946–1947 гг. и стремлением к скорейшему восстановлению разрушенной войной промышленности путем ускоренного накопления. В этом смысле повышение норм выработки, сопровождаемое снижением расценок в промышленности и строительстве, полностью отвечало задаче сокращения потребления. В 1948 г. в большинстве секторов легкой промышленности нормы выработки были подняты для основного производства на 10–14 %, а для рабочих, занятых на вспомогательных операциях, — на 20 %⁹¹. В машиностроении в 1947 и 1948 гг. нормы повысили в среднем на 30 %, в 1950 г. — еще на 20–30 %, хотя фактический их рост внутри отрасли значительно колебался от предприятия к предприятию и даже между работниками разных специальностей внутри одного предприятия⁹². В промышленности строительных материалов в 1949 г. нормы в среднем повысились на 25 %⁹³. Во всех случаях предлогом к повышению становился завышенный средний уровень выполнения действующих норм наряду со слабым внедрением «технически обоснованных» нормативов. Последний аргумент приводил-

ли по сравнению с 1945–1947 гг., в такой относительно благополучной отрасли, как машиностроение, значительная часть молодых рабочих все еще не справлялась с нормами выработки (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 171–172, 242–243).

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 17. Д. 476. Л. 125.

⁹¹ Там же. Ф. 5457. Оп. 22. Д. 708. Л. 36–37.

⁹² Средние размеры повышения норм в 1947–1948 гг. выведены из газетных сообщений с разных предприятий: Сталинец (Ростсельмаш). 1947. 28 июня и 5 июля; ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 16. Д. 170. Л. 101; Д. 396. Л. 15, 77; Д. 397. Л. 40, 121; Д. 403. Л. 71, 78. В 1949 г. на станкостроительных заводах, которые в то время учитывались в статистике отдельно от машиностроения в целом, нормы были повышены в среднем на 20 % (Там же. Оп. 11. Д. 445. Л. 10). Данные о повышении норм в машиностроении в 1950 г. охватывают также станкоинструментальную промышленность и являются усредненными для всей отрасли (Там же. Оп. 16. Д. 459. Л. 8–9).

⁹³ РГАЭ. Ф. 8248. Оп. 21. Д. 360. Л. 240.

ся в качестве доказательства, что предприятие работает ниже своих технологических возможностей. К этому вопросу мы еще вернемся. Учитывая низкий уровень зарплаток и потребления, подобные повышения норм можно считать откровенными попытками выжимания дополнительной продукции⁹⁴.

Существуют косвенные доказательства того, что относительная незащищенность рабочих поощряла режим к открытому наступлению на их интересы. В двух секторах экономики, где несмотря на безжалостные преследования за самовольную смену места работы наблюдалась исключительно высокая текучесть кадров, правительство было вынуждено срезать нормы, чтобы вернуть зарплаты на прежний уровень и предотвратить тем самым бегство рабочих с предприятий. В 1947 г. вышло постановление о снижении норм выработки для шахтеров Кузбасса в Западной Сибири, а в 1949 г. — для работников, занятых в промышленном строительстве⁹⁵.

Как и во все остальные периоды советской истории, простое объявление о повышении норм и урезании расценок не гарантировало повсеместного и равномерного применения этого решения. Нормы и реальные размеры заработка всегда были объектами неформальных договоренностей с начальством, даже в первые послевоенные годы, когда возможности рабочих надавить на руководство ослабли.

⁹⁴ Можно проиллюстрировать этот общий принцип на простом примере повышения в 1951 г. норм выработки на промышленных предприятиях, принадлежавших МПС. Тогда ее подняли примерно на 15 %, а расценки за единицу продукции срезали на 14 %. В результате почасовой и, следовательно, месячный заработок должен был понизиться в общей сложности на 14 % при условии, что производительность труда рабочего и продолжительность рабочего времени останутся теми же. Таким образом, если он желал сохранить свой заработок на прежнем уровне, ему следовало либо повысить производительность труда, либо работать дольше. В то же время он мог бы повысить интенсивность труда или сократить потери рабочего времени за счет устранения простоев, связанных с дефицитом материалов или с поломками оборудования. Фактически власти использовали повышение норм, чтобы принудить рабочих действовать обоими способами (ГА РФ. Ф. 5471. Оп. 20. Д. 1858. Л. 16).

⁹⁵ О снижении норм выработки в угольной промышленности см.: ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 4. Д. 110. Л. 2. Нормы в строительстве предприятий тяжелой промышленности были понижены распоряжением Совета Министров СССР № 2892 от 3 июля 1949 г. Последствия этого решения оживленно обсуждались на коллегии Министерства строительства предприятий тяжелой промышленности в январе 1950 г. (РГАЭ. Ф. 8592. Оп. 2. Д. 568. Л. 74–81).

Очевидно, что во многих отраслях руководители предприятий противились введению новых норм или находили способы компенсировать рабочим связанные с ними потери в заработках. Например, в 1950 г. повышение норм на локомотиворемонтных предприятиях МПС практически не отразилось на зарплате. Нормы были подняты в апреле, и это привело к временному падению как их выполнения, так и средних заработков, но к концу года рабочие стали перевыполнять нормативы, а их заработки вернулись на прежний уровень или даже выросли⁹⁶. Идентичная картина наблюдалась в черной металлургии, где в 1950–1952 гг. нормы ежегодно повышались в среднем на 15–17 %, но доля выполнения норм при этом фактически не изменялась. Еще важнее тот факт, что отрасль считалась передовой по уровню выполняемости нормативов. Если в 1945 г. примерно 14 %, а в 1946 г. — около 13 % рабочих, занятых в черной металлургии, не справлялись с нормами выработки, то к 1950 г. доля таких работников понизилась до 5 %, а в 1951 г. до 3 %⁹⁷. Следует однако понимать, что постоянный и высокий уровень перевыполнения норм не означал наличие высоких заработков. Напротив, заработки зависели от ряда обстоятельств, и многие руководители старались поддерживать нормы на реально выполняемом уровне. Более того, власти придерживались двойных стандартов. Обычно нормы поднимали тогда, когда они начинали повсеместно перевыполняться, игнорируя тот факт, что достигнутая ступень требовалась рабочим для поддержания зарплаты на плановом, а вовсе не на повышенном уровне. Сказанное можно проиллюстрировать на примере ситуации, сложившейся на восьми советских экскаваторных заводах в 1951 г. В период с сентября по ноябрь средняя заработная плата работников этих предприятий была лишь немногим выше средней по машиностроительной и металлообрабатывающей отраслям промышленности, составлявшей в 1950 г. 735 руб. в месяц (см. табл. 6.3). Вместе с тем чтобы получить стандартную для отрасли заработную плату, рабочим следовало выполнять установленные нормы примерно на 200 %. В то же время, если бы они выполняли нормы всего на 100 %, то их заработков с трудом хватило бы на поддержание прожиточного минимума⁹⁸.

Имелось немало способов, с помощью которых руководство предприятий, особенно начальники цехов и участков, могли вмешаться в процесс регулирования оплаты труда. При этом они не только смяг-

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 5474. Оп. 20. Д. 1858. Л. 23.

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 46. Д. 235. Л. 197–198; Д. 279. Л. 74–75, 144–145.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1163. Л. 114.

чали самые негативные последствия урезания заработков правительством, но и защищали рабочих от губительного влияния на зарплату простоев оборудования и дефицита материалов⁹⁹. Нормы могли быть понижены путем включения в расчеты продолжительности простоев или остановок, признавая, таким образом, что выполнение той или иной работы требует больше времени, чем установлено официальными справочниками по нормированию труда¹⁰⁰. Руководители низшего звена осуществляли слабый надзор за точностью оформления нарядов на работы — документов, заполнявшихся рабочими после завершения задания и служивших основой для определения их дневной выработки. В некоторых случаях это было следствием плохой организации труда и небрежности начальства, поэтому рабочие с одинаковой легкостью могли недополучить заработанное или получить лишние деньги. Но часто это было сознательной практикой, нацеленной, по словам одного заводского профсоюзного работника, на то, чтобы заверить коллектив: размеры заработков в любом случае гарантированы, независимо от фактических объемов произведенной продукции¹⁰¹.

Сама система нормирования сдерживала рост объемов производства. Выше отмечалось, каковы были результаты почти шестидесятилетней кампании убеждения руководителей и нормировщиков в необходимости рассчитывать нормы на основе технологически оптимальных (а не реально достижимых в условиях советского производства) объемов выпуска продукции. Помимо того что многие нормировщики были плохо обучены и с трудом справлялись со своими обязанностями, они сталкивались с бесконечными проблемами и при всем желании были просто не способны устанавливать подобные нормы даже при благожелательном отношении со стороны начальников цехов. Кроме того, были утеряны важнейшие документы, содержащие технические характеристики значительной части оборудования. Может показаться невероятным, но зачастую у нормировщиков отсутствовали самые элементарные инструменты вроде часов и секун-

⁹⁹ Остановки производства были столь частыми и продолжительными, что даже самые квалифицированные рабочие нередко обнаруживали, что фактически зарабатывают менее 200 руб. в месяц. Так было на Свердловском турбинном заводе, крупном предприятии, расположенном в одном из важнейших центров машиностроительной промышленности страны (апрель 1950 г.). См.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1128. Л. 42–43.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7676. Оп. 1. Д. 642. Л. 16–17, 39, 52–53.

¹⁰¹ Там же. Д. 446. Л. 37; Д. 642. Л. 52.

домеров. Более того, принятая в СССР практика разбивки работ на множество мельчайших операций, требовавших отдельного расчета скорости выполнения, приводила к тому, что объемы документации, нуждавшейся в пересмотре после ежегодного повышения норм, превосходили возможности бюро нормирования труда большинства предприятий¹⁰².

Все уловки при нормировании, встроенные в систему неформальных отношений между рабочими и начальниками цехов и участков, дополнялись более серьезными злоупотреблениями, часть которых была связана с коррупцией или с проявлениями фаворитизма со стороны части руководства. Нам известны по крайней мере два случая, когда руководители были подвергнуты дисциплинарному и уголовному наказанию за то, что позволяли своим любимчикам из числа рабочих хорошо зарабатывать с помощью так называемой аккордной системы, когда исполнителям выплачивались фиксированные и порой значительные денежные суммы после завершения задания в назначенный срок. Поскольку расценки на аккордные работы устанавливались независимо от времени, требуемого на их выполнение, то подобные соглашения полностью противоречили принципам принуждения, заложенным в основу системы установления расценок и нормирования труда¹⁰³.

Но вопреки всем приведенным примерам следует четко понимать: не все рабочие выигрывали от подобных уловок при нормировании и далеко не каждый начальник изъявлял готовность вмешиваться в процесс нормирования, чтобы гарантировать своим подчиненным хотя бы минимальный уровень заработка. Квалифицированные рабочие находились в значительно лучшем положении, чем неквалифицированные, старые работники пользовались большим расположением начальства, чем молодые, у мужчин было больше рычагов давления на начальство, чем у женщин. Имеется немало свидетельств тому, что более квалифицированные немолодые рабочие обладали значительным опытом и умением договариваться с начальством и не стеснялись выражать возмущение, если руководство покушалось на их заработки¹⁰⁴. В архивах содержатся и противоположные примеры, когда управленцы систематически лишали людей справедливо зара-

¹⁰² Там же. Оп. 16. Д. 396. Л. 8, 28–28 об., 33 об.; Д. 397. Л. 5–5 об., 19–20, 88–88 об.; Труд. 1949. 14 июня.

¹⁰³ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7879. Л. 113–116; ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 207. Л. 18–19.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 966. Л. 181–182; Д. 1136. Л. 166–168.

ботанных денег. Эти случаи относятся к первым послевоенным годам и происходили преимущественно на угольных шахтах и железных дорогах, но нет оснований сомневаться, что подобные злоупотребления наблюдались и в других отраслях. На угольных шахтах Донбасса и Урала начальники облагали рабочих большими и произвольно назначаемыми штрафами за малейшие нарушения правил внутреннего распорядка. В некоторых случаях они отказывались оплачивать полную смену, если рабочий забыл повесить номерок на табельную доску. Порой они не просто отнимали у рабочих честно заработанные деньги, но лишали их дневного хлебного рациона и права пообедать в столовой, что было невероятно суровым наказанием в голодном 1947 г. Из заработков рабочих вычитались непропорционально большие суммы за мелкие повреждения оборудования наряду с вычетами за спецодежду, постельные принадлежности и за проживание в общежитии¹⁰⁵. Профсоюз железнодорожников также жаловался на подобные притеснения: произвольно назначаемые штрафы, лишение согласованных премиальных и крупные вычеты за минимальные повреждения оборудования¹⁰⁶.

Заключение

Во вступлении к настоящей главе было высказано предположение, что советское промышленное предприятие в послевоенный период представляло собой некий гибрид, в котором черты четко организованного, высокоэффективного производства, всегда считавшегося сталинским режимом безупречным, сочетались с реальными особенностями, сложившимися еще в 1930-х гг. и радикально отличавшимися от идеала. Может показаться, что материалы предшествующих разделов противоречат этому утверждению. Возникает вопрос, как его обосновать? Одна из проблем заключается в источниках информации. Внимательное прочтение материалов из архивов ВЦСПС, отраслевых профсоюзов, основных промышленных министерств и прокуратуры позволяет отыскать в них примеры, указывающие на то, что, очевидно, наблюдалась некая согласованность действий рабочих и руководителей низшего звена прежде всего по вопросам нормирования труда, и во вторую очередь — использования рабочего времени.

¹⁰⁵ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 234. Л. 7; Оп. 3. Д. 3747. Л. 110, 113; Оп. 37. Д. 3761. Л. 80, 157.

¹⁰⁶ГА РФ. Ф. 5475. Оп. 21. Д. 520. Л. 35–36, 39, 43; Д. 679. Л. 53–53 об., 63; Оп. 25. Д. 225. Л. 1–3.

Однако подробной информации о том, как это согласие достигалось на практике, в архивах содержится мало. В этом смысле послевоенные годы резко отличаются от 1930-х гг., когда даже не требовалось обращаться к архивным документам, поскольку открытые источники — газеты и специализированные журналы — дают полное представление о взаимных уступках сторон при согласовании расценок и размеров заработка, интенсивности использования рабочего времени, соблюдения законов и правил трудовой дисциплины. Как же получилось, что послевоенные документы и переписка, большая часть которых весьма детализирована и абсолютно секретна, зачастую содержат сведения, слабо раскрывающие эту проблему? Одним из возможных объяснений может быть то, что позиции рабочих в неформальных переговорах с начальством после войны существенно ослабли, и им стало намного сложнее выигрывать в борьбе с руководством, которое не слишком стремилось идти навстречу.

Если взглянуть на другие аспекты послевоенного периода, то можно обнаружить многочисленные, но отрывочные свидетельства, косвенно подтверждающие высказанное предположение. Во-первых, следует учитывать установленный в военное время контроль государства за мобильностью трудовых ресурсов и нарушениями правил внутреннего распорядка. Даже принимая во внимание массовый характер нарушения законов против самовольной смены места работы, отмеченный в главе 5, необходимо иметь в виду, что характер текучести кадров в послевоенные годы принципиально отличался от довоенного. Тогда не только трудящиеся могли свободно менять место работы, но и сами заводы и фабрики открыто конкурировали между собой, чтобы привлечь работников, а порой просто тайком сманивали их с соседних предприятий. После войны ситуация коренным образом изменилась. Свободный рынок рабочей силы исчез. Теперь, чтобы уйти с предприятия, люди прибегали к различным хитростям, причем большинство из них не переходили на другие заводы или стройки, а уезжали домой в деревню. По своему объему текучесть кадров в послевоенные годы значительно сократилась по сравнению с 1930-ми и сосредоточилась в нескольких ключевых отраслях. Для предприятий этих отраслей текучка представляла определенную проблему, но их руководители знали, что всегда смогут компенсировать утечку рабочей силы за счет привлечения заключенных или новой волны принудительно мобилизованных работников. Короче говоря, у рабочих осталось значительно меньше возможностей угрожать увольнением, чтобы добиться уступок со стороны начальства.

Вторым фактором были исключительные трудности, переживаемые страной в это время, заставлявшие большую часть населения сосредоточиться исключительно на борьбе за выживание. В отличие от 1930-х гг. они теперь не имели возможности бастовать и проводить массовые демонстрации протеста, которые часто случались в годы первых пятилеток, или идти менее рискованным и конфронтационным путем — увольняться в поисках места работы с лучшими условиями. В истории капиталистической и советской промышленности мы постоянно сталкиваемся с тем, что в условиях борьбы за выживание морально-волевые качества рабочих неизменно снижаются. Одновременно у них пропадают желание и способность даже в ограниченных масштабах бороться за свои права. На протяжении большей части советской истории рабочие научились пользоваться теми ограниченными возможностями для борьбы с начальством, которые у них еще оставались. Например, к ним относились угрозы уволиться с предприятия или ограничение выходных результатов своего труда и угрозы разрыва сотрудничества с руководством в преодолении постоянных нарушений нормального хода производства, без которого, как хорошо понимало начальство, нельзя обеспечить выполнение плана. Похоже, что продовольственный кризис в послевоенные годы настолько ослабил волевые качества рабочих, что они избегали даже таких сдержанных форм протеста. В результате ситуация сложилась не в их пользу по сравнению с нормальными условиями, руководство предприятий определенно это почувствовало и извлекало возможную выгоду.

В-третьих, социальный состав рабочего класса сильно изменился. Теперь непропорционально большую долю составляли люди с полным отсутствием рычагов влияния на руководство — молодые рабочие, женщины и подневольные, малоквалифицированные работники, досрочно выпущенные из мест заключения и находившиеся под надзором органов МВД. Из приведенных в книге материалов нам известно, что многие руководители (конечно, далеко не все) обращались с молодыми рабочими пренебрежительно, прибегая к авторитарным и порой незаконным методам управления.

В-четвертых, нельзя не учитывать сохранение возникшего во время войны единения рабочего класса с режимом и советской системой, хотя все содержание настоящей книги убеждает в том, что условия жизни людей в послевоенный период порождали тенденцию к ослаблению положительного отношения к властям. Но в данном случае наличие подобных тенденций не имело значения. Хотя многие рабочие ощущали, что их надежды на лучшее разрушены или даже преданы

властью, тем не менее они хорошо осознавали необходимость идти на определенные жертвы ради скорейшего восстановления страны. Подобные настроения в сочетании с факторами, ослаблявшими позиции рабочих на производстве, делали их еще безропотнее.

С учетом всех отмеченных факторов мы приходим к основному выводу: ключевые особенности советских предприятий в послевоенный период полностью сохранились. Использование рабочего времени оставалось совершенно неэффективным, и у нас просто нет подходящих методов, чтобы оценить отношение рабочих к этому факту. Неизвестно, считали ли они такую организацию труда бременем или, напротив, видели в ней возможность снижения интенсивности труда. Понятно также, что руководители независимо от их отношения к рабочим сознавали: существует уровень, ниже которого зарплаты упасть не должны. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в советской промышленности в послевоенный период, необходимо признать, что в ней сохранилась система неформальных договоренностей между рабочими и руководством, сложившаяся в другие периоды советской истории, хотя механизмы подобных соглашений после войны существенно, но только временно, были нарушены.

Если считать высказанное предположение верным, то оно ведет нас к неожиданному выводу. Одна из определяющих характеристик советской промышленности заключалась в переносе присущих системе внутренних антагонистических противоречий на политический уровень, где у рабочих отсутствовали какие-либо средства влияния на ход событий. В результате, эти противоречия проявлялись в других областях, где трудящиеся обладали определенной свободой действий, пусть даже отрицательного, индивидуалистического характера. Проявления были самыми разнообразными, включая высокую текучесть кадров, большое количество прогулов, замедление темпов работы, отсутствие усердия в труде, мелкое воровство заводского имущества и алкоголизм. В сочетании с ослаблением за годы войны рычагов давления на руководство, заставлявших находить общий язык с рабочими, все это было связано со значительными рисками. Один из них заключался в том, что рабочие начнут лучше осознавать реальное разделение власти внутри предприятий, будут противопоставлять себя руководству и станут менее восприимчивыми к идеологической риторике с призывами к объединению усилий ради достижения общих целей. Тому имеются некоторые подтверждения, например остановки работы, описанные в главах 2 и 3. Но подобные открытые коллективные действия были редки. Так или иначе, разрушение системы неформальных соглашений на производстве все еще

было не на пользу режиму, поскольку при этом расстраивались механизмы, с помощью которых можно было урегулировать зарождавшиеся конфликты. С одной стороны, ликвидация этой системы могла ослабить возможности рабочих активно влиять на ход производства. Но с другой стороны, при этом был бы уничтожен положительный аспект неформальных договоренностей, позволявших руководителям предприятий добиваться кооперации усилий с рабочими по преодолению нарушений производственных процессов, обусловленных иными факторами. Властям могло показаться, что им удалось подавить систему неформальных соглашений на предприятиях, которую они рассматривали как препятствие к обеспечению требуемых объемов производства, но это было иллюзией. Ни сама культура подобных неформальных отношений, ни факторы, определяющие потребность в них, никуда не делись. Подобно большинству других действий сталинского режима, направленных на подавление общественных отношений, попытки властей подавить систему неформальных соглашений между рабочими и руководством предприятий могли лишь временно ее ограничить, но не ликвидировать. Когда Хрущев начал отказываться от наиболее репрессивных аспектов сталинского правления, советские предприятия очень быстро восстановили ту схему внутризаводских отношений, которая сложилась в 1930-е гг., а затем продолжила эволюционировать, обнажая те свои особенности, о которых говорилось в начале этой главы и которые затем сыграли ведущую роль в деградации советской экономики во времена Брежнева и Горбачева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РАБОЧИЙ КЛАСС И РЕНОРМАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СТАЛИНСКОГО ТИПА

Попробуем теперь обобщить основные идеи, высказанные в настоящей книге, а затем рассмотрим их концептуальные приложения к нашей интерпретации послевоенного сталинизма и того наследия, которое оставил Сталин следующим правителям СССР.

Природа рабочей силы в послевоенный период. Сталинский режим проводил политику ускоренного восстановления промышленности, для осуществления которой требовались быстрые темпы накопления. Несмотря на то что главным препятствием при этом являлся дефицит «капитала» (производственных зданий, оборудования, топлива, сырья и материалов), наряду с ним существовала и острая нехватка рабочей силы в ключевых отраслях экономики, таких как добыча угля, строительство, металлургия и транспорт. Для того чтобы компенсировать дефицит рабочей силы, режиму было необходимо мобилизовать в экономику миллионы новых работников. Значительную часть трудовых ресурсов страны составляли находившиеся на положении рабов заключенные системы МВД, но в еще большей степени режим опирался на труд закабаленных людей, являвшихся объектами разных форм принуждения. Главными источниками подневольных трудовых ресурсов служили учебные заведения системы трудовых резервов, в которые основную часть учащихся насильно загоняли из деревни, и система так называемого организованного набора работников. Полусвободные рабочие составляли основную часть рабочей силы в угольной промышленности и строительстве, а также (в течение относительно короткого времени) в черной металлургии. Эти отрасли играли ключевую роль в послевоенном восстановлении страны, но они же отличались самыми тяжелыми условиями труда, что и заставляло полагаться на использование принудительно мобилизованной рабочей силы. Тем не менее формально считавшиеся свободными рабочие других отраслей так или иначе испытывали серьезные ограничения действий и передвижения. В частности, самоволь-

ная смена места работы без официального разрешения руководства предприятий каралась в то время длительными сроками заключения в исправительно-трудовые лагеря.

Послевоенный продовольственный кризис. Все надежды на постепенное ослабление методов принуждения, используемых режимом, рухнули в связи с неурожаем 1946 г. Уровень жизни людей в начале года и так был крайне низким. В преддверии наступающего голода режим предпочел не реализовывать продовольствие из государственных резервов, но, напротив, начал безжалостно ограничивать его потребление как в городе, так и в деревне. Миллионы людей полностью лишились продуктовых карточек, а для других отпуск продуктов по ним был резко сокращен. Хотя смертность рабочих от голода была относительно невелика, недостаток питания особенно ощущался среди молодых рабочих, заработки которых были ниже прожиточного минимума. Безусловно, режим не планировал продовольственный кризис, но последний сыграл заметную роль в снижении уровня ожиданий народа и помог властям в достижении политической пассивности населения.

Восстановление уровня жизни. Продовольственный кризис достиг своего пика в 1947 г., после чего в течение 1948 г. положение стало постепенно улучшаться. К концу 1947 г. властям удалось овладеть ситуацией со снабжением населения настолько, что они решились на отмену продовольственных карточек. Однако за исключением Москвы и, возможно, Ленинграда, это решение не повлекло за собой немедленного повышения уровня жизни в стране в целом. Напротив, в течение всего 1948 г. положение с продовольствием в малых городах, удаленных от центра промышленных регионах и на железных дорогах оставалось крайне тяжелым. Имеются свидетельства того, что многие работники железных дорог даже прибегали к забастовкам, протестуя против задержек заработной платы, ввергавших их в еще большую нищету. Только к концу 1948 г. началось реальное улучшение ситуации. Но даже в 1952 г. рацион рабочих семей все еще оставался весьма скудным. Правда, уже никто не страдал от истощения, и многие рабочие могли откладывать небольшие суммы на приобретение основных потребительских товаров — одежды и обуви. Вместе с тем состояние дел в двух областях, определяющих качество жизни населения, — в обеспеченности жильем и здравоохранении — улучшалось медленно и нерегулярно.

Положение молодых рабочих. Значительную часть закабаленных людей составляла молодежь. В связи с ее большой численностью, режим отводил этой части рабочей силы ведущую роль в реализа-

ции планов послевоенного восстановления. Вместе с тем молодые рабочие, вероятно, сильнее всех страдали от ужасающих жилищных условий, низкой оплаты труда и частой дискриминации со стороны заводского начальства. Теоретически следить за улучшением положения молодежи, а также решать задачи ее социализации и воспитания образцовых советских граждан был призван комсомол, но он не справлялся с возложенной на него миссией. Поэтому авторитет комсомола был невысок даже в машиностроительной промышленности, где условия труда и быта молодых рабочих считались относительно благоприятными.

Текущее кадров и уголовное законодательство. Положение значительной части рабочих было настолько отчаянным, что они, рискуя получить суровое уголовное наказание, отваживались сбегать с предприятий или из учебных заведений трудовых резервов, куда были насильно загнаны. Большая часть текучки приходилась на долю всего нескольких, приоритетных для режима, отраслей — угольной промышленности, строительства и черной металлургии. Углубленный анализ статистических данных убеждает в том, что большинство сбегавших рабочих так никогда и не были пойманы. На самом деле правоохранительные органы не проявляли особого рвения в их преследовании. Бросается в глаза наличие сложной системы укрывательства беглецов. Рабочие и учащиеся трудовых резервов бежали обратно в деревни, откуда они были призваны, а местные милиция, прокуроры, партийные функционеры и председатели колхозов прятали их и защищали от поимки и арестов. Будучи не в состоянии удерживать работников в важнейших секторах экономики, режим старался возместить потери, призывая в них все большее число молодежи из деревни. Текучесть кадров стала сокращаться только по мере повышения уровня жизни, начавшегося в 1948 г. Примерно с 1950 г. режим все меньше зависел от кабального труда, поскольку промышленные министерства начали осознавать неэффективность его использования.

Положение внутри промышленных предприятий. Мы рассмотрели внутреннюю жизнь советских предприятий. Не удивительно, что в результате износа заводских зданий и оборудования за время войны в сочетании с характерным для режима пренебрежением к благополучию граждан условия труда на советских предприятиях являлись тяжелыми и опасными. Многие трудности, испытываемые работниками, были обусловлены типичными для советской экономики особенностями организации труда, связанными с хронической нехваткой материалов и комплектующих, ненадежностью оборудования и низким качеством его ремонта. Эти черты были хорошо различимы еще

в 1930-е гг., и война, невзирая на ужесточение трудовой дисциплины и правил внутреннего распорядка, мало повлияла на их исправление. В послевоенные годы потери рабочего времени оставались весьма значительными частично из-за участвовавших прогулов (после отмены в 1951 г. уголовного преследования за них), но главным образом в связи с постоянными остановками производства, от которых страдали практически все предприятия. Вместе с тем представляется, что в послевоенный период властям удалось, хотя и временно, смягчить один важный аспект трудовых отношений в советской промышленности. Значительно ослабили позиции рабочих в их взаимоотношениях с цеховым начальством, они теперь имели меньше возможностей оказывать неформальное давление на руководителей низшего звена, чтобы добиться снижения интенсивности труда и предотвратить сокращение зарплаток, насаждаемое центральной властью.

К моменту смерти Сталина советская экономика сумела восстановить потери, понесенные в ходе войны, и встать на путь экономического роста. По мере завершения процесса накопления и ослабления социального напряжения появились признаки того, что режим все меньше полагался на принуждение и репрессии не только в отношении промышленных рабочих, но и, вероятно, представителей других слоев общества. Можно ли в этой связи утверждать, что Сталин сумел одержать политическую победу над населением Советского Союза? Постараемся ответить на этот вопрос в следующих разделах.

Пределы принуждения в послевоенном восстановлении

Как было указано во введении, после окончания войны разные группы внутри советского общества питали разнообразные надежды и ожидания. Есть разумные объяснения тому, почему большинство советских граждан верили, что все происходящее вполне соответствует провозглашаемым целям и политическим лозунгам сталинской версии Советской власти. Но не все были убеждены в этом, в частности крестьяне, мечтавшие о ликвидации колхозов после войны. Так или иначе, но граждан объединяла надежда на то, что умеренные политические и идеологические послабления, на которые режим пошел в годы войны, будут сохранены и продолжаться после ее окончания и что людей оставят в покое, предоставив им возможность приступить к восстановлению страны и налаживанию собственной жизни. Как рассказал один из бывших фронтовиков, солдаты, возвращавшиеся с фронта, включались в процесс восстановления «с энтузиазмом, но энтузиазм был нерадостный... Мы делали все, что нужно, но не радос-

тно». Сталинская элита очень скоро развеяла иллюзии своего народа. С политической точки зрения, она стремилась продемонстрировать, что, несмотря на некоторые уступки, сделанные ради победы в войне, политическая система должна быть полностью восстановлена. Правда состоит в том, что в отличие от полных социальных потрясений лет первых предвоенных пятилеток после войны элита не столкнулась с организованным сопротивлением своему доминированию. Не было никаких массовых протестов, не считая проявлений бандитизма в западных регионах страны, отсутствовала угроза всенародного бунта. Невзирая на это, элита полагала необходимым продемонстрировать обществу полноту своей власти, и именно эта задача стала доминирующей в политической, идеологической, экономической и социальной областях на весь период существования СССР.

Главная цель настоящей книги заключается в доказательстве того, что этот политический императив дополнялся и был тесно связан с экономическими задачами режима. Реконструкция послевоенной экономики далеко не исчерпывалась восстановлением заводских зданий, установкой и запуском в эксплуатацию производственного оборудования, выведением на довоенный уровень объемов производства и инвестиций в промышленность. Никакая экономика не может существовать вне политического и социального контекста. Реконструкция советской промышленности означала помимо всего прочего восстановление всей сталинской экономической системы, включая строго иерархическую структуру принятия решений и распределения властных полномочий. Без этого было бы немыслимо увековечивание сталинской политической системы. Суть сталинской индустриализации 1930-х гг. заключалась в том, что источником власти элиты и ее привилегий, движущей силой всей экономики являлась тяжелая индустрия. Понятно поэтому, что послевоенное восстановление именно тяжелой промышленности должно было осуществляться ускоренными темпами и любой ценой. Такой подход являлся бы неизбежным даже в том случае, если бы советское руководство не стремилось укреплять военное могущество СССР в условиях обострения международной обстановки.

Приняв соответствующее решение, элите пришлось отыскивать пути к обеспечению максимальных темпов накопления и принудительно снижать уровень потребления, в то время как население мечтало о повышении качества жизни. На это были брошены все людские и прочие ресурсы. Несомненно, что неурожай 1946 г. и последовавший за ним голод чрезвычайно обострили кризис потребления и привели к социальному напряжению и волнениям, совершенно неожиданным

и нежелательным для власти. Но и без этого принудительное сокращение потребления в интересах ускоренного накопления, безусловно, существовало бы. Следует иметь в виду, что переживаемые трудности не сводились только к недостатку продуктов. Ветхий жилой фонд, болезненно медленные темпы восстановления основных коммунальных служб (в частности, водопровода и канализации) в большинстве городов, повсеместное ухудшение здоровья людей — все это, вместе взятое, тяжело сказывалось на состоянии общественной морали. Принудительное ускорение темпов накопления заставило режим накинуть еще более тугую узду на отчаявшееся и изнуренное население, что означало установление беспрецедентного уровня контроля над трудящимися, намного более жесткого, чем тот, что режим пытался ввести в 1930-е гг. Понятно, что крестьяне, помнившие коллективизацию, августовский закон 1932 г. против хищений социалистической собственности и массовый голод 1932–1933 гг., не видели ничего нового в репрессивных мерах, предпринимаемых властями, но для рабочего класса все это было неожиданностью. Свобода их передвижения была резко ограничена, а нарушения трудовой дисциплины стали караться длительными сроками заключения. Власти не ограничились принудительной мобилизацией миллионов работников, фактически обратив их в крепостных и удерживая в этом состоянии вплоть до смерти Сталина. В первую очередь это касалось молодежи, составлявшей значительную часть рабочей силы, по численности почти равную чистому приросту кадров в промышленности, строительстве и на транспорте.

Подавление потребления в пользу накопления неизбежно провоцировало сопротивление со стороны многих пострадавших. В отличие от времен первых пятилеток, когда наблюдались бесчисленные проявления массового протеста в виде забастовок, митингов голодающих и уличных демонстраций, в послевоенные годы реакция населения была молчаливой и носила преимущественно индивидуальный характер. Люди, попавшие в невыносимые условия и не обремененные семьями, просто сбегали со своих предприятий или из школ ФЗО, кто-то начинал воровать, но большинство впадало в депрессию и апатию, чему есть многочисленные свидетельства. Только относительно небольшое количество людей отваживалось на коллективные действия. Поскольку режим всегда пренебрежительно относился к рабочим и крестьянам, он не представлял себе иной реакции на любые, как ему казалось, проявления непокорности, кроме объявления их преступлениями. В результате по уголовным статьям была осуждена значительная часть населения страны. Но одновременно выяви-

лась еще одна особенность сталинского общества, которую можно назвать «психологией обхода законов».

Этот аспект сталинизма успел развиваться еще в довоенные годы. Практически невыполнимые задания, установленные пятилетними планами, вынуждали руководителей предприятий, рабочих и колхозников нарушать правила, обходить запреты, завышать результаты своей деятельности и скрывать от центра любые проступки и нарушения. Об этом уже говорилось в главе 6. Бывало, что руководители предприятий производили продукцию одного типа, но докладывали о выпуске совсем другой; начальники цехов и участков уклонялись от введения более высоких норм выработки и скрывали нарушения трудовой дисциплины; рабочие завышали объемы выполненных заданий. Вне зависимости от того, насколько все эти экономические игроки преуспевали в исполнении своих ролей, они подрывали возможности центральных властей контролировать экономику страны, показатели которой никогда не соответствовали ожиданиям режима. В то же время постоянное уклонение от выполнения директив центра придавало всей системе определенную гибкость, которой она не имела бы, если бы руководители предприятий и рабочие слепо исполняли формальные требования центра. Сами планы всегда были нежизненными и невыполнимыми. Частично это объяснялось отрывом плановых органов от повседневной производственной реальности, а также тем, что эти планы служили для элиты средством реализации собственных целей, зачастую прямо противоположных нуждам большинства. Как уже отмечалось в главе 6, если бы администрация и рабочие не корректировали плановые задания непосредственно на местах (например, меняя номенклатуру продукции при отсутствии необходимых материалов или отступая от явно ошибочной технической документации, утвержденной вышестоящими органами), то присущие советской системе узкие места, постоянный дефицит сырья и материалов привели бы к полной остановке производства. В этом смысле психология обхода законов обнажала противоречивость сталинской системы. Безусловно, она подрывала контролируемость общества центром, но одновременно была необходимым условием выживаемости и воспроизводства системы как таковой. Более того, эта психология настолько впилталась в плоть и кровь советской экономики, что оставалась одной из определяющих черт вплоть до полного ее распада.

Насколько послевоенные годы в этом смысле отличаются от того, что происходило в стране после смерти Сталина? Основное отличие заключалось вовсе не в том, что общество стало более податливым,

уступчивым или более склонным отождествлять себя с политикой и идеологией режима, а в том, что под властью Сталина правящая элита с большей готовностью прибегала к репрессивным методам, чтобы принудить население к повиновению. Вполне вероятно, что подобная готовность властей к использованию силовых методов объяснялась не только патологическими чертами личности самого Сталина и его ближайшего окружения или тем, как они понимали природу человеческой натуры. Скорее всего, она коренилась в их более реалистичной по сравнению с теми, кто пришел к ним на смену, оценке фундаментальных антагонистических противоречий, существовавших между советским обществом и правящей элитой. Но ставка на государственное насилие обнажала также глубоко реактивную природу сталинского режима (не способного предвидеть и правильно оценивать последствия принимаемых им решений). Центр командовал обществом, будучи полностью уверенным в точном и безусловном исполнении его приказов. Если же население вело себя не так, как того ожидали власти, то режим пытался восстановить контроль над ходом событий с помощью репрессивных мер. Если и это не действовало, то у властей не оставалось иного выбора, как только усиливать принуждение, хотя такие действия вызывали рост противодействия снизу. При этом люди отыскивали все более изощренные уловки, чтобы избежать преследований, или целые слои общества доводились до такого отчаяния, что уже не боялись риска пасть жертвами репрессивного аппарата. Теоретически в распоряжении режима имелось множество институтов, призванных сводить к минимуму любые признаки «антиобщественного поведения» людей. Главными среди них были комсомол и профсоюзы. Но, поскольку они не справлялись с поставленной задачей (в главе 4 приводились примеры их беспомощности), это сужало набор способов, которыми режим мог воспользоваться.

В данном контексте следует рассмотреть основные составляющие репрессивного законодательства, действовавшего в послевоенные годы. Очевидно, что по числу арестованных и осужденных первенство принадлежало указам против хищений, принятым в 1947 г., но, как было показано в главе 5, законы против самовольного ухода рабочих и служащих со своих предприятий были немногим мягче. Уместно напомнить аргументы, которые мы уже использовали, чтобы продемонстрировать некоторые важные особенности применения этих законов, которые нарушались практически на всех уровнях. Большинство рабочих, насильственно призванных из сельской местности и впоследствии сбежавших с предприятий, возвращалось в свои родные деревни, а местные сельсоветы, партийные руководители,

прокуроры и даже милиция, действуя в сговоре, препятствовали их выявлению, задержанию и возвращению на место работы.

В этом проявлялось не просто противоречие между городом и деревней, явление имело более значительное общественное содержание. Безусловная нацеленность режима на ускоренное накопление и восстановление промышленного потенциала требовала превращения в преступников миллионов людей и перевода еще большего числа трудящихся в категорию полусвободных, подневольных работников. Власти просто не видели иных способов решения обширных задач восстановления разрушенных и строительства новых предприятий в ключевых секторах экономики — угольной промышленности и черной металлургии. Когда сотни тысяч закабаленных людей протестовали против невыносимых условий труда в этих секторах, уходя с предприятий (заметим, не прибегая к массовым протестам или забастовкам), они создавали дефицит рабочей силы, проблему которого эти отрасли пытались решить, обращаясь к властям с требованиями предоставить в их распоряжение новых заключенных или закабаленных людей. Таким образом, процесс запускался по новому кругу. Теоретически добросовестное соблюдение законов должно было понизить остроту проблемы, но внутри системы существовали институты, которые, действуя в собственных интересах или руководствуясь принципиальными соображениями, отказывались сотрудничать друг с другом. Это усугубляло данную проблему. Замкнутый круг продолжал бы воспроизводиться и далее, если бы после 1948 г. условия жизни в стране не начали улучшаться. Именно этим объясняется снижение текучести кадров до управляемого уровня, а вовсе не достижением слаженности в действиях властных институтов или общим согласием народа с целями и политикой руководства.

С точки зрения ретроспективного исторического анализа сеть тайных сговоров может показаться не столь уж значительной. Она, безусловно, более или менее точно вписывается в нарисованную историками общую картину сталинского общества тех лет, которое принято именовать «непокоренным». Но в первые послевоенные годы происходило нечто более значительное. Социальные потрясения, обусловленные наступлением властей на потребление, породили многочисленные разногласия между властными институтами и внутри них, выходявшие далеко за рамки институциональных противоречий, на которых обычно сосредоточено внимание историков. Мы имеем в виду противоречия между центром и периферией, руководителями предприятий и централизованными органами планирования, отрас-

левыми министерствами, а также периодические «кровопускания», устраиваемые Сталиным на вершине пирамиды власти.

Одним из наиболее ярких примеров может служить реакция прокуратуры на законы военного времени, направленные на укрепление трудовой дисциплины. Прокуратуре никогда не нравились соответствующие указы, и она действительно настаивала на отмене уголовного преследования прогульщиков и летунов сразу после окончания войны. Когда прокуратура все-таки проиграла борьбу за отмену этих указов, она продолжала строго придерживаться всех формальностей, связанных с их применением, невзирая на бюрократическую волокиту и большую стоимость их соблюдения. Районные и областные прокуроры ежеквартально представляли подробные отчеты, в которых приводили данные о числе рабочих, сбежавших с предприятий, о том, сколько беглецов удалось разыскать и изловить, и насколько тщательно следователи расследовали их дела, включая (подчеркнем это) поиск смягчающих обстоятельств, способных оправдать нестрогие наказания нарушителей. Такие смягчающие обстоятельства обнаружить было несложно, если учесть плохие жилищные условия, нехватку пищи, ужасные условия труда, пренебрежительное отношение начальства к рабочим и учащимся системы трудовых резервов. Кстати, местные прокуроры с одинаковым пристрастием опротестовывали как случаи несправедливого осуждения, так и излишне мягкие приговоры. Важную роль здесь также играло раздражение или полное равнодушие, с которыми высшие чины прокуратуры, в частности генеральный прокурор СССР Сафонов, относились к жалобам руководителей предприятий и чиновников Министерства трудовых резервов на неисполнение законов. Они не обрушивались на областных и районных прокуроров с истерическими обвинениями в саботаже и не требовали от них навести порядок. Напротив, имеющиеся документы подтверждают настойчивые требования руководства прокуратуры строго соблюдать законные процедуры и не поддаваться давлению в отношении более жесткого применения законов, даже если оно исходило со стороны других подразделений самой прокуратуры. От Сафонова вновь и вновь требовали ликвидировать некоторые прорехи в законодательстве, позволявшие нарушителям избегать наказаний, но он последовательно отказывал в удовлетворении подобных требований.

Следует с осторожностью подходить к интерпретации приведенных сведений. Из исследований Питера Соломона известно, с какой настойчивостью прокуратура применяла законы против хищений, которые также считала во многих отношениях неправильными. В пись-

ме Жданову, датированном 19 июня 1948 г., Сафонов отмечал, что «...суды обязаны отказаться от практики лишения свободы на срок не менее семи лет за кражу пары галош, трех метров сатина и т. п. Порой подобные приговоры совершенно не понятны гражданам и создают у них впечатление о несоответствии меры наказания тяжести преступления, поскольку приговоры за более серьезные правонарушения оказываются намного мягче, чем за мелкие кражи. Грабители получают максимум восемь лет или при отягчающих обстоятельствах до десяти лет. Чиновник, уличенный во взяточничестве, получает до двух лет лишения свободы. Таким образом, за мелкое хищение с производства суды обязаны назначать обвиняемым от семи до десяти лет лишения свободы, в то время как умышленный грабеж наказывается сроками от одного года до восьми лет, а взяточников осуждают не более чем на два года заключения»¹. Но, несмотря на подобные замечания, прокуратура надзирала за применением соответствующих указов, и, как уже отмечалось выше, по крайней мере 2 млн человек были на их основании отправлены в заключение. Что касается указов, касавшихся трудовых отношений, то местные власти, включая прокуроров, судей, милицию и председателей колхозов, позволяли многим нарушителям проникать сквозь расставленные на них сети и оставаться безнаказанными.

Практика применения законов против хищений и текучести рабочей силы позволяет назвать поведение прокуратуры граничащим с шизофренией, если вспомнить о том, что, разделяя базовые принципы и основания сталинской системы, прокуроры следили за соблюдением самых жестоких и антигуманных законов и охотно санкционировали отправку в лагеря миллионов советских граждан. Одновременно прокуратура отвечала за проверки условий содержания заключенных в лагерях, но очень неохотно уличала МВД, когда, по ее мнению, эти условия оказывались ниже всякой критики². Прокуратура полагала себя гарантом здравого смысла и защитником законности. Когда она считала какой-либо закон несовершенным, то, настаивая на неуклонном соблюдении установленных этим законом норм, фактически по-

¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4041. Л. 372–375.

² Мы не занимались специально сбором материалов, относящихся к лагерям для взрослых заключенных, но примеры условий их содержания можно обнаружить в: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 29. Д. 480. Л. 89–90; Д. 476. Л. 40, 42, 44. Нам известен также подробно отраженный в документах конфликт между прокуратурой и МВД по поводу содержания детей в трудовых колониях, описанный в главе 4, с. 206–208.

пустительствовала его массовым нарушениям. Если же прокуратура была согласна с законом, то у нее не возникало никаких трудностей, идеологических или практических, чтобы обеспечить его применение. Суть проблемы заключалась в том, что прокуратура выступала в роли гаранта законности в системе, в которой политические правила и властные отношения отрицали значимость любых законов.

Столь безысходная ситуация в обществе приводила в замешательство даже те институты, которые номинально отвечали за благополучие граждан: прежде всего профсоюзы и в известной степени комсомол. Многочисленные отчеты о комсомольских проверках учебных заведений системы трудовых резервов (некоторые из них процитированы в главе 4) кипят праведным гневом по поводу ужасных условий труда и быта учащихся: грязных, нетопленых, завшивленных барачных, отсутствия белья и обуви, равнодушия руководителей к оплате работы учеников, состоянию их здоровья и безопасности труда. Отчеты профсоюзных инспекторов, обязанностью которых являлся надзор за условиями труда и быта рабочих и за соблюдением правил безопасности труда и трудового распорядка, порой носили не менее резкий характер, причем были случаи, когда инспекторы не просто грозили закрыть определенные производственные участки, но добивались этого³. Не следует преувеличивать частоту подобных случаев, которые, безусловно, были исключением из правил, но они заслуживают внимания по двум причинам. Во-первых, здесь профсоюзы вторгались в зону ответственности руководства предприятий, а во-вторых, они своими действиями угрожали самому процессу накопления.

Но еще более примечательным является кризис, в который были погружены все эти институты после повышения цен на продукты и урезания норм их отпуска по карточкам, случившихся в сентябре 1946 г. Тогда, и это подробно описано в главе 2, местные прокуроры и партийные организации реагировали на это решение с недоверием. Они засыпали центр обращения, жалобами, прошениями, порой содержащими открытое возмущение, тщетно пытаясь добиться смягчения, если не полной отмены принятых решений. Но даже при всех протестах ни одна из этих организаций не была в состоянии признать тот факт, что эти массовые лишения явились следствием политики, сознательно проводимой властью. Подобно коммунистам, арестованным во время террора середины 1930-х гг., они были убеждены в том, что все происходящее — просто ошибка.

³РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 112. Л. 107–109, 202, 205–206; Труд. 1946. 8 авг.; РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 7880. Л. 174–176.

Но рабочие или по крайней мере некоторые из них придерживались иного мнения. Они отказывались приступать к труду до тех пор, пока не будут восстановлены прежние нормы отпуска продуктов, хотя неизвестно, имели ли их выступления положительный результат. Вероятно, еще более драматический характер (хотя бы в силу масштабности явления) носили в начале 1948 г. массовые выступления железнодорожников против задержек заработной платы⁴. Этот факт, возможно, имеет особое значение, поскольку демонстрирует, что из всех примеров институциональной шизофрении, наблюдавшихся в то время, профсоюзы находились в уникальном положении: защищая своих подопечных, они порой были вынуждены не ограничиваться мольбами к властям, а проявлять некоторую воинственность. Конечно, эти проявления были весьма ограниченными и не выходили за строго определенные рамки. Гнев был направлен против руководителей предприятий или отраслевых министерств, к которым они относились, но не против партии или сталинского руководства страны, по отношению к которым профсоюзы проявляли неизменную лояльность.

Наиболее впечатляющим подтверждением сказанному служит профсоюз железнодорожников, действия которого в указанном выше конфликте мы имеем возможность детально проследить благодаря наличию в архивах 13 томов переписки за весь 1948 г. между этим профсоюзом и МПС. Открытая или тайная поддержка профсоюзом приостановки работы в знак протеста против задержек заработной платы, возможно, представляет собой наиболее очевидный, но далеко не единственный пример его противостояния с родным министерством. Различные профсоюзные руководители начиная с председателей профкомов предприятий и областных профсоюзных комитетов и вплоть до ЦК профсоюза железнодорожников постоянно докучали МПС, высказывая претензии в отношении медицинского обслуживания, дефицита мыла, состояния общественных бань и неспособности министерства обеспечить рабочих жильем. Министерство, как правило, не реагировало на подобные обращения, но тон телеграмм и писем, которыми обменивались обе стороны, указывают на то, что профсоюз рассматривал министерство не как партнера в общем деле выполнения производственных планов, но как противника, видя в нем работодателя, с которым конфликтовали трудящиеся. Такое поведение профсоюза железнодорожников не укладывается в традиционное представление о советских профсоюзах как об общественной организации, служащей простым придатком администрации предприятий.

⁴См. главу 3, с. 119–122.

Здесь требуется полная ясность. Вопрос заключается не в том, что такое представление о профсоюзах является совершенно ошибочным. Напротив, оно в значительной степени отражает реальное положение дел начиная с конца 1920-х гг. и вплоть до середины периода перестройки. Профсоюзы распоряжались рядом дополнительных выплат, которые сейчас принято называть «социальными», и использовали их распределение в качестве средства, дисциплинирующего рабочих. Например, в годы первых пятилеток профсоюзы старались увязывать распределение жилья, размеры пенсии и пособий по инвалидности, талонов на приобретение дефицитных потребительских товаров с лояльностью работников по отношению к предприятию и выполнением ими производственных заданий. В то же время они старались принимать меры к выполнению планов, и в 1930-е гг. находим немало примеров того, как заводские профкомы нападали на руководителей предприятий за невнедрение повышенных норм выработки и ускоренных методов работы. В позднесталинский период профсоюзы служили инструментом формирования более патерналистской обстановки на предприятиях, цель которой по-прежнему заключалась в приглушении недовольства рабочих и укреплении трудовой дисциплины, но немного более мягкими методами по сравнению с довоенным периодом. Как до войны, так и после ее окончания имелись примеры, когда профсоюзы защищали отдельных работников, но нет впечатления, что они рассматривали себя в роли защитников интересов рабочего класса или противников руководства. Примеры нарушения этого общего правила в первые послевоенные годы отнюдь не противоречат нашим общим представлениям о природе советских профсоюзов, скорее, это были случаи особого поведения отдельных отраслевых профсоюзов. Такие примеры связаны не только с профсоюзом железнодорожников. Другие профсоюзы также проявляли умеренную воинственность по отношению к руководителям предприятий и отраслей в связи с некоторыми особыми проблемами, преимущественно связанными с нарушениями норм сверхурочных работ, задержками заработной платы и несоблюдением требований безопасности труда. Надо отметить, что общая картина действий профсоюзов отличалась непоследовательностью. Зачастую инспекторы областных или центральных комитетов профсоюза обвиняли профкомы предприятий в неумении или нежелании защищать интересы рабочих. Порой эти нападки носили чисто риторический характер, но иногда они приводили к конкретным результатам.

Не следует, конечно, преувеличивать силу и мощь профсоюзных действий. Они были намного мягче, чем поведение местных профсо-

козных организаций в годы первой пятилетки, когда обычным делом считались забастовки и демонстрации трудящихся, а профсоюзные активисты нередко открыто выступали единым фронтом с протестующими. В отношении состояния профсоюзов в первые послевоенные годы важно отметить, что, во-первых, они были уже полностью приручены и «сталинизированы» по сравнению 1930-ми гг., и, во-вторых, описанные в книге выступления профсоюзов исходили не от рядовых профсоюзных активистов, а от официальных профсоюзных органов, включая представителей профсоюзной бюрократии высшего и среднего звена. В этом отношении отраслевые профсоюзы порой существенным образом отклонялись от генеральной линии ВЦСПС, оставшегося неотъемлемой составной частью сталинского государства.

Приведенные в данном разделе примеры примечательны и с другой, более важной точки зрения. Кризис потребления, продолжавшийся вплоть до конца 1948 г., нарушил институциональную согласованность действий различных структурных составляющих сталинской власти и ослабил, если не свел к нулю, эффективность некоторых механизмов, с помощью которых режим контролировал общество. Мы не считаем, что возникла опасность распада системы на отдельные фракции. Такое утверждение абсурдно. Затронуты были только некоторые части отдельных институтов власти и лишь по некоторым вопросам. Преимущественно это касалось людей или отдельных представителей органов власти, которые постоянно сталкивались лицом к лицу с теми, кто нес на себе основное бремя кризиса. Речь идет о председателях колхозов, работниках сельских органов юстиции и милиции, которые сопротивлялись применению законов против хищений и самовольного ухода с предприятий, о профсоюзных и комсомольских инспекторах, возмущенных условиями жизни рабочих — членов профсоюза, о руководителях отдельных профсоюзов и профсоюзных комитетов, старавшихся облегчить участь трудящихся и членов их семей и заставить руководителей предприятий и отраслевые министерства предпринимать хоть какие-то действия, чтобы решить их проблемы. Ни один из перечисленных институтов не считал, что он находится в конфликте с государством, воплощавшим в себе, по их мнению, принцип власти Советов, и тем более со Сталиным и партийным руководством. Возможно, отдельные представители этих институтов думали иначе, но, не заглянув к ним в душу, ничего нельзя утверждать с полной уверенностью. Кроме того, существовали реальные расхождения, качественно отличавшиеся от конфликтов и внутренних споров между министерствами или между отдельными фракциями в руководстве, которые западные наблюда-

тели, особенно те, кто придерживался так называемой теории групп интересов, полагали ведущим принципом принятия решений в СССР в годы после смерти Сталина. Эти расхождения были не борьбой различных властных институтов за влияние и перераспределение ресурсов в свою пользу, а следствием глубокой озабоченности отдельных институтов и индивидуумов во власти определенными аспектами советской реальности в послевоенный период. Возможно также, что они сохранили в себе некоторые идеи независимости и завышенные ожидания, вызревшие в годы войны, особенно во время пребывания на фронте. Но подобные заблуждения носили временный характер.

Политическая консолидация и историческое падение

Обратимся вновь к одной из тем, поднятых во введении к данной книге. В своих ранних статьях Елена Зубкова выдвинула дерзкий тезис, согласно которому сталинский режим лишь внешне вышел из войны политически невредимым, но на самом деле столкнулся с обществом, совершенно не готовым автоматически согласиться с возвратом к довоенному состоянию. По ее мнению, режиму, не уверенному в том, как следует действовать в подобной ситуации, потребовалось длительное время (вплоть до 1947 г.), чтобы полностью восстановить авторитарные политические методы управления. Эта точка зрения, является, на наш взгляд, совершенно корректной, но уязвимой, потому что Зубкова пришла к своим выводам почти исключительно на основе изучения общественного мнения. Не важно, насколько яркими и убедительными являлись цитируемые ею примеры, но любые подобные исследования страдают определенными методологическими слабостями. С их помощью можно выявить наличие в обществе определенных идей и отношений, но нельзя оценить, насколько широкое распространение они получили. Были ли они озвучены отдельными людьми, чьи высказывания партийные агитаторы, работники секретных служб и профсоюзные бюрократы сочли необходимым включить в свои доклады, или же эти идеи и мнения разделялись широкими массами? Одна из целей настоящей книги заключается в попытке подойти к решению данной проблемы с иной стороны, а именно — попытаться разглядеть и интерпретировать напряжение в обществе и внутри механизмов власти, с помощью которых элита правила государством, обращая при этом основное внимание не на слова, а на поступки людей.

На основе данного подхода сделаем вывод, что следует согласиться с утверждением о наличии в позднесталинский период наиболее

значительной поворотной точки, пройдя которую режим сумел полностью взять под свой контроль все происходящее в стране и войти в эпоху политической консолидации. Мы склонны отнести эту поворотную точку не к 1947 г., когда проводились интенсивные репрессии против интеллигенции, сигналом к которым Зубкова считает так называемую философскую дискуссию, а скорее к 1948 или даже 1949 г., когда экономика начала выходить на довоенный уровень производства. Это привело к двум взаимосвязанным последствиям. Во-первых, уровень жизни населения вырос настолько, что позволил ограничить размеры хищений и сократить текучесть рабочей силы. С точки зрения режима это означало, что сократилось число случаев потенциально подрывного антиобщественного поведения, требующего подавления с помощью репрессий. Это позволяет дать объяснение одному курьезному феномену, наблюдавшемуся в этот период и заключающемуся в следующем: одновременно с кампанией запугивания и репрессий против интеллигенции и верхушки правящей иерархии, происходившей параллельно с нарастанием антисемитизма, стало сокращаться число рядовых граждан, отправленных в заключение или подвергнутых исправительным работам⁵. Во-вторых, завершение восстановления промышленности (за исключением угледобычи и связанного с ней шахтного строительства) ослабило зависимость режима от насильственного вовлечения молодежи, то есть той группы населения, поддержание трудовой дисциплины в которой, включая борьбу с дезертирством с предприятий, всегда составляло проблему. Одним из очевидных признаков этого была реконструкция системы трудовых резервов, чьи учебные заведения начиная с 1952 г. стали комплектоваться в основном на добровольной основе.

Безусловно, процесс ослабления репрессий против рядовых граждан проходил на фоне возврата к нарастающим проявлениям авторитаризма, призванным запугать общество в целом, а не только жертвы из числа интеллигенции и партийных аппаратчиков. В известной мере, политические строгости способствовали созданию в обществе

⁵Так, число лиц, приговоренных к лишению свободы, сократилось с почти миллиона человек в 1947 г. до примерно полумиллиона в 1952 г. (ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6с. Д. 14. Л. 29). О мерах подавления интеллигенции, старт которым дали «философские дебаты», см.: Zubkova E. *Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / ed. H. Ragsdale. Armonk, 1998. P. 123–129. [Русск. изд. — Зубкова Е. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 192–198. — *Прим. ред.*].

атмосферы равнодушия к происходящему вокруг. Но одним этим нельзя объяснить причины ослабления общественного брожения, ибо, как мы уже имели возможность убедиться, сами по себе репрессии необязательно предупреждают нарушения закона или такие действия людей, которые, по мнению режима, мешают ему добиваться поставленных целей.

Конечно, начиная с 1950 г. и вплоть до смерти Сталина наблюдались отчетливые признаки ослабления открытого давления режима на рядовых трудящихся за исключением крестьянства. В июле 1951 г. были отменены уголовные наказания за прогулы, на что рабочий класс ответил удвоением или даже утроением числа пропущенных рабочих дней. Но власти не отреагировали на это возвратом к уголовному преследованию. Напротив, режим продолжил проведение новой политики, согласно которой руководители предприятий должны были применять к прогульщикам меры административного воздействия как к нарушителям внутреннего трудового распорядка или передавать их дела на рассмотрение вновь созданных товарищеских судов. Оба эти средства были крайне ненадежными, поскольку руководители не всегда стремились наказывать нарушителей, а практически не действовавшие товарищеские суды оказались почти пустой затеей.

У рабочих появилось желание проверить границы дозволенного и другими способами. В апреле 1949 г. более тысячи шахтеров угольных шахт в Челябинской области отказались от насильственного перевода на строительные работы, мотивируя это неотвратимым падением заработков и ухудшением условий труда. Прокурор Челябинской области сообщил об инциденте московскому начальству, но, похоже, никаких санкций против шахтеров предпринято не было. Не сумев извлечь никаких уроков из этого происшествия, Министерство угольной промышленности издало в декабре 1949 г. приказ, предписывающий перевести свыше 25 тыс. шахтеров по всей стране на работы по строительству шахт, и вновь столкнулось с массовыми отказами. В конце концов удалось перевести на стройки только 11 тыс. шахтеров. Но на этом история не закончилась. В начале 1950 г. группа шахтеров из Московской области решила обратиться в суд с требованием возбудить дело против Министерства угольной промышленности, пытавшегося незаконно перевести их на другую работу без их согласия. Все то время, пока рассматривалось дело, они отказывались выходить на новое место работы. Случись подобное в 1947 или 1948 гг., эти шахтеры были бы обвинены по меньшей мере в массовом прогуле и получили бы соответствующее уголовное наказание, а в худшем

случае — отправились бы в лагерь за организацию забастовки. Теперь же прокуратура и народный суд поддержали трудящихся и признали их претензии законными⁶.

Если рабочие все же отваживались предъявлять подобные претензии, то они все-таки хорошо понимали, что их возможности повлиять на ход событий на своих предприятиях, не говоря уже об обществе в целом, крайне ограничены. Обычным делом было проведение на предприятиях так называемых цеховых производственных совещаний, на которых обсуждались имеющиеся проблемы в организации работы и пути их разрешения. Теоретически эти собрания рассматривались как средство мобилизации рабочих и создания у них ощущения, что они могут влиять на жизнь своих предприятий. На самом деле они представляли собой хорошо отрепетированные мероприятия с заранее заданной повесткой дня, которую большинство рабочих находили крайне скучной. Лишь немногие рядовые труженики решались выступать на них, в частности потому, что опасались стать жертвами преследований со стороны начальства. В докладе партийного агитатора об опыте проведения производственных совещаний на оружейном заводе в Тульской области суммированы недостатки подобных мероприятий. В нем говорится:

«Отсутствие активного участия рядовых работников объясняется тем, что на совещаниях нет никакой возможности по-деловому обсуждать вопросы, жизненно важные для цеха и предприятия в целом, критиковать имеющиеся недостатки в их работе. Совещания проходят в форме отдачи руководством приказов и указаний, вместо свободного обмена мнениями на них доминирует давление со стороны начальства»⁷.

⁶Случай в Челябинской области см. в: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 5036. Л. 134–136. О декабрьской мобилизации шахтеров на строительные работы и об иске, выдвинутом ими против Министерства угольной промышленности, см.: Там же. Оп. 28. Д. 274. Л. 3–3 об., 4–5. Понятно, что в данном случае прокуратура исходила в своих действиях из простого здравого смысла. Эта мобилизация, несомненно, была непопулярна не только среди шахтеров, но и в глазах шахтного начальства, не желавшего терять квалифицированную рабочую силу. Таким образом, прокуратура не только предупредила возможную конфронтацию с участием большого количества рабочих, но также встала на сторону руководителей шахт в их противостоянии с собственным министерством. К тому же маловероятно, что рабочие, отказавшиеся от мобилизации, смогли бы избежать санкций, если бы начальство их не защищало.

⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 291. Л. 83–84. Елена Зубкова в своей книге «Общество и реформы, 1945–1964» (М., 1993. С. 94–95) ссылается на этот и другие примеры производственных совещаний в качестве свидетельств недо-

Рабочие угольной шахты той же области предъявляли сходные претензии к начальству: «Больше всего беспокоит тот факт, что они не желают нас слушать. На собраниях много болтовни, но мало дела. Мы ходим на эти собрания, но уходим с них, злясь на пустую трату времени». Крепильщик с той же шахты заявил: «Одно время я числился активистом, но теперь я понял, что все мои попытки повлиять на улучшение работы — напрасны, а поскольку меня игнорируют, то я перестал ходить на совещания, где меня не слушают»⁸.

С идентичной реакцией сталкивались рабочие, когда через голову своего начальства обращались с претензиями к местному городскому или областному партийному руководству. В уже цитированном выше докладе говорится, что местные партийные руководители редко напрямую встречались с рабочими, а те, в свою очередь, ощущали бесполезность обращений в партийные органы. Откровенно говоря, и в этом упомянутый доклад, вероятно, совершенно точен. Единственным действием, приносящим реальные результаты, могло быть письменное обращение в ЦК партии в Москву⁹.

Из приведенных примеров следует, что рабочие стали меньше опасаться прямых репрессий и были не столь обеспокоены проблемами выживания, как в первые четыре-пять лет после окончания войны, но их действия ограничивались пониманием собственного политического бессилия. Еще одним подтверждением сказанного может служить то, что мы не находим в архивах практически никаких свидетельств боевитости профсоюзов, которые также на всех уровнях были заново интегрированы в бюрократические структуры власти. Вряд ли кто-то усомнится, что профсоюзам потребовалось вначале самим убедиться в успешности начатых Хрущевым реформ, прежде чем пытаться убедить рабочих, наученных горьким опытом последних лет жизни Сталина, принимать более активное участие в общественной и политической жизни. В 1958 г. состоялась реформа профсоюзов, которые обвиняли в нежелании защищать своих членов от произвола адми-

вольства рабочих. Это, безусловно, справедливо, но еще больше эти примеры говорят о степени разобщенности рабочих и о том, как любые их попытки озвучить свои претензии подавлялись руководством предприятий, заводскими партийными и профсоюзными организациями.

⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 291. Л. 86. Эти материалы также использованы Е. Зубковой в книге «Общество и реформы, 1945-1964» (С. 94-95).

⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 291. Л. 87. Аналогичная критика производственных совещаний в металлургической промышленности содержится в: ГА РФ. Ф. 7680. Оп. 5. Д. 152. Л. 79-80; Д. 203. Л. 1-3.

нистрации предприятий и бюрократическом отношении к проведению собраний и выборов. Реформа была подкреплена рядом других кампаний, общей целью которых являлось стремление убедить рабочих, что новое руководство страны демократизирует жизнь советского общества и устраняет препятствия к народному участию в этом процессе, приводивших ранее к отчуждению народа от власти. Возможно, наиболее примечательными из этих кампаний был призыв молодых энтузиастов на освоение целинных земель Казахстана и Западной Сибири и на стройки новых промышленных районов Сибири и Дальнего Востока (так называемый общественный призыв). В промышленности Хрущев инициировал движение бригад коммунистического труда, которое рассматривалось как способ повышения производительности труда с использованием преимущественно моральных, а не материальных стимулов. Нас сейчас не интересует, насколько успешными оказались все эти кампании. Важно отметить лишь то, что Хрущев и его окружение вполне сознавали наличие глубокого отчуждения между рабочими и профсоюзами, служившего главной помехой усилиям властей завоевать всенародную поддержку¹⁰.

Нам хочется доказать, что отношения властной элиты с промышленными рабочими в период 1950–1953 гг. никак не противоречили процессу политической либерализации. Любые сдвиги в сторону смягчения режима, какими бы они ни были, свидетельствовали о том, что элита полностью уверовала в незыблемость своего доминирующего положения в обществе. Это также давало рабочим большую свободу действий, поскольку они перестали ощущать, что им что-то угрожает. Перефразируя Шейлу Фицпатрик, можно утверждать, что период 1950–1952 гг. знаменовал собой нормализацию сталинского общества или, если быть более точным, его бюрократическую рутинизацию. Это прослеживалось почти повсеместно: в деятельности профсоюзов, в перерождении под опекой Маленкова промышленных министерств в полуавтономные мини-империи, в перегруженности всех органов власти решением нудных повседневных проблем, что находит отражение в документах из архивов министерств, профсоюзов и партийных организаций. Это подтверждается даже таким косвенным признаком, как качество бумаги, используемой в переписке. В отличие от первых послевоенных лет бланки официальных писем

¹⁰ Более подробно об этих кампаниях можно прочитать в: Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964*. Cambridge, 1992. P. 39–46, 54, 71–72; Зубкова Е. Общество и реформы. С. 165–167.

теперь напечатаны на хорошей бумаге с тщательно проработанными и прекрасно исполненными заголовками. Короче говоря, сами бланки излучают уверенность правящего класса в том, что он останется при власти еще много лет.

Всем приведенным наблюдениям имеется единственно возможное объяснение — к марту 1953 г. система достигла высокого или по крайней мере существенного уровня общественной интеграции. Всякий, кто знаком с современными оценками того времени или разговаривал с бывшими гражданами СССР, помнящими те годы, знает о массовом горе, охватившем жителей крупных городов (так у автора. — *Прим. ред.*), когда умер Сталин. Следует соблюдать осторожность и не придавать слишком большого значения этим рассказам, поскольку немногие крестьяне разделяли чувства своих городских братьев. Среди последних интенсивность переживаний по этому поводу также была в значительной мере обусловлена страхом и неуверенностью в будущем, нежели любовью к умершему диктатору. Но были и иные причины, позволяющие допустить, что население стало позитивнее относиться к руководству страны. Уровень жизни повысился. У народа (за исключением интеллигенции) стало меньше оснований опасаться стать жертвами репрессий. Интеллигенция и мелкое чиновничество в качестве компенсации за свое более уязвимое в политическом отношении положение получили непропорционально возросший уровень потребления. Но, возможно, наиболее мощной объединяющей силой все еще была память об общей победе в войне.

Возможна и другая, альтернативная, интерпретация приведенных в книге сведений. С политической точки зрения, население, которое, невзирая на неравенство в распределении властных полномочий внутри общества, рассматривает себя частью существующей политической системы и разделяет ценности, цели и ключевые аспекты идеологии, исповедуемой правящим классом, радикально отличается от граждан, которые, принимая некоторые самые общие ценности доминирующей элиты, ясно сознают свое подчиненное положение и примирилось с тем фактом, что у них имеется очень немного рычагов влияния, чтобы принципиально изменить сложившееся распределение власти. Именно вторая часть приведенной характеристики наиболее точно описывает состояние советского общества в эпоху позднего сталинизма. Если мы поищем примеры того, как в послевоенный период правящий класс сумел создать идеологический консенсус в обществе, то таким примером может быть капитализм западного образца, но вовсе не сталинский СССР. Обеспечение рос-

та потребления и антикоммунизм, сочетаемые при необходимости с подавлением инакомыслия, позволили капиталистическому классу Соединенных Штатов, Японии и Западной Европы пережить первые волны массового недовольства, прокатившиеся по США и Европе, и даже на какое-то время создать миф об окончательном преодолении классового разделения общества и классовой борьбы. Этот консенсус просуществовал почти 20 лет и зашатался в период с середины 1960-х по середину 1970-х гг. под влиянием ряда факторов. Но даже тогда сохранялся мощный идеологический посыл антикоммунизма (в значительной степени подпитывавшийся очевидной для всех неадекватностью советской модели социализма), который сыграл заметную роль в том, что капитализму в течение почти 60 лет после окончания Второй мировой войны удавалось обходить стороной наиболее опасные вызовы своему существованию.

Каким же образом западному капитализму, дискредитированному фашизмом и развязыванием Второй мировой войны, удалось выстроить подобный общественный консенсус, в то время как Сталин и советское руководство не справились с этой задачей? И это в условиях, когда общий опыт Второй мировой войны с ее лишениями и гордостью от победы нигде в мире не имел столь значительного общественного резонанса, как в СССР. Есть несколько очевидных ответов на этот вопрос. Один из них заключается в относительной бедности Советского Союза. Запад обладал значительными резервами для восстановления экономики прежде всего в лице полностью сохранившейся промышленной мощи США и был в состоянии поднять жизненный уровень населения на высоту, не достижимую для СССР с его значительно более слабой промышленной базой. Другой, менее очевидный, ответ заключается в том, что Сталин своими руками подорвал идеологические последствия победы в войне, полностью приписав эту заслугу себе. Даже допустив, что большинство советских граждан признавало (совершенно неоправданно), что Сталин являлся главным конструктором победы над фашизмом, они тем не менее считали ее своей, одержанной всем советским народом. Люди понимали, что именно они жертвовали всем, сражались на фронтах и шли на смерть ради победы. Когда Сталин сразу после войны приписал победу своим заслугам, он тем самым лишил миф о войне значительной доли мобилизующего потенциала¹¹. Но все же главная причина

¹¹ Очень интересное обсуждение данной проблемы см. в: Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1945–1946) // Свободная мысль. 1992. № 6 (апрель). С. 8–9.

заклучалась в том, что сталинская элита вовсе не желала вырабатывать подобный консенсус, не видя в нем необходимости.

С самого начала формирования сталинской системы в 1930-х гг. сам Сталин и верхушка правящей элиты видели в обществе противника, угрозу своей власти, а не опору для нее. Опыт, приобретенный обществом во время войны, только усугубил эти опасения, подняв их на уровень, который нельзя было себе представить в 1939 или 1940 г. Любая война служит великим объединителем общества главным образом среди солдат, сражающихся на фронте, но также и в тылу. Война сводит вместе людей всех социальных слоев и классов, которые, приобретая общий опыт сражений и лишений и неизбежно обмениваясь информацией о своем образе жизни в мирное время, вырабатывают связывающие их узы солидарности и открывают друг другу новые горизонты, которые в мирное время были заметно уже. Первая мировая война сыграла объединяющую роль в Италии и Германии, когда вырвала миллионы крестьян из оков ограниченного деревенского мировоззрения и впервые внушила им чувство принадлежности к единой нации. Не случайно именно война не только дала толчок к подъему массового революционного движения в этих странах, но и послужила основой усиления националистических настроений, ставших впоследствии питательной средой для возникновения фашизма. В Советском Союзе во время войны события развивались совсем иным образом. Люди, причем не только солдаты и мужчины, привыкли принимать самостоятельные решения и говорить друг с другом без страха, что было немыслимо в 1930-е гг. Многие из них не только покинули свои деревни, но побывали за границами СССР, где увидели жизнь, о которой не имели представления. Крестьяне и бывшие заключенные сражались плечом к плечу с рабочими и представителями интеллигенции, а это означало, что даже тем, кто ничего не знал об ужасах 1930-х гг. или не желал в них верить, стало сложно их игнорировать. Одного этого вполне хватало для того, чтобы усилить всегда присущие Сталину недоверие и презрение к обществу, даже если бы война не создала для его режима дополнительных сложностей, связанных с подъемом общественных ожиданий.

Таким образом, политическая задача, с которой столкнулась советская элита после войны, заключалась не в выработке общественного консенсуса и не в создании «органической гегемонии» в понимании А. Грамши, а в том, чтобы заново подчинить себе общество. Если права Е. Зубкова и главной движущей силой гонений на интеллигенцию были очередная волна чисток и стремление руководства страны вновь присвоить себе роль единственного арбитра по всем идеологи-

ческим вопросам, то средствами подчинения рабочих и крестьян являлись экономическое давление и уголовное законодательство. Для рядового человека крушение надежд на лучшую жизнь было связано не столько с восстановлением политического и идеологического единомыслия, сколько с массовым обнищанием, ограничением свободы перемещения и суровыми уголовными санкциями против тех, кто считал для себя такие условия существования неподходящими или неприемлемыми. Подобное насилие, как мы уже видели, создавало чудовищные препятствия для безотказного функционирования системы и установления согласия не только в отношениях между режимом, рабочим классом и крестьянством, но внутри самого аппарата власти. В итоге режим все же мог провозгласить собственную победу. Брожение и несогласие в обществе были подавлены, удалось добиться единомыслия внутри аппарата власти, режим полностью восстановил свое доминирование. Но эта «победа» потребовала столь безграничного давления на общество, что его уровень было невозможно поддерживать длительное время. Это стало настолько очевидным к моменту смерти Сталина, что два его главных наследника, Берия и Маленков, попытались провозгласить себя первыми «десталинизаторами» и самыми отважными реформаторами. Даже самые стойкие из числа бывших соратников Сталина сознавали: страна охвачена глубоким кризисом общественной морали, не разрешив который, невозможно преодолеть экономические трудности в промышленности и сельском хозяйстве, которыми к 1952 г. уже нельзя было пренебрегать. В этом смысле «победа» Сталина в долговременной перспективе несла в себе угрозу жизнеспособности сталинской системе в целом. Поэтому не случайно, что десталинизация, обычно ассоциируемая с Хрущевым и его секретным докладом, произнесенным в 1956 г., фактически началась сразу после ухода Сталина с политической сцены, а возможно, даже ранее¹². Известно, что оба первых десталинизатора пали жертвами борьбы за власть и инициатива перешла в руки Хрущева, который попытался спасти систему и обеспечить ее выживаемость в долгосрочной перспективе. Что из этого вышло, сейчас хорошо известно. Каждый последующий советский лидер пытался

¹²Пророческое обсуждение первой волны ранней десталинизации см.: Service R. The Road to the Twentieth Party Congress: An Analysis of the Events Surrounding the Central Committee Plenum of July 1953 // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 2. P. 232–245. De-Stalinisation in the USSR Before Khrushchev's Secret Speech // *Il XX Congresso del Pcus* / ed. F. Gori. Milan, 1988. P. 287–310.

справиться с сизифовой дилеммой (так у автора. — *Прим. ред.*), реформируя систему, но не разрушая ее до основания. Никому из них так и не удалось найти ответа на вопрос, как это сделать, потому что такого ответа не существует в природе.

В этой связи у нас возникло два итоговых соображения. Прежде всего тем, кто в постсоветской России обращается к сталинским временам в поисках способов борьбы с жестокостью и эксцессами нового русского капитализма, неплохо бы изучить историю собственной страны. Стратегия и конкретные действия власти, описываемые в настоящей книге, не смогут стать основой для создания какой-либо жизнеспособной системы, по крайней мере такой, которая указывает пути к максимально полному использованию человеческого потенциала посредством демократического принятия решений и коллективных усилий, направленных на удовлетворение всей совокупности человеческих потребностей. Поэтому глубоко ошибались представители советской интеллигенции, прилепившие к сталинизму ярлык «барачного социализма». Действительно, бараки в этой системе имелись в изобилии, но в ней не было социализма.

Второе соображение состоит в том, что невозможно изучать социальную историю послевоенных лет, не испытывая при этом благоговения перед простыми женщинами и мужчинами, юношами и девушками, жившими в то время, и глубокого уважения к ним. Пережив немыслимые ужасы войны, они столкнулись с новыми лишениями, тяжесть которых не поддается воображению западного человека и даже новых поколений россиян. Им пришлось жить при политических условиях, которые в отличие от военных лет были открыто репрессивными и безнадежными. Правдивую историю того, как они справлялись с этим, как миллионы людей и члены их семей сумели выработать линию поведения, которую ныне принято называть «стратегией выживания», еще предстоит написать. Сейчас же мы с полной уверенностью можем утверждать, что все, чего они сумели добиться для себя и общества в целом, они добились не благодаря системе, а вопреки ей. Неоспоримо также, что своим выживанием и восстановлением страна обязана поступкам миллионов советских людей, совершавшихся ими изо дня в день.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 5451 Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС)

Оп. 26 (Управление заработной платы)

Оп. 31 (Управление рабочего снабжения)

Оп. 43с

Ф. 5457 Центральный комитет профсоюза работников текстильной и легкой промышленности

Ф. 5474 Центральный комитет профсоюза рабочих-железнодорожников

Оп. 20 (Объединенный профсоюз — начиная с 1949 г. и далее)

Оп. 21 (Профсоюз Центральной железной дороги — до 1949 г.)

Оп. 22 (Профсоюз Южной железной дороги — до 1949 г.)

Оп. 23 (Профсоюз работников предприятий МПС — до 1949 г.)

Ф. 5475 Центральный комитет профсоюза строительных рабочих железнодорожного транспорта и московского метрополитена

Ф. 7416 Центральный комитет профсоюза рабочих угольной промышленности

Ф. 7523 Президиум Верховного Совета СССР

Ф. 7676 Центральный комитет профсоюза работников машиностроения

Оп. 9 (Тяжелое машиностроение)

Оп. 11 (Металлообрабатывающая промышленность)

Оп. 16 (Машиностроение и станкоинструментальная промышленность)

Ф. 7680 Центральный комитет профсоюза рабочих черной металлургии

Ф. 8009 Министерство здравоохранения СССР

Ф. 8131 Прокуратура СССР

Ф. 9401. Оп. 2 (Особая папка — Сталин и Берия)

Ф. 9402 Министерство юстиции СССР

Ф. 9507. Оп. 2 (Министерство трудовых резервов СССР)

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) — филиал по РСФСР

Ф. А-482 Министерство здравоохранения РСФСР

- Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
- Ф. 1562 Центральное статистическое управление (ЦСУ)
- Ф. 1884 Министерство путей сообщения (МПС)
- Ф. 8248 Министерство промышленности строительных материалов
- Ф. 8592 Министерство строительства предприятий тяжелой промышленности
- Ф. 8628 Министерство угольной промышленности южных районов
- Ф. 8629 Министерство угольной промышленности восточных районов
- Ф. 8875 Министерство металлургии

Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ), ранее Центр хранения и использования документов новейшей истории (ЦХИДНИ)

- Ф. 17 Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза
- Оп. 116 и 118 (Секретариат и оргбюро Центрального комитета коммунистической партии)
- Оп. 121 (Технический секретариат оргбюро ЦК коммунистической партии)
- Оп. 125 и 132 (Отдел пропаганды и агитации ЦК коммунистической партии)
- Оп. 131 (Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК коммунистической партии)

Центральный архив исторической и политической документации (ЦГАИПД) – бывший Ленинградский партийный архив

- Ф. 2600 Ижорский завод, Ленинград

Центр хранения документации молодежных организаций (ЦХДМО) – бывший Комсомольский архив (Москва), ныне включен в состав РГАСПИ. Документы, цитируемые в книге, имеют в РГАСПИ литеру М перед номером фонда в ЦХДМО.

Заводские многотиражные газеты

- Балтиец (Балтийский судостроительный завод, Ленинград)
- Егоровец (машиностроительный завод им. Егорова, Ленинград)
- Электросила (Завод электрических машин «Электросила», Ленинград)
- Голос дзержинца (хлопчатобумажная фабрика им. Дзержинского, Иваново)
- Кабельщик (завод «Севкабель», Ленинград)
- Кировец (Кировский машиностроительный завод, Ленинград)
- Красное знамя (машиностроительный завод «Красное знамя», Ленинград)
- Красный треугольник (завод резинотехнических изделий «Красный треугольник», Ленинград)
- Мартиец (Адмиралтейский судостроительный завод им. А. Марти, Ленинград)

- Сталинец (автоагрегатный завод «Автотрактородеталь», Куйбышев)
- Сталинец (Ростовский завод сельскохозяйственных машин «Ростсель-маш», Ростов-на-Дону)
- Сталинградский тракторстрой (Строительное управление Сталинградского тракторного завода, Сталинград)
- Сталинская вахта (завод полиграфического и типографского оборудования, Ленинград)
- Станкостроитель (станкостроительный завод, Рязань)
- Станкостроитель (станкостроительный завод, Стерлитамак)
- Уралмаш (завод тяжелого машиностроения «Уралмашзавод», Свердловск)
- За советскую малолитражку (завод малолитражных автомобилей, Москва)

Книги и статьи

- Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970.
- Гордон Л. А., Клопов Е. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 1930–1940-е годы. М., 1989.
- Гулаг (Главное управление лагерей), 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000.
- Костирченко Г. [Геннадий Васильевич]. В плену у красного фараона. Преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994.
- Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968.
- Попов В. П. Государственный террор в Советской России 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31.
- Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. документов. М., 1993. [Предыдущее изд. – Крестьянство и государство 1945–1953. Париж, 1992].
- Принцев В. Я., Коловков М. Н., Загайнов С. А. Краткий доклад о причинах снижения производительности труда на шахтах Кузбасса и необходимых первоочередных организационных мероприятиях по ее повышению (предварительное сообщение): Академия наук СССР (Западно-сибирский филиал), Гидроуглемаш Востока (Кузнецкий филиал), Новосибирск, 10 июня 1946 // ГА РФ. Ф. 7416. Оп. 4. Д. 109.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу (части 1 и 2). М., 1991.
- Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления об И. В. Сталине. М., 1990.
- Труд в СССР. Стат. сб. М., 1968.
- Труд в СССР. Стат. сб. М., 1988.
- Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 43–48.

Земсков В. Н. Гулаг (историко-социологический аспект). Ч. 1 // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27.

Земсков В. Н. Гулаг (историко-социологический аспект). Ч. 1 // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 3–16.

Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

Зубкова Е. Маленков, Хрущев и оттепель // Коммунист. 1990. № 14 (сентябрь). С. 86–94.

Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1945–1946) // Свободная мысль. 1992. № 6 (апрель). С. 4–14.

Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1948–1952) // Свободная мысль. 1992. № 9 (июнь). С. 79–88.

Зубкова Е. Реформы Хрущева. Культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9 (июнь). С. 97–107.

Зубкова Е. Общество и реформы, 1945–1964. М., 1993.

Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000.

Andrieu V. Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy. New York, 1988.

Bacon E. The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives. Basingstoke, 1994.

Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London, 1991.

Benvenuti F., Pons S. Il sistema di potere dello stalinismo: partito e stato in Urss, 1933–1953. Milan, 1988.

Brezhnev L. I. How It Was: The War and Post-War Reconstruction in the Soviet Union. Oxford, 1979.

Burton C. Medical Welfare During Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953: Ph. D diss. University of Chicago, 2000.

Carre d'Encausse H. Stalin: Order Through Terror. London, 1981.

Chapman J. Real Wages in Soviet Russia Since 1928. Cambridge, 1963.

Conquest R. Power and Policy in the USSR: The Struggle for Stalin's Succession, 1945–1960. New York, 1967.

Curtiss J. S. The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Gloucester, 1965.

Davies R. W. The Reappraisal of Industry // Soviet Studies. 1956 (January). P. 308–331.

Davies R. W. Soviet History in the Yeltsin Era. Basingstoke, 1997.

Dunham V. S. In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Durham, 1990.

Dunmore T. *The Stalinist Command Economy: The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945–1953*. London, 1980.

Dunmore T. *Soviet Politics, 1945–1953*. London, 1984.

Duskin J. E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, 2001.

Ellman M. *The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines* // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. Vol. 24. № 5 (September). P. 603–630.

Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London, 1986.

Filtzer D. *Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964*. Cambridge, 1992.

Filtzer D. *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985–1991*. Cambridge, 1994.

Filtzer D. *Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991* // *International Labor and Working-Class History*. Fall 1996. № 50. P. 9–28.

Filtzer D. *The Standard of Living of Soviet Industrial Workers in the Immediate Postwar Period, 1945–1948* // *Europe–Asia Studies*. 1999. Vol. 51. № 6. P. 1013–1038.

Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge, 1979.

Fitzpatrick S. *Postwar Soviet Society: The “Return to Normalcy”, 1945–1953* // *The Impact of World War II on the Soviet Union* / ed. S. J. Linz. Totowa, 1985. P. 129–156.

Ginzburg E. [Evgeniya Semenovna]. *Within the Whirlwind*. New York, 1982.

Goldman W. Z. *Women, The State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, 1993.

Gorlizki Y. *Party Revivalism and the Death of Stalin* // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 1 (Spring). P. 1–22.

Gorlizki Y. *Stalin's Cabinet: The Politburo and Decision Making in the Post-War Years* // *Europe–Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 2. P. 291–313.

Graham L. R. *Science and Philosophy in the Soviet Union*. New York, 1974.

Hahn W. G. *Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953*. Ithaca, 1982.

Harrison M. *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945*. Cambridge, 1996.

Hessler J. *A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR* // *Slavic Review*. Fall 1998. Vol. 57. № 3. P. 516–542.

Hessler J. *Postwar Normalisation and Its Limits in the USSR: The Case of Trade // Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 3. P. 445–471.

Ilić M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From “Protection” to “Equality”*. Basingstoke, 1999.

Ivanova G. M. *Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System*. Armonk, 2000.

Jasny N. *Soviet Industrialization, 1928–1952*. Chicago, 1961.

Joravsky D. *The Lysenko Affair*. Cambridge, 1970.

Kaiser R. G. *Russia: The People and the Power*. London, 1976.

Karol K. S. *Solik: Life in the Soviet Union, 1939–1946*. London, 1983.

Khrushchev N. S. *Khrushchev Remembers / introduction, commentary, notes by E. Crankshaw*. London, 1971.

Knight A. *Beria: Stalin’s First Lieutenant*. Princeton, 1993.

Kuromiya Hiroaki. *Stalin’s Industrial Revolution*. Cambridge, 1988.

MccCagg William O. *Stalin Embattled, 1943–1948*. Detroit, 1978.

Medvedev R., Medvedev Z. *Khrushchev: The Years in Power*. Oxford, 1977.

Medvedev Zh. A. *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. New York, 1969.

Medvedev Zh. A. *Soviet Agriculture*. New York, 1987.

Moskoff W. *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II*. Cambridge, 1990.

Moskoff W. *Hard Times. Impoverishment and Protest in the Perestroika Years: The Soviet Union. 1985–1991*. New York, 1993.

Nove A. *Soviet Peasantry in World War II // The Impact of World War II on the Soviet Union / ed. S. J. Linz. Totowa, 1985. P. 77–90*.

Nove A. *An Economic History of the USSR*. London, 1992.

Pospielovsky D. *The Russian Church Under the Soviet Regime 1917–1982*. Crestwood, 1984. Vol. II.

Rapoport Y. *The Doctors’ Plot*. London, 1991.

Scott J. C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, London, 1976.

Scott J. C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, London, 1985.

Service R. *The Road to the Twentieth Party Congress: An Analysis of the Events Surrounding the Central Committee Plenum of July 1953 // Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 2. P. 232–245.

Service R. *De-Stalinisation in the USSR Before Khrushchev’s Secret Speech // II XX Congresso del Pcus / ed. F. Gori. Milan, 1988. P. 287–310*.

Siegelbaum L. H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge, 1988.

Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge, 1996.

Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. London, 1980.

Zubkova E. *Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957* / ed. H. Ragsdale. Armonk, 1998.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Альтшуллер М. З. (прокурор) — 247, 249
- Барбер Дж. — 5
- Бартон К. — 8
- Берия Л. П. — 106, 122, 188, 207, 220, 347, 350
- Бещев Б. П. (заместитель министра, позднее министр путей сообщения) — 105
- Бордюгов Г. — 6, 13–15, 17
- Вейнер А. — 18
- Голдман В. — 199
- Горшенин К. П. (генеральный прокурор, позднее министр юстиции СССР) — 88, 92, 247
- Данхэм В. — 15–20
- Даскин Дж. Э. — 16
- Дэвис Р. У. — 8, 42
- Жданов А. — 14–15, 91, 132, 151, 200, 206, 333
- Зима В. Ф. — 31, 65, 88, 96–97, 138, 148, 189, 200, 352
- Зубкова Е. — 6, 11, 17–20, 73, 189, 338–339, 341–343, 345–346, 352
- Иванова Г. М. — 44–45
- Константинов Г. Ф. — 139
- Круглов С. Н. (министр внутренних дел) — 43, 106, 113, 207, 209, 220
- Кузнецов В. В. (председатель ВЦСПС) — 87, 117
- Любимов А. (министр торговли) — 112
- Маленков Г. — 15, 220, 343, 347, 352
- Ноув А. — 111
- Пронин В. (министр трудовых резервов) — 55
- Руденко Р. А. (прокурор Украинской ССР) — 249–250
- Сафонов Г. (генеральный прокурор СССР) — 221, 260, 332–333
- Соломон П. — 10, 48, 118, 205, 235, 300, 332
- Сталин И. В. — 13–15, 19, 24, 26–27, 32, 43, 46–47, 57, 69, 73, 91, 94, 106, 108, 115, 122–123, 137–139, 158, 162, 179, 197–198, 207, 210–211, 218, 220–221, 268–269, 304, 323, 326, 328–330, 332, 337–338, 340, 342, 344–347, 350–351
- Суслов М. — 196
- Фицпатрик Ш. — 8, 343
- Харрисон М. — 5, 9, 28, 32, 64
- Хрушев Н. С. — 5, 36, 138, 178, 220, 267, 290, 297, 322, 342–343, 347, 352
- Шверник Л. (председатель Президиума Верховного Совета СССР) — 121
- Шейнин Л. (работник прокуратуры) — 243
- Эллман М. — 72

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие и благодарности	5
Введение. Политические императивы послевоенного восстановления	13
1. Восстановление трудовых ресурсов. Свободный, рабский и кабальный труд	28
2. Продовольственный кризис 1946–1947 гг.	64
3. Период затухающего восстановления. Отмена карточной системы, жилищные условия, состояние здравоохранения	109
4. «Социализация» нового поколения. Положение молодых рабочих	160
5. Трудовая дисциплина и уголовный кодекс. Тщетность репрессий	212
6. Условия и организация труда на промышленных предприятиях, установление размеров заработной платы	266
Заключение. Рабочий класс и ренормализация общественных отношений сталинского типа.	323
Библиография	349
Указатель имен	356

Научно-популярное издание

История сталинизма

Фильцер Дональд

СОВЕТСКИЕ РАБОЧИЕ И ПОЗДНИЙ СТАЛИНИЗМ
Рабочий класс и восстановление сталинской системы
после окончания Второй мировой войны

Перевод с английского
Александра Леопольдовича Раскина

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Редактор *М. И. Лейко*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Л. Бородина*
Компьютерная верстка *Е. Ю. Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.07.2011
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 2000 экз. Заказ 2217

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

СОВЕТСКИЕ РАБОЧИЕ И ПОЗДНИЙ СТАЛИНИЗМ

Дональд Фильцер — профессор русской истории Университета Восточного Лондона. Помимо многочисленных статей по русской истории им написаны и опубликованы три исследования по вопросам трудовых отношений в Советском Союзе: *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941* (Лондон, 1986); *Soviet Workers and De-Stalinization. The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953–1964* (Кембридж, 1992); *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985–1991* (Кембридж, 1994); *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System After World War Two* (Кембридж, 2002); *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953* (Кембридж, 2010). В настоящее время он работает над новой книгой — *Health, Disease, and Mortality on the Soviet Home Front During World War II*.

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

